Дестабилизация или хотя бы ее угроза – неизбежная фаза развития любого общества. Настоящая работа является попыткой учесть, насколько это возможно, влияние некоторых политических и экономических факторов, как внешних, так и внутренних, на возможную дестабилизацию в различных обществах. Монография состоит из десяти глав, объединенных в пять частей, введения, заключения и приложения. В ней органически соединены теоретические исследования связи модернизации и нестабильности, что может вести к революциям, и исследования, которые устанавливают корреляцию между ростом ВВП, типом политического режима, уровнем урбанизации, образования и т. д., с одной стороны, и ростом опасности дестабилизации – с другой. Причем эта корреляция нелинейная и нередко не совпадает со здравым смыслом.

В последние годы в Мир-Системе происходят процессы, которые свидетельствуют о том, что она вступает в довольно длительную полосу повышенной турбулентности, и это делает исследование факторов нестабильности еще более актуальным. Причем начавшиеся процессы реконфигурации Мир-Системы с характерными для нее процессами нестабильности захватили не только полупериферийные зоны, но и ядро Мир-Системы. В монографии исследуются причины этих явлений и делаются прогнозы о развитии мирового порядка в ближайшие десятилетия.

ISBN 978-5-7057-5203-4

9 785705 752034

Издательство «Учитель»

Московская редакция
издательства «Учитель»
ул. Басовская, д. 16, стр. 1, Москва
Тел. (495) 788-39-19,
(8442) 42-17-71

www.sociostudies.org
www.socionauki.ru

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ

А. В. Коротаев,
Л. Е. Гринин,
Л. М. Исаев,
С. Э. Билюга,
И. А. Васькин,
Е. В. Слинько,
А. Р. Шишкина,
К. В. Мещерина

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
Факультет социальных наук

Лаборатория мониторинга рисков
социально-политической дестабилизации

А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин,
Л. М. Исаев, С. Э. Билюга,
И. А. Васькин, Е. В. Слинько,
А. Р. Шишкина, К. В. Мещерина

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы

Москва
Московская редакция издательства «Учитель»
2017

ББК 60.7 66.2 66.3

А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин, Л. М. Исаев, С. Э. Билюга, И. А. Васькин, Е. В. Слинько, А. Р. Шишкина, К. В. Мещерина

Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2017. – 344 с.

ISBN 978-5-7057-5203-4

Дестабилизация или хотя бы ее угроза – неизбежная фаза развития любого общества. Настоящая работа является попыткой учесть, насколько это возможно, влияние некоторых политических и экономических факторов, как внешних, так и внутренних, на возможную дестабилизацию в различных обществах. Монография состоит из десяти глав, объединенных в пять частей, введения, заключения и приложения. В ней органически соединены теоретические исследования связи модернизации и нестабильности, что может вести к революциям, и исследования, которые устанавливают корреляцию между ростом ВВП, типом политического режима, уровнем урбанизации, образования и т. д., с одной стороны, и ростом опасности дестабилизации – с другой. Причем эта корреляция нелинейная и нередко не совпадает со здравым смыслом.

В последние годы в Мир-Системе происходят процессы, которые свидетельствуют о том, что она вступает в довольно длительную полосу повышенной турбулентности, и это делает исследование факторов нестабильности еще более актуальным. Причем начавшиеся процессы реконфигурации Мир-Системы с характерными для нее процессами нестабильности захватили не только полупериферийные зоны, но и ядро Мир-Системы. В монографии исследуются причины этих явлений и делаются прогнозы о развитии мирового порядка в ближайшие десятилетия.

В целом настоящая монография содержит много интересных фактов, рассуждений и результатов проведенных нами исследований. Она будет полезна не только специалистам, но и всем, кто интересуется процессами дестабилизации и революций, в частности в различных обществах, их причинами, факторами и механизмами. Выход монографии актуализируется и в связи с тем, что в 2017 г. отмечается столетний юбилей Русской революции, оказавшей огромное влияние на весь ход истории в XX столетии.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Издательство «Учитель»
400079, Волгоград, ул. Кирова, д. 143.
Формат 60×90/16. Печ. л. 21,5. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано способом ролевой струйной печати в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499) 270-73-59.

ISBN 978-5-7057-5203-4
© Издательство «Учитель», 2017

Содержание

Введение 5

Часть первая. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Глава 1. Государство и кризисы в процессе модернизации 15

Часть вторая. УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

Глава 2. Корреляция между средним уровнем подушевых доходов и социально-политической нестабильностью 48

Глава 3. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций, тип режима и уровень образования 110

Глава 4. Экономическое развитие, социально-политическая дестабилизация и неравенство 132

Часть третья. ТИП РЕЖИМА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Глава 5. Промежуточный тип режима как фактор социально-политической нестабильности 156

Глава 6. Тип режима и интенсивность антиправительственных демонстраций 185

Часть четвертая. ДРУГИЕ ФАКТОРЫ, КОРРЕЛИРУЮЩИЕ С РОСТОМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

Глава 7. Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире 197

Глава 8. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации 217

Часть пятая. АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК ТРИГГЕР ГЛОБАЛЬНОГО ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА

Глава 9. Кондратьевские волны в протестной активности и события 2011 г. 237

Глава 10. Арабская весна как квазисуперкритическое явление? 253

Заключение. Мировой порядок, его изменения в истории и наступающий период глобальной турбулентности 263

Приложение. Методы и материалы. Описание и методология Cross National Time Series (CNTS) 298

Библиография 308

Сведения об авторах 342

Введение

Дестабилизация или хотя бы ее угроза – неизбежная фаза развития любого общества. Вопрос состоит в том, насколько общество способно ей противостоять, насколько оно институционализировано и адаптивно, используя характеристики С. Хантингтона [2004], к различным угрозам. Анализ показывает, что, с одной стороны, общества, способные добиться устойчивого порядка и его воспроизводства, в состоянии не только преодолеть такие угрозы, но и институционализировать механизмы, которые будут препятствовать возникновению подобных ситуаций. С другой стороны, опыт показывает, что институты стареют и становятся недостаточно эффективными. В результате они перестают предохранять общество от кризисов, как делали это раньше. Миграционный кризис, который ударил по Европе в начале 2015 г., едва не расколол ее, вызвав политическое замешательство в целом ряде государств, наглядно показал, что европейские страны на данный период разучились делать то, что им вполне хорошо удавалось в прежние эпохи – жестко охранять порядок и свои границы. Президентские выборы 2016 г. в США вызвали в американском обществе заметный раскол и небывалое со времен Гражданской войны противостояние в политической системе. И последствия этого противостояния пока не ясны. Это показывает, что индульгенции от дестабилизации нет ни у одного режима, ни у одного объединения. Но гораздо более восприимчивы к дестабилизирующим ситуациям и факторам общества и государства, где механизмы противодействия таким вызовам не институционализированы в необходимой степени. При этом различные факторы могут воздействовать на те или иные общества поразному, что связано с их историческими и политическими особенностями, к тому же реакция значительно зависит от конкретного момента и ситуации. Тем не менее некоторые тенденции и закономерности в отношении факторов, способных вызвать дестабилизацию, вполне можно установить.

Это подчеркивает важность исследования таких факторов, определения уровня их опасности, обстановки, в которой они могут проявить себя наиболее неожиданно и жестко, уровней показателей, которые являются индексами, указывающими на повышение опасности дестабилизации и т. п.

В настоящей монографии исследованы различные группы факторов, вызывающих риск дестабилизации, их сравнительная сила и ряд других обстоятельств. При этом важно также сочетание данных факторов (и учет комбинаций таких сочетаний, несомненно, представляет большие проблемы).

Любое общество можно рассматривать как систему, которая испытывает внутренние и внешние влияния. Учет силы этих влияний, баланс экзогенных и эндогенных факторов является одним из наиболее сложных видов анализа. Тем более что между ними существуют сложные прямые и обратные связи, которые могут как усиливать, так и ослаблять те или иные импульсы. Особенно важен этот учет для понимания причин успеха или неудачи серьезных преобразований. Еще более он важен при анализе состояний нестабильности, их причин, тем более таких крупных потрясений, как революции. Так, например, мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. оказал огромное влияние на события Арабской весны, особенно в виде так называемой агфляции. С другой стороны, такие, казалось бы, внутренние события, как выборы президента, становятся факторами глобального масштаба (тем более, если это касается сверхдержавы), способными вызвать политические трансформации в самых разных местах.

Настоящая работа является попыткой учесть, насколько это возможно, влияние некоторых политических и экономических факторов, как внешних, так и внутренних, на возможную дестабилизацию в различных обществах. Монография состоит из десяти глав, объединенных в пять частей, введения, заключения и приложения.

В **первой части** «Теоретические аспекты процесса дестабилизации» в *Главе 1* «Государство и кризисы в процессе модернизации» мы рассматриваем влияние модернизации на возможную дестабилизацию в обществе. На связь модернизации и опасность социально-политических кризисов указывали различные исследователи, начиная с Алексиса де Токвиля в «Старом порядке и революции», созданном в середине XIX в. [Токвиль 1997]. Особенно стоит отметить книгу «Политический порядок в меняющихся обществах» С. Хантингтона [2004], где он показал достаточно тесную корреляцию между модернизацией и нестабильностью. Это связано, по его мнению, с тем, что нередко экономические процессы в модернизирующихся обществах существенно опережают политические или, наоборот, вторые отстают от первых (и заметим, кста-

ти, что в последнем разделе мы показываем, как такой разрыв между политической и экономической составляющей глобализации вызывает большие напряжения и разрывы на уровне Мир-Системы). Также он справедливо указывает на то, что на психологическом уровне модернизация вызывает сильнейший сдвиг в ценностях, установках и ожиданиях, с чем очень многие люди оказываются не в состоянии справиться. Разумеется, есть и много других деформаций, которые способствуют возможным кризисно-дестабилизационным явлениям. С. Хантингтон приходит к справедливому выводу (сегодня, правда, не разделяемому сторонниками насаждения демократии), что революции – характерный признак модернизации. В своих исследованиях мы пришли к похожим выводам и существенно их развили.

Причины и механизмы возрастания такой напряженности заключаются в сложных структурных перестройках, связанных со значительными качественными и количественными изменениями, которые происходят в исторически короткие сроки. В частности, на изменение пропорций в модернизирующемся обществе значительно влияет рост населения, темпы которого увеличиваются в разы, а иногда и на порядок, при этом одновременно качественно меняется соотношение сельского и городского населения[1].

Механизмы срабатывания модернизационной ловушки могут быть разными, но все они связаны с возникновением того или иного кризиса именно в условиях предшествующего ему более или менее длительного подъема и роста.

Чаще всего модернизирующиеся общества – это общества авторитарные (либо недемократические, либо недостаточно демократические, в которых не сложились устойчивые демократические институты). Авторитарные общества имеют жесткую конструкцию. Поэтому они и подвержены революционной ломке, тогда как по-настоящему демократические общества, в которых выход социального недовольства может канализироваться в законные формы, революций не знают. Так, в 1848 г. в Европе и Англии наблюдался подъем социальной активности. Но в Англии дело обошлось мирными формами (чартизм), а в Европе произошли революции. На наш

[1] Отметим, что если роль урбанизации и городского населения как факторов возникновения революции Хантингтон исследует в целом основательно, то на роль усиления демографического давления в результате модернизации в создании условий для дестабилизации он обращает совершенно недостаточно внимания.

взгляд, наибольшую опасность для социальных потрясений представляют ситуации, когда происходит частичная (но неинституционализированная) демократизация, при которой начинается «перетягивание каната» между авторитарными и радикальными силами; а также ситуация, когда влиятельные радикальные силы, по природе своей и убеждениям недемократические, используют демократические свободы и выборы для захвата власти.

Более подробно социально-политическая дестабилизация, закономерно возникающая в процессе модернизации, рассматривается во **второй части** монографии «Уровень экономического развития и социально-политическая дестабилизация».

Наиболее важные выводы этого раздела касаются роста ВВП, и до определенного уровня такой рост (примерно в районе 12–20 тыс. долларов на душу населения) способствует повышению риска дестабилизационных процессов, что необходимо особо учитывать. Такие заключения развивают выводы, сделанные еще в классических работах М. Олсона [Olson 1963] и С. Хантингтона [Huntington 1968; Хантингтон 2004], о том, что между средним уровнем доходов на душу населения и социально-политической дестабилизацией существует не отрицательная корреляция, а криволинейная обратная U-образная зависимость[2]: наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны не с самыми низкими, не с самыми высокими, а со средними значениями доходов на душу населения. Одно из объяснений дает теория относительной депривации [см., например: Gurr 2015; Урнов 2008], которая показывает, что рост ожиданий в условиях быстрого развития опережает возможности общества. Мы также рассматриваем и другие объяснения.

Таким образом, изменение экономической ситуации является одним из важнейших предикторов возможной дестабилизации. Недаром волнения, различные формы протеста и революции гораздо чаще начинаются именно в период ухудшения экономической ситуации. Но и здесь сочетание внешних и внутренних факторов является крайне важным для понимания результирующей силы.

Можно согласиться с идеей С. Хантингтона, что самым важным, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма управления, а степень управляемости [Хантингтон 2004: 21]. Однако несомненно, что общества отличаются

[2] Сам С. Хантингтон говорил о «колоколообразной» (*bell-shaped*) зависимости [Huntington 1968: 43; Хантингтон 2004: 61].

устойчивостью к дестабилизации и по типам режима. Анализу этих корреляций посвящена **третья часть** «Тип режима и социально-политическая нестабильность: опыт количественного анализа». Проведенные нами эмпирические тесты с использованием баз данных *CNTS* и *Freedom House* в общем и целом подтвердили наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказываются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе с тем проведенное исследование позволило выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел очень существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была выражена сильнее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражаться заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий. Подробно этот вопрос освещается в *Главе 5* «Промежуточный тип режима как фактор социально-политической нестабильности».

Другой важный аспект затрагивается в *Главе 6* «Тип режима и интенсивность антиправительственных демонстраций». Проведенные нами исследования показали, что между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций наблюдается не отрицательная корреляция, а криволинейная U-образная зависимость: наиболее высокая интенсивность антиправительственных демонстраций характерна для стран не с самыми низкими, не с самыми высокими, а со средними значениями ВВП на душу населения. Таким образом, для более высоких значений подушевого ВВП характерна отрицательная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций, а для более низких – положительная. При этом откровенно сильная ($r = 0{,}935$, $R^2 = 0{,}875$) статистически значимая положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью

антиправительственных демонстраций прослеживается в очень широком интервале (вплоть до 20 000 долларов 2014 г. по паритету покупательной способности [ППС]). Данная корреляция частично объясняется следующими обстоятельствами. 1) Рост ВВП в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию, а значит, и к интенсификации антиправительственных демонстраций. А так как в нашей базе данных (как, впрочем, и в реальности) авторитарные государства составляют очень высокий процент от числа всех государств с низкими значениями подушевого дохода, эффект роста внутреннего давления на авторитарные режимы в сторону демократизации по мере экономического роста в определенной степени (но никак не полностью) объясняет обнаруженную нами сильную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для слабо- и среднеразвитых стран. 2) В интервале подушевого ВВП до 20 тыс. долларов увеличение данного показателя достаточно сильно коррелирует со снижением доли авторитарных режимов и увеличением доли режимов неавторитарных (демократических и промежуточных). Наличие же неавторитарных режимов в данном диапазоне значимо положительно коррелирует с более высокой интенсивностью антиправительственных демонстраций. Это и есть еще один механизм, обусловливающий наличие сильной положительной корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в интересующем нас диапазоне. Вместе с тем проведенный нами дополнительный анализ показал, что оба вышеописанных механизма, вместе взятые, не объясняют выявленную нами корреляцию в полной мере, что означает необходимость поиска дополнительных механизмов и факторов.

Некоторые из внешних факторов мы рассматриваем в **части четвертой** нашей монографии «Другие факторы, коррелирующие с ростом протестной активности». В свое время нефтяные шоки, связанные с резким повышением ОПЕК цен на нефть (в 1973 г.), существенно дестабилизировали ситуацию в США и Европе, вызвали там мощнейший после Второй мировой войны кризис и усиление протестного движения. Падение цен на нефть в 1980-е гг. стало одной из причин крушения СССР, а также дестабилизации в ряде нефтеэкспортирующих стран – наиболее ярким примером выступает Алжир. Продолжающаяся череда низких цен привела к дефолту в России в 1998 г. Зато новый подъем резко увеличил ее

возможности. Таким образом, в *Главе 7* «Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире» мы исследуем влияние фактора зависимости от нефтяной отрасли и колебаний цен на нефть на внутреннюю ситуацию в различных странах. Проведенный анализ показал, что затяжное падение цен на нефть ведет к росту социально-политической нестабильности в государствах – экспортерах нефти, а систематическое их повышение служит мощным фактором социально-политической стабилизации.

В *Главе 8* «О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации» содержатся результаты проведенного нами эмпирического анализа, который дает дополнительные подтверждения гипотезы о том, что динамика солнечной активности может быть статистически значимым фактором социально-политической дестабилизации. В проведенном исследовании базы данных *CNTS* за 1946–2012 гг. корреляция между уровнем солнечной активности, измеряемым при помощи чисел Вольфа, и интегральным индексом глобальной социально-политической дестабилизации оказалась статистически значимой на уровне 0,0025. Сила корреляции при этом составила 0,344 (R^2 = 0,118). Сохраняющееся до сих пор настороженное отношение к солнечной активности как к фактору социально-политической дестабилизации объясняется в высокой степени тем обстоятельством, что первое поколение исследователей этого фактора было склонно преувеличивать его значимость, рассматривая всплески солнечной активности как едва ли не главную причину, генерирующую революции. Разумеется, это не так. Тем не менее и полностью отрицать какое-либо воздействие этого фактора не является правильным. Правда, похоже, оказывается посередине: проведенное нами исследование подтверждает, что солнечная активность – это статистически значимый фактор, но при этом сила его действия достаточно слаба. В нашем тесте он объясняет около 12 % всей вариации интегрального индекса глобальной социально-политической дестабилизации. При этом достаточно примечательно, что уровень солнечной активности продемонстрировал статистически значимую корреляцию с массовыми беспорядками, а не с мирными демонстрациями. Таким образом, объяснять начало революций ростом солнечной активности, конечно, нельзя. Но учитывать этот фактор при планировании

практической политической протестной деятельности, по всей видимости, не будет лишним.

Имеются основания предполагать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности. При этом данный фазовый переход чем-то напоминает аналогичный начала 1960-х гг. Первый (после 1919 г.) фазовый переход такого рода произошел в начале 1960-х гг. и был связан с ростом глобальной информационной связанности после Второй мировой войны и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. Фазовый переход начала 2010-х гг. был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, «Твиттер», мобильная телефония, социальные сети и т. п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно. Подробно данные процессы рассматриваются в **части пятой** настоящей монографии «Арабская весна как триггер глобального фазового перехода», в *Главе 9* «Кондратьевские волны в протестной активности и события 2011 г.» и *Главе 10* «Арабская весна как квазисуперкритическое явление?».

Завершает работу *Заключение*, которое посвящено современному и прогнозируемому будущему мировому порядку (история мирового порядка служит объяснением тех подходов, которые используются для анализа современного состояния и предвидения будущих трансформаций), анализируется современный баланс сил и его сдвиг. Мы приходим к выводу, что в настоящее время Мир-Система вступила в весьма турбулентную эпоху, которая продлится порядка 10–20 лет. Эта турбулентность будет связана с процессами преобразования, реконфигурации мирового порядка и мирового политического ландшафта. Это станет своего рода переходной эпохой к более устойчивому новому мировому порядку, установление которого будет непростым. Соответственно, указанные про-

цессы не могут не повлиять на возможные проявления дестабилизации в разных странах.

Основные векторы указанной реконфигурации − ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом увеличение роли развивающихся стран. При этом необходимо иметь в виду, что подтягивание (политической составляющей глобализации к экономической, поскольку первая отстала от второй) происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах. Мы рассматриваем кризисы и потрясения, например на Ближнем Востоке и Украине, именно как реконфигурационные кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. При этом становится все более вероятным возникновение мощных и, вероятно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». Данный тезис, на наш взгляд, полностью отражает ситуацию на Украине, где и общество, и территория раскололись, и очень вероятны дальнейшие разломы.

На стыке геополитических «плит» находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Сянцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что кризисы обязательно произойдут).

Нами также анализировались пять главных зон нестабильности, которые условно можно обозначить как Центральноазиатскую (включающую Афганистан и Пакистан), Ближневосточную, Североафриканскую, регион Сахеля и Тихоокеанскую [Коротаев и др. 2014]. При этом последняя явно выделяется из общего списка, распространяясь исключительно вдоль границ Китайской Народной Республики и являясь скорее следствием китайских внешнеполитических приоритетов и амбиций. Что же касается остальных реги-

онов, то они в совокупности представляют собой единую непрерывную «афразийскую макрозону нестабильности» [см. также: Коротаев, Исаев 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2015].

Таким образом, дестабилизация способна наступить в наиболее слабых (в смысле устойчивости к потрясениям) обществах. Однако начавшиеся процессы реконфигурации с характерными для нее процессами нестабильности захватили не только полупериферийные зоны, но и ядро Мир-Системы. Брекзит Великобритании усилил процессы нестабильности не только в ней самой (свидетельство чему – новое оживление сепаратизма в Шотландии), но и в целом в Европейском союзе. В ряде его стран наблюдается движение в сторону евроскептицизма с вытекающими отсюда последствиями. А победа Д. Трампа, как уже сказано, влияет и будет влиять на внутреннюю ситуацию в США. Таким образом, становится очевидно, что в некогда, казалось бы, совершенно благополучных обществах нарастает раскол.

В целом настоящая монография содержит много интересных фактов, рассуждений и результатов проведенных нами исследований. Она будет интересна не только специалистам, но и всем, кто интересуется процессами дестабилизации и революций, в частности в различных обществах, их причинами, факторами и механизмами. Выход монографии актуализируется и в связи с тем, что в 2017 г. отмечается столетний юбилей Русской революции, оказавшей огромное влияние на весь ход истории в XX столетии.

Часть первая
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Глава 1. Государство и кризисы в процессе модернизации

Государство – это та политическая форма организации общества, в рамках которой только и возможна институционализация тех отношений и условий, благодаря которым поддерживается стабильность в обществе. Современное государство также способно либо непосредственно, либо создав необходимые условия обеспечить движение общества к более развитому состоянию, то есть обеспечить осуществление модернизации в области экономики, культуры, образования, демографии и т. д. В то же время именно политическая система государства чаще всего становится объектом недовольства тех или иных слоев, может испытывать кризис в условиях роста дестабилизационных явлений. В крайнем случае (например, революций) политическая система испытывает коллапс, что обычно ведет к весьма серьезным и тяжелым последствиям. Особенно подвержены опасности дестабилизации государства в процессе ускоренной модернизации общества.

Отсюда можно считать неслучайным рост интереса к такому аспекту, как национальное или государственное строительство в молодых государствах, а также к проблеме так называемых несостоявшихся или недееспособных государств (failed states).

Проблемы кризисов и коллапсов государства в связи с модернизацией важно рассматривать не только в современном аспекте, но также в исторической ретроспективе, в широком, мир-системном масштабе. В настоящем разделе данные проблемы рассматриваются в различных аспектах и ракурсах.

Вводные замечания

Развитие государства и государственности – одна из важнейших тем не только в историографии, но и в социальных науках в целом. В этом плане можно считать неслучайным рост интереса к такому аспекту, как национальное или государственное строительство в молодых государствах [см. например: Fukuyama 2006; Dobbins *et al.* 2007; Cliodynamics 2012; см. также: Grinin 2012*a*] (в английском языке термины *nation-building* и *state-building* нередко различают, хотя иногда используют и в качестве синонимов; мы применяем

эти термины как синонимы), и проблеме так называемых несостоявшихся или недееспособных государств (failed states). Однако при анализе этих проблем исключительно полезно рассмотреть их в исторической ретроспективе и в широком, мир-системном масштабе.

Здесь важно иметь в виду то обстоятельство, что именно ускоренное развитие в разных сферах является условием системного кризиса, способного нанести обществу огромный ущерб, хотя в дальнейшем, спустя довольно длительное время, такой кризис может дать импульс к позитивным трансформациям. Учет этого аспекта важен уже потому, что в качестве рекомендаций для государственного строительства формулируется необходимость экономической реконструкции и развития [Dobbins *et al.* 2007], то есть фактически быстрого экономического развития (в противном случае экономику невозможно реконструировать и развивать). Создать современное государство без современной экономики невозможно, однако нельзя игнорировать тот факт, что именно перед быстроразвивающимися обществами возникает опасность попасть в ловушки быстрой трансформации. Нельзя забывать, что в мире еще очень много государств, которые находятся в процессе модернизации или только приступают к ней.

Следовательно, в процессе государственного строительства особое внимание должно быть уделено предотвращению таких диспропорций в социально-политической системе, которые способны ее взорвать, а значит, возникает необходимость поиска внутреннего консенсуса при сохранении вектора развития.

В первой части данной главы дается краткий анализ некоторых типичных причин коллапса государств в прошлом и слабости ряда современных государств, в том числе в связи с процессом глобализации. Во второй (основной) части даются описание и анализ механизма модернизационной ловушки (то есть закономерного социально-политического кризиса, возникающего в процессе модернизации), в которую попадает общество в попытке преодолеть отсталость. Это происходит в результате того, что многие традиционные институты и отношения, а также идеология не успевают за изменениями в технологиях, коммуникациях, образовании, медицине и демографической структуре. В условиях таких диспропорций в обществах нарастают радикальные настроения и возникает революционный кризис.

Государство и его коллапс

Необходима разработка типологии случаев государственных коллапсов и глубоких кризисов, в частности в связи со следующими причинами:

а) усложнением самой государственности (то есть это кризисы и коллапсы, характерные для разных эволюционных типов государства);

б) комбинацией внешних и внутренних факторов;

в) особенностями самой социально-политической системы, ядром или важнейшей частью которой всегда так или иначе является государство;

г) ростом глобальных системных связей, при которых неизбежным является разрушение некоторых, а нередко и многих, государственных и политических систем;

д) трансформацией некоторых черт государственности в связи с возникновением более крупных, чем типичные политические системы, образований[1].

Далее мы рассмотрим некоторые из указанных факторов.

Системные и эволюционные причины кризисов

История государственности за все пять тысяч лет ее существования – это одновременно и история государственных кризисов и коллапсов, причины которых многообразны. Важнейшие из них можно определить как системные и эволюционные. Системные причины могут быть определены как причины, проистекающие либо из характеристик, которые являются неотъемлемой частью той или иной системы, либо из неспособности данной системы адекватно реагировать на изменение внешней среды. Так, в ранних государствах характеристикой политической системы, которая может стать причиной глубоких кризисов, часто является архаический способ передачи власти, например, не от отца к сыну, а от брата к брату.

Можно также указать на недостаточную «пригнанность» общества и государства. Это, в частности, характерно для молодых, недавно образовавшихся государств в тех районах, где государственность не была развита (например, Африка южнее Сахары), в кото-

[1] Этот процесс явственно наблюдался при образовании централизованных государств или крупных империй, а сегодня проявляет себя в процессе глобализации, например при распаде государств с многонациональным составом населения.

рых население мыслит себя в ином социальном пространстве (деревни, племени, народности и т. п.). Между тем потребность в государственности, причем в форме определенного политического режима, должна стать имманентной общественному сознанию, что требует столетних государственных традиций. В этом плане нельзя не обратить внимание на то, что большинство ныне существующих стран (а в Тропической Африке – абсолютное большинство) имеют очень короткую – в пределах всего нескольких десятилетий – историю национальной независимости и соответственно суверенности. Неудивительно, что в рейтингах «недееспособности» государств мира африканские страны стабильно занимают первые места [Fragile… 2015] (Рис. 1.1). Условия для системного кризиса могут сложиться в случае, когда уровень техники и технологии (особенно военной) намного превышает уровень государственности. Это еще одна из причин формирования слабых или недееспособных государств.

Рис. 1.1. Карта недееспособных государств (failed states)

Источник: Fragile… 2015.

Примечание. Темным закрашены недееспособные государства.

Главные эволюционные причины кризиса и коллапса государств связаны с тем, что государственные формы так или иначе должны соответствовать общему уровню развития обществ. При существенном повышении этого уровня возникает потребность в радикальном

изменении государственных институтов. Однако такая трансформация не происходит автоматически, она связана с глубокой перестройкой и соответственно кризисами, поскольку:

а) переход на новый уровень развития государственности способны осуществить далеко не все государства;

б) такой переход сопровождается увеличением средних размеров политических образований, что достигается путем добровольного либо принудительного объединения государств и политических единиц прежнего типа (для чего существующие политические единицы часто должны распасться или вовсе исчезнуть);

в) переход на новый эволюционный уровень требует новых организационных форм и политических режимов. Так, переход к развитым государствам (см. ниже) в раннее Новое время в Европе потребовал перестройки феодальных небюрократических монархий в абсолютные монархии с бюрократическим аппаратом, что вызвало глубокий кризис государственности в ряде европейских регионов (в частности, Италии и Германии). А переход к зрелой государственности (см. далее) в XIX в. потребовал трансформации абсолютных монархий в конституционные, что привело к целой серии кризисов и революций.

В политической антропологии имеется схема двух эволюционных типов государства: раннего и зрелого [Claessen, Skalnik 1978; 1981; Claessen *et al.* 2008], но в настоящий момент более релевантной является схема: раннее – развитое – зрелое государство [см., например: Grinin, Korotayev 2006; Grinin 2008*a*; 2011*b*; Гринин 2010*б*]; это признал и сам Х. Й. М. Классен [Claessen *et al.* 2008].

Ранние государства – недостаточно централизованные государства. Они политически оформляют общества с неразвитой административной и социальной структурой.

Развитые государства – централизованные государства поздней Древности, Средних веков и раннего Нового времени.

Зрелые государства – государства индустриальной эпохи. Они политически организуют общества, где исчезли сословия и образовались социальные классы индустриального общества (буржуазия и пролетариат), где появилась представительная демократия или конституционная монархия[2].

[2] Отметим, что сформировавшийся в 1950–1970-е гг. тип государства всеобщего благоденствия уже не соответствовал классическим характеристикам зрелого государства как государства классового с определенными ограничениями политических прав.

Причины кризисов и коллапсов, равно как и их формы, в каждом эволюционном типе государственности существенно различались. Так, для ранних государств более всего характерны кризисы децентрализации, в результате которых они обычно не воссоздавались в тех же самых границах и политических формах. Новое государство чаще всего было уже иным (по границам, названию, этническому составу и т. п.) (о кризисах в ранних государствах см.: Гринин 2010*б*; 2011*a*; Grinin 2011*b*; 2017).

В отличие от ранних государств развитые в случае децентрализации гораздо чаще воссоздавались в относительно тех же границах и с явной претензией на преемственность (классическим примером является Китай). Из всех известных ранних государств не испытывали кризис децентрализации только аристократические/олигархические государства, имеющие в то же время институты демократии (см., например: Гринин 2006; Grinin 2004; 2008*b*). Так, Римская республика никогда не распадалась на территории, стремящиеся к самостоятельному существованию. Однако как крупные олигархическо-демократические государства, так и мелкие демократические полисы сталкивались с другого рода кризисами: политическими переворотами и революциями, а также гражданскими войнами. Таким образом, уже древняя история демонстрирует, что типы социально-политических кризисов существенно зависят от формы политического режима. Примечательно, что сегодня глубокие политические кризисы, способные привести к коллапсу системы, в гораздо меньшей степени свойственны традиционно демократическим обществам, но зато характерны для молодых демократий или псевдодемократий.

В ранних и развитых государствах были нередки кризисы, связанные с борьбой за трон. Зато их не было (или почти не было) в зрелых государствах, поскольку для них характерно упорядочение (в том числе и в виде четких законодательных актов) процесса передачи власти. Решение этой на первый взгляд простой, но практически трудноосуществимой задачи свидетельствовало о высоком политико-правовом уровне, достигнутом зрелыми государствами (Гринин 2010*б*). Однако бичом для них стали социальные революции (неизвестные в таком виде развитым государствам). Социальные революции (как мы увидим ниже) тесно связаны с модернизацией страны. Для зрелых же государств характерны также и революции, обусловленные недостаточной степенью демократизации.

Мир-системные кризисы

С эволюционными кризисами тесно связаны те, которые можно условно назвать мир-системными. В отличие от системных, определяемых особенностями конкретных государств/обществ и их непосредственного окружения, мир-системные кризисы связаны с масштабным расширением или серьезным переструктурированием Мир-Системы. В этом случае возникают новые политические конфигурации, которые могут разрушать старые системы государств либо создавать в них глубокие кризисы. Понятно, что такие изменения происходят только в результате значительных эволюционных сдвигов и при этом сами существенно влияют на эволюцию государственности.

Один из таких мир-системных кризисов возник в период конца XV–XVI вв., когда одновременно происходили несколько крупнейших процессов: шел первый этап промышленной революции, начался переход к ранней глобализации, имела место также военная революция, требующая существенных изменений в государственной системе. Неудивительно, что именно в этот период образовался целый ряд развитых государств в Европе и Азии. Такая модернизация особенно заметно прошла в Турции и России, но также в Иране и Индии [Гринин 2007*а*; 2010*б*; Гринин, Коротаев 2016]. В то же время она поглотила множество государств, во многом разрушила прежнюю политическую систему (в частности, в результате завоеваний османов, России и Ирана, а также изменения границ в Европе). Следующая волна мир-системного кризиса прошла в XVII в. и была связана с новым феноменом – международной инфляцией (революцией цен), которая негативно отразилась на внутреннем состоянии ряда стран, включая Турцию и Китай, а также усилила проблемы в Англии.

В современный период в связи с новой фазой глобализации также имеют место мир-системные эффекты, ведущие в тех или иных странах и регионах к политическим кризисам и коллапсам. Одним из первых таких крупномасштабных кризисов был развал социалистической системы и вместе с этим многонациональных социалистических государств (СССР, Чехословакии, Югославии). Сегодня мы наблюдаем кризис государственности (в сложившейся в течение ряда десятилетий форме более или менее авторитарных режимов при внешних признаках демократии) в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, который

является результатом сложного сочетания внутренних и внешних причин [Гринин 2012*а*; Гринин, Коротаев 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; см. также *Заключение*].

Укажем только на наиболее общую из них. В предшествующие десятилетия в процессе глобализации экономические процессы значительно опередили политические. А поскольку такое опережение не может постоянно возрастать, в настоящий момент происходит болезненное, кризисное подтягивание политической составляющей, ведущей к разрушению тех или иных режимов. Арабская весна стала одним из звеньев такого подтягивания. Почему данный процесс начался именно в арабских странах? Одно из объяснений состоит в том, что разрыв между уровнем развития экономики, технологии и образования, с одной стороны, и ментальности, влияния религии на жизнь, быт, право и многие другие стороны жизни – с другой, в этом регионе является наибольшим среди всех остальных цивилизаций и культурных областей (подробнее см.: Гринин 2012*а*; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; см. также *Заключение*).

Остановимся и на другом мир-системном процессе, который так или иначе затронул все государства мира, став в ряде случаев причиной глубоких кризисов. Речь идет о том, что глобализация вызвала эффект трансформации суверенитета, в основном в форме сокращения (как вынужденного, так и добровольного) суверенных прерогатив [Гринин 2005; 2008*б*; Grinin 2011*b*; 2012*а*; Гринин, Коротаев 2016; Grinin, Tsirel, Korotayev 2015]. Среди различных аспектов изменения модуса суверенности особо отметим два момента: первый связан с ростом сепаратизма и сецессионизма, а второй – с так называемыми неустойчивыми и недееспособными государствами.

Существует целый ряд теорий, в которых различается «качество» суверенитета разных по уровню и степени самостоятельности стран, например так называемых квазигосударств, слабых (fragile states), недееспособных, «дефектных», «неполных» государств и т. д.

Отметим, что несостоявшиеся (недееспособные) государства – это либо страны, не имевшие традиций государственности (о чем выше уже шла речь)[3], либо страны, в которых она имелась спора-

[3] Исключительно яркий пример – Чечня, имевшая все возможности для создания независимого государства, но не реализовавшая их во многом потому, что чеченцы исторически никогда не жили в условиях самостоятельной государственности (за исключением периода борьбы Шамиля за независимость в XIX в., но и тогда это было горское, многонациональное, исламское, а не чисто чеченское государство). А их жизнь в границах России и СССР

дически или не проникала глубоко в жизнь, образуя более или менее непрочную надстройку, а основная часть населения управлялась иными (негосударственными) формами. Там, где традиции государственности сильнее, имеется больше шансов преодолеть тяжелый кризис (таковыми оказались Эфиопия, Кампучия, Лаос).

Недееспособное государство в той или иной степени становится нарушителем международного порядка (торговля наркотиками, репрессии, пиратство, похищение людей, терроризм и т. п.). Возникает разрыв между номинальным статусом территории и реальностью. Такие страны выпадают из нормальной системы международного разделения труда, коммуникаций, туризма, не в состоянии войти в региональные международные организации или реально в них работать. Если исходить из того, что внутренний кризис государства часто отражает одновременно особенности государства и уровень развития государственности в мире, то сложность ситуации с недееспособными государствами заключается в следующем. С одной стороны, они явно не отвечают современным критериям государственности в отношении поддержания порядка внутри страны и (как следствие) в соблюдении принятых на международном уровне норм. Поэтому с их суверенитетом могут не считаться, совершать против них акты более или менее оправданной агрессии (вводить санкции и т. п.). Но, с другой стороны, уровень международных отношений сегодня таков, что он не допускает аннексии или расчленения подобных государств. В итоге складывается ситуация обратной положительной связи: чем больше отсталость, тем больше она увеличивается в сравнении с другими странами. Возникает очень длительный и тяжелый (почти перманентный) внутренний кризис, для разрешения которого не сформировались социально-политические силы, но в то же время исчезнуть с политической карты в качестве самостоятельной политической единицы недееспособные государства не могут.

Противоречие между возможностями государства, с одной стороны, и его обязательствами перед наднациональным сообществом, а равно обязательствами этого сообщества в целом – с другой, сегодня можно увидеть в самых разных аспектах. Например, долговой кризис в Греции выливается в этой стране уже в течение длительного времени в кризис социально-политический, для раз-

была демонстрацией антигосударственных традиций клановости, несоблюдения законов, использования рабского труда, а при возникновении подходящих условий в период реальной независимости – набегов на соседние территории и разбоя.

решения которого задействованы силы всей Европы и даже мира. Между тем в другой ситуации наиболее простым выходом из положения, причем многократно опробованным ранее в истории многих стран, стала бы девальвация драхмы, которая резко снизила бы уровень жизни в Греции, но не слишком затронула другие страны и дала бы импульс для развития греческой экономики. Однако сегодня понятно, что односторонняя девальвация в зоне евро немыслима. В этой обстановке мысль о выводе (полном или частичном) Греции из зоны евро обретает сторонников при каждом обострении долговой ситуации.

В условиях нарастания процесса трансформации национального суверенитета, роста значимости наднациональных союзов и развития глобализации можно ожидать все новых и зачастую трудноразрешаемых кризисов, которые окажутся тесно связанными с переходом на новый эволюционный уровень развития и мир-системными особенностями момента.

Мальтузианские и модернизационные ловушки и кризис государства

Следует различать два типа механизмов, создающих большую опасность для стабильности общества: мальтузианские и модернизационные ловушки. Первый тип характерен для достигших высокого уровня развития аграрно-ремесленных государств, в которых в результате длительного демографического роста усиливалось перенаселение, что создавало условия для социального кризиса и коллапса. Выход из мальтузианской ловушки может произойти в результате модернизации общества и перехода к индустриальному принципу производства. Однако в период модернизации в обществе происходят сильные структурные изменения и возникают диспропорции, оно находится в неустойчивом положении, что ведет к опасности социально-политических кризисов. Вот почему уже в процессе или в результате выхода из мальтузианской ловушки для социума резко повышается опасность попадания в ловушки нового типа – модернизационные. Ряду стран Тропической Африки еще вполне реально угрожает мальтузианская ловушка, особенно в связи с тем, что демографические прогнозы на XXI в. для них обещают многократный рост населения. Модернизационные ловушки еще более распространены в современном мире, поэтому их анализ релевантен для прогнозирования рисков политической нестабильности в развивающихся странах.

Социально-демографические циклы в сложных аграрных обществах

Цикличность – один из важнейших способов эволюции. В аграрно-ремесленных обществах социально-демографические ограничения вели к цикличности в форме социально-демографических или политико-демографических циклов[4]. В государстве рано или поздно возникало перенаселение, которое вело к напряжениям и социально-демографическим кризисам. В результате последних численность населения заметно снижалась. Затем вследствие того, что сократившееся население оказывалось лучше обеспечено землей, вновь начинался период демографического роста, а вместе с этим и новый демографический цикл. В целом этот источник цикличности был распространен, по крайней мере, до второй половины XIX в. Подробнее механизм цикла описан ниже.

Тем не менее необходимо отметить, что демографические циклы характерны не для любого аграрного общества, а только для сложных и особенно сверхсложных аграрных обществ, где имеются уже достаточно эффективные государственные механизмы, поддерживающие социальный порядок. Только порядок и внутренний мир могли создать условия для значительного хозяйственного подъема и роста населения, приближающегося при данном технологическом уровне к потолку емкости экологической среды [Гринин 2007*б*; Гринин, Коротаев 2012]. И чем прочнее порядок и более эффективно государство, тем вероятнее возникновение таких циклов.

Аграрное общество и мальтузианская ловушка

Механизм, который лежит в основе социально-демографических (вековых) циклов, получил название *мальтузианской ловушки* (*Malthusian trap*), под которой следует понимать почти неизбежную опасность оказаться в ситуации тупика и социально-структурного кризиса вследствие перенаселения, которое становится возможным именно в результате быстрого и успешного развития. Ловушкой данное явление можно назвать потому, что общество становится невольным заложником собственных достижений, и чем успешнее развитие, тем вероятнее попадание в ловушку (чем лучше условия для развития производства и жизни, тем быстрее растет население

[4] В классическом виде, например в Китае Средневековья и Нового времени, это были демографические циклы, теснейшим образом связанные с политическим (династийным) и социальным кризисом.

и заполняется экологическая ниша). Общество попадает в подобную ловушку, поскольку в долгосрочной перспективе темпы роста общественного производства отстают от темпов демографического роста, в результате чего не происходит увеличения производства ВВП на душу населения и улучшения условий существования подавляющего большинства населения. Последнее остается на низком уровне, для определенных социальных слоев даже близком к уровню голодного выживания. Это в общем-то *типичное для доиндустриальных обществ* явление было впервые замечено и проанализировано Т. Мальтусом (Malthus 1798; 1978 [1798]).

Суть данного механизма заключается в следующем. При некоторых условиях, таких как внедрение инноваций или – что более трагично – временное сокращение численности населения, существенно повышается потолок емкости среды, что открывает возможности для хозяйственного роста и временного повышения уровня жизни. В результате этого, а также благодаря улучшению питания снижается смертность, тогда как рождаемость сохраняется на прежнем уровне или даже увеличивается. Все это приводит к ускорению темпов демографического роста в сложных и сверхсложных аграрных обществах. В результате в течение двух-трех поколений свободные ресурсы земли и приложения труда исчерпываются. Но поскольку демографический рост продолжается, в обществе начинает ощущаться перенаселение, что создает все большее напряжение, которое при определенных условиях может перерасти в глубокий кризис.

Отметим, что в тех случаях, когда высокий уровень развития государства позволял сохранять внутренний мир в течение целого ряда поколений, а государство или иные институты общества стимулировали развитие технологии (как в Сунском или Цинском Китае), численность населения достигала очень высоких для данной эпохи значений[5]. Однако в итоге система оказывалась в неустойчивом положении. При ослаблении государственного строя, обострении социальной борьбы, внешнем поражении или неоднократных

[5] Так, в Китае (начиная с периода династии Сун и особенно в период династии Цин) в результате активизации деятельности на внутренних процессах были выведены особо урожайные и скороспелые сорта риса, которые позволили довести население этой страны до колоссальной (даже и по сегодняшним меркам) цифры в 400 млн человек (см., например: Ho Ping-ti 1956; Perkins 1969: 38; Shiba 1970: 50; Bray 1984: 491–494, 598; Korotayev *et al.* 2006: 54–64; Илюшечкин 1986: 207; Дикарев 1991: 71–72; Крюков и др. 1987: 63; Хохлов 1972: 30).

неурожаях возникали кризисы, которые могли перерасти в социально-демографическую катастрофу. И чем больших успехов достигало общество в обеспечении условий для роста населения, тем сильнее могло быть его сокращение в результате социально-демографической катастрофы.

Выход из мальтузианской ловушки: условия и длительность

В доиндустриальный период попытки *сверхсложных доиндустриальных обществ преодолеть ресурсные ограничения среды приводили к попаданию этих обществ в мальтузианскую ловушку:* стимулированный определенными условиями рост населения в итоге вел к тому, что государство на каком-либо этапе оказывалось уже неспособным обеспечить ни адекватный рост производства, ни поддержание необходимых социальных условий (включая внутренний порядок и внешний мир) для этого [Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2012][6].

Фактически аграрное общество, борясь с проблемами, связанными с ростом населения, подходит в этой ситуации к пределу своих возможностей. Рано или поздно возникает и социально-политический кризис, нередко ведущий к коллапсу государственности и вытекающей из этого гуманитарно-демографической катастрофе.

Но мальтузианская ловушка связана не только с неспособностью общества технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства таким образом, чтобы она росла быстрее увеличения населения Земли. Важно также, что не имеется устойчивой системы такого международного разделения труда, при котором ряд государств мог бы сосредоточиться на производстве промышленной продукции, обеспечить этим более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения, ввозя недостающее продовольствие.

Чтобы начался процесс выхода из мальтузианской ловушки, необходимы рост товарности общества и возможность стабильно реализовывать излишки продовольствия из мест, где производится

[6] Тем не менее постепенно потолок емкости среды за счет технологических и социальных инноваций повышался, в результате чего численность населения мира росла. А в Китае этот потолок вырос с 50–60 млн человек в эпоху Хань до более чем 410 млн в XIX в. в эпоху династии Цин [Илюшечкин 1986].

его избыток, в места, где имеется его нехватка, а также достаточно высокие цены на сельскохозяйственную продукцию, которые стимулировали бы рост инвестиций в ее производство. Такие условия первоначально сложились в некоторых странах Северо-Западной Европы, особенно в Англии и Голландии во второй половине XVI в. [Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009].

В итоге выход из мальтузианской ловушки начался в Англии еще до промышленного переворота [Там же], особенно в ходе так называемой аграрной революции последних десятилетий XVII и первой половины XVIII в. Но завершается он уже в условиях индустриальной модернизации (роста фабричной промышленности, урбанизации, образования, развития средств коммуникации, товарности). Таким образом, в рамках истории Мир-Системы выход занял длительную эпоху, растянувшись на три века: со второй половины XVI до середины XIX в., по крайней мере, до отмены хлебных законов в Англии в 1847 г. Во второй половине XIX в. сложилось развитое международное разделение труда, когда те или иные общества могли специализироваться на производстве непищевой продукции, восполняя импортом недостающий объем продовольствия. В результате все больше стран стало выходить из мальтузианской ловушки.

Процессы и типы модернизации

Таким образом, прочный выход из мальтузианской ловушки связан с модернизацией общества. Вот почему, как сказано выше, некоторые общества, особенно в Тропической Африке, не вполне вышли из нее даже к настоящему времени, ведь модернизация в них еще очень далека от завершения.

Хотя понятие модернизации многозначно, а потому точное его определение вызывает споры, в целом смысл этого понятия более или менее очевиден. Нами *модернизация рассматривается главным образом как процесс перехода того или иного общества (и Мир-Системы в целом) от архаического (сверхсложного аграрно-ремесленного) к индустриальному* [Хантингтон 2004; Травин, Маргания 2004; Побережников 2006; Нефедов 2007; Яковлев 2010; Гринин 2007*а*; 2011*а*; 2013*б*]. Этот процесс связан с ускоренным развитием общества и обычно включает в себя в комплексе:

- развитие товарного сектора и денежного обращения;
- развитие промышленности;

- рост урбанизации;
- развитие системы образования, рост общей и санитарно-медицинской культуры;
- существенные изменения в демографической модели развития (так называемые первая и вторая фазы демографического перехода);
- переход к экономической модели расширенного воспроизводства, которая тесно связана с экономическими циклами развития нового типа и т. п.;
- политико-правовые изменения, которым, однако, политическая элита особенно часто и упорно сопротивляется. И это является одной из важнейших причин модернизационных кризисов (см. ниже).

Процессы модернизации охватывают достаточно длительную эпоху и имеют в каждом обществе свои значительные особенности; тем не менее можно выделить несколько типов модернизации: *естественно-историческая, догоняющая* и *насильственная*.

Модернизация идет естественно-историческим путем в обществах, которые первыми в истории осуществляют эти процессы. В этом случае она растягивается во времени. Однако в подобных обществах-первопроходцах отсутствует необходимый исторический опыт решения новых проблем (данный опыт как раз и накапливается за счет проб и ошибок). Вот почему даже в ситуациях не сжатого во времени развития еще до начала промышленного переворота значительное изменение структуры общества, в частности рост урбанизации и грамотности, может вести к серьезным напряжениям и социальным конфликтам. Именно в таких обществах происходили так называемые ранние буржуазные революции как результат их попадания в модернизационные ловушки.

Но гораздо чаще модернизация общества связывается с догоняющим развитием, ускоренной индустриализацией или быстрым вовлечением в международное разделение труда. При этом происходит заимствование многих уже готовых технологий в производстве и социальной сфере. В этих случаях, с одной стороны, процессы изменений ускоряются, а с другой – многие необходимые изменения не осуществляются. В результате в обществе возникают серьезные диспропорции, так как модернизация охватывает прежде всего технологию и экономику, но привилегии, система распреде-

ления, архаичная политическая и социальная структура могут меняться гораздо медленнее.

В ряде случаев модернизация или отдельные ее этапы осуществляются насильственно. Примерами могут служить Египет в период английской оккупации (1882–1919 гг.), Япония при американской оккупации (после 1945 г.), Индия в поздний период английского господства и др. Полезно отметить, что при насильственной модернизации общество нередко оказывается менее подверженным опасности социального взрыва либо возрастает возможность минимизации социальных потерь. Это объясняется, во-первых, тем, что иноземные реформаторы за счет собственного исторического опыта могут иметь лучшее представление о закономерностях социального развития, а во-вторых, тем, что социальному недовольству определенных слоев в процессе изменений противостоят не колеблющиеся национальные власти, а уверенные в себе внешние силы. Данный вывод имеет вполне конкретное значение для некоторых находящихся в процессе выхода из мальтузианской ловушки развивающихся стран, для которых определенный внешний контроль со стороны международных органов мог бы быть благотворным в плане менее болезненного и более безопасного выхода из ловушки.

Модернизация и выход из мальтузианской ловушки – повышенный риск для общества. Причины роста социального напряжения

Таким образом, модернизация – исключительно сложный и довольно длительный период. Она имеет в каждом обществе свои значительные особенности. Процесс модернизации в большинстве стран не был ни гладким, ни легким. «Модернизированность порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность» [Хантингтон 2004: 59]. То есть, только пройдя период модернизации, общество обретает устойчивость к определенного рода кризисам (хотя, разумеется, не навсегда). Но на этом пути его подстерегают опасности модернизационной ловушки.

Начиная с Нового времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Модернизация разрывает ткань традиционного общества, что влечет за со-

бой значительные изменения и порой весьма тяжелые последствия для целых социальных слоев, а также усиливает конфликтность в обществе. Модернизация порождает новые идеи, идеологии (либерализм, демократизм, социализм, национализм и т. п.) и потребности, которые вступают в конфликт с устоявшимся порядком и традициями.

Подробный перечень факторов в корреляции между быстрым экономическим развитием (в том числе подушевым доходом) и возможностью дестабилизации см. в *Главе 2* (в том числе систему факторов, предложенную М. Олсоном [Olson 1963]).

Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан в его структуре[7]. Поэтому выход из мальтузианской ловушки как важная часть процесса модернизации также связан с большими рисками. Этот выход для отдельной страны даже в условиях уже готовых производственных и социальных технологий бывает медленным (занимая порой многие десятилетия), хотя иногда может произойти и быстрее (за двадцать-тридцать лет). Этот процесс является важным рубежом для общества. Он влечет за собой большие качественные и количественные изменения в демографической ситуации (быстрый рост населения за счет сокращения смертности и стремительный рост урбанизации), а также в общем уровне развития, производстве и потреблении. Выход из мальтузианской ловушки реально означает, что общество в целом (в среднем) начинает жить лучше. Однако в процессе изменений возникают следующие диспропорции:

– неравномерное распределение доходов между отдельными социальными группами и местностями (причем в некоторых слоях, группах или местностях может быть реальное недопотребление);

– неравномерное распределение ресурсов и населения в рамках общества (например, в среднем сельскохозяйственной земли может хватать, но в отдельных местностях из-за быстрого роста населения малоземелье и аграрное перенаселение могут быть очень острыми);

[7] Среди прочих последствий этого стоит отметить: за счет гораздо большей мобильности общества и более высокой скорости распространения информации возможности для агитации против правительства и сбора протестующих и возмущенных значительно возрастают.

– диспропорции в возрастной структуре населения (см. ниже);

– деструктивное давление устаревших, но влиятельных институтов (вроде русской общины, дворянских привилегий) и идеологий на рост и структуру населения, отношение к власти и т. п.;

– неадекватная реакция власти на рост объемов ресурсов, в частности увлечение внешнеполитическими авантюрами;

– рост грамотности и уровня образования, создающий влиятельный слой интеллигенции, которая пытается идеологически воздействовать на все общество;

– ускоренный рост ожиданий со стороны различных слоев населения, который часто не оправдывается в желаемой мере.

В *Главе 2* даны дополнительные подробности и указаны более тонкие механизмы, связанные с ростом нестабильности при выходе из мальтузианской ловушки.

Влияние модернизации на уровень жизни и ожидания населения и его отдельных слоев

Модернизация в начальные периоды может вести к тому, что уровень жизни определенных слоев населения понижается. Классическим примером служит история с ткачами-ремесленниками в Англии, изготавливавшими хлопчатобумажные ткани, заработки которых в связи с развитием механизации стали снижаться. В итоге в 1830–1840-е гг. многие из них обеднели и разорились. На ранних стадиях индустриализации в Англии и в ряде других стран механизация также вела к снижению заработков рабочих-мужчин, поскольку их могли заменить женщины и дети, которым можно было платить существенно меньше. Все это вызывало социальное напряжение. Однако в целом модернизация ведет к росту уровня жизни общества. Так, Дж. Дэйвис [Davies 1962; 1969], С. Хантингтон [2004] и другие исследователи показали, что революциям обычно предшествует рост качества жизни. Рост качества жизни – заслуга модернизации, но при этом она могла усиливать неравенство либо создавать новые линии неравенства, к которым люди еще не привыкли и которые вызывают особое недовольство. В частности, П. Сорокин указывал, что одна из причин большей революционности города (по сравнению с деревней) – слишком большое неравенство состояний и условий в городе, которое постоянно стоит перед глазами рабочих [Сорокин 1992 (1925): 287].

В связи с тем, что в период модернизации общества могут развиваться в ускоренном (по сравнению с прежним темпом) режиме, возникают деформации не только в социальном развитии, но и в уровне ожиданий. При этом обычно уровень ожиданий выше, чем это реально возможно в имеющихся условиях производительности и системы социального распределения. В процессе модернизации начинают изменяться границы между социальными слоями, со сменой социального контекста и роста информированности люди гораздо активнее сравнивают свое положение с уровнем жизни других, повышая психологическую планку минимально необходимого. Деньги начинают играть роль мерила социального успеха, что дополнительно деформирует прежние представления.

Повышенный, но неудовлетворенный уровень ожиданий вызывает чувство дискомфорта, стремление переложить ответственность за свои трудности на правительство и высшие классы, желание изменить социальный строй, сделать его более справедливым (по мнению тех или иных слоев и индивидов), что создает питательную среду для революционной агитации. Сторонники теории депривации, восходящей к Дж. Дэйвису [Davies 1962; 1969] и Т. Р. Гурру [Gurr 1968; см. также: Gurr 1974; 2015], считают, что революция (а также восстание и гражданская война) могут быть вызваны тем, что ожидания, которые провоцирует модернизация, оказываются неудовлетворенными, и это порой заставляет людей выходить на улицы, чтобы добиваться улучшения условий жизни. Возникновение социального кризиса тем более вероятно, если в какой-то момент уже достигнутый уровень удовлетворения потребностей несколько снижается, что часто происходит в результате роста цен, экономических кризисов, неудачных войн или других негативных событий[8], а ожидания продолжают по инерции расти (добавим, особенно подхлестываемые агитаторами). Возникает депривация, то есть состояние существенной неудовлетворенности человека ситуацией в результате лишения его тех условий жизни, к которым он либо привык как к жизненно необходимым, либо считает жизнь без них неудовлетворительной, либо человек не может

[8] В частности, в случае Арабской весны это было совпадением экономического кризиса и роста цен на продовольствие.
Добавим, что возникшие проблемы часто усиливаются ускорением демографического роста, которое, однако, как правило, и происходило в результате вышеупомянутого «роста качества жизни».

смириться с тем, что является аутсайдером, и т. п. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унизительным, они ищут виновных. Соответственно, недовольство направляется против власти, в итоге возникают массовые беспорядки (см. Рис. 1.2).

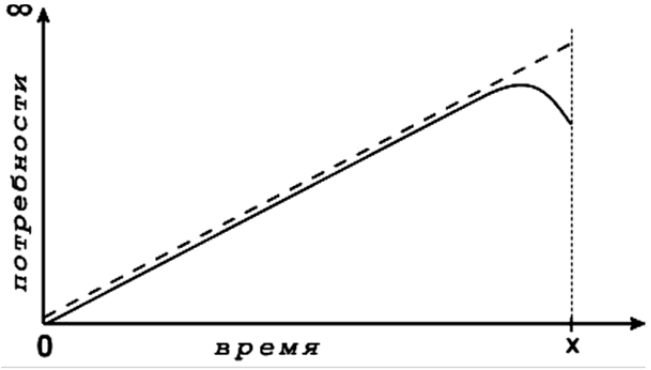

Рис. 1.2. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация

Источник: Davies 1969: 85–108.

Примечание. Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т. д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка X на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит или нет в зависимости от ряда субъективных факторов.) [Назаретян 2005: 156].

Парадоксы модернизации

Таким образом, пусть на первый взгляд это выглядит странным, революции нередко происходят именно в период после некоторого (и порой довольно длительного) повышения уровня жизни населения. Первым это показал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции [Токвиль 1997].

Другим парадоксом модернизации является то, что, хотя отсталость и бедность приводят к социальному напряжению, неравенство может возрастать именно в процессе попыток ликвидации бедности и отсталости. Так, в России в начале XX в. действия правительства П. А. Столыпина в стремлении решить проблему отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян за счет разрушения

общины и приобретения крестьянами права на индивидуальное хозяйство вызвали рост неравенства и напряженности в деревне, да и в целом в обществе. А развитие народного образования привело к росту численности людей, среди которых было проще агитировать против правительства. Введение рабочих законов, решив на время наиболее острые проблемы, в целом ни в коей мере не успокоило рабочий класс. А создание парламента, пусть и с ограниченными правами, только усилило стремление либералов требовать новых уступок. Это показывает, насколько сложно избежать модернизационной ловушки. Проблема еще и в том, что в некоторые периоды запоздалые реформы только ухудшают положение правительства. По сути, режим должен вести бонапартистскую политику балансирования между различными слоями и группами, оптимально используя уступки и репрессии, чтобы двигать страну вперед. Далеко не все, тем более монархические, режимы способны на это, и далеко не всегда правящей элите хватает ловкости или мудрости.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что революции нередко происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям и более жесткой критике правительства, что становится идеологической базой для социального взрыва.

Росту дестабилизации способствует и то, что чаще всего модернизирующиеся общества – это общества авторитарные либо недостаточно демократические, которые обладают жесткой конструкцией[9]. Поэтому, как уже отмечалось во *Введении*, они – в отличие от обществ, в которых выход социального недовольства может канализироваться в законные формы (то есть демократических), – и подвержены революционной ломке. Таким образом, быстрые нерегулируемые изменения и усиливающиеся структурные диспропорции могут завести общество в новую – *модернизационную* – ловушку, что, как было сказано, часто ведет к революциям и другим политическим потрясениям.

Демографические составляющие модернизационных процессов

Поскольку в процессе модернизации часто происходит ускоренный рост населения, социальные *кризисы этой стадии имеют более или*

[9] При этом недостаточно демократические даже больше подвержены риску дестабилизации, см. *Главу 2*. Однако авторитарные при определенных условиях испытывают более сильный коллапс в случае успешной революции.

менее значительную структурно-демографическую составляющую[10]. Поэтому между моделями мальтузианской и модернизационной (*пост*мальтузианской) ловушек, несомненно, имеется сходство: в обоих случаях налицо быстрый рост населения, что создает сильное демографическое давление и, как следствие, структурные напряжения. Однако между ними существует и принципиальное различие. Мальтузианская ловушка характерна для доиндустриальных обществ, которые не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему. Модернизационная – для индустриализирующихся обществ, когда технологически она решаема, но в процессе ее разрешения возникают сильные социально-экономические диспропорции. Соответственно, в первом случае сельское хозяйство остается основным сектором, во втором – его роль постепенно уменьшается, а избыточное население может быть поглощено промышленностью и сектором производства услуг. *Важно отметить, что модернизационные ловушки все же не всегда связаны с проблемами мощного демографического давления и быстрым ростом населения.*

В некоторых случаях модернизация может проходить и в условиях реальной недонаселенности, особенно это касается колонизируемых стран. Примерами являются США, Канада, Австралия, ряд стран Латинской Америки, в частности Аргентина. Но при этом в демократических странах революционные изменения гораздо менее вероятны, чем в недемократических или формально демократических. Поэтому в США вспыхнула Гражданская война (но именно как результат социальной недемократичности Юга, его жесткой конструкции), а **в Латинской Америке перевороты и революции были частым явлением**. В Канаде же не было никаких серьезных социально-политических потрясений.

В некоторых случаях быстрая модернизация может сопровождаться быстрым ростом населения, но не вести к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи или Египет в последней трети XIX – первой половине XX в.). Но в целом такие случаи бескризисного развития в условиях модерниза-

[10] Но не всегда. В этом плане интересен пример Франции XIX в., где население росло сравнительно медленно: за 100 лет увеличилось всего примерно в полтора раза – с 26,9 млн до 40,7 млн человек [Cipolla 1976]. Тем не менее во Франции в течение XIX в. произошло несколько революций. Демографическое же давление может иметь место, но смягчаться за счет эмиграции.

ции следует рассматривать скорее в качестве исключения, а случаи революций и политических потрясений – как типичные. Этот вывод послужил для нас основанием ввести понятие *модернизационной ловушки*, то есть закономерного социально-политического кризиса, возникающего в процессе модернизации, в которую попадает общество в попытке преодолеть отсталость [подробнее см.: Гринин 2011*б*; 2013*б*; Гринин, Коротаев 2012].

Модернизационные ловушки как возможность возникновения революции. Типы модернизационных ловушек

На связь революций и модернизации указывал целый ряд исследователей [см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Boix 2011; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Стародубровская, Мау 2004; Голдстоун 2015].

Наши исследования целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи также показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Особенно способствуют этому распространение в обществе радикальных идей и идеологий, стремительная урбанизация, повышенная доля молодежи в демографической структуре и быстрый рост образованности части населения в сочетании с неграмотностью или низким уровнем образования другой его части [см., например: Гринин 2011*в*; 2013*б*; Гринин, Коротаев 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016].

В процессе выхода из мальтузианской ловушки, а равно в процессе изменения общества возникает большая опасность попадания в ловушки иного типа – модернизационные. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения, то есть их недостаточно быстрым ростом (и в целом недостаточным динамизмом изменений), то модернизационная ловушка, напротив, – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не успевает. Модернизация – в мировом масштабе процесс длительный.

Соответственно, такая ловушка имеет ряд разновидностей, что видно на Рис. 1.3.

Выход из мальтузианской ловушки и в целом процессы модернизации в мир-системном ядре заняли более трех веков (со второй половины XVI по XIX в. включительно), поэтому неудивительно, что мы видим эволюцию самой ловушки. Основные типы модернизационных ловушек в процессе выхода из мальтузианской ловушки представлены на Рис. 1.3.

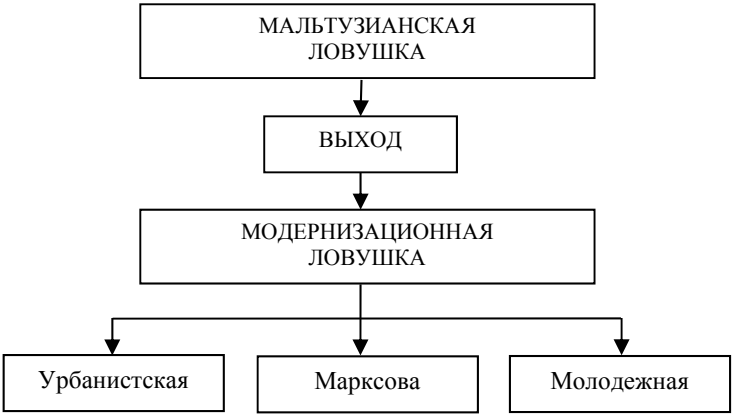

Рис. 1.3. Типы модернизационных ловушек на выходе из мальтузианской ловушки

Урбанистская ловушка. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что возможно назвать **урбанистской ловушкой**. Речь прежде всего идет уже о предындустриальных обществах с высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией. В таких обществах еще нет машинной промышленности, однако уже существуют различные формы раннекапиталистических торговых и промышленных предприятий. Но главное – уровень урбанизации приблизился к определенному порогу, за которым совершенно необходимы существенные преобразования общества. В то же время политическая элита не осознает этого, а часть горожан, буржуазия и интеллигенция выступают как передовой отряд общественной оппозиции. Наши исследования показывают, что у модернизирующихся обществ наибольшая напряженность возникает при уровне урбанизации от 10 % до 20–30 % [Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009].

Англия перед революцией 1640 г. представляла собой один из первых таких примеров, другим примером является Франция кануна Великой французской революции. Но в Англии, в отличие от Франции, были достигнуты большие успехи собственно в сельском хозяйстве, что, возможно, было одной из причин относительной инертности крестьянства в период революции. Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти в условиях урбанистской ловушки (по сравнению с восстаниями в позднеаграрных сословных обществах) заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер и – особенно наглядное отличие – изменить существующий строй, создав новый общенациональный орган власти. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские слои, включая, конечно, контрэлиту и часть элиты, отстраненной от власти. Но все эти слои сплачивает новая идеология. Другими словами, урбанистская ловушка означает переход от городских восстаний и крестьянских войн к социальным революциям.

Марксова ловушка. На начальных этапах индустриализации общество может попасть в марксову ловушку. Она представляет собой ситуацию слаборегулируемой эксплуатации нарождающегося рабочего класса и, как следствие, непримиримой классовой борьбы, ведущей к опасности социальной дестабилизации. Марксова ловушка может быть преодолена в результате: а) социального реформирования; б) принятия развитого рабочего законодательства и/или приобретения наемными работниками дополнительных прав и возможностей в процессе организованного «торга» с работодателями; в) завершения индустриализации и демографической революции (снижения рождаемости); г) развития института частной собственности на землю, которая способствует более интенсивному использованию земли и большей товарности, в особенности для таких стран, какой была дореволюционная Россия.

Как мы уже сказали, модернизация имеет значительные отличия в каждом обществе. Соответственно, можно выделить и подтипы ловушек. Для примера рассмотрим подробно один из таких подтипов (ниже также будет описан один из подтипов молодежной ловушки).

Мальтузианско-марксова ловушка возникает в ситуации, когда появляется фабричная промышленность и заметным (но все еще относительно малочисленным) слоем общества становится промышленный пролетариат. В ней можно выделить две главные составляющие: экономическую (марксову) и демографическую (мальтузианскую). Хорошим примером страны, попавшей в такую ловушку, является дореволюционная Россия (см. подробнее: Гринин 2010*а*). Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием или неразвитостью социального законодательства, что делает работников порой беспомощными, а эксплуатацию – нередко варварской, хотя ситуация экономического подъема заставляет хозяев идти на повышение зарплаты и бояться всякого рода простоев. Однако в ситуации кризисов опасность социального взрыва нарастает. Возможность такой грубой эксплуатации усиливается демографическим давлением, которое постоянно «выбрасывает» в города и на промыслы все новых работников из села. Поскольку последние обычно не обладают квалификацией, часто неграмотны или малограмотны, возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы. В результате наблюдается большой разрыв в доходах рабочих разных групп.

Мальтузианская составляющая связана с аграрным перенаселением и высоким естественным приростом, который усиливается достижениями модернизации – сокращением смертности. Переизбыток рабочей силы может проявляться ростом безработицы, пауперизации, усилением эксплуатации наемного труда, а в аграрном секторе в зависимости от системы крестьянского хозяйствования – малоземельем и ростом арендной платы либо возрождением в том или ином виде квазифеодальных повинностей. Усугубляют ситуацию временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода. При этом мальтузианская составляющая выступает и как поставщик социально взрывоопасного материала, особенно в виде большого числа молодежи, которая, собираясь в массы, является мощнейшей силой.

Но в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения в указанных обществах является не фатальной, а, как мы видели, скорее социальной, поскольку процессы социальной мобиль-

ности, диверсификации занятий населения позволяют снижать аграрное перенаселение и смягчать его последствия.

Однако такая быстрая динамика экономики и миграций требует существенных трансформаций политического строя, правовой системы и прочего, а эти изменения могут существенно запаздывать. Со стороны элиты и высшей власти на пути изменения политической системы стоят мощнейшие преграды. Между тем политическая модернизация в стране идет, а это означает, что в политический процесс так или иначе включаются все новые слои населения [Хантингтон 2004: 270]. Политическая модернизация во многом неразрывна с социальной, которая означает появление большей социальной мобильности, большего числа так называемых социальных лифтов, позволяющих выдвинуться активным и талантливым людям. Число таких возможностей обычно увеличивается, но все же не так быстро, чтобы соответствовать изменениям. Так, в дореволюционной России число возможностей выросло, поскольку недостаток образованных людей открывал путь наверх многим в разных областях деятельности: в системе образования и науке, статистике и здравоохранении, даже в военной службе. Но в отношении лифтов к высшим политическим постам ситуация была существенно хуже. Хотя и туда попадали люди незнатного происхождения (в меньшем количестве, чем в другие сферы), но в целом эти посты и тем более придворные должности рассматривались как привилегия аристократии, в любом случае здесь господствовали дух и идеология родовитой аристократии. И это усиливало разрыв между политической модернизацией в широком плане и медленными изменениями в политической структуре империи.

Молодежная ловушка всегда связана с социально-демографическими факторами и является результатом модернизации. В результате модернизации рост производства пищи и повышение медицинской культуры уменьшают смертность населения и резко увеличивают долю в нем молодых возрастов (15–24 лет), то есть возникает так называемый *молодежный бугор*, который наглядно виден на диаграммах, показывающих долю молодежи в общем составе населения (см. Рис. 1.4). Такое изменение пропорции в условиях модернизации создает условия для социально-политической нестабильности. По словам Дж. Голдстоуна, большинство революций XX в. в развивающихся странах произошли там, где наблюдались особо значительные «молодежные бугры» [Goldstone 2002].

Таким образом, именно молодежь (особенно на современном этапе) играет ключевую роль в процессе возникновения длительного периода нестабильности в обществе в ходе модернизации и выхода из мальтузианской ловушки. Вот почему было предложено назвать такой тип модернизационной ловушки **молодежной**. Механизм попадания в молодежную ловушку в процессе и/или в результате выхода из мальтузианской ловушки был открыт и описан А. В. Коротаевым [Акаев и др. 2010; Гринин, Коротаев, Малков 2010; Гринин, Коротаев 2012].

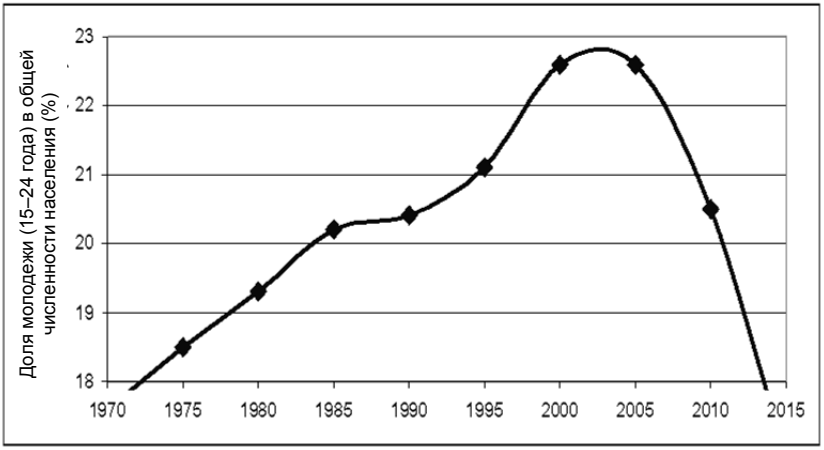

Рис. 1.4. Динамика доли молодежи (15–24 года) в общей численности населения Алжира в 1970–2005 гг. с прогнозом до 2015 г., %

Источник: Гринин, Коротаев, Малков 2010: 386.

Молодежная ловушка характерна для первого этапа демографического перехода (в том числе она может сработать на его завершающем отрезке или в начале второго его этапа). Она возникает за счет сильного снижения младенческой и детской смертности при сохранении высокой рождаемости [Коротаев и др. 2011]. Результаты того, что в предшествующий период за счет уменьшения детской смертности число выживших детей увеличилось в несколько раз, через 15–25 лет проявятся в значительно повышенной доле молодых возрастов в составе населения. В итоге поколение взрослых детей оказывается значительно многочисленнее по-

коления их родителей[11]. Действие данной ловушки усиливается процессами быстрой урбанизации, поскольку рост городов – это всегда большие проблемы, но особенно в переходном обществе [Гринин, Коротаев 2009; Гринин, Коротаев, Малков 2010].

«Молодежные бугры» в прошлые столетия наблюдались в истории многих модернизирующихся стран. Однако в современную эпоху в связи с большими успехами медицины младенческая и детская смертность упала до невиданно низкого уровня, а вместе с тем в ряде современных развивающихся стран уровень потребления стал существенно выше, чем был в предшествующие периоды даже в среднеразвитых странах. Поэтому и доля молодежи (а соответственно, и размер «молодежного бугра») сегодня при прочих равных условиях выше, чем в прежние эпохи. Следовательно, и опасность попадания в молодежную ловушку в современный период для ряда развивающихся стран в чем-то даже возросла по сравнению с предшествующим периодом. Сегодня политологи нередко говорят о странах с молодежной возрастной структурой населения («молодежным бугром») как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии [Мир… 2009: 59]. И такой прогноз, к сожалению, подтвердился в отношении Туниса, Ливии, Египта, Сирии, Йемена и других арабских стран в 2010–2011 гг. (см. подробнее: Гринин, Исаев, Коротаев 2016; о молодежной ловушке см. также в *Главе 2*).

Рентная составляющая модернизационных кризисов может иметь значение в случае, если какие-то природные ресурсы обеспечивают обществу возможность без особого труда длительное время получать высокие доходы, а правительству – решать социальные проблемы и финансировать инвестиции в экономическое развитие. Естественно, что уровень ожиданий в обществе резко повышается. И если затем доходы общества (и соответственно правительства) неожиданно снижаются в результате падения цен или иных причин, то создается ситуация обманутых ожиданий. Возникают экономические трудности (рост цен на продукты питания, безработица

[11] К этому времени рождаемость уже может существенно снизиться (начнется второй этап демографического перехода), но давление «молодежного бугра» от этого не исчезнет, хотя ситуация, в которой сами молодые люди будут иметь намного меньше детей, чем их родители, при прочих равных условиях существенно уменьшает их материальные трудности. Таким образом, наибольшее давление «молодежного бугра» в такой ситуации будет иметь место именно в период, пока большая часть подросшей молодежи не обзаведется семьями.

и т. п.), нестабильность и вероятность сильных социальных волнений, особенно опасная при наличии «молодежного бугра». В этом смысле механизм срабатывания молодежной ловушки различается в более бедных странах и в странах, имеющих доходы от природной ренты. В обществах с рентой, с одной стороны, за счет дополнительных доходов при прочих равных условиях темп модернизации, уровень потребления и особенно уровень ожиданий молодежи может быть существенно выше, чем в бедных (без ренты) странах. Но соответственно и резкое падение доходов от ренты может ускорить наступление более серьезной кризисной ситуации. При этом молодежь, которая может пострадать особенно сильно (или воспринимать свое положение особенно болезненно), оказывается ударной силой социального протеста.

Ярким примером такой **«молодежно-рентной»** ловушки является Алжир.

В течение 1970–1980-х гг. в результате общего снижения смертности (особенно младенческой), а также роста производства продуктов питания и уровня потребления (до 2900 ккал на душу населения в день) в этой стране наблюдался быстрый рост молодежи (который продолжался и позже, в 1990-х гг., а уже в 2000-х гг. началось уменьшение этой доли; см. Рис. 1.5 и 1.6).

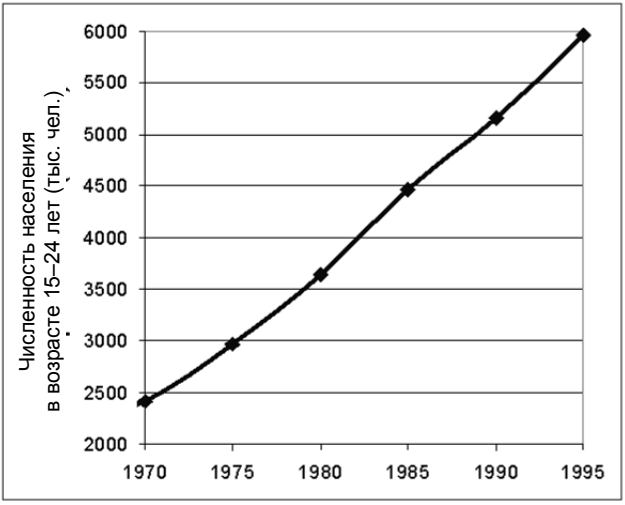

Рис. 1.5. Динамика общей численности молодежи (15–24 года) в Алжире в 1970–1995 гг., тыс. человек

Источник: Гринин, Коротаев, Малков 2010: 389.

В течение 1970-х гг. в связи с многократным ростом цен на нефть алжирское государство прочно «село на нефтяную иглу». Как указывает Ж. Кепель, углеводородное сырье составляло 95 % выручки от всего экспорта и обеспечивало 60 % бюджетных поступлений; в итоге алжирское государство представляло собой своего рода народную нефтедемократию, поскольку доходы от нефти позволяли монополизировавшему их режиму покупать социальный мир [Кепель 2004: 164–166]. Однако начиная с 1980 г. цены на нефть стали снижаться. В 1982–1986 гг. произошло падение цен на нефть более чем в два раза (см. Рис. 1.6)[12]. В итоге в октябре 1988 г. в результате роста цен на продукты первой необходимости и безработицы в Алжире вспыхнули народные волнения, в ходе которых бедная алжирская молодежь уничтожала символы государственной власти, громила общественные организации и службы, шикарные автомобили и великолепные магазины [Там же]. Таким образом, социальная нестабильность оказывается наглядно связанной с кривой цены на нефть[13].

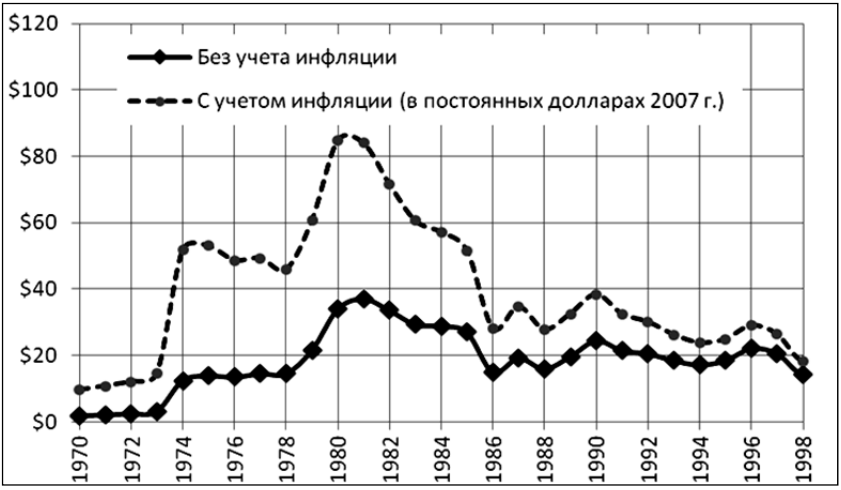

Рис. 1.6. Динамика мировых цен на нефть (в долларах за баррель), 1978–1998 гг.

Источники данных: Earth Policy Institute 2010; World Bank 2010.

[12] По данным Ж. Кепеля, цена упала с 34 до 8 долларов за баррель, по другим данным – с 33,7 до 15,1 долларов за баррель [Брагинский 2008: 28]. Но надо учитывать, что в течение одного и того же года цена могла существенно колебаться.

[13] Существенный рост цен на продукты первой необходимости стал важнейшей причиной роста социального недовольства в арабских странах в последнее время.

В конечном счете социальная нестабильность в Алжире вылилась в 10-летнюю гражданскую войну. При этом затухание гражданской войны в 2000 г. и ее окончание в 2002 г. совпали с периодом нового роста цен на нефть (см. Рис. 1.7).

Рис. 1.7. Динамика мировых цен на нефть (в долларах за баррель), 1993–2006 гг.

Источники данных: Earth Policy Institute 2010; World Bank 2010.

О влиянии цен на нефть на возможное укрепление или, напротив, дестабилизацию политических режимов см. в *Главе 7*.

* * *

В процессе государственного строительства и экономического развития особое внимание должно быть уделено предотвращению таких диспропорций в социально-политической системе, которые способны ее взорвать. В заключение хотелось бы еще раз остановиться на этой проблеме в очень актуальном и сложном аспекте.

Современный стандарт государственного режима (а именно демократического, со всеми свободами и всеобщим голосованием) фактически превышает достигнутый уровень экономического развития многих модернизирующихся стран. Стоит вспомнить, что западная демократия прошла довольно длительный путь ограниченной демократии с жесткими избирательными цензами, пока не пришла (уже после процесса экономической модернизации и в основном по завершении демографического перехода) к режиму пол-

ной демократии. Но и в такой ситуации многие страны не избежали революций.

Дисбаланс между экономическим уровнем и политическим режимом (в любую сторону) чреват коллапсом. В настоящее время многие общества, достаточно успешно развивающиеся экономически при полу- или псевдодемократических (фактически авторитарных) режимах, в связи с нарушением тех или иных принципов демократии оказываются перед опасностью потерять легитимность в глазах общества. А последнее является важнейшим условием возможного коллапса. События Арабской весны наглядно это подтвердили. Там, где население в силу отсутствия исторических традиций и соответствующей идеологии/общественного сознания, социальной структуры, уровня грамотности и т. п. не готово к демократической форме правления, молодые демократии развиваются от государственного переворота к революции или очередному перевороту. Примеры Латинской Америки, Африки и других регионов очень показательны [о кризисах, возникающих в связи с переходом к демократии, см., например: Арон 1993; Гринин, Коротаев 2013]. Таким образом, в процессе государственного строительства необходимо выработать определенные меры, которые могли бы нейтрализовать или компенсировать разрыв между более низким уровнем экономического и культурного развития и более высокими формами политического режима.

Часть вторая
УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

Глава 2. Корреляция между средним уровнем подушевых доходов и социально-политической нестабильностью

Проблема взаимовлияния экономического развития и социально-политической нестабильности стала к настоящему времени предметом многочисленных исследований.

Предсказуемым образом особое внимание исследователей (ввиду ее особо высокой практической значимости) привлекла проблема влияния политической нестабильности на экономический рост, тем более что речь идет о безусловно сильном влиянии. В настоящем разделе мы подробно рассматриваем этот аспект.

Экономическое развитие и социально-политическая нестабильность

Еще С. Кузнец писал в 1966 г. о том, что едва ли можно ожидать заметного экономического роста в условиях политических беспорядков [Kuznets 1966: 451]. К примеру, в одном из таких исследований панели стран в течение 30-летнего периода, изучавших влияние на экономический рост 17 различных индикаторов политической нестабильности, пришли к выводу, что наибольшее отрицательное влияние на экономический рост в долгосрочной перспективе имеет политическое насилие. При этом влияние социально-политической нестабильности на экономический рост оказывается сильнее в странах с высоким уровнем развития [Butkiewicz, Yanikkaya 2005], что вполне объяснимо большей сложностью их экономической системы. В другой работе 25 индикаторов политической нестабильности, объединенные в 4 измерения (политически мотивированное насилие, массовые гражданские протесты, нестабильность внутри политического режима и нестабильность самого политического режима), рассматривались при помощи эксплора-

торного факторного анализа и обобщенного метода моментов, позволивших установить, что единственным измерением, имеющим значимое отрицательное влияние на экономический рост, оказалась нестабильность политического режима. Эта работа охватывала примерно 90 стран в период с 1974 по 2003 г. [Jong-A-Pin 2009]. Еще одно сравнительно недавнее исследование выборки из 169 стран за период 1960–2004 гг. обобщенным методом моментов показало, что более высокие уровни политической нестабильности ассоциируются с более низкими темпами экономического роста. Данный эффект проявляется за счет снижения темпов роста производительности и в меньшей степени – за счет более медленной аккумуляции физического и человеческого капитала [Aisen, Veiga 2013]. Этот результат был подтвержден и в другой работе, исследовавшей панель из 183 стран в период с 1980 по 2010 г. и показавшей, что социальные конфликты имеют значимое отрицательное влияние на ВВП, при этом величина этого эффекта является функцией от интенсивности политической нестабильности [Bernal-Verdugo *et al.* 2013]. Представляет интерес также исследование влияния различных типов политических конфликтов на темпы роста экономики, установившее, что гражданская война и высокоинтенсивный межгосударственный конфликт снижают годовые темпы роста, при этом негативный эффект конфликтов на рост усиливается в недемократических странах, странах с низким уровнем дохода, а также африканских государствах [Polachek, Sevastianova 2010].

К настоящему времени имеется заметное число работ, посвященных изучению влияния уровня экономического развития стран мира (измеряемого через такие показатели, как валовой национальный доход или валовой внутренний продукт на душу населения) на уровень социально-политической дестабилизации. При этом многие работы отталкиваются от вроде бы вполне правдоподобного предположения о том, что чем выше уровень экономического развития того или иного региона, тем меньше вероятность возникновения гражданского конфликта.

Так, например, работа Э. Виде показала, что высокий уровень средних доходов довольно сильно снижает насилие (в частности, такой его показатель, как вооруженные нападения) [Weede 1981].

В другой, более современной работе было выдвинуто предположение о том, что социально-политическая нестабильность имеет место в развивающихся странах (то есть странах с низкими и сред-

ними доходами на душу населения), при этом существует некоторое пороговое значение, выше которого крупномасштабная нестабильность не случается [Nafziger, Auvinen 2002; Nafziger, Auvinen 2003: 30].

В классической работе П. Кольера и А. Хоффлер на выборке из 79 крупных гражданских конфликтов, имевших место в период с 1960 по 1999 г., исследуются факторы, способствующие возникновению и развитию масштабной социально-политической нестабильности. В качестве одного из таких факторов рассматриваются низкие издержки присоединения к активно протестующим группам, в частности небольшой размер утрачиваемого дохода; в числе прокси-переменных для этого фактора авторы используют доход на душу населения и темпы роста экономики. Подушевой доход оказался чрезвычайно значимой переменной, отрицательно влияющей на вероятность возникновения социально-политической нестабильности [Collier, Hoeffler 2004].

Этот результат нашел подтверждение в другой работе, посвященной анализу робастности 88 переменных, используемых в литературе для объяснения начала гражданских войн; как и в работе Кольера и Хоффлер, доход на душу населения использовался здесь как измерение экономических возможностей, упущенных в связи с войной. Была установлена робастность связи уровня подушевого дохода с началом гражданских войн [Hegre, Sambanis 2006].

В недавнем исследовании 122 стран в период 1960–1988 гг. было показано, что стартовый уровень ВВП на душу населения имеет значимое негативное влияние на насильственную смену правительств [Miljkovic, Rimal 2008].

Следует отдельно отметить группу исследований влияния экономических показателей на возникновение социально-политической нестабильности, выполненную не на агрегированном уровне (как исследования, процитированные выше), а на уровне микроданных. Так, например, Р. МакКулок обращается к вопросу о том, как уровень экономического развития влияет на распространение революционных идей в обществе. Он использует микроданные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), полученные в ходе опросов (выборка составила 250 тыс. человек), и определяет, как меняются ответы респондентов в зависимости от уровня их доходов, приходя к выводу, что увеличение ВВП на душу населения на 1600 долларов в ценах 2001 г. снижает вероят-

ность поддержки революционных идей на 2,4 %. Для индивида, перешедшего из нижнего квартиля по доходам в верхний квартиль (в рамках своей страны), вероятность поддержки революционных идей снижается примерно на аналогичную величину [MacCulloch 2004].

Между тем, как было показано еще в классических работах М. Олсона [Olson 1963] и С. Хантингтона [Huntington 1968; Хантингтон 2004], между средним уровнем доходов на душу населения и социально-политической дестабилизацией существует не отрицательная корреляция, а криволинейная обратная U-образная зависимость[1]: наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны не с самыми низкими, не с самыми высокими, а со средними значениями доходов на душу населения [Урнов 2008]. При этом С. Хантингтон не только дал этому тезису теоретическое обоснование, но и привел значительный массив эмпирических данных в его подтверждение [Huntington 1968: 40–51; Хантингтон 2004: 58–68].

Уже М. Олсон [Olson 1963] сформулировал достаточно полный список факторов, обусловливающих положительную корреляцию между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социально-политических системах, который мы приведем в крайне удачном, на наш взгляд, пересказе С. Хантингтона:

> Быстрый экономический рост:
>
> 1) разрушает традиционные общественные группировки (семью, класс, касту) и тем самым увеличивает «численность деклассированных индивидов… которые поэтому оказываются в обстоятельствах, благоприятных для зарождения революционного протеста» [*Ibid.*: 532];
>
> 2) порождает нуворишей, плохо адаптирующихся к существующему строю и плохо им ассимилируемых, но при этом претендующих на политическое влияние и социальный статус, соизмеримые с их новым экономическим положением;
>
> 3) повышает социальную мобильность, что тоже подрывает общественные связи и, в частности, способствует ускоренной миграции из сельских районов в города, тем самым содействуя росту отчуждения и политического экстремизма[2];

[1] Сам Хантингтон говорил о «колоколообразной» (bell-shaped) зависимости [Huntington 1968: 43; Хантингтон 2004: 61].

[2] Отметим, что наши собственные исследования подтвердили значимую роль стремительной урбанизации в генерировании дестабилизации, включая высокую степень кровопролитности в модернизирующихся обществах [Гринин, Коротаев 2009].

4) повышает количество людей, чей уровень жизни снижается, тем самым может увеличивать разрыв между богатыми и бедными;

5) у некоторой части людей ведет к абсолютному росту доходов, но не относительному, увеличивая этим их неудовлетворенность существующим строем;

6) требует общего ограничения потребления ради повышения капиталовложений, рождая этим общественное недовольство;

7) повышает грамотность, уровень образования, охват средствами массовой информации, что ведет к росту стремлений выше того уровня, на котором возможно их удовлетворение[3];

8) обостряет региональные и этнические конфликты из-за распределения инвестиций и потребления;

9) расширяет возможности групповой организации и тем самым масштабы требований, предъявляемых группами правительству, до пределов, когда правительство оказывается неспособным их удовлетворять [Хантингтон 2004: 66–67].

Мы выявили и несколько других факторов, обусловливающих наличие положительной корреляции между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социальных системах. Ряд этих факторов сформулирован в нашей модели «ловушки на выходе из мальтузианской ловушки» [Коротаев, Гринин и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2010*а*; 2010*б*; 2011*а*; 2011*б*; 2011*в*; 2011*г*; 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Korotayev, Zinkina *et al*. 2011; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Малков 2014; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015], которая вербально может быть описана следующим образом (см. также *Главу 1*)[4].

1) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки[5] (которое подразумевает и рост подушевого ВВП) практически по определению означает и снижение смертности, а значит, и резкое ускорение темпов роста населения (что уже само по себе может ве-

[3] Отметим также, что наши собственные исследования подтвердили и значимую роль роста образования в генерировании дестабилизации в модернизирующихся обществах [Коротаев, Зинькина 2011*а*; 2011*б*; 2011*в*; Korotayev, Zinkina 2011; Коротаев и др. 2012; Grinin, Korotayev 2012; Коротаев, Билюга, Шишкина 2017*б*].

[4] Когнитивную схему модели см. на Рис. 2.1.

[5] О понятии «мальтузианская ловушка» см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann *et al.* 1998; Kögel, Prskawetz 2001; Clark 2007; Гринин, Коротаев, Малков 2008; 2010; Гринин и др. 2009; Кларк 2012; Коротаев, Зинькина 2012; 2013; 2014; Korotayev, Zinkina 2015.

сти к определенному росту социально-политической напряженности).

2) Начало устойчивого выхода из мальтузианской ловушки сопровождается особенно резким снижением младенческой и детской смертности. Все это ведет к резкому росту пропорции молодежи в общей численности населения вообще и в численности взрослого населения в частности (так называемому «молодежному бугру»).

3) В результате наблюдается резкий рост пропорции той самой части населения, которая в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и радикализму, что уже само по себе выступает мощным фактором политической дестабилизации.

4) Быстрый рост общей численности молодежи требует кардинально увеличивать количество новых рабочих мест, что представляет очень сложную задачу. Всплеск же молодежной безработицы может иметь особо мощный политически дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников («горючий материал») для всевозможных политических (и в том числе революционных) потрясений.

5) Выход из мальтузианской ловушки стимулирует мощный рост городского населения. Кроме того, вытеснение избыточного населения из деревни дополнительно усиливается бурным ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Массированная миграция из деревни в город практически неизбежно порождает заметное количество недовольных своим положением, поскольку мигранты из деревни в первое время после переселения могут рассчитывать лишь на самую низкоквалифицированную малооплачиваемую работу и крайне посредственные (а зачастую и откровенно неудовлетворительные) жилищные условия.

6) Выход из мальтузианской ловушки в конечном счете достигается прежде всего за счет развития новых секторов и отмирания старых, за счет структурной перестройки, которая не может происходить полностью безболезненно. Во всех случаях старая традиционная квалификация работников утрачивает смысл, и, не имея новой современной квалификации, эти работники вынуждены наниматься на низкоквалифицированную работу (если им ее вообще удается найти), что, конечно, не может не порождать массовое недовольство и служит серьезным фактором политической дестабилизации.

7) В города из деревни обычно мигрирует именно молодежь. Таким образом, факторы «молодежного бугра» и интенсивной урбанизации действуют совместно, производя в совокупности очень мощное дестабилизирующее воздействие. Особенно быстро растет численность именно молодой наиболее радикально настроенной части городского населения, при этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах/политических центрах.

8) Такая ситуация может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях достаточно стабильного экономического роста. С особо высокой вероятностью политические потрясения наступают, если власть теряет авторитет в результате, скажем, военного поражения или в условиях затяжного экономического кризиса, пришедшего на смену экономическому подъему (впрочем, события Арабской весны показали в очередной раз, что даже это необязательно).

Были выявлены и иные факторы, обуславливающие наличие положительной корреляции между средними подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации в модернизирующихся социальных системах:

1) рост средних подушевых доходов в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию [Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer, Stephens E. H., Stephens J. D. 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Boix 2011], а значит, и к определенной дестабилизации этих режимов. А так как в наших базах данных (как, впрочем, и в реальности) авторитарные государства составляют очень высокий процент от числа всех государств с низкими значениями подушевого дохода, эффект роста внутреннего давления на авторитарные режимы в сторону демократизации по мере экономического роста также в определенной степени объясняет положительную корреляцию между средними доходами на душу населения и интенсивностью социально-политической дестабилизации для слабо- и среднеразвитых стран [Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017*а*].

2) Переходы от последовательной автократии сразу же к консолидированной демократии крайне редки. Как правило, изначально движение в сторону демократии (особенно в экономически слаборазвитых странах) ведет к появлению не консолидированной демо-

кратии, а непоследовательно авторитарного или частично демократического (то есть промежуточного) режима. Соответственно, для стран с низкими значениями подушевого ВВП наблюдается достаточно сильная положительная корреляция между уровнем ВВП на душу населения и долей промежуточных режимов. Однако, как было показано уже давно, именно промежуточные политические режимы являются наиболее подверженными социально-политической дестабилизации. Так, еще в 1974 г. Т. Р. Гарр [Gurr 1974] обратил внимание на то обстоятельство, что так называемые «полудемократии» являются наиболее подверженным дестабилизации типом режима. Это наблюдение получило развитие в работах, опирающихся на использование математического аппарата и баз данных, содержащих подобные сведения о многих странах мира. Результатом этих исследований стала теория об обратной U-образной зависимости типа режима и рисков политической дестабилизации. В соответствии с этой теорией более стабильными являются последовательные демократии и автократии, в то время как наиболее нестабильными – промежуточные режимы [Mansfield, Snyder 1995; Gates *et al.* 2000; Goldstone *et al.* 2000; 2010; Ulfelder, Lustik 2007; Marshall, Cole 2008; Vreeland 2008; Goldstone 2014]. Подтвердили эту закономерность и исследования отечественных ученых [Гринин, Коротаев 2012; 2013; 2014*a*; Grinin, Korotayev 2012; 2014*c*; Малков и др. 2013; Korotayev *et al*. 2013; 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015; Коротаев и др. 2016]. В средних и высоких интервалах подушевого ВВП наблюдается выраженная тенденция к вытеснению промежуточных режимов демократическими, а значит, повышенная доля наиболее политически нестабильных промежуточных режимов характерна для обществ со средними значениями ВВП, что является еще одним существенным фактором, обуславливающим наличие перевернутой U-образной зависимости между подушевыми доходами и уровнем социально-политической дестабилизации (мы вернемся к этому вопросу далее в этой части и в *Главе 5* третьей части).

Рис. 2.1. «Ловушка на выходе из ловушки». Когнитивная схема

Таким образом, вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост данного показателя ведет к его уменьшению. В результате для более высоких значений подушевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная [Olson 1963; Huntington 1968: 39–50; Хантингтон 2004: 57–67]. Проведенные нами ранее эмпирические тесты с использованием данных по ВВП на душу населения подтвердили наличие данной перевернутой U-образной зависимости [Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017*а*; 2017*б*].

Вместе с тем, как было показано нами ранее [Коротаев, Билюга, Шишкина 2017*б*], общая перевернутая U-образная корреляция между подушевым ВВП и суммарным уровнем социально-политической дестабилизации является недостаточно выраженной. Проведенная нами ранее прямолинейная проверка гипотезы о наличии криволинейной U-образной зависимости между ВВП на душу населения и интегральным уровнем социально-политической дестабилизации CNTS[6] в общем и целом ее подтвердила, но корреляция оказалась хотя и в предсказанном направлении (то есть перевернутой U-образной), а также статистически значимой, но крайне слабой (см. Рис. 2.2).

При этом U-образная зависимость получается достаточно асимметричной: отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации для второго и третьего тертиля заметно более выражена ($t = 2{,}617$, $p = 0{,}0045$[7]), чем положительная корреляция для первого и второго тертиля ($t = 1{,}775$, $p = 0{,}038$[8]). Близкие результаты дает и ANOVA-анализ. В целом получается, что если в наиболее экономически развитых обществах верхнего тертиля средний уровень социально-политической дестабилизации достаточно заметно (на 34 %) и однозначно значимо статистически меньше, чем в среднеразвитых обществах срединного тертиля, то в среднеразвитых обществах

[6] Описание материалов и методики расчета данного индекса приводится в *Приложении* к данной монографии.

[7] Односторонний тест значимости.

[8] Односторонний тест значимости.

срединного тертиля средний уровень социально-политической нестабильности оказывается в среднем лишь на 18,5 % выше, чем в наименее экономически развитых обществах нижнего тертиля. И последнее отличие оказывается лишь маргинально значимо статистически.

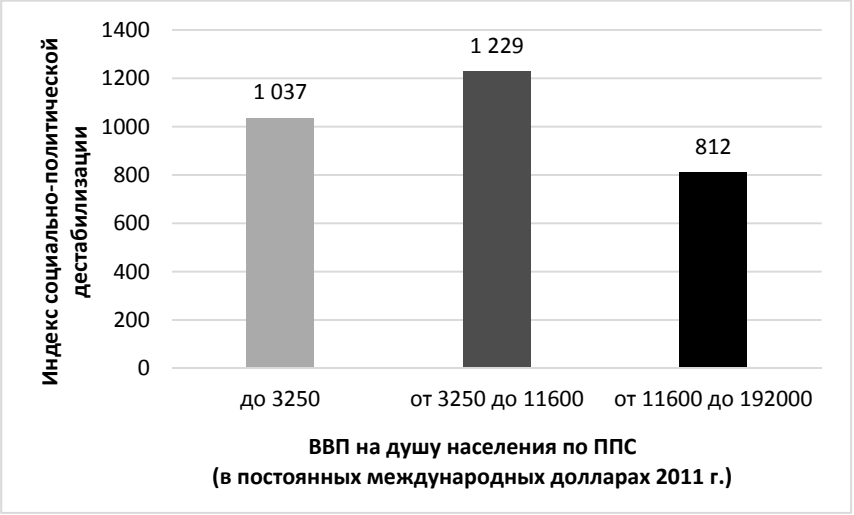

Рис. 2.2. Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации по тертилям ВВП на душу населения в международных долларах по ППС за период 1960–2014 гг.

Источник: Коротаев, Билюга, Шишкина 2017*б*.

Примечание. F = 5,109, p = 0,006.

Таким образом, получается, что по сути М. Олсон и С. Хантингтон были неправы, когда утверждали, что в модернизирующихся обществах экономический рост является мощным дестабилизирующим фактором. Выходит, на самом деле речь идет лишь о крайне слабом факторе, находящемся на грани статистической незначимости? Как мы увидим ниже, подобный вывод должен рассматриваться как в высшей степени преждевременный (см. также *Главу 1*).

Тесты

Дело в том, что в некоторой степени использованный нами ранее интегральный индекс социально-политической дестабилизации

CNTS является «средней температурой по больнице», так как разные его составляющие нередко оказываются разнонаправленными и за вялой общей динамикой индекса нередко скрывается очень даже выраженная динамика составляющих.

Начнем с того, что не все составляющие интегрального индекса U-образно коррелируют с подушевым ВВП, а у тех, что демонстрируют такую корреляцию, точка перегиба приходится на разные участки общего спектра подушевого ВВП.

Главным исключением здесь является переменная *domestic7* («перевороты и попытки переворотов»[9]), которую мы подробнее рассмотрим ниже.

Перевороты и попытки переворотов

Эта переменная демонстрирует явно выраженную отрицательную корреляцию с подушевым ВВП (см. Рис. 2.3).

Как мы видим, для данной переменной наблюдается явно выраженная тенденция к снижению ее интенсивности по мере роста подушевого ВВП[10]. То, что речь здесь идет об откровенно сильной отрицательной корреляции, становится ясно при разбивке всех содержащихся в базе данных случаев не на секстили, а на децили (см. Рис. 2.4).

[9] Отметим, что в самой CNTS данная переменная обозначена как Revolutions. Однако при этом дается следующее определение: «Любое нелегальное или насильственное изменение верхушки правящей элиты, любая попытка такого изменения, или любое успешное или неуспешное вооруженное восстание, направленное на достижение независимости от центрального правительства» [Wilson 2017: 13]. Нетрудно увидеть, что данное определение охватывает не только и не столько собственно революции, сколько перевороты и попытки переворотов, а анализ конкретных событий, включенных в CNTS под этой рубрикой, явно показывает, что число зафиксированных здесь переворотов и попыток переворотов многократно превосходит число не только собственно революций, но и национально-освободительных восстаний/сепаратистских мятежей. Таким образом, динамика CNTS *domestic7* отражает прежде всего именно динамику переворотов и попыток переворотов.

[10] Отметим, что наличие этой корреляции уже было замечено в двух исследованиях [Belkin, Schofer 2003; Bouzid 2011].

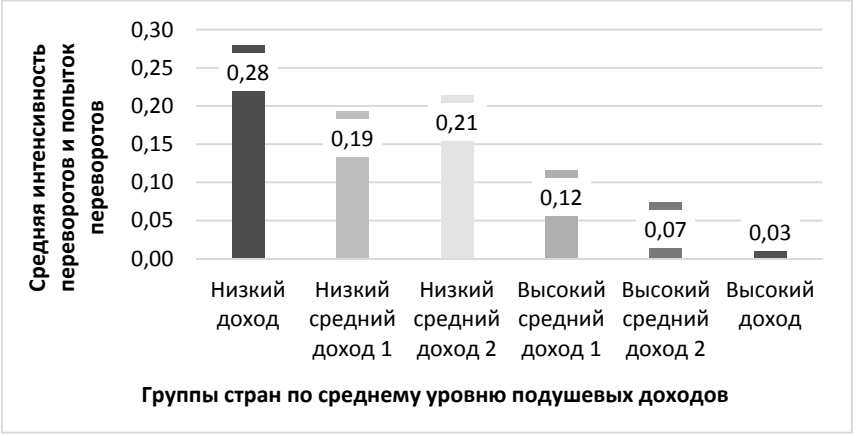

Рис. 2.3. Средняя интенсивность переворотов и попыток переворотов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

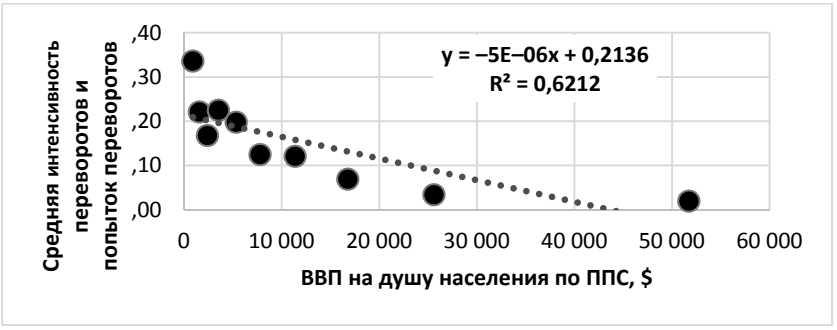
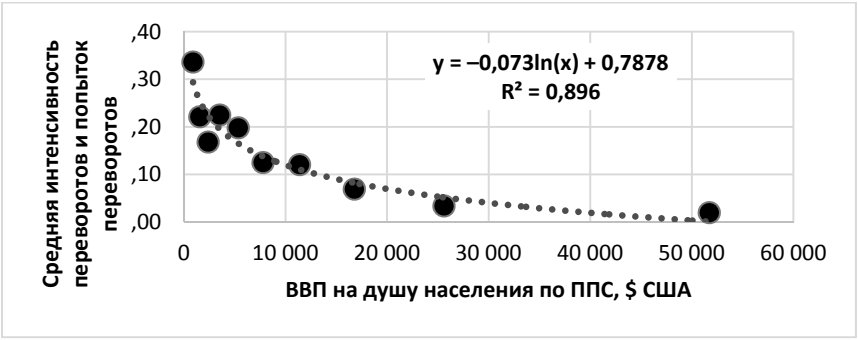

Рис. 2.4. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в международных долларах по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

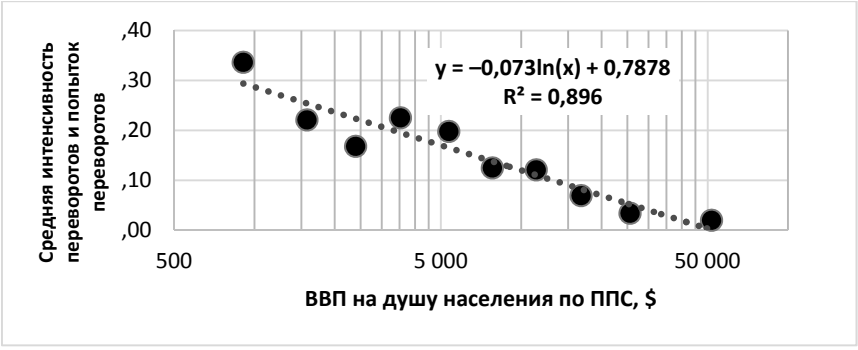
Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание: r = –0,768, p = 0,007; децили по ВВП на душу населения включают следующие значения: 1-й дециль – до 1295 долларов; 2-й дециль – от 1295 до 1933 долларов; 3-й дециль – от 1933 до 2890 долларов; 4-й дециль – от 2890 до 4325 долларов; 5-й дециль – от 4325 до 6475 долларов; 6-й дециль – от 6475 до 9340 долларов; 7-й дециль – от 9340 до 13 760 долларов; 8-й дециль – от 13 760 до 20 480 долларов; 9-й дециль – от 20 480 до 32 275 долларов; 10-й дециль – более 32 275 долларов.

Как мы видим, между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью государственных переворотов и их попыток наблюдается откровенно сильная линейная отрицательная корреляция. Вместе с тем надо отметить, что линейная регрессия существенно занижает реальную силу отрицательной корреляции в данном случае, так как более внимательный анализ показывает, что интенсивность государственных переворотов реально коррелирует не с натуральным значением подушевого ВВП, а с его логарифмом (см. Рис. 2.5).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

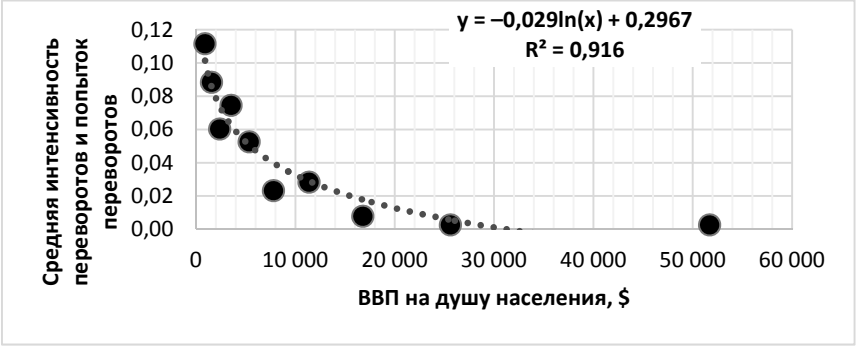
б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.5. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в международных долларах по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)

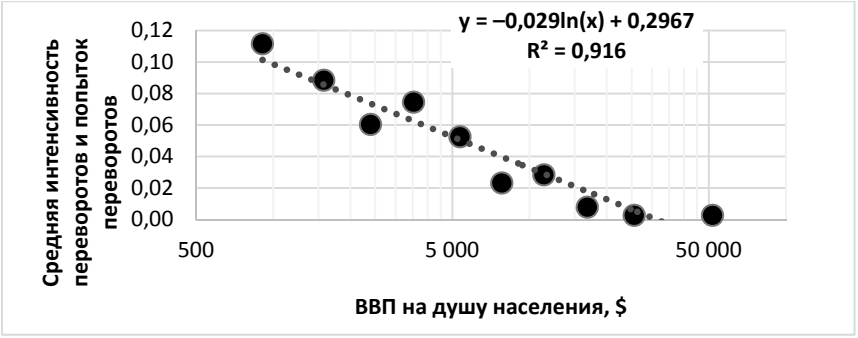
Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание: r = – 0,946, p < 0,001. Средние значения интенсивности переворотов и попыток переворотов для децилей.

Примечательно, что наша попытка проверить наличие данной закономерности с использованием другой базы данных [Center… 2016] дала удивительно сходную корреляцию – интенсивность переворотов и их попыток оказалась чрезвычайно сильно отрицательно коррелирующей с логарифмом ВВП; при этом сила корреляции в тесте с использованием этой базы данных оказалась даже выше ($R^2 = 0{,}916$), чем в предыдущем тесте с использованием базы данных CNTS ($R^2 = 0{,}896$) (см. Рис. 2.6).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.6. Корреляция между ВВП на душу населения для стран в международных долларах по ППС и интенсивностью переворотов и попыток переворотов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром логарифмической регрессии)

Источники данных: Center for Systemic Peace 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. Средние значения интенсивности переворотов и попыток переворотов для децилей.

Мы, конечно, имеем здесь дело с исключительно интересной закономерностью. Действительно, представляется совсем не случайным, что, в отличие от практически всех других форм социально-политической дестабилизации, интенсивность государственных переворотов проявляет очень выраженную тенденцию к спаду по мере модернизации и экономического роста. Ведь перевороты представляют собой исключительно архаическую форму социально-политической дестабилизации, широко засвидетельствованную уже в догосударственных обществах [см., например: Earle 1997], в отличие от таких ее форм, как, скажем, политические забастовки или антиправительственные демонстрации, только возникающих, по сути дела, в процессе модернизации. Выявленная нами выше отрицательная корреляция безусловно заслуживает специального изучения, но это, к сожалению, выходит за рамки данной работы. Для нас же здесь важно то обстоятельство, что данная отрицательная корреляция вносит весьма существенный вклад в ослабление U-образного характера зависимости общего индекса социально-политической дестабилизации CNTS от подушевого ВВП во многом из-за того, что при разработке методики подсчета интегрального индекса социально-политической дестабилизации создатели CNTS присвоили переворотам и попыткам переворотов максимальный вес – значительно больший, чем у любой другой составляющей дестабилизации. В результате рассматриваемая нами отрицательная корреляция очень существенно понижает силу положительной корреляции в левой части спектра подушевого ВВП и заметно увеличивает силу отрицательной корреляции в его правой части, что во многом и создает эффект явно выраженной асимметричности U-образной зависимости, когда положительная корреляция между подушевым ВВП и интегральным индексом социально-политической дестабилизации CNTS для слабо- и среднеразвитых обществ оказывается заметно слабее отрицательной корреляции для высокоразвитых обществ. При этом, как мы увидим ниже, для массовой социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» характер асимметрии оказывается прямо противоположным.

Дополнительную лепту здесь вносит такая составляющая интегрального индекса социально-политической дестабилизации, как «репрессии» (*domestic5*, purges).

Политические репрессии

Распределение интенсивности политических репрессий по шести группам доходов выглядит следующим образом (см. Рис. 2.7).

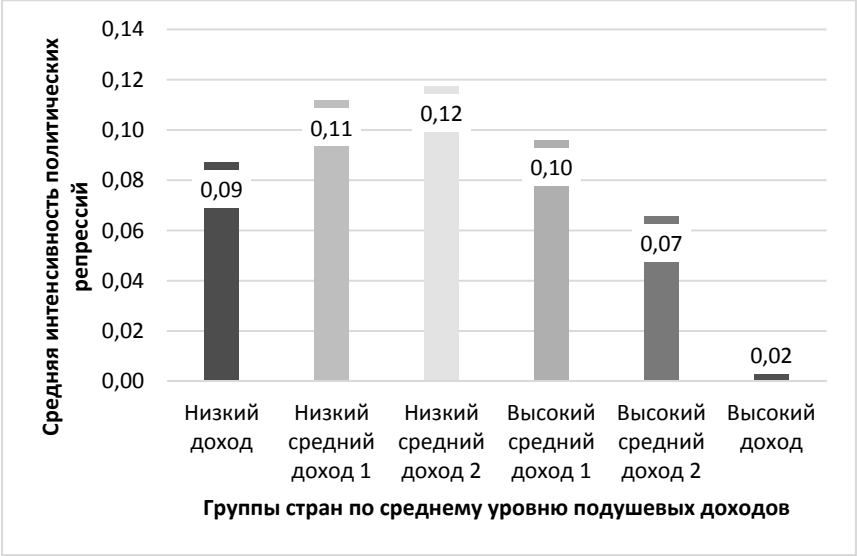

Рис. 2.7. Средняя интенсивность политических репрессий по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Как мы видим, для этого специфического индикатора социально-политической дестабилизации характерна очень слабая положительная корреляция в интервале более низких значений подушевого ВВП (вплоть до 6400–6500 долларов, то есть границы между «низкими средними» и «высокими средними» доходами), и откровенно сильная отрицательная корреляция для более высоких значений, что, конечно, дополнительно ослабляет общую перевернутую U-образную корреляцию, значительно усиливая ее асимметрию и сдвигая ее в сторону общей отрицательной корреляции.

В целом подецильный анализ участка до 6425 долларов дает следующие результаты (см. Рис. 2.8).

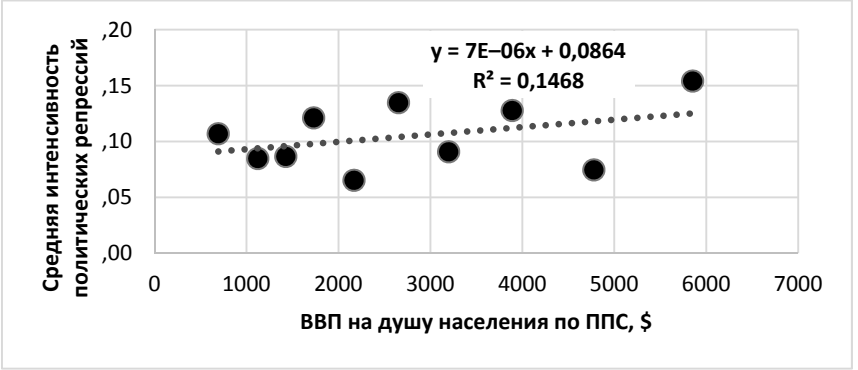

Рис. 2.8. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[11] и интенсивностью политических репрессий на соответствующий год на участке от минимума до 6425 долларов[12], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[13]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечания. r = 0,34, p = 0,337. Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей участка от минимума до 6425 долларов. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 6425 долларов имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – до 926 долларов; 2-й дециль – от 926 до 1300 долларов; 3-й дециль – от 1300 до 1551 доллара; 4-й дециль – от 1551 до 1938 долларов; 5-й дециль – от 1938 до 2400 долларов; 6-й дециль – от 2400 до 2915 долларов; 7-й дециль – от 2915 до 3492 долларов; 8-й дециль – от 3492 до 4322 долларов; 9-й дециль – от 4322 до 5305 долларов; 10-й дециль – от 5305 до 6425 долларов.

Как мы видим, для экономически слабо- и среднеразвитых стран с подушевым ВВП менее 6425 долларов наблюдается крайне слабая статистически незначимая положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью политических репрессий. Хотя эта корреляция и статистически незначима, она все-таки по-своему логична, ибо, как мы увидим далее, на этом участке наблюдается рост практически всех показателей социально-политической дестабилизации, что вполне логичным образом ведет к усилению репрессивной деятельности властей.

[11] В международных долларах 2011 г. по ППС.

[12] Что соответствует децилям общей совокупности с пятого по десятый.

[13] Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей участка от минимума до 6245 долларов.

Для более высоких значений подушевого ВВП (начиная с интервала около 5500–6500 долларов) мы наблюдаем совсем другую корреляцию (см. Рис. 2.9).

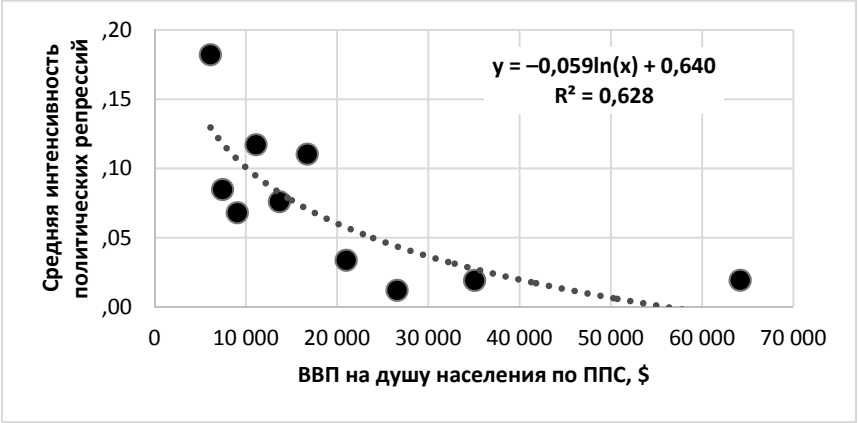

Рис. 2.9. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[14] и интенсивностью политических репрессий на соответствующий год на участке от 5526 долларов до максимума[15], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[16]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечания. r = –0,793, p = 0,006. Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей от 5526 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 5526 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 5526 до 6715 долларов; 2-й дециль – от 6715 до 8140 долларов; 3-й дециль – от 8140 до 10 120 долларов; 4-й дециль – от 10 120 до 12 330 долларов; 5-й дециль – от 12 330 до 15 060 долларов; 6-й дециль – от 15 060 до 18 660 долларов; 7-й дециль – от 18 660 до 23 565 долларов; 8-й дециль – от 23 565 до 30 350 долларов; 9-й дециль – от 30 350 до 40 630 долларов; 10-й дециль – от 40 630 долларов.

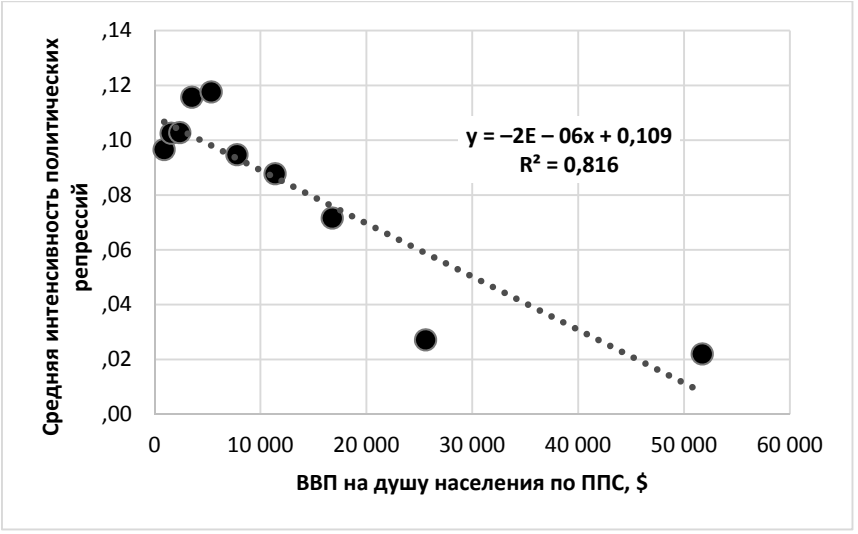
Как мы видим, для экономически средне- и высокоразвитых стран (начиная примерно с интервала порядка 5500–6500 долларов)

[14] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[15] Что соответствует децилям общей совокупности с пятого по десятый.
[16] Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей участка от 5526 долларов до максимума.

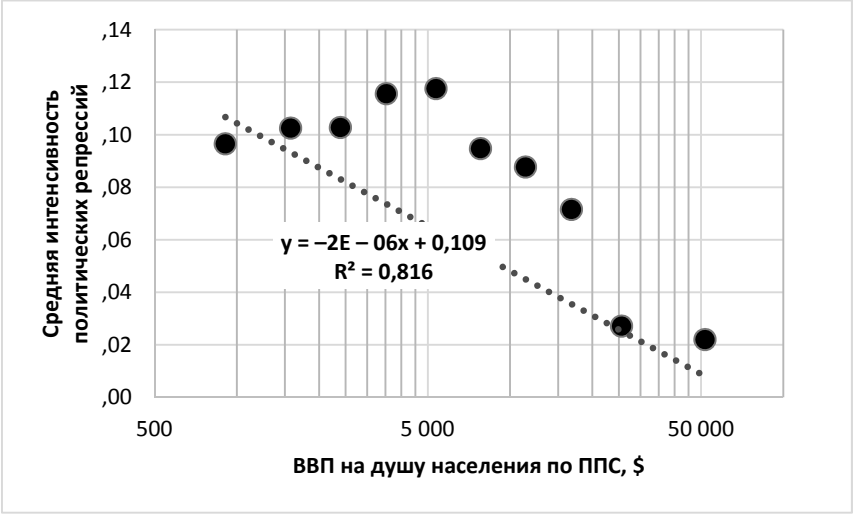
наблюдается откровенно сильная статистически значимая отрицательная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью политических репрессий. Таким образом, начиная с этого уровня, дальнейший рост подушевого ВВП сопровождается достаточно устойчивой тенденцией к снижению интенсивности политических репрессий.

Таким образом, для рассматриваемой переменной крайне слабая положительная корреляция для участка до 5500–6500 долларов (расположенного в левой части Рис. 2.10) сочетается с очень сильной отрицательной корреляцией для участка более 6000–6500 долларов (расположенного в правой части Рис. 2.10). В результате сильная отрицательная корреляция в правой части графика настолько перевешивает слабую положительную корреляцию в его левой части, что для всего спектра значений подушевого ВВП прослеживается сильная статистически значимая отрицательная корреляция (см. Рис. 2.10).

Однако для других индикаторов социально-политической дестабилизации положительная корреляция в левой части спектра выражена значительно сильнее.

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.10. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью политических репрессий на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание: r = –0,903, p < 0,001. Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей.

Политические убийства

Что касается политических убийств[17], достаточно сильная положительная корреляция наблюдается для интервала вплоть до границы между «низкими средними» и «высокими средними» доходами (то есть примерно 6500 долларов) (см. Рис. 2.11).

[17] *CNTS domestic1* = Assassinations.

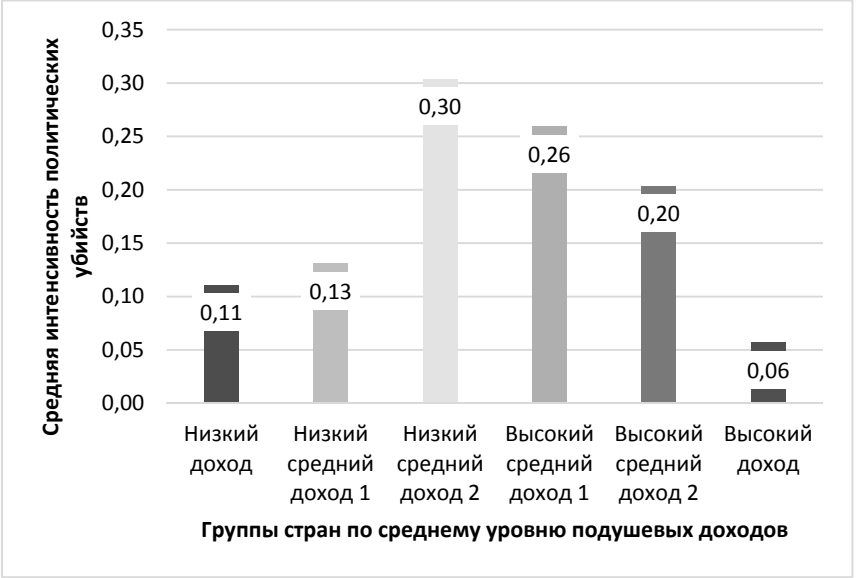

Рис. 2.11. Средняя интенсивность политических убийств по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Подецильный анализ корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью политических убийств для участка значений подушевого ВВП от минимума до порядка 6500 долларов дает следующие результаты (см. Рис. 2.12).

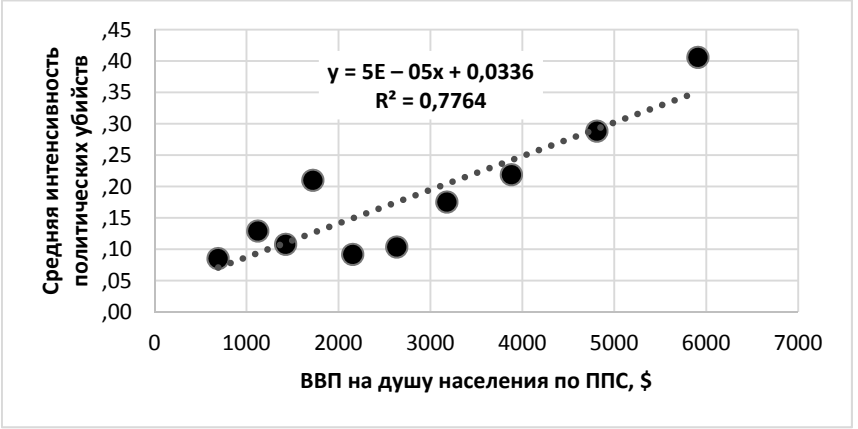

Рис. 2.12. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[18] и интенсивностью политических убийств на соответствующий год на участке от минимума до 6471 доллара[19], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[20]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = 0,881, p = 0,001. Средние значения интенсивности политических убийств для децилей участка от минимума до 6471 доллара. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 6471 доллара имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – до 925 долларов; 2-й дециль – от 925 до 1295 долларов; 3-й дециль – от 1295 до 1550 долларов; 4-й дециль – от 1550 до 1933 долларов; 5-й дециль – от 1933 до 2385 долларов; 6-й дециль – от 2385 до 2890 долларов; 7-й дециль – от 2890 до 3485 долларов; 8-й дециль – от 3485 до 4325 долларов; 9-й дециль – от 4325 до 5345 долларов; 10-й дециль – от 5345 до 6471 доллара.

Как мы видим, вплоть до интервала 5500–6500 долларов рост ВВП на душу населения сопровождается вполне выраженной тенденцией к росту интенсивности политических убийств. На этом участке (соответствующем странам с низкими и низкими средними подушевыми доходами) наблюдается откровенно сильная (r = 0,881) и статистически значимая (p = 0,001) корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических убийств. Однако с уровня по-

[18] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[19] Что соответствует первым пяти децилям общей совокупности.
[20] Средние значения интенсивности политических убийств для децилей участка от минимума до 6471 доллара.

рядка 6500 долларов (что как раз примерно соответствует границе между странами с низкими средними и высокими средними доходами) начинает прослеживаться прямо противоположная корреляция (см. Рис. 2.13).

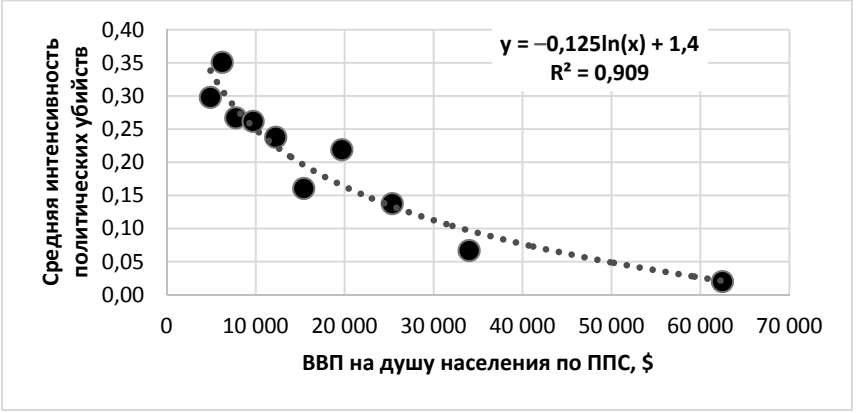

Рис. 2.13. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[21] и интенсивностью политических убийств на соответствующий год на участке от 4325 долларов до максимума[22], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[23]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечания. r = –0,953, p < 0,001. Средние значения интенсивности политических убийств для децилей участка от 4325 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 4325 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 4325 до 5595 долларов; 2-й дециль – от 5595 до 7022 долларов; 3-й дециль – от 7022 до 8582 долларов; 4-й дециль – от 8582 до 10 830 долларов; 5-й дециль – от 10 830 до 13 760 долларов; 6-й дециль – от 13 760 до 17 285 долларов; 7-й дециль – от 17 285 до 22 300 долларов; 8-й дециль – от 22 300 до 28 900 долларов; 9-й дециль – от 28 900 до 38 935 долларов; 10-й дециль – от 38 935 долларов до максимума.

Итак, для стран с высокими средними и высокими доходами мы наблюдаем еще более выраженную тенденцию к падению интенсивности политических убийств по мере роста подушевого ВВП.

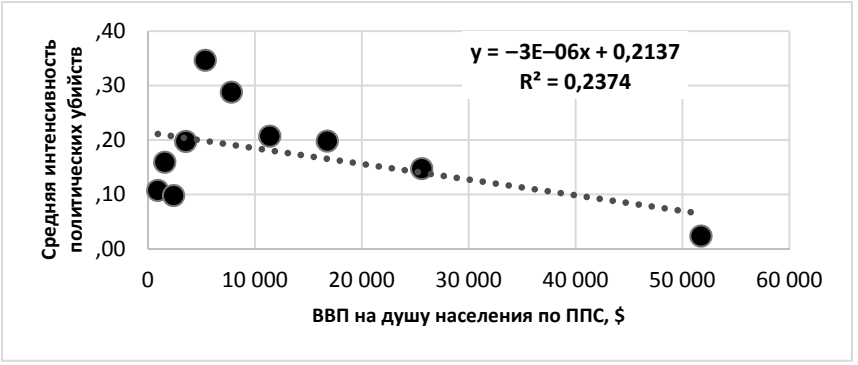
[21] В международных долларах 2011 г. по ППС.

[22] Что соответствует децилям общей совокупности с пятого по десятый.

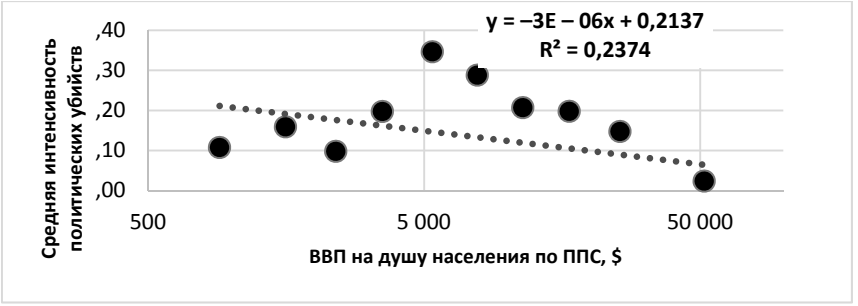
[23] Средние значения интенсивности политических убийств для децилей участка от 4325 долларов до максимума.

Как мы видим, в правой части спектра наблюдается еще более сильная (r = –0,953) и статистически значимая (p < 0,001) отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических убийств.

В результате полный подецильный анализ интересующей нас корреляции для всего спектра значений подушевого ВВП дает здесь следующие результаты (см. Рис. 2.14).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.14. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью политических убийств на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = –0,487, p = 0,153. Средние значения интенсивности политических убийств для децилей.

Итак, для политических убийств отрицательная корреляция в правой части спектра (то есть для стран с высокими средними и высокими доходами) перевешивает положительную корреляцию в его левой части (то есть для стран с низкими и низкими средними доходами), и в целом по всему спектру прослеживается довольно слабая статистически незначимая отрицательная корреляция.

«Партизанские действия»/террористические акты

Статистически значимая положительная корреляция на интервале вплоть до границы между низкими средними и высокими средними доходами (то есть примерно 6500 долларов) прослеживается и для «партизанских действий»/террористических актов[24] (см. Рис. 2.15).

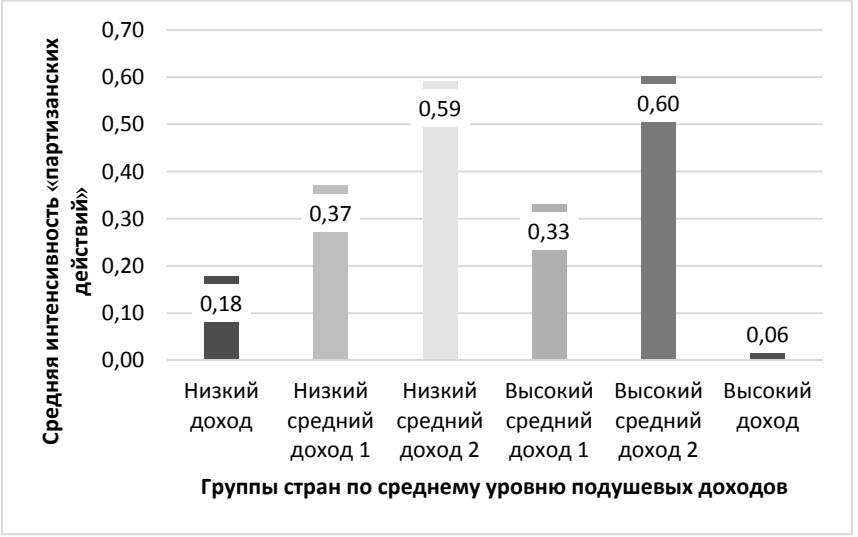

Рис. 2.15. Средняя интенсивность «партизанских действий»/террористических актов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

При этом, как мы видим, второй (и даже чуть более высокий) пик интенсивности «партизанских действий»/террористических актов приходится на второй интервал «высоких средних доходов» (12–23 тыс. долларов).

[24] *CNTS domestic3* = Guerrilla Warfare.

Рассмотрим теперь применительно к «партизанским действиям»/террористическим актам корреляции в левой и правой частях спектра значений ВВП на душу населения более подробно. Начнем с левой части спектра значений подушевого ВВП (см. Рис. 2.16).

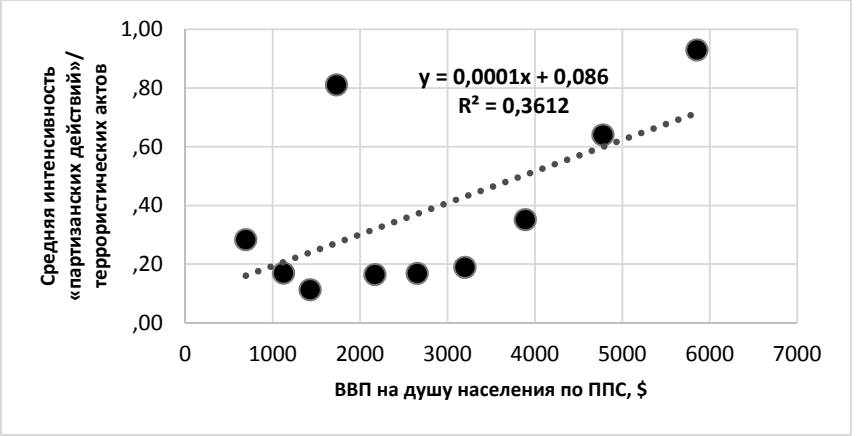

Рис. 2.16. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[25] и интенсивностью «партизанских действий»/террористических актов на соответствующий год на участке от минимума до 6425 долларов[26], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[27]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = 0,603, p = 0,033 (односторонний тест значимости). Средние значения интенсивности «партизанских действий»/террористических актов для децилей участка от минимума до 6425 долларов. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 6425 долларов имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – до 926 долларов; 2-й дециль – от 927 до 1300 долларов; 3-й дециль – от 1300 до 1551 доллара; 4-й дециль – от 1551 до 1938 долларов; 5-й дециль – от 1938 до 2400 долларов; 6-й дециль – от 2400 до 2915 долларов; 7-й дециль – от 2915 до 3492 долларов; 8-й дециль – от 3492 до 4322 долларов; 9-й дециль – от 4322 до 5305 долларов; 10-й дециль – от 5305 до 6425 долларов.

Как мы видим, применительно к интенсивности «партизанских действий»/террористических актов наблюдается достаточно выра-

[25] В международных долларах 2011 г. по ППС.

[26] Что соответствует первым пяти децилям общей совокупности.

[27] Средние значения интенсивности «партизанских действий»/террористических актов для децилей участка от минимума до 6425 долларов.

женная тенденция к увеличению по мере роста подушевого ВВП на участке, практически аналогичном тому, на котором фиксируется устойчивая положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью политических убийств. Речь идет о нижнем (левом) участке спектра значений подушевого ВВП вплоть до интервала порядка 5500–6500 долларов (что соответствует странам с низкими и низкими средними подушевыми доходами). Вместе с тем применительно к интенсивности «партизанских действий»/террористических актов речь идет о не слишком сильной положительной корреляции, которая оказывается лишь маргинально значимой статистически. С другой стороны, нельзя не отметить, что такой не слишком высокий уровень корреляции (r = 0,603) связан с наличием выраженного аутлаера в интервале порядка 1500–2000 долларов (природу этого аутлаера нам предстоит установить в дальнейшем). После вынесения данного аутлаера за скобки мы уже имеем дело с откровенно сильной и недвусмысленно статистически значимой корреляцией (см. Рис. 2.17).

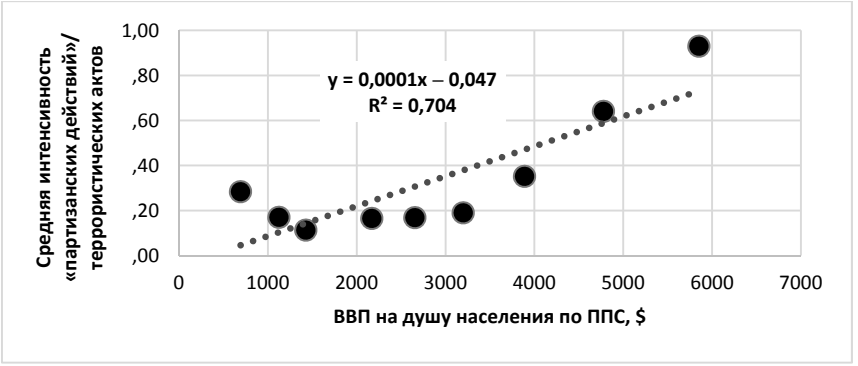

Рис. 2.17. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[28] и интенсивностью «партизанских действий»/террористических актов на соответствующий год на участке от минимума до 6425 долларов[29], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[30], без учета аутлаера

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. r = 0,841, p = 0,005.

[28] В международных долларах 2011 г. по ППС.

[29] Что соответствует первым пяти децилям общей совокупности.

[30] Средние значения интенсивности «партизанских действий»/террористических актов для децилей участка от минимума до 6425 долларов.

Как мы видим, для стран со средними и высокими подушевыми доходами наблюдается вполне выраженная статистически значимая тенденция к падению интенсивности «партизанских действий»/террористических актов по мере роста подушевого ВВП. Тенденция эта начинает прослеживаться с интервала порядка 5500–7000 долларов (см. Рис. 2.18).

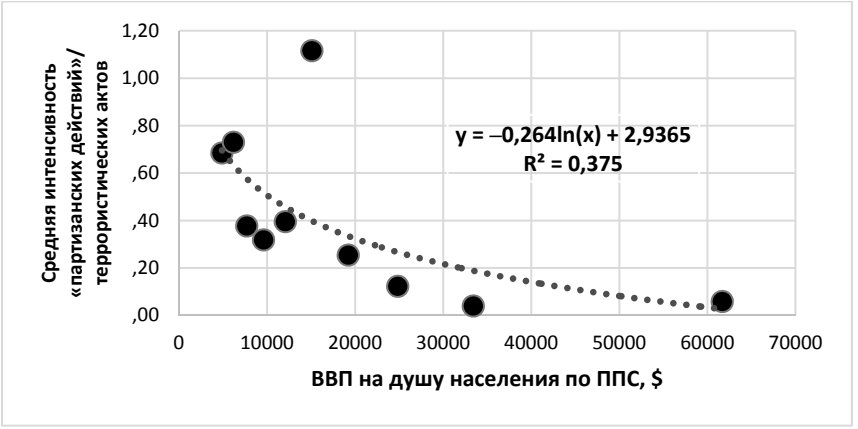

Рис. 2.18. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[31] и интенсивностью «партизанских действий»/террористических актов на соответствующий год на участке от 4325 долларов до максимума[32], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[33]

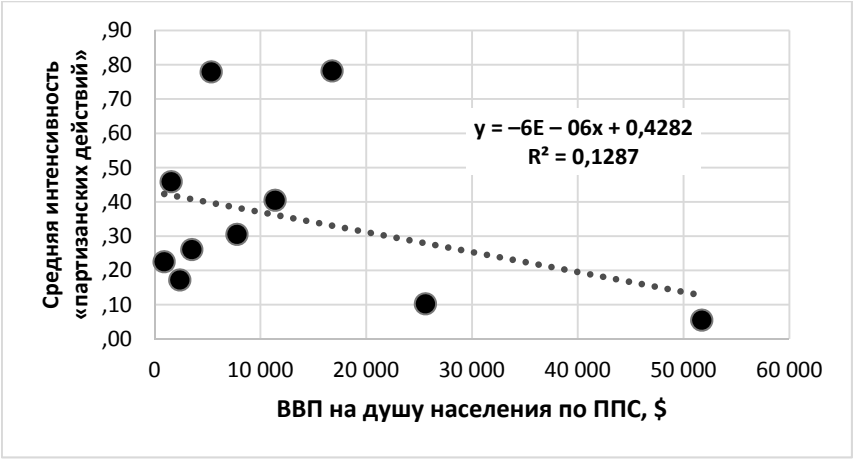
Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = –0,616, p = 0,029 (односторонний тест значимости). Средние значения интенсивности «партизанских действий»/террористических актов для децилей участка от 4325 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 4325 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 4325 до 5521 доллара; 2-й дециль – от 5521 до 6905 долларов; 3-й дециль – от 6905 до 8500 долларов; 4-й дециль – от 8500 до 10 695 долларов; 5-й дециль – от 10 695 до 13 485 долларов; 6-й дециль – от 13 485 до 16 950 долларов; 7-й дециль – от 16 950 до 21 725 долларов; 8-й дециль – от 21 725 до 28 310 долларов; 9-й дециль – от 28 310 до 39 000 долларов; 10-й дециль – от 39 000 долларов.

[31] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[32] Что соответствует децилям 5–10 общей совокупности.
[33] Средние значения интенсивности «партизанских действий»/террористических актов для децилей участка от 4325 долларов до максимума.

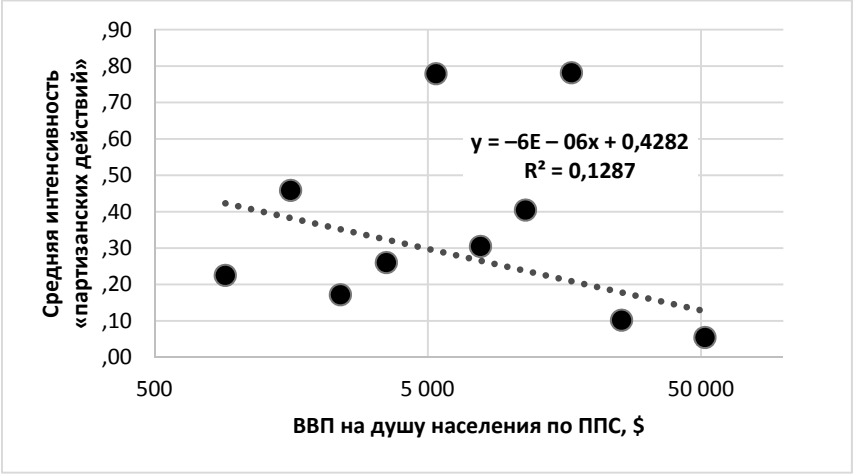
Однако нельзя не отметить то обстоятельство, что максимальное значение интенсивности «партизанских действий»/террористических актов все-таки фиксируется на интервале порядка 13 500–17 000 долларов. В результате мы имеем дело со своего рода бимодальным распределением, когда максимальная интенсивность «партизанских действий»/террористических актов наблюдается, с одной стороны, среди верхнего эшелона стран с низкими средними доходами, а с другой – среди верхнего эшелона стран с высокими средними доходами (при этом среди вторых данная интенсивность даже чуть выше, чем среди первых[34]). Конечно, трудно не рассматривать это обстоятельство в качестве одного из факторов формирования так называемой «ловушки средних доходов».

В целом же применительно к «партизанским действиям»/террористическим актам отрицательная корреляция в правой части спектра значений подушевого ВВП все-таки несколько перевешивает положительную корреляцию в его левой части, и по всему спектру прослеживается слабая статистически незначимая отрицательная корреляция (см. Рис. 2.19).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

[34] Различие это, впрочем, не является статистически значимым.

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.19. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью «партизанских действий» на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. r = –0,359, p = 0,309. Средние значения интенсивности «партизанских действий» для децилей.

Заметно более сильная корреляция в левой части спектра значений подушевого ВВП прослеживается применительно к правительственным кризисам[35].

Правительственные кризисы

Распределение интенсивности правительственных кризисов по шести группам доходов выглядит следующим образом (см. Рис. 2.20).

[35] *CNTS domestic4* = Major Government Crises.

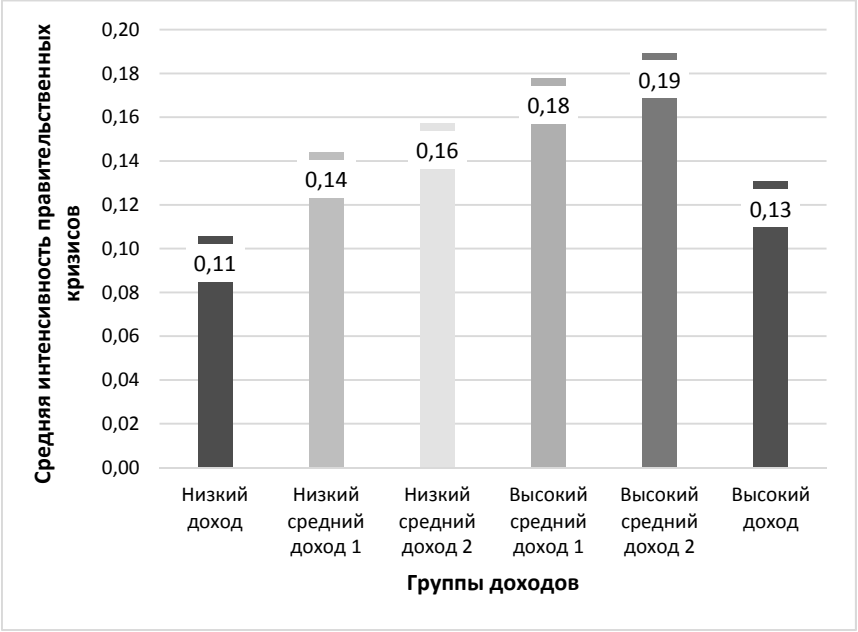

Рис. 2.20. Средняя интенсивность правительственных кризисов по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Подецильный анализ левой части спектра значений подушевого ВВП дает здесь следующие результаты (см. Рис. 2.21).

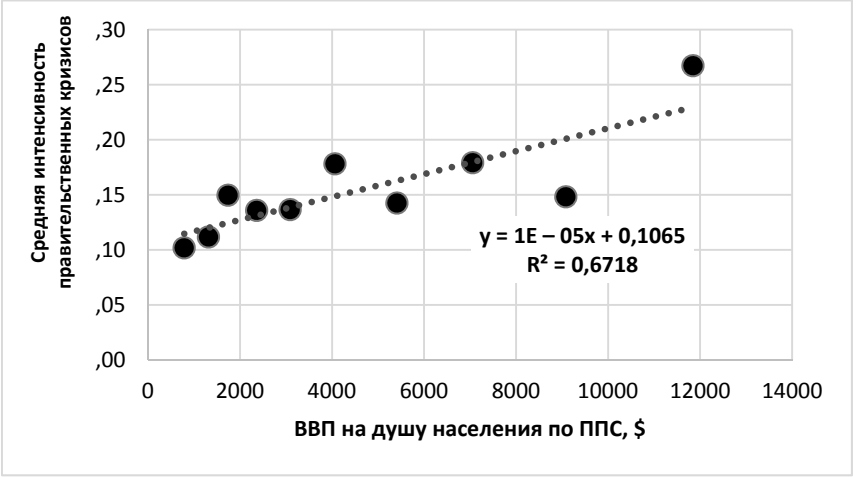

Рис. 2.21. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[36] и интенсивностью правительственных кризисов на соответствующий год на участке от минимума до 13 482 долларов[37], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[38]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечания. r = 0,82, p = 0,004. Средние значения интенсивности политических забастовок для децилей участка от минимума до 13 482 долларов. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 13 482 долларов имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – до 1094 долларов; 2-й дециль – от 1094 до 1511 долларов; 3-й дециль – от 1511 до 2037 долларов; 4-й дециль – от 2037 до 2720 долларов; 5-й дециль – от 2720 до 3495 долларов; 6-й дециль – от 3495 до 4685 долларов; 7-й дециль – от 4685 до 6191 доллара; 8-й дециль – от 6191 до 7926 долларов; 9-й дециль, – от 7926 до 10 290 долларов; 10-й дециль – от 10 290 до 13 482 долларов.

Как показывает Рис. 2.21, в левой части спектра значений подушевого ВВП вплоть до интервала порядка 10 500–13 500 долларов наблюдается сильная (r = 0,82) статистически значимая (p = 0,004) положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью правительственных кризисов. С интервала порядка

[36] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[37] Что соответствует децилям общей совокупности с первого по седьмой.
[38] Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей участка от минимума до 13 482 долларов.

12 500–14 500 долларов начинает прослеживаться прямо противоположная корреляция (см. Рис. 2.22).

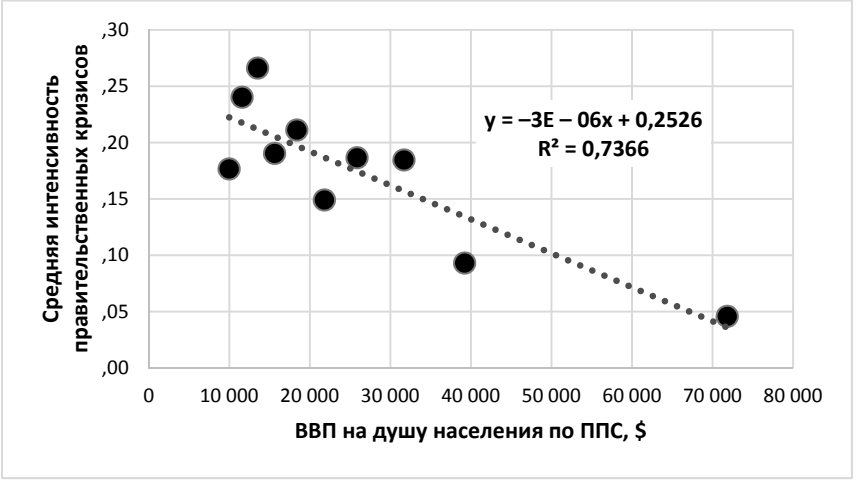

Рис. 2.22. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[39] и интенсивностью правительственных кризисов на соответствующий год на участке от 9228 долларов до максимума[40], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[41]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечания. r = –0,855, p = 0,002. Средние значения интенсивности правительственных кризисов для децилей участка от 9228 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 9228 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 9228 до 10 695 долларов; 2-й дециль – от 10 695 до 12 540 долларов; 3-й дециль – от 12 540 до 14 537 долларов; 4-й дециль – от 14 537 до 16 950 долларов; 5-й дециль – от 16 950 до 19 980 долларов; 6-й дециль – от 19 980 до 23 800 долларов; 7-й дециль – от 23 800 до 28 310 долларов; 8-й дециль – от 28 310 до 35 200 долларов; 9-й дециль – от 35 200 до 43 895 долларов; 10-й дециль – от 43 895 долларов до максимума.

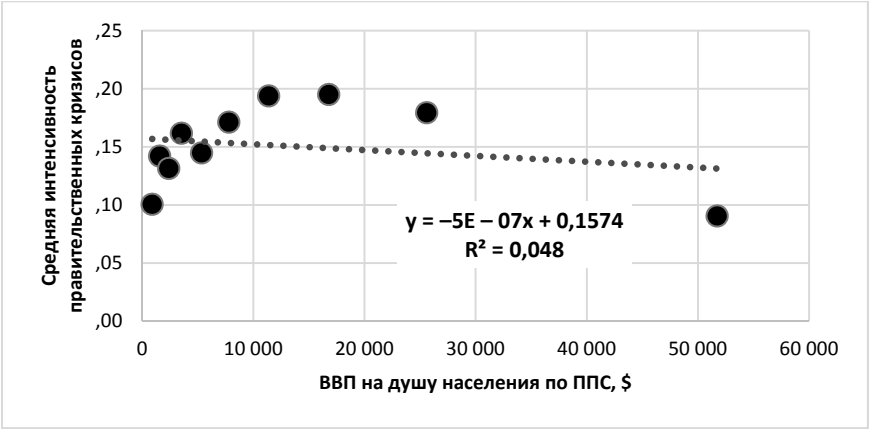
Как мы видим, отрицательная корреляция в правой части спектра значений подушевого ВВП в данном случае лишь немного сильнее, чем положительная корреляция в его левой части, и на выходе для

[39] В международных долларах 2011 г. по ППС.

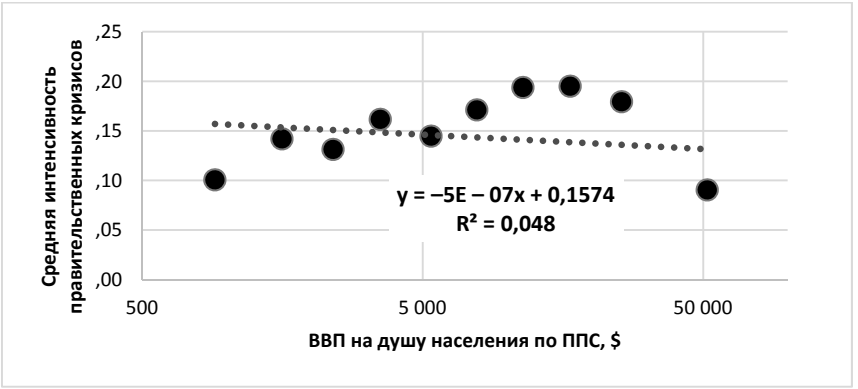
[40] Что соответствует децилям общей совокупности с седьмого по десятый.

[41] Средние значения интенсивности правительственных кризисов для децилей участка от 9228 долларов до максимума.

всего спектра значений ВВП на душу населения мы имеем крайне слабую статистически незначимую отрицательную корреляцию (см. Рис. 2.23).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.23. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью правительственных кризисов на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. Средние значения интенсивности правительственных кризисов для децилей.

На еще более протяженном участке спектра значений ВВП на душу населения прослеживается статистически значимая положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью такой важнейшей формы социально-политической дестабилизации, как массовые беспорядки[42].

Массовые беспорядки

Распределение интенсивности массовых беспорядков по шести группам доходов выглядит следующим образом (см. Рис. 2.24).

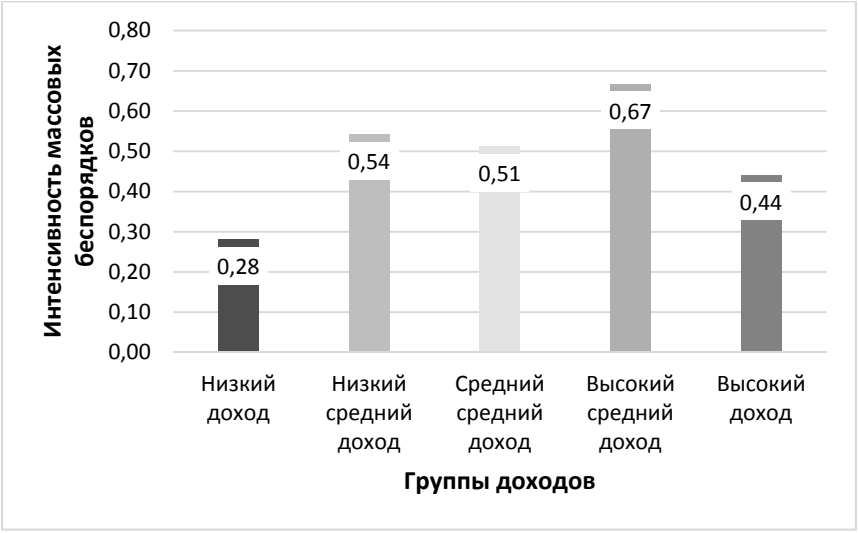

Рис. 2.24. Средняя интенсивность массовых беспорядков по группам доходов на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Подецильный анализ положительной корреляции в левой части спектра значений подушевого ВВП здесь дает следующие результаты (см. Рис. 2.25).

[42] *CNTS domestic6* = Riots.

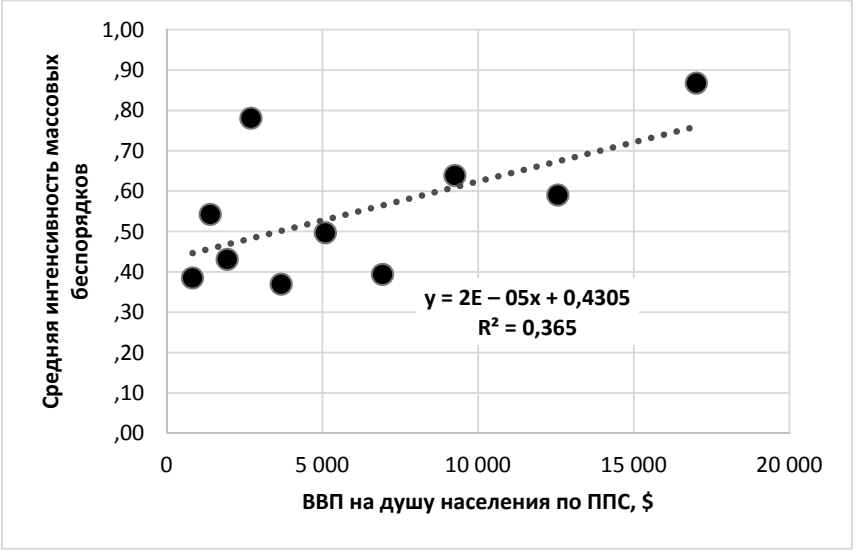

Рис. 2.25. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[43] и интенсивностью массовых беспорядков на соответствующий год на участке от минимума до 19 960 долларов[44], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[45]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = 0,607, p = 0,032 (односторонний тест значимости). Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от минимума до 19 960 долларов. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 19 960 долларов имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от минимума до 1167 долларов; 2-й дециль – от 1167 до 1615 долларов; 3-й дециль – от 1615 до 2310 долларов; 4-й дециль – от 2310 до 3130 долларов; 5-й дециль – от 3130 до 4322 долларов; 6-й дециль – от 4322 до 5970 долларов; 7-й дециль – от 5970 до 7926 долларов; 8-й дециль – от 7926 до 10 695 долларов; 9-й дециль – от 10 695 до 14 535 долларов; 10-й дециль – от 14 535 до 19 960 долларов.

Как мы видим, положительная корреляция не отличается здесь особо высокой силой, но является статистически значимой и про-

[43] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[44] Что соответствует первым восьми децилям общей совокупности.
[45] Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от минимума до 19 960 долларов.

слеживается вплоть до уровня в почти 20 000 долларов. Отметим, что особой силой здесь не отличается и отрицательная корреляция в правой части спектра значений подушевого ВВП, которая к тому же является лишь маргинально статистически значимой (см. Рис. 2.26).

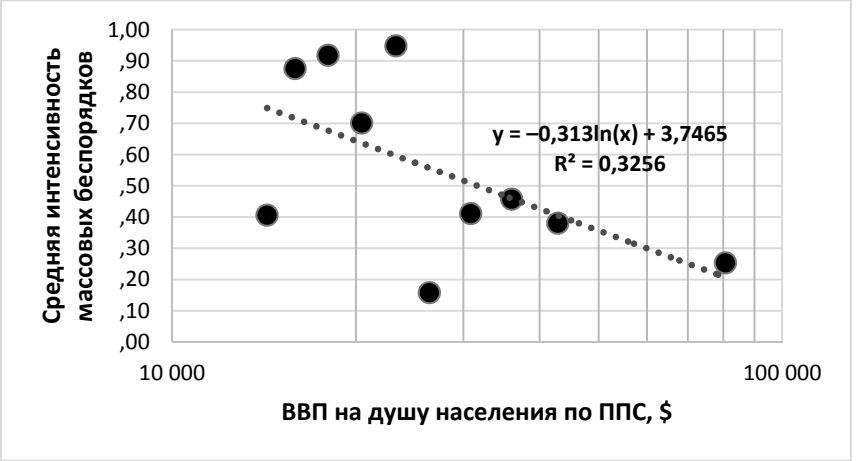

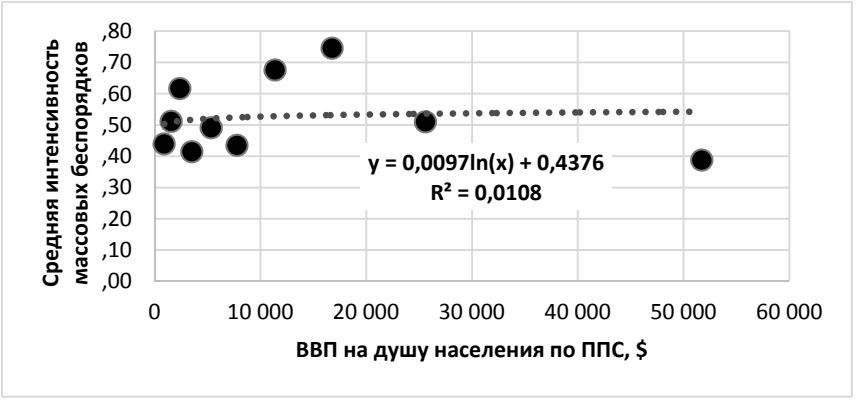
Рис. 2.26. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[46] и интенсивностью массовых беспорядков на соответствующий год на участке от 13 485 долларов до максимума[47], 1960–2015 гг., логарифмическая шкала (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[48]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

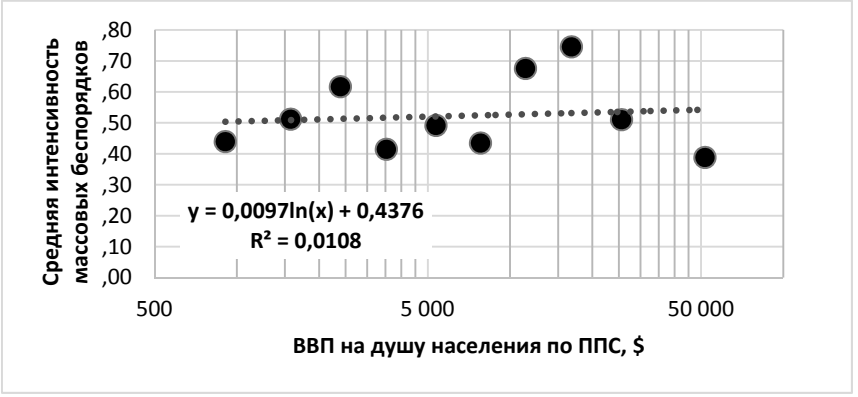
Примечание. r = –0,575, p = 0,082 (односторонний тест значимости). Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от 13 485 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 13 485 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 13 485 до 15 055 долларов; 2-й дециль – от 15 055 до 16 950 долларов; 3-й дециль – от 16 950 до 19 110 долларов; 4-й дециль – от 19 110 до 21 728 долларов; 5-й дециль – от 21 728 до 24 800 долларов; 6-й дециль – от 24 800 до 28 310 долларов; 7-й дециль – от 28 310 до 33 400 долларов; 8-й дециль – от 33 400 до 39 100 долларов; 9-й дециль – от 39 100 до 48 300 долларов; 10-й дециль – от 48 300 долларов до максимума.

[46] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[47] Что соответствует децилям 8–10 общей совокупности.
[48] Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от 13 485 долларов до максимума.

Тем не менее положительная корреляция в левой части спектра значений подушевого ВВП здесь оказывается лишь совсем немного сильнее отрицательной корреляции в его правой части, и на всем протяжении спектра мы имеем дело с крайне слабой (мало отличной от нулевой) положительной корреляцией (см. Рис. 2.27).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.27. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью массовых беспорядков на соответствующий год для всего спектра значений подушевого ВВП, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. r = 0,104, p = 0,775. Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей.

С несравненно более сильной положительной корреляцией в левой части спектра значений ВВП на душу населения мы имеем дело применительно к такой важнейшей форме социально-политической дестабилизации, как политические забастовки.

Политические забастовки

Положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических забастовок[49] выражена самым явным образом, прослеживаясь вместе с тем на достаточно широком интервале (при этом положительная корреляция в левой части спектра оказывается здесь заметно более выраженной, чем отрицательная в его правой части) (см. Рис. 2.28).

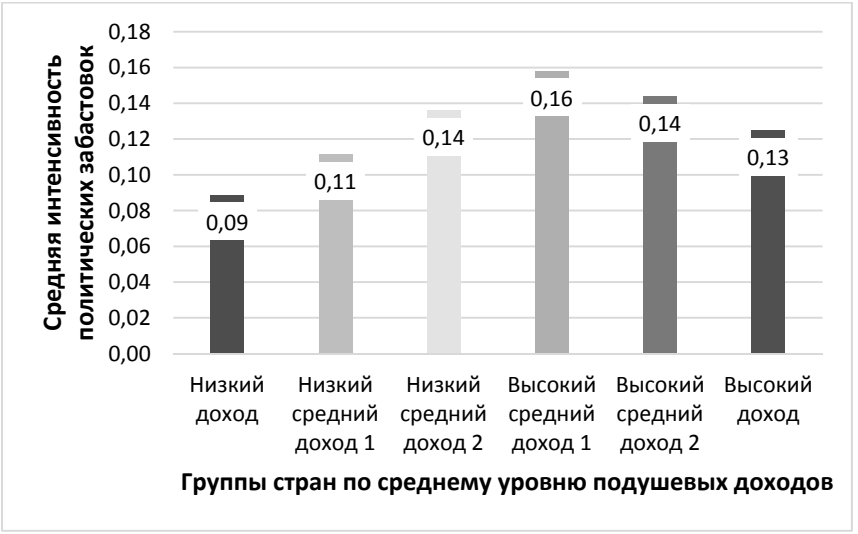
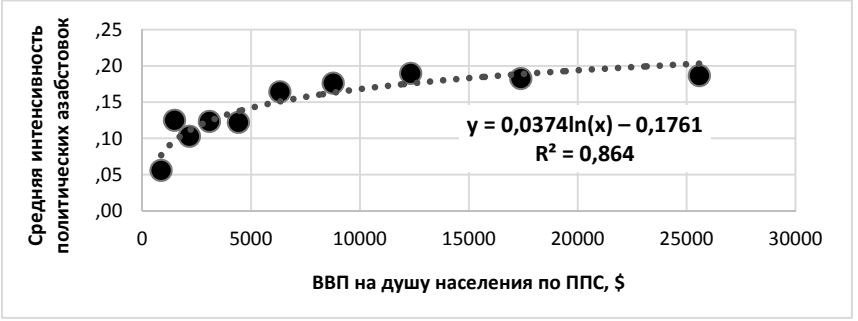

Рис. 2.28. Средняя интенсивность политических забастовок по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

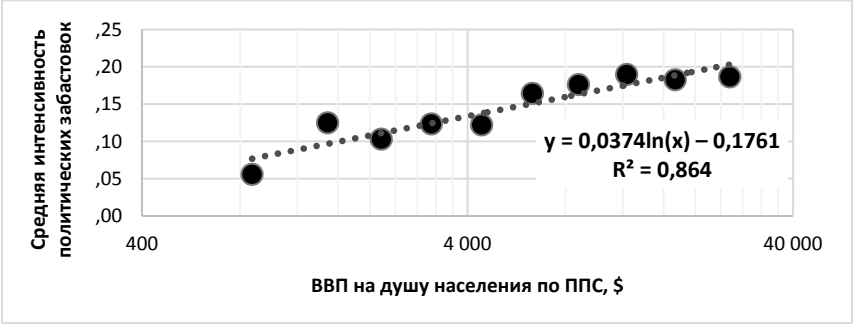
Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Подецильный анализ левой части спектра значений подушевого ВВП здесь дает следующие результаты (см. Рис. 2.29).

[49] *CNTS domestic2* = General Strikes.

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.29. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[50] и интенсивностью политических забастовок на соответствующий год на участке от минимума до 31 671 доллара[51], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[52]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечания. r = 0,93, p < 0,001. Средние значения интенсивности политических забастовок для децилей участка от минимума до 31 671 доллара. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 31 671 доллара имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – до 1230 долларов; 2-й дециль – от 1230 до 1761 доллара; 3-й дециль – от 1761 до 2599 долларов; 4-й дециль – от 2599 до 3639 долларов; 5-й дециль – от 3639 до 5307 долларов; 6-й дециль – от 5307 до 7472 долларов; 7-й дециль – от 7472 до 10 290 долларов; 8-й дециль – от 10 290 до 14 535 долларов; 9-й дециль – от 14 535 до 20 875 долларов; 10-й дециль – от 20 875 до 31 671 доллара.

[50] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[51] Что соответствует децилям общей совокупности с первого по девятый.
[52] Средние значения интенсивности политических репрессий для децилей участка от минимума до 31 671 доллара.

Как можно видеть на Рис. 2.29, в левой части спектра наблюдается очень сильная ($r = 0{,}93$) и, вне всякого сомнения, статистически значимая ($p < 0{,}001$) положительная корреляция между логарифмом ВВП на душу населения и интенсивностью политических забастовок, то есть на этом участке спектра (включающем в себя, напомним, абсолютное большинство человеческих обществ) чем выше средний уровень экономического благосостояния членов социальных систем, тем выше уровень забастовочной активности. Вместе с тем анализ Рис. 2.29 показывает, что реально рост подушевого ВВП сопровождается ростом забастовочной активности вплоть до интервала 10 500–14 500 долларов, после этого, как мы увидим далее, в интервале 10 500–26 000 долларов в среднем забастовочная активность остается на очень высоком уровне, но рост подушевого ВВП в этом диапазоне дальнейшим ростом забастовочной активности уже не сопровождается. Начиная же с интервала порядка 24 000–26 000 долларов дальнейший рост подушевого ВВП сопровождается совершенно определенной тенденцией к снижению интенсивности забастовочной активности (см. Рис. 2.30).

Как мы видим, в правой части спектра значений подушевого ВВП (соответствующей в основном странам с высокими подушевыми доходами) наблюдается вполне сильная ($r = -0{,}77$) статистически значимая ($p = 0{,}01$) отрицательная корреляция между логарифмом ВВП на душу населения и интенсивностью политических забастовок. Таким образом, в отличие от стран с низкими и низкими средними доходами, где рост ВВП на душу населения в тенденции ведет к росту интенсивности политических забастовок, в странах с высокими подушевыми доходами их дальнейший рост в тенденции ведет уже не к росту, а к снижению забастовочной активности. Вместе с тем положительная корреляция в левой части спектров значений подушевого ВВП оказывается здесь несколько сильнее той отрицательной корреляции, которая наблюдается в правой части спектра. В результате для всего спектра значений подушевого ВВП прослеживается слабая статистически незначимая положительная корреляция (см. Рис. 2.31).

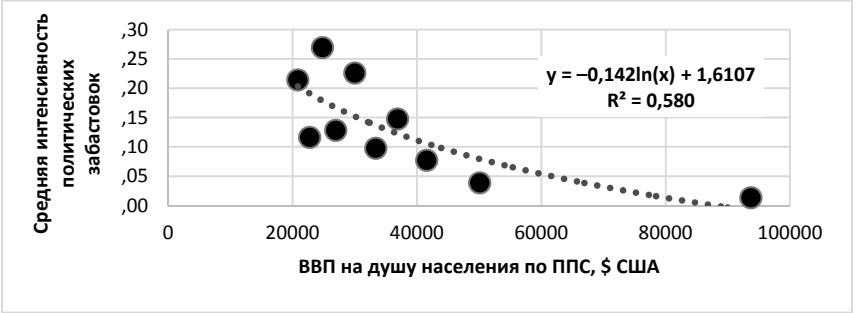
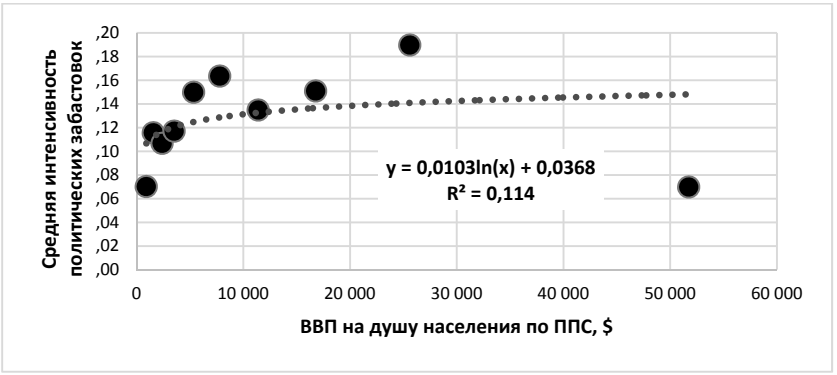

Рис. 2.30. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[53] и интенсивностью политических забастовок на соответствующий год на участке от 19 969 долларов до максимума[54], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[55]

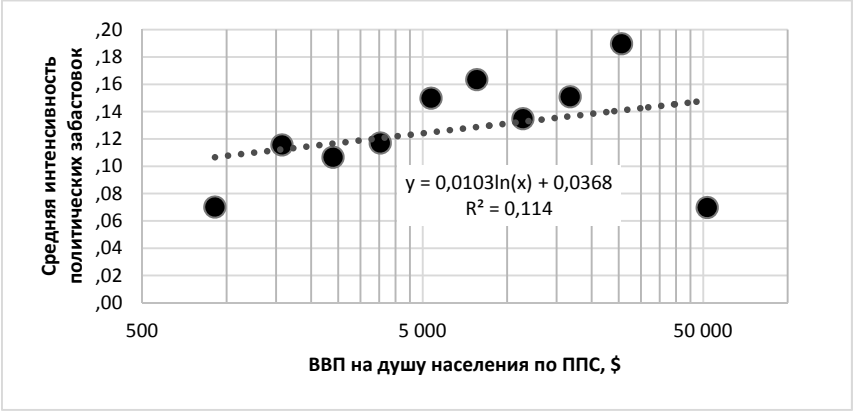
Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечания. r = –0,77, p = 0,01. Средние значения интенсивности политических забастовок для децилей участка от 19 969 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 19 969 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 19 969 до 21 725 долларов; 2-й дециль – от 21 725 до 23 725 долларов; 3-й дециль – от 23 725 до 25 780 долларов; 4-й дециль – от 25 780 до 28 310 долларов; 5-й дециль – от 28 310 до 31 675 долларов; 6-й дециль – от 31 675 до 35 200 долларов; 7-й дециль – от 35 200 до 39 100 долларов; 8-й дециль – от 39 100 до 43 895 долларов; 9-й дециль – от 43 895 до 63 600 долларов; 10-й дециль – от 63 600 долларов.

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

[53] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[54] Что соответствует девятому и десятому децилям общей совокупности.
[55] Средние значения интенсивности политических забастовок для децилей участка от 19 969 долларов до максимума.

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.31. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью политических забастовок на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. r = 0,338, p = 0,34. Средние значения интенсивности политических забастовок для децилей.

В целом, как мы могли видеть, положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических забастовок, наблюдаемая применительно к странам с низкими и средними доходами, исключительно высока (r = 0,93[56]). Вместе с тем есть еще одна форма социально-политической дестабилизации, применительно к которой положительная корреляция с подушевым ВВП в левой части спектра оказывается еще более высокой. Речь идет об антиправительственных демонстрациях.

Антиправительственные демонстрации

Распределение интенсивности антиправительственных демонстраций по шести группам доходов выглядит следующим образом (см. Рис. 2.32).

[56] Логарифмическая регрессия.

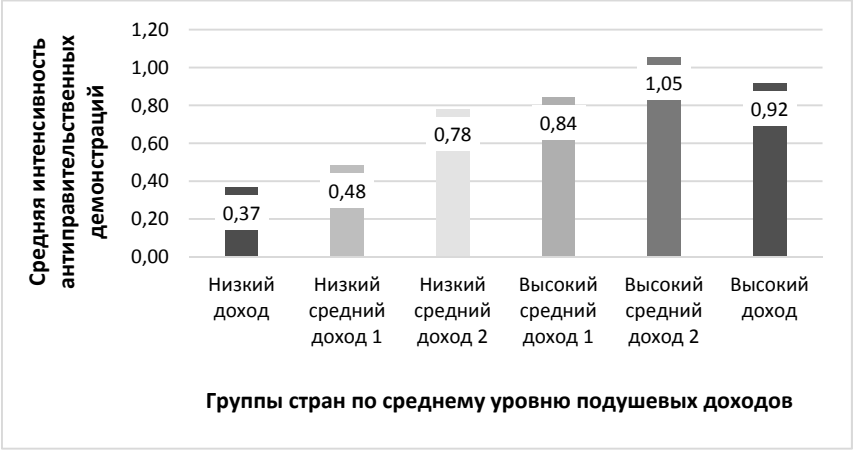
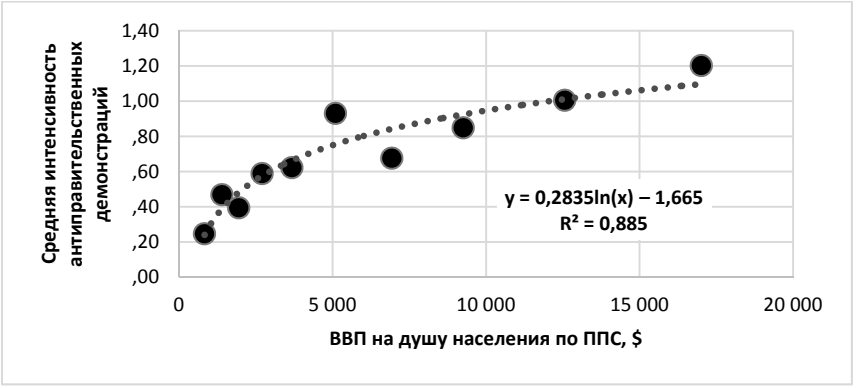

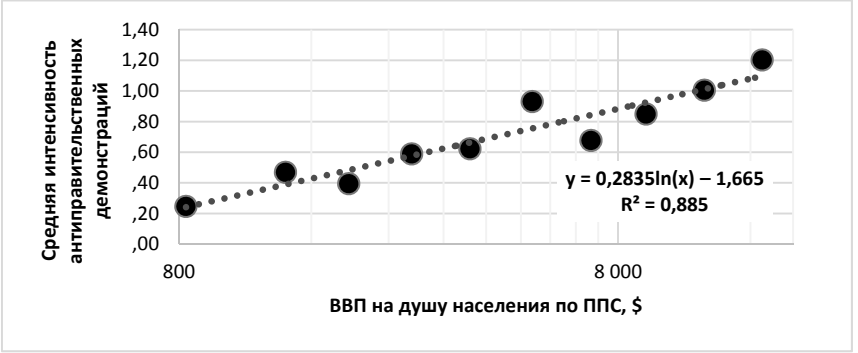
Рис. 2.32. Средняя интенсивность антиправительственных демонстраций по группам дохода на душу населения в мире за период 1960–2015 гг.

Источник: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Как нам уже доводилось показывать ранее (Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017*а*; 2017*б*; Коротаев, Васькин, Билюга 2017), в диапазоне значений подушевого ВВП вплоть до уровня порядка 20 000 долларов наблюдается исключительно высокая положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Этот вывод подтверждается и нашими новыми тестами с использованием самых последних данных (см. Рис. 2.33).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.33. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[57] и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год на участке от минимума до 19 960 долларов[58], 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)[59]

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. r = 0,941, p < 0,001. Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от минимума до 19 960 долларов. Децили по ВВП на душу населения для участка от минимума до 19 960 долларов имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от минимума до 1167 долларов; 2-й дециль – от 1167 до 1615 долларов; 3-й дециль – от 1615 до 2310 долларов; 4-й дециль – от 2310 до 3130 долларов; 5-й дециль – от 3130 до 4322 долларов; 6-й дециль – от 4322 до 5970 долларов; 7-й дециль – от 5970 до 7926 долларов; 8-й дециль – от 7926 до 10 695 долларов; 9-й дециль – от 10 695 до 14 535 долларов; 10-й дециль – от 14 535 до 19 960 долларов.

Вместе с тем антиправительственные демонстрации оказываются в некотором роде исключительной формой социально-политической дестабилизации в том смысле, что только в их отношении (с учетом самых последних данных) мы не находим в правой части спектра значений подушевого ВВП статистически значимой отрицательной корреляции (см. Рис. 2.34).

[57] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[58] Что соответствует первым восьми децилям общей совокупности.
[59] Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от минимума до 19 960 долларов.

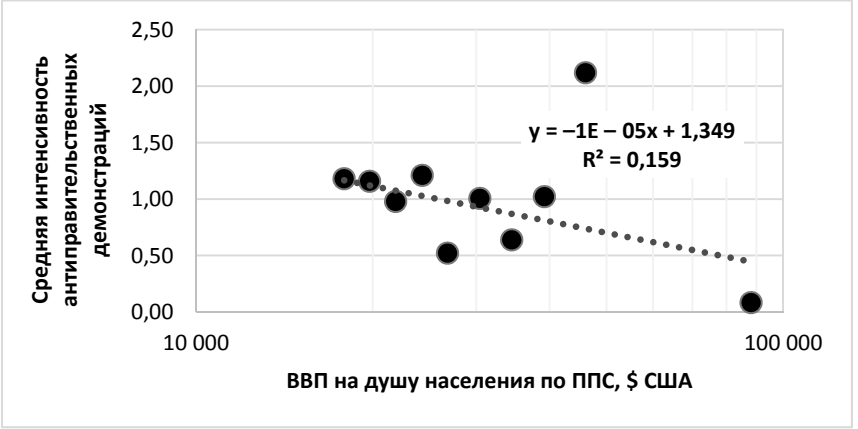

Рис. 2.34. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[60] и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год на участке от 17 000 долларов до максимума, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии, логарифмическая шкала)[61].

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = – 0,399, p = 0,253. Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от 17 000 долларов до максимума. Децили по ВВП на душу населения для участка от 17 000 долларов до максимума имеют следующие характеристики своих границ: 1-й дециль – от 17 000 до 18 750 долларов; 2-й дециль – от 18 750 до 20 800 долларов; 3-й дециль – от 20 800 до 23 000 долларов; 4-й дециль – от 23 000 до 25 500 долларов; 5-й дециль – от 25 500 до 28 500 долларов; 6-й дециль – от 28 500 до 32 500 долларов; 7-й дециль – от 32 500 до 36 500 долларов; 8-й дециль – от 36 500 до 42 200 долларов; 9-й дециль – от 42 200 до 55 250 долларов; 10-й дециль – от 55 250 долларов до максимума.

Вместе с тем более внимательный анализ показывает, что статистически незначимой отрицательную корреляцию здесь делает девятый дециль, в то время как это оказывается связанным с тем простым обстоятельством, что в данный дециль попадают США с характерной для них необычно высокой для экономически высокоразвитой страны интенсивностью протестных демонстраций (как

[60] В международных долларах 2011 г. по ППС.
[61] Средние значения интенсивности массовых беспорядков для децилей участка от 17 000 долларов до максимума.

мы видим, «американская исключительность» проявляется и здесь). При удалении аутлаера отрицательная корреляция становится достаточно сильной и статистически незначимой (см. Рис. 2.35).

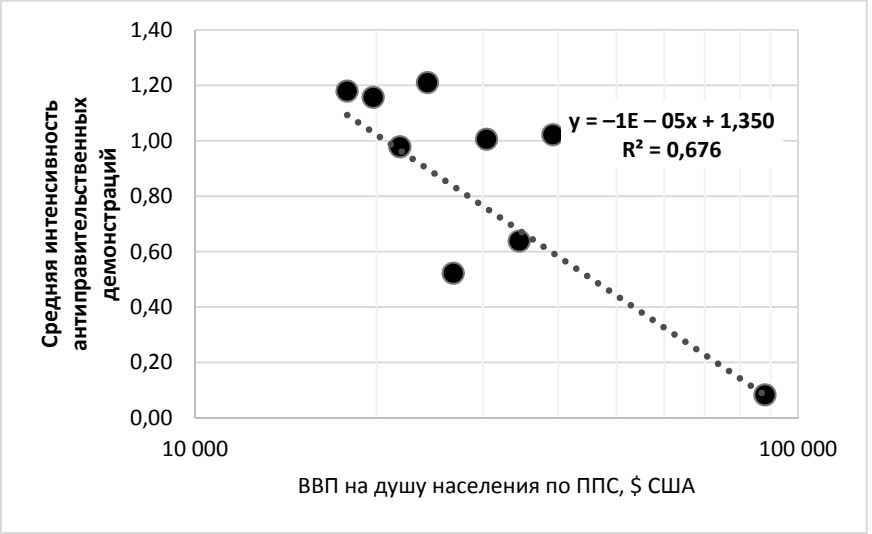

Рис. 2.35. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения[62] и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год на участке от 17 000 долларов до максимума, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)[63], без учета аутлаера

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. r = –0,822, p = 0,007.

С другой стороны, совершенно очевидно, что США представляют собой слишком большое «исключение», чтобы можно было позволить его так просто игнорировать.

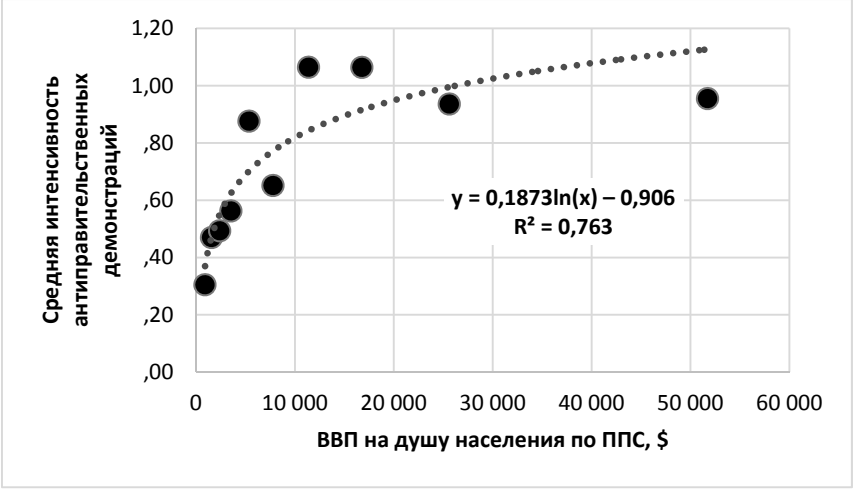
В целом же наиболее адекватной представляется следующая интерпретация полученных результатов: вплоть до уровня 20 000 долларов наблюдается очень сильная положительная корреляция меж-

[62] В международных долларах 2011 г. по ППС.

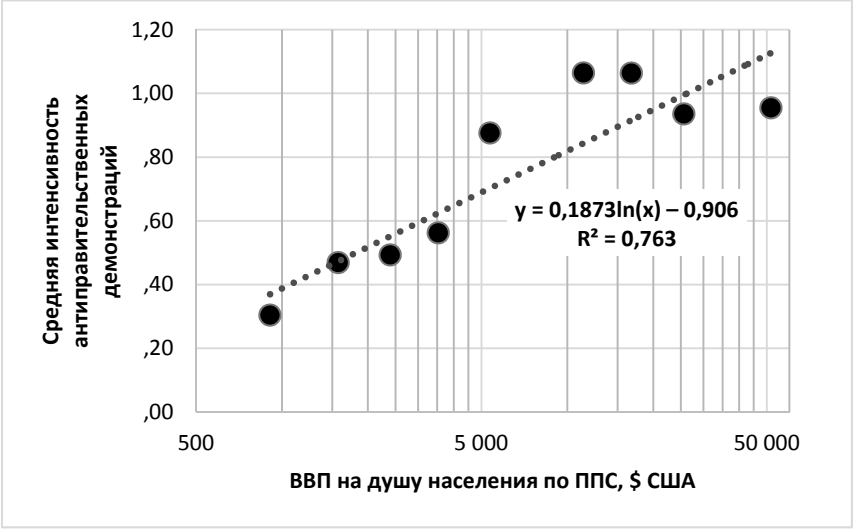
[63] Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей участка от 17 000 долларов до максимума.

ду подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций, то есть рост ВВП на душу населения на этом интервале сопровождается ярко выраженной тенденцией к росту интенсивности антиправительственных демонстраций – в любом случае получается, что на этом интервале чем лучше люди живут, тем больше они выходят на улицы с демонстрациями против собственного правительства (результат в любом случае парадоксальный, но в свете изложенного в начале этой главы совсем не удивительный). Вместе с тем после достижения порога подушевого ВВП порядка 20 000 долларов дальнейший рост ВВП на душу населения начинает сопровождаться тенденцией к снижению интенсивности антиправительственных демонстраций, но признать ее однозначно статистически значимой все-таки нельзя.

В любом случае, применительно к антиправительственным демонстрациям сочетание чрезвычайно высокой положительной корреляции в интервале до 20 000 долларов со статистически незначимой отрицательной корреляцией в последующем интервале приводит к тому, что на всем протяжении спектра значений подушевого ВВП мы наблюдаем откровенно сильную статистически значимую положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 2.36).

а) с натуральной шкалой по оси абсцисс

б) с логарифмической шкалой по оси абсцисс

Рис. 2.36. Корреляция между ВВП на душу населения в международных долларах по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

Обсуждение

Подведем некоторые итоги проведенных нами тестов. Рассмотрим сначала характеристики положительной корреляции в левой части спектра значений подушевого ВВП (см. Табл. 2.1).

Табл. 2.1. Характеристики положительной корреляции в левой части спектра значений подушевого ВВП

Типы социально-политической дестабилизации	Вплоть до какого интервала (S) наблюдается непрерывная положительная корреляция	Сила положительной корреляции (r)	Статистическая значимость положительной корреляции (p)
Перевороты и попытки переворотов	Положительной корреляции в левой части спектра не фиксируется		
Политические репрессии	5300–6400	0,34*	0,337
Политические убийства	5300–6400	0,881*	0,001
«Партизанские действия»/теракты	5300–6400	0,603*	0,033
Правительственные кризисы	10 300–13 500	0,82*	0,004
Массовые беспорядки	14 500–20 000	0,607*	0,032
Политические забастовки	10 300–14 500	0,93**	< 0,001
Антиправительственные демонстрации	14 500–20 000	0,941**	< 0,001

* Линейная регрессия.
** Логарифмическая регрессия.

Как мы видим, по этим характеристикам разные формы социально-политической дестабилизации различаются между собой самым значительным образом. При этом на противоположных полюсах оказываются перевороты и попытки переворотов (для которых положительной корреляции в левой части спектра вообще не фиксируется) и антиправительственные демонстрации (для которых в левой части спектра фиксируется исключительно высокая [r = 0,941!] положительная корреляция). К переворотам и попыткам переворотов вплотную примыкают политические репрессии, для которых положительная корреляция в левой части спектра хотя и фиксируется, но является крайне слабой, статистически незначимой и наблюдаемой на крайне ограниченном отрезке (соответствующем странам с низкими и низкими средними, но не высокими средними доходами).

На том же ограниченном отрезке наблюдается и положительная корреляция с интенсивностью политических убийств и «партизанских действий»/терактов, однако применительно к этим двум формам социально-политической дестабилизации положительная корреляция является статистически значимой (а применительно к политическим убийствам речь идет еще и об откровенно сильной корреляции).

Несколько ближе к другому полюсу здесь находятся правительственные кризисы, применительно к которым статистически значимая сильная положительная корреляция прослеживается не только для стран с низкими и низкими средними доходами, но и для нижнего эшелона стран с высокими средними доходами. На еще более протяженном интервале (включающем не только нижний, но и верхний эшелон стран с высокими средними доходами) прослеживается статистически значимая (впрочем, не очень сильная) положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью массовых беспорядков.

Вплотную к полюсу, противоположному переворотам и попыткам переворотов, примыкают политические забастовки благодаря тому, что применительно к ним в левой части спектра прослеживается исключительно сильная ($r = 0{,}93$!) статистически значимая положительная корреляция, впрочем, на интервале, не столь протяженном, как мы могли это видеть применительно к массовым беспорядкам, или как мы это увидим применительно к следующей форме социально-политической дестабилизации – к антиправительственным демонстрациям.

Именно антиправительственные демонстрации здесь составляют полюс, прямо противоположный переворотам и попыткам переворотов – благодаря прежде всего исключительно высокой положительной корреляции ($r = 0{,}941$!), но также и благодаря тому обширному интервалу, на котором эта корреляция прослеживается (на столь же обширном интервале положительная корреляция в левой части спектра прослеживается только для массовых беспорядков, но, как мы помним, в последнем случае мы имеем дело с существенно более слабой корреляцией).

Рассмотрим теперь характеристики отрицательной корреляции в правой части спектра значений подушевого ВВП (см. Табл. 2.2).

Табл. 2.2. Характеристики отрицательной корреляции в правой части спектра значений подушевого ВВП

Типы социально-политической дестабилизации	Начиная с какого интервала (S) наблюдается непрерывная отрицательная корреляция	Сила отрицательной корреляции (r)	Статистическая значимость отрицательной корреляции (p)
Перевороты и попытки переворотов	Отрицательная корреляция прослеживается на протяжении всего спектра значений подушевого ВВП	–0,946**	< 0,001
Политические убийства	5600–7000	–0,953**	< 0,001
Политические репрессии	5500–6700	–0,793**	0,006
Правительственные кризисы	12 500–14 500	–0,855**	0,002
«Партизанские действия»/теракты	13 500–17 000	–0,616**	0,029
Массовые беспорядки	21 700–24 800	–0,575**	0,082
Политические забастовки	23 000–25 000	–0,77**	0,01

* Линейная регрессия.
** Логарифмическая регрессия.

Легко увидеть, что здесь мы в основном имеем дело со своего рода зеркальным отражением того, что наблюдали до этого в левой части спектра. Небольшим интервалам положительной корреляции в общем и целом соответствуют более протяженные интервалы корреляции отрицательной, а более низким значениям корреляции положительной – более высокие значения отрицательной корреляции (хотя здесь есть и некоторые исключения).

На одном полюсе снова оказываются перевороты и попытки переворотов, для которых чрезвычайно сильная (r = –0,946) отрицательная корреляция прослеживается на протяжении всего спектра значений подушевого ВВП. К ним примыкают политические репрессии и политические убийства, применительно к которым сильная отрицательная корреляция (особенно сильная для политических

убийств) прослеживается начиная с довольно низких интервалов (уже начиная со стран с низкими средними доходами).

Правительственные кризисы и здесь занимают промежуточное положение. Применительно к ним отрицательная корреляция прослеживается лишь с довольно высокого интервала (соответствующего уже верхнему эшелону стран с высокими средними доходами), но при этом речь идет о недвусмысленно сильной ($r = –0,855$) корреляции (оставшиеся формы социально-политической дестабилизации демонстрируют заметно более низкие значения отрицательной корреляции). Применительно к «партизанским действиям»/терактам корреляция прослеживается начиная с еще более высокого интервала (и она заметно ниже [$r = –0,616$]). С еще более высокого интервала (фактически с границы между странами с высокими средними и высокими доходами) прослеживается отрицательная корреляция с массовыми беспорядками; при этом речь уже идет о довольно слабой и лишь маргинально значимой корреляции. Наконец, отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью политических забастовок прослеживается лишь для стран с высокими доходами (правда, речь при этом идет о достаточно сильной и статистически значимой корреляции).

И снова полюс, прямо противоположный переворотам и попыткам переворотов, образуют антиправительственные демонстрации, ибо отрицательная корреляция в правой части спектра здесь является самой слабой и при этом статистически незначимой.

Рассмотрим теперь, на какие интервалы подушевого ВВП приходятся максимальные значения интенсивности разных видов социально-политической дестабилизации. Этот показатель имеет смысл рассмотреть отдельно, так как в ряде случаев (из-за бимодальности распределения) он оказывается нетождественен тому интервалу, до которого прослеживается непрерывная положительная корреляция (Табл. 2.3).

Табл. 2.3. Интервалы с максимальными значениями интенсивности соответствующих типов социально-политической дестабилизации

Типы социально-политической дестабилизации	Интервал с максимальным значением, доллары	Группа стран по уровню подушевых доходов
Перевороты и попытки переворотов	Min – 1300	Страны с низкими доходами
Политические репрессии	5300–6400	Верхний эшелон стран с низкими средними доходами
Политические убийства	5300–6400	Верхний эшелон стран с низкими средними доходами
Правительственные кризисы	10 300–14 500	Нижний эшелон стран с высокими средними доходами
«Партизанские действия»/теракты	13 500–17 000	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами
Антиправительственные демонстрации	17 000–19 100	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами
Массовые беспорядки	21 700–24 800	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами
Политические забастовки	23 700–25 000	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами – нижний эшелон стран с высокими доходами

Как обычно, особняком здесь стоят перевороты и попытки переворотов (максимальная интенсивность которых приходится на страны с самыми низкими подушевыми доходами), далее следуют политические репрессии и политические убийства, максимальная интенсивность которых наблюдается в верхнем эшелоне стран с низкими средними доходами, а затем правительственные кризисы, максимальная интенсивность которых фиксируется для нижнего эшелона стран с высокими средними доходами.

Наконец, рекордсменом здесь оказывается верхний эшелон стран с высокими средними доходами, на который приходится максимальная интенсивность сразу четырех форм социально-политической дестабилизации – «партизанских действий»/терактов, антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок. На наш взгляд, это обстоятельство должно обязательно учитываться при объяснении феномена ловушки средних доходов.

Представляется невозможным измерять при помощи линейных корреляций криволинейные зависимости. Однако, как мы могли видеть выше, общие характеристики линейной зависимости применительно ко всему спектру значений подушевого ВВП вполне могут рассматриваться как характеристики асимметричности криволинейной зависимости, когда положительная корреляция может расцениваться как показатель левосторонней асимметрии (то есть положительная корреляция в левой части перевешивает отрицательную корреляцию в правой части спектра значений подушевого ВВП), а отрицательная – как показатель правосторонней асимметрии (см. Табл. 2.4).

Табл. 2.4. Параметры корреляций между ВВП на душу населения и интенсивностью различных видов социально-политической дестабилизации, фиксируемых применительно ко всему спектру значений подушевого ВВП

Тип социально-политической дестабилизации	Знак и сила корреляции (r)	Статистическая значимость корреляции (p)
Перевороты и попытки переворотов	–0,946**	< 0,001
Политические репрессии	–0,903*	< 0,001
Политические убийства	–0,487*	0,153
«Партизанские действия»/ теракты	–0,359*	0,309
Правительственные кризисы	–0,219*	0,544
Массовые беспорядки	0,104*	0,775
Политические забастовки	0,338**	0,34
Антиправительственные демонстрации	0,874**	0,001

* Линейная регрессия.

** Логарифмическая регрессия.

Наконец, приведем сводную таблицу характеристик корреляции с ВВП на душу населения для разных форм социально-политической дестабилизации (см. Табл. 2.5).

Табл. 2.5. Сводная таблица характеристик корреляции с ВВП на душу населения для разных форм социально-политической дестабилизации

Типы социально-политической дестабилизации	Характеристики положительной корреляции в левой части спектра значений подушевого ВВП			Характеристики отрицательной корреляции в правой части спектра значений подушевого ВВП			Интервалы (S) с максимальными значениями интенсивности соответствующих типов социально-политической дестабилизации	Корреляция на всем спектре значений подушевого ВВП	
	Вплоть до какого интервала (S) наблюдается	r	p	Начиная с какого интервала (S) наблюдается	r	p		r	p
Перевороты и попытки переворотов	Положительной корреляции в левой части спектра не фиксируется			Отрицательная корреляция прослеживается на всем протяжении	–0,946**	< 0,001	min –1300	–0,9046*	< 0,001
Политические репрессии	5300–6400	0,34*	0,337	5500–6700	–0,793**	0,006	5300–6400	–0,903*	< 0,001
Политические убийства	5300–6400	0,881*	0,001	5600–7000	–0,953**	< 0,001	5300–6400	–0,487*	0,153
Правительственные кризисы	10 300–13 500	0,82*	0,004	12 500–14 500	–0,855**	0,002	10 300–14 500	–0,219*	0,544
«Партизанские действия»/ теракты	5300–6400	0,603*	0,033	13 500–17 000	–0,616**	0,029	13 500–17 000	–0,359*	0,309
Массовые беспорядки	14 500–20 000	0,607*	0,032	21 700–24 800	–0,575**	0,082	21 700–24 800	0,104**	0,775
Политические забастовки	10 300–14 500	0,93**	< 0,001	23 000–25 000	–0,77**	0,01	23 000–25 000	0,338**	0,34
Антиправительственные демонстрации	14 500–20 000	0,941**	< 0,001	23 000–25 000	–0,399*	0,253	17 000–19 100	0,874**	0,001

* Линейная регрессия.

** Логарифмическая регрессия.

Подведем теперь общие итоги. Среди рассмотренных нами восьми форм социально-политической дестабилизации особо выделяются перевороты и попытки переворотов. Это единственная форма, для которой перевернутая U-образная зависимость между подушевым ВВП и интенсивностью социально-политической дестабилизации не просматривается ни в каком виде. Речь здесь идет о сильнейшей отрицательной корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью переворотов и попыток переворотов, которая прослеживается на всем спектре значений подушевого ВВП. При этом максимальное значение интенсивности этого показателя приходится на страны с самыми низкими подушевыми доходами. Таким об-

разом, для переворотов и попыток переворотов на протяжении всего спектра значений ВВП на душу населения прослеживается сильно выраженная тенденция к снижению их интенсивности по мере роста подушевого ВВП.

Непосредственно примыкают к переворотам и попыткам переворотов политические репрессии, у которых в левой части спектра значений ВВП в очень ограниченном диапазоне (включающем страны с низкими и низкими средними доходами) наблюдается крайне слабая статистически незначимая положительная корреляция, а в остальной части диапазона прослеживается откровенно сильная отрицательная корреляция. В результате мы имеем здесь дело с крайне слабо выраженной чрезвычайно асимметричной перевернутой U-образной зависимостью с сильнейшим правосторонним скосом, когда сильная отрицательная корреляция в правой части спектра откровенно «забивает» крайне слабую положительную корреляцию в ее левой части. Таким образом, для политических репрессий прослеживается крайне слабо выраженная тенденция к росту по мере роста подушевого ВВП в странах с низкими и низкими средними доходами и явно выраженная сильная тенденция к снижению интенсивности политических репрессий с ростом подушевого ВВП для стран с высокими средними и высокими доходами.

В случае политических убийств мы уже имеем дело с достаточно определенной перевернутой U-образной зависимостью, но, тем не менее, с по-прежнему очень выраженной правосторонней асимметрией. Прослеживается здесь положительная корреляция в левой части спектра по-прежнему все в том же ограниченном диапазоне (включающем страны с низкими и низкими средними доходами), однако речь здесь уже идет об откровенно сильной и статистически значимой положительной корреляции. Однако и на этот раз отрицательная корреляция в правой части спектра (применительно к странам с высокими средними и высокими доходами) оказывается значительно более сильной, чем положительная корреляция в ее левой части. Таким образом, применительно к политическим убийствам в странах с низкими и низкими средними доходами прослеживается вполне выраженная тенденция к росту их интенсивности по мере роста там ВВП на душу населения; однако в странах с высокими средними и высокими доходами прослеживается еще более

выраженная тенденция к снижению интенсивности политических убийств по мере увеличения там подушевого ВВП.

Правительственные кризисы демонстрируют практически симметричную перевернутую U-образную зависимость от подушевого ВВП с сильной корреляцией как в левой, так и в правой части спектра. Пик интенсивности здесь приходится на нижний эшелон стран с высокими средними доходами.

Заметной симметричностью характеризуется и такая важнейшая форма социально-политической дестабилизации, как «партизанские действия»/теракты. Здесь наблюдается не слишком сильная корреляция как в левой, так и в правой части спектра. Однако пик интенсивности здесь приходится на заметно более высокий интервал значений подушевого ВВП, попадающий уже в зону стран верхнего эшелона государств с высокими средними доходами.

Оставшиеся формы социально-политической дестабилизации демонстрируют (хотя и в разной степени) уже скорее левостороннюю асимметрию перевернутой U-образной зависимости.

Применительно к массовым беспорядкам положительная корреляция в левой части спектра оказывается лишь немногим более высокой, чем отрицательная корреляция в его правой части. Но прослеживается здесь положительная корреляция на очень широком интервале от стран с низкими доходами до стран верхнего эшелона государств с высокими средними доходами, притом что пик интенсивности здесь приходится на очень высокий интервал, находящийся уже ближе к стыку между верхним эшелоном стран с высокими средними доходами и странами с высокими доходами. Другими словами, явная (но не очень сильно выраженная) тенденция к росту интенсивности массовых беспорядков вместе с ростом подушевого ВВП прослеживается вплоть до верхнего эшелона стран с высокими средними доходами (включительно), тенденция к снижению интенсивности массовых беспорядков по мере роста подушевого ВВП прослеживается лишь среди стран с высокими доходами, но и там эта тенденция выражена не очень значительно.

Политические забастовки характеризуются чрезвычайно сильной положительной корреляцией в левой части спектра (вплоть до верхнего эшелона стран с высокими средними доходами). Отрицательная корреляция в правой части спектра здесь тоже выражена достаточно сильно, но все равно заметно слабее положительной

корреляции и наблюдается лишь среди стран с высокими доходами. При этом пик интенсивности здесь приходится на самый стык верхнего эшелона стран с высокими средними доходами и стран с высокими доходами. Другими словами, на интервале до 14 500 долларов наблюдается очень выраженная тенденция к росту интенсивности политических забастовок вместе с ростом подушевого ВВП, затем в интервале 14 500–23 000 долларов забастовочная активность остается в целом на высоком уровне, но не демонстрирует явной тенденции ни к росту, ни к снижению; интенсивность политических забастовок достигает максимума на стыке со странами с высокими доходами, а среди стран с высокими доходами уже наблюдается достаточно выраженная тенденция к снижению интенсивности политических забастовок по мере дальнейшего роста ВВП на душу населения (однако тенденция эта не столь выражена, как противоположная тенденция, прослеживаемая среди стран с низкими и средними подушевыми доходами).

Наконец, как всегда на полюсе, противоположном переворотам и попыткам переворотов, оказываются антиправительственные демонстрации. Если среди первых полностью доминирует отрицательная корреляция – своего рода абсолютный правосторонний скос, то среди вторых перевернутая U-образная зависимость прослеживается крайне слабо, но уже при крайне близком к абсолютному левостороннему скосу. Действительно, в левой части спектра на интервале до 20 000 долларов (соответствующем странам с низкими и средними доходами) здесь прослеживается самая сильная положительная корреляция ($r = 0{,}941$!) с подушевым ВВП, а вот в правой части спектра отрицательная корреляция является самой слабой и статистически незначимой. Другими словами, среди стран с низкими и средними доходами наблюдается самая выраженная тенденция к росту интенсивности антиправительственных демонстраций с ростом подушевого ВВП. Среди стран с высокими подушевыми доходами прослеживается лишь слабая и статистически незначимая противоположная тенденция.

* * *

Итак, наши эмпирические тесты в общем и целом подтверждают обоснованность гипотезы Олсона – Хантингтона о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-полити-

ческой нестабильности. Вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данного показателя. Таким образом, для более высоких значений подушевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная.

Вместе с тем наш анализ показал, что для разных индексов социально-политической дестабилизации данная криволинейная зависимость имеет достаточно разный характер. При этом выяснилось и наличие двух важных исключений. Мы показали, что между подушевым ВВП и интенсивностью переворотов и попыток переворотов наблюдается не криволинейная, а явно выраженная отрицательная корреляция; при этом особо сильной оказалась отрицательная корреляция между этим индексом и логарифмом ВВП на душу населения. Таким образом, рост ВВП на душу населения в тенденции ведет к очень заметному снижению интенсивности переворотов и их попыток на всем спектре значений подушевого ВВП. Как мы выяснили, это обстоятельство делает вышеуказанную криволинейную зависимость применительно к интегральному индексу заметно менее выразительной и вносит очень заметный вклад в формирование ее асимметричности (когда отрицательная корреляция между подушевым ВВП и социально-политической нестабильностью среди более богатых стран выглядит значительно более сильной, чем положительная корреляция для стран более бедных). Другим исключением являются антиправительственные демонстрации, для которых прослеживается очень выраженная тенденция к росту интенсивности по мере роста подушевого ВВП для стран с низкими и средними доходами, но не прослеживается статистически значимая противоположная тенденция для стран с высокими доходами.

Вместе с тем наш анализ показал, что для всех остальных индексов социально-политической дестабилизации мы наблюдаем именно постулируемую гипотезой Олсона – Хантингтона криволинейную перевернутую U-образную зависимость. При этом применительно к таким индексам, как политические забастовки, массо-

вые беспорядки и антиправительственные демонстрации, мы имеем дело с асимметрией, прямо противоположной той, что упоминалась выше, когда положительная корреляция между ВВП и нестабильностью для более бедных стран оказывается заметно более сильной, чем отрицательная корреляция для более богатых стран. Особенно сильно эта асимметрия оказывается выраженной для такого важнейшего индекса социально-политической дестабилизации, как интенсивность антиправительственных демонстраций. Именно эта переменная и будет рассмотрена нами подробнее в следующих главах.

Глава 3. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций, тип режима и уровень образования

Наиболее очевидное объяснение положительной корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций состоит в том, что рост ВВП в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию, а значит, и к интенсификации антиправительственных демонстраций. А так как в нашей базе данных (как, впрочем, и в реальности) авторитарные государства составляют очень высокий процент от числа всех государств с низкими значениями подушевого дохода, эффект роста внутреннего давления на авторитарные режимы в сторону демократизации по мере экономического роста, казалось бы, мог практически полностью объяснить обнаруженную нами сильную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для слабо- и среднеразвитых стран.

Дополнительный анализ используемой нами базы данных, казалось бы, подтверждает обоснованность этой гипотезы.

Действительно, для собственно авторитарных государств в диапазоне подушевого ВВП до 20 000 долларов положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций выражена в высшей степени четко (см. Рис. 3.1).

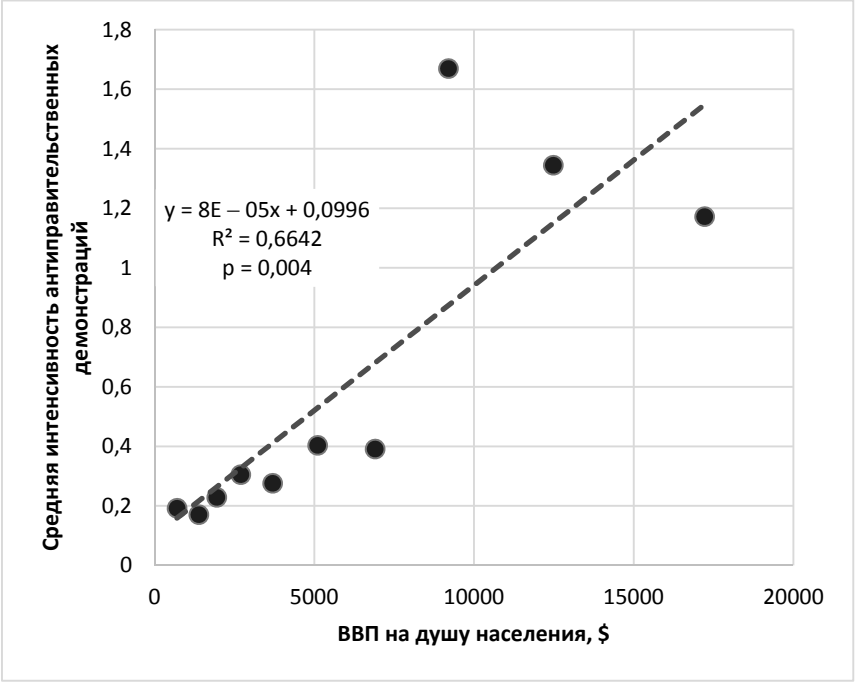

Рис. 3.1. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 тыс. долларов США по ППС в странах с авторитарным типом режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

С другой стороны, и в нашей базе данных прослеживается в высшей степени выраженная тенденция к снижению доли авторитарных режимов с ростом ВВП на душу населения (см. Рис. 3.2).

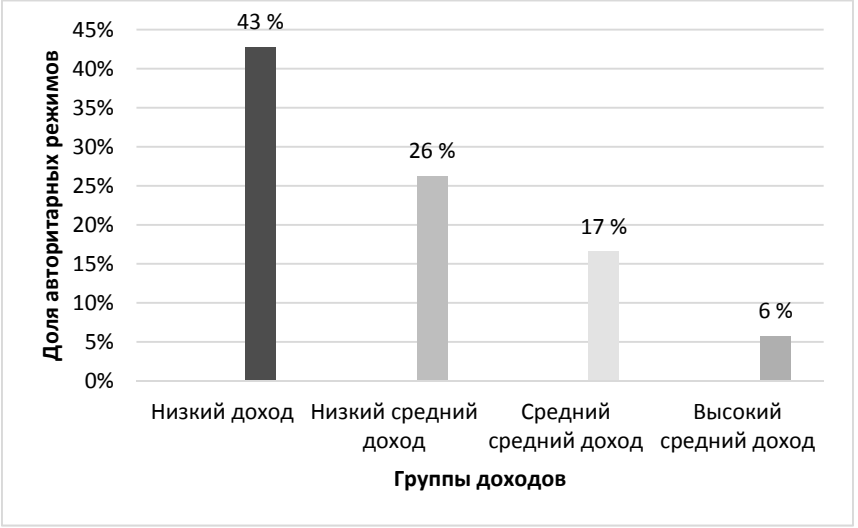

Рис. 3.2. Доля автократий по группам дохода на душу населения до 20 000 долларов США за период 1960–2014 гг.

Источники данных: Polity IV 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. Напомним, что по значениям ВВП на душу населения по ППС группы стран по категориям доходов (на основе оптимизации методологии Всемирного банка [World Bank 2016*b*] к рассматриваемому показателю) были агрегированы нами следующим образом: 1) категория низкого дохода – до 1045 долларов на душу населения; 2) категория низкого уровня среднего дохода – с 1046 по 4125 долларов на душу населения; 3) категория среднего уровня среднего дохода – с 4126 по 12 735 долларов на душу населения; 4) категория высокого уровня среднего дохода – с 12 736 по 20 000 долларов на душу населения.

Легко заметить, что все это прекрасно согласуется с гипотезой о том, что с ростом ВВП на душу населения усиливается давление, направленное на демократизацию авторитарных режимов, а усиление данного давления в очень заметной степени выражается в росте интенсивности антиправительственных демонстраций.

Однако уже более внимательный анализ Рис. 3.2 заставляет предположить, что описанная выше гипотеза может объяснить интересующую нас корреляцию лишь частично.

Действительно, как можно видеть на Рис. 3.2, уже среди стран с высоким средним доходом (≈ 13 000 – 20 000 долларов) последо-

вательно авторитарные режимы составляют лишь 6 %. Однако именно в этом диапазоне мы наблюдаем наиболее высокую интенсивность антиправительственных демонстраций (см. Рис. 3.1)! Очевидно, что уже поэтому объяснить интересующую нас корреляцию целиком при помощи изложенной выше гипотезы нельзя.

Вместе с тем существует и еще один механизм влияния фактора типа режима на генерирование интересующей нас положительной корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Речь идет о следующем обстоятельстве. Переходы от последовательной автократии сразу же к консолидированной демократии крайне редки. Как правило, изначально движение в сторону демократии (особенно в экономически слаборазвитых странах) ведет к появлению не консолидированной демократии, а непоследовательно авторитарного или частично демократического – то есть промежуточного – режима. Соответственно, для стран с низкими значениями подушевого ВВП наблюдается достаточно сильная положительная корреляция между уровнем ВВП на душу населения и долей промежуточных режимов. Она и наблюдается в реальности. И особенно выражена она для диапазона до 6000 долларов (см. Рис. 3.3).

Однако, как уже сказано в *Главе 2*, давно обнаружено, что именно промежуточные политические режимы являются наиболее подверженными социально-политической дестабилизации [см., например: Gurr 1974]. В соответствии с этой теорией более стабильными являются последовательные демократии и автократии, в то время как наиболее нестабильными – промежуточные режимы. Это вроде бы заставляет предположить, что положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций среди слабо- и среднеразвитых стран объясняется тем, что здесь рост ВВП на душу населения сопровождается ростом доли промежуточных режимов. Безусловно, данное обстоятельство в заметной степени объясняет выявленную выше U-образную зависимость между подушевым ВВП и общим уровнем социально-политической дестабилизации, однако применительно к корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций данная гипотеза, как мы увидим далее, требует заметных уточнений.

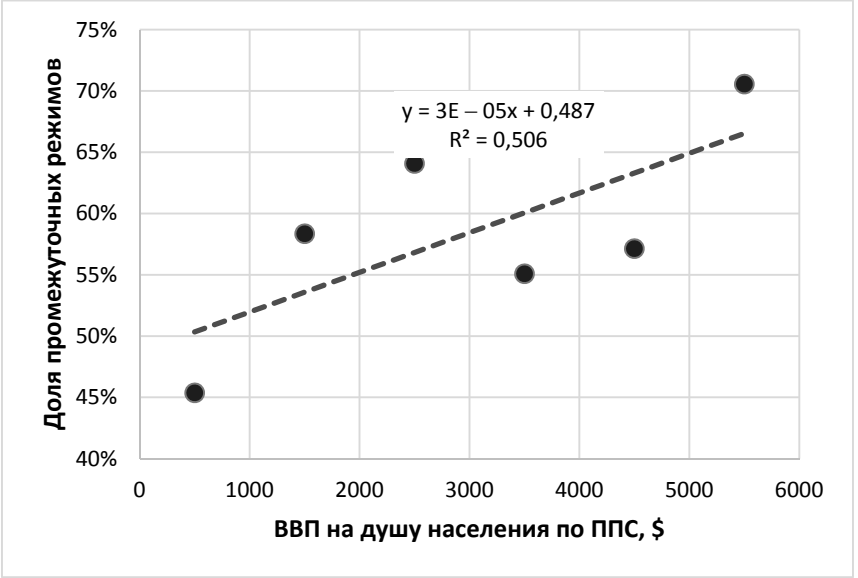

Рис. 3.3. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 6000 долларов и долей промежуточных режимов, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: Polity IV 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. Средние значения ВВП на душу населения находятся в следующих интервалах: 1-я точка – от 0 долларов США до 1000 долларов США; 2-я точка – от 1000 долларов США до 2000 долларов США; 3-я точка – от 2000 долларов США до 3000 долларов США; 4-я точка – от 3000 долларов США до 4000 долларов США; 5-я точка – от 4000 долларов США до 5000 долларов США; 6-я точка – от 5000 долларов США до 6000 долларов США.

Действительно, с одной стороны, проведенный нами анализ показал, что для стран интересующего нас диапазона подушевого ВВП U-образная зависимость прослеживается и применительно к интенсивности антиправительственных демонстраций (см. Рис. 3.4).

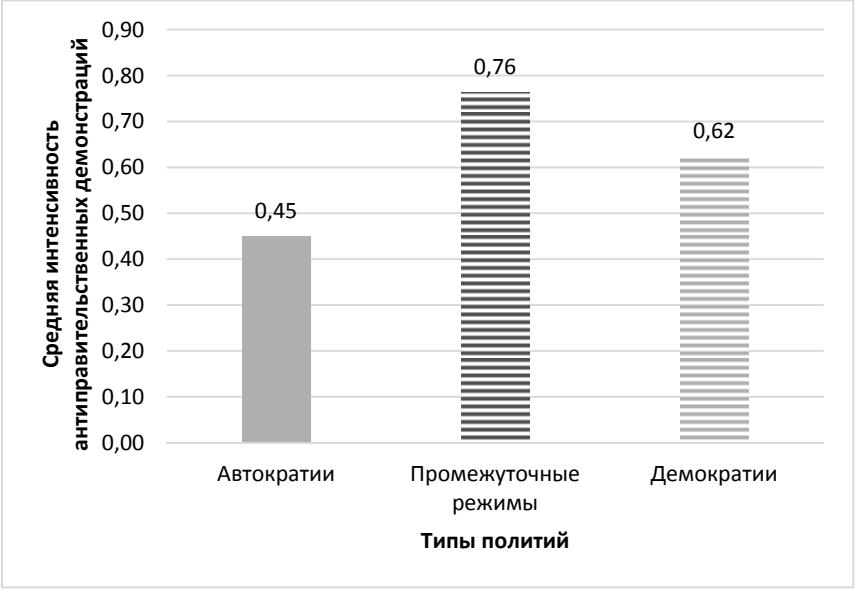

Рис. 3.4. Среднее значение интенсивности антиправительственных демонстраций по категориям типов политий для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС за период 1960–2014 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Polity IV 2016.

Примечание. $F = 8{,}415$, $p << 0{,}0001$.

Однако, с другой стороны, анализ методом ANOVA показал, что значимое различие здесь наблюдается только между автократиями, с одной стороны, и демократиями и промежуточными режимами – с другой. Как в демократических, так и в промежуточных режимах средняя интенсивность антиправительственных демонстраций статистически значимо выше, чем в авторитарных режимах. С другой стороны, значимых различий между демократическими и промежуточными режимами по этому показателю не наблюдается. Таким образом, применительно к анализируемым обществам корректнее оказывается рассматривать не промежуточные режимы как предикторы наличия антиправительственных демонстраций, а авторитарные режимы как предикторы их отсутствия.

Действительно, Табл. 3.1 показывает, что для стран интересующего нас диапазона авторитарный режим является неплохим предиктором отсутствия антиправительственных демонстраций.

Табл. 3.1. Таблица сопряженности для дихотомизированного типа политического режима политий и дихотомизированной интенсивности антиправительственных демонстраций для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС

			Антиправительственные демонстрации		Итого
			отсутствуют	присутствуют	
Типы политий	не автократия		2848	1025	3873
			73,5 %	26,5 %	100 %
	автократия		1084	170	1254
			86,4 %	13,6 %	100 %
Итого			3932	1195	5127

Источники данных: CNTS 2016; Polity IV 2016.

Примечание. $p << 0{,}001$ (точный тест Фишера), $\gamma = -0{,}393$, $p << 0{,}001$.

Как мы видим, вероятность начала крупных антиправительственных демонстраций в авторитарных режимах оказывается в два раза ниже, чем в режимах неавторитарных. Это, конечно же, совсем не удивительно. Авторитарные режимы на то и авторитарные, чтобы не допускать проведения антиправительственных демонстраций. Вспомним, что при авторитарном режиме Брежнева – Черненко – Андропова антиправительственных демонстраций практически не было. А вот как только при Горбачеве произошел переход от авторитарного режима к промежуточному, число антиправительственных демонстраций резко выросло. Очевидно, что уже непоследовательно авторитарный режим не будет практически по определению столь же последовательно блокировать проведение антиправительственных демонстраций, как режим последовательно авторитарный. Теперь вспомним, что в интересующем нас диапазоне рост ВВП на душу населения в высшей степени устойчиво коррелирует с уменьшением доли авторитарных режимов (см. выше Рис. 3.2).

Таким образом, положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов может дополнительно объясняться следующими обстоятельствами:

1) Рост ВВП на душу населения в этом диапазоне сильно коррелирует со снижением доли авторитарных режимов и увеличени-

ем доли режимов неавторитарных (демократических и промежуточных).

2) Наличие же неавторитарных режимов в данном диапазоне значимо положительно коррелирует с более высокой интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Важно, что действия этого механизма уже никак не отрицает то обстоятельство, что в диапазоне 13 000–20 000 долларов доля последовательно авторитарных режимов крайне низка; наоборот, это обстоятельство только усиливает действие рассматриваемого механизма.

Однако более внимательный анализ показывает, что и данный механизм (даже в сочетании с механизмом усиления интенсивности антиправительственных демонстраций через рост нестабильности автократий по мере роста подушевого ВВП) может объяснить наличие интересующей нас корреляции лишь частично.

Дело в том, что в интересующем нас интервале ВВП на душу населения положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций прослеживается применительно не только к автократиям, но также к промежуточным режимам (Рис. 3.5) и последовательным демократиям (Рис. 3.6).

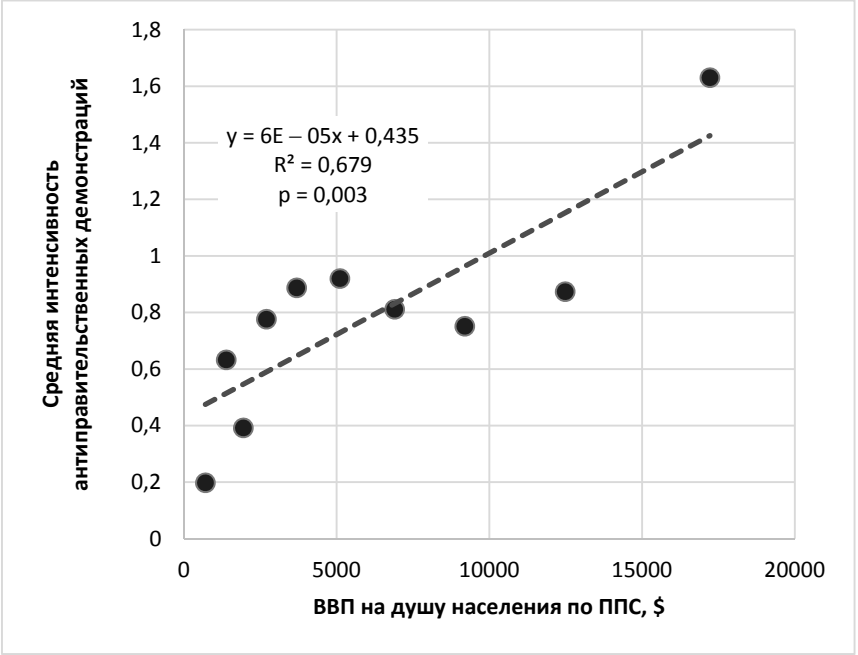

Рис. 3.5. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС в странах с промежуточными типами политического режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

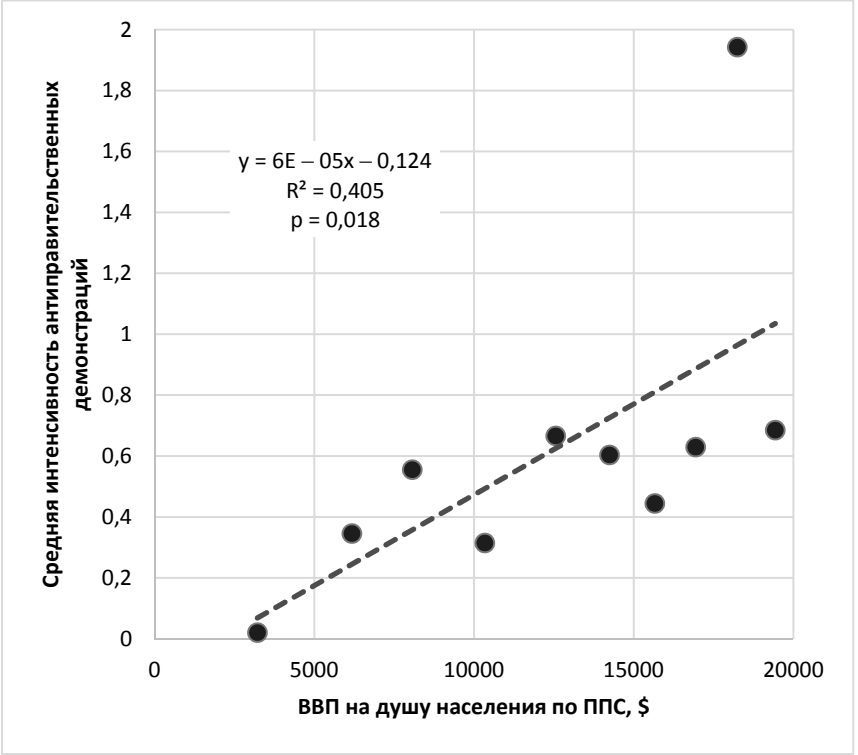

Рис. 3.6. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС в странах с демократическим типом политического режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

А вот исключительно важную статистически значимую корреляцию между уровнем ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах с последовательно демократическими режимами уже, конечно, нельзя объяснить ни снижением доли авторитарных режимов с ростом подушевого ВВП, ни ростом нестабильности авторитарных режимов по мере увеличения

ВВП на душу населения. А значит, и в целом положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов только лишь снижением доли авторитарных режимов и ростом их нестабильности с ростом ВВП на душу населения никак объясняться не может. Это достаточно очевидно. Но покажем это и более формально.

Используем для этого модель порядковый логит, где в качестве зависимой переменной будет выступать интенсивность антиправительственных демонстраций (разбитая на 5 категорий: 1 – отсутствие значений; 2 – равен 1; 3 – от 2 до 3; 4 – от 4 до 9; 5 – 10 и более), а в качестве независимых – уровень подушевого ВВП (разбитый на 4 категории: 1 – до 1160 долларов; 2 – от 1160 долларов до 4280 долларов; 3 – от 4280 долларов до 14 400 долларов; 4 – от 14 400 долларов до 20 000 долларов США) и дихотомизированный тип режима (авторитарный vs неавторитарный).

Табл. 3.2. Результаты модели порядковый логит для интенсивности антиправительственных демонстраций, уровень подушевого ВВП и типа режима

	Зависимая переменная	
	Интенсивность антиправительственных демонстраций	
	B	t-value
Тип политии (автократия)	$-0{,}66^{***}$	–7,115
Группа доходов 1 (низкий уровень среднего дохода)	$0{,}68^{***}$	4,601
Группа доходов 2 (средний уровень среднего дохода)	$1{,}04^{***}$	7,076
Группа доходов 3 (высокий уровень среднего дохода)	$1{,}24^{***}$	7,406

Источники данных: CNTS 2016; Polity IV 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. $^{*}p < 0{,}1$; $^{**}p < 0{,}05$; $^{***}p < 0{,}01$.

Как мы видим, для диапазона до 20 000 долларов введение в одну модель с подушевым ВВП авторитарности режима в качестве еще

одной независимой переменной не приводит к нейтрализации фактора подушевого ВВП. Значимыми оказываются оба фактора, но при этом фактор подушевого ВВП оказывается даже заметно более сильным, чем фактор типа режима. Итак, положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов может быть объяснена только снижением доли авторитарных режимов и ростом их нестабильности с ростом подушевого ВВП в данном диапазоне лишь частично.

Вместе с тем частично данные механизмы положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов все-таки объясняют: рост ВВП является фактором перехода от авторитарных режимов к неавторитарным, переход же к неавторитарным режимам является фактором роста интенсивности антиправительственных демонстраций. С другой стороны, рост ВВП в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию, а значит, и к интенсификации антиправительственных демонстраций.

В результате уже в силу действия этих цепочек факторов следовало бы ждать положительной корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций, но – как мы могли видеть выше – не столь сильной, что наблюдается в реальности. Следовательно, необходимо продолжить поиск механизмов, генерирующих интересующую нас корреляцию.

Фактор образования

В качестве следующего достаточно вероятного механизма, генерирующего положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций, имеет смысл рассмотреть механизм, связанный с действием фактора образования.

Действительно, экономическое развитие достаточно тесно коррелирует с развитием системы образования. Речь идет о динамической связи. Развитие системы образования стимулирует экономический рост (особенно в слаборазвитых странах), но и рост ВВП на душу населения стимулирует развитие образования очень заметным образом, так как рост этого показателя в данной стране в тенденции ведет к заметному росту ресурсов, которые могут быть выделены на развитие этой системы, а значит, и к росту уровня об-

разованности населения [см., например: Barro 1991; Barro, Sala-i-Martin 1995; Sala-i-Martin 1997; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006; Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Korotayev 2009; Коротаев, Халтурина 2010; Benos, Zotou 2014; Садовничий и др. 2016].

Эта корреляция хорошо прослеживается и в используемой нами выборке. В данной главе уровень образованности населения той или иной страны измеряется при помощи такого используемого Программой развития ООН для расчета индекса человеческого развития показателя, как «Средняя продолжительность обучения» (Mean years of schooling) [Jahan 2015: 208–211]. Согласно определению Программы развития ООН, этот показатель представляет собой «среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности каждого уровня образования» [Джахан 2015: 211]. В нашей выборке прослеживается сильная корреляция между подушевым ВВП и значением данного показателя (см. Рис. 3.7).

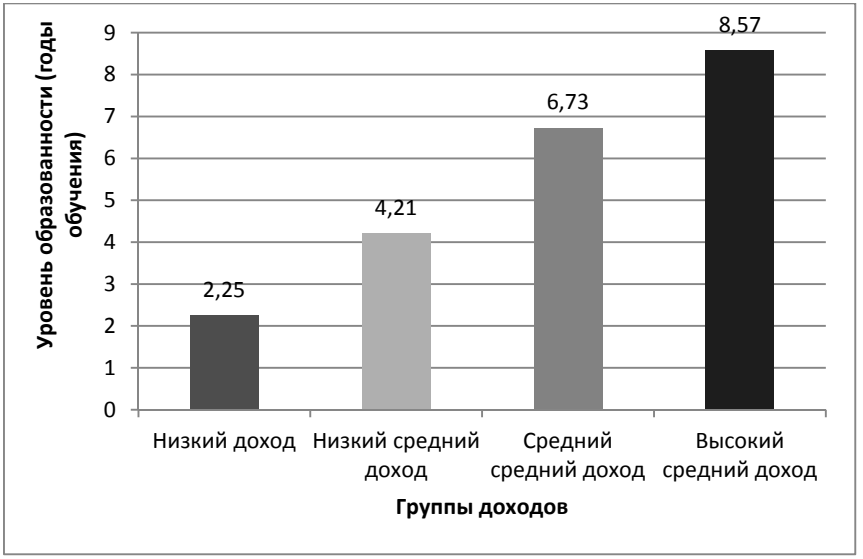

Рис. 3.7. Среднее значение количества лет, потраченных на обучение, по группам доходов на душу населения для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС за период 1980–2014 гг.

Источники данных: UNDP 2016; World Bank 2016*f*.

С другой стороны, некоторые исследования заставляют предполагать, что уровень образованности населения может достаточно тесно и положительно коррелировать с интенсивностью антиправительственных демонстраций [Hall *et al.* 1986; Jenkins, Wallace 1996].

Проведенный нами эмпирический тест подтвердил обоснованность данной гипотезы, установив наличие достаточно сильной ($r = 0{,}554$, $R^2 = 0{,}307$) положительной статистически значимой ($p = 0{,}048$[1]) корреляции между уровнем образованности населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 3.8).

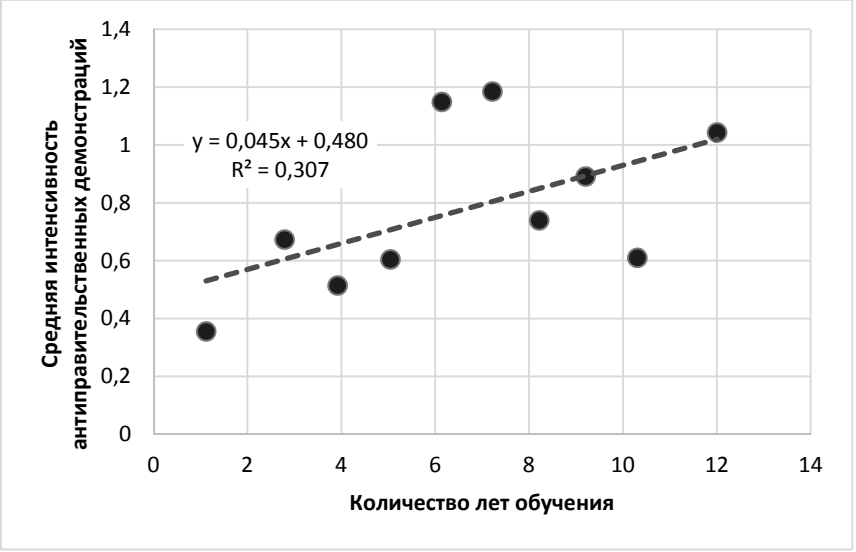

Рис. 3.8. Корреляция между уровнем образованности населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС на соответствующий год, 1980–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; UNDP 2016.

Примечание. Средние значения интенсивности антиправительственных демонстраций для децилей.

[1] Односторонний тест.

Наличие данной корреляции не должно вызывать удивления, ведь за ней стоит то обстоятельство, что мирные антиправительственные демонстрации являются формой протеста, характерной скорее для образованных, чем необразованных граждан, что было обнаружено еще Р. Л. Холлом и его коллегами [Hall *et al.* 1986]. Корреляцию между типом режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций мы рассмотрим в *Главе 7*.

Вместе с тем, как мы видим на Рис. 3.8, с увеличением среднего числа лет обучения интенсивность антиправительственных демонстраций растет не монотонно, скорее наблюдается скачкообразный рост при переходе от интервала до 5 лет (включительно) к последующему интервалу, что дает нам основание дихотомизировать интересующую нас переменную.

Т-тест с использованием данной дихотомизации приводит к следующим результатам (см. Рис. 3.9).

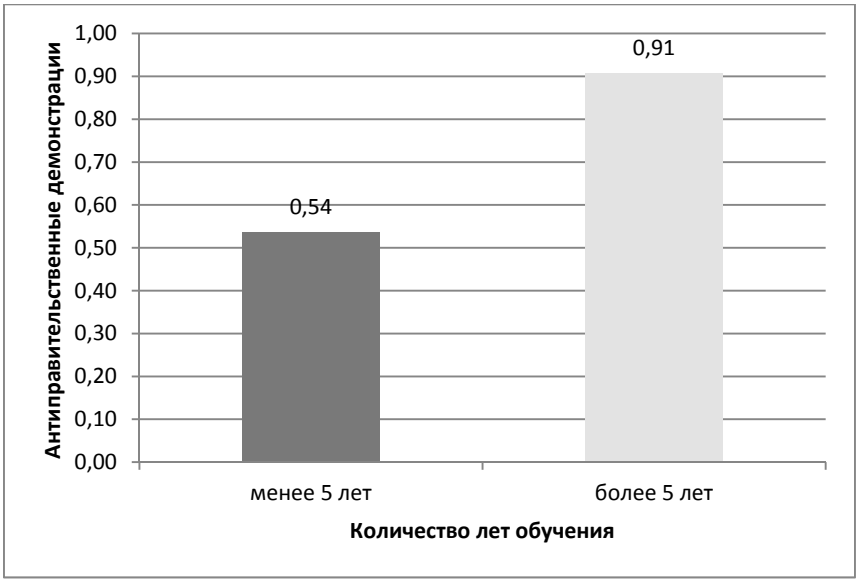

Рис. 3.9. Среднее значение интенсивности антиправительственных демонстраций по категориям количества лет обучения для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС за период 1980–2014 гг.

Источники данных: CNTS 2016; UNDP 2016.

Примечание. $t = -4{,}576$, $p << 0{,}0001$.

Как мы видим, речь идет о безусловно статистически значимой корреляции.

Отметим, что высокий уровень образованности населения является особенно хорошим предиктором волн антиправительственных демонстраций – 10 и более крупных антиправительственных демонстраций в одной стране в течение одного года (см. Табл. 3.3).

Табл. 3.3. Таблица сопряженности для двух признаков: количества лет обучения и интенсивности антиправительственных демонстраций для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС

			Антиправительственные демонстрации		Итого
			менее 10 событий в течение 1 года	10 и более событий в течение 1 года	
Средняя продолжительность обучения	менее 5 лет		1525	7	1532
			99,5 %	0,5 %	100 %
	более 5 лет		2233	41	2274
			98,2 %	1,8 %	100 %
Итого			3758	48	3806
			98,74 %	1,26 %	100 %

Источники данных: CNTS 2016; UNDP 2016.

Примечание. $p << 0{,}001$ (точный критерий Фишера), $\gamma = 0{,}6$, $p << 0{,}001$.

Действительно, как мы видим, в странах, где средняя продолжительность обучения взрослых превышает пять лет, вероятность возникновения мощной волны антиправительственных демонстраций в три с лишним раза выше, чем в странах со средней продолжительностью обучения менее пяти лет.

Таким образом, мы получаем следующую достаточно правдоподобную гипотезу: положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций в интервале до 20 000 долларов объясняется тем, что рост ВВП ведет к росту образованности населения, а рост образованности населения, в свою очередь, ведет к росту интенсивности антиправительственных демонстраций.

Вместе с тем имеются основания утверждать, что и этот механизм не может объяснить наличие интересующей нас корреляции

в полной мере. Действительно, в интервале более 5 лет положительная корреляция между средней продолжительностью обучения взрослого населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций отсутствует, однако и для этого интервала прослеживается достаточно сильная статистически значимая (p = 0,028) положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 3.10).

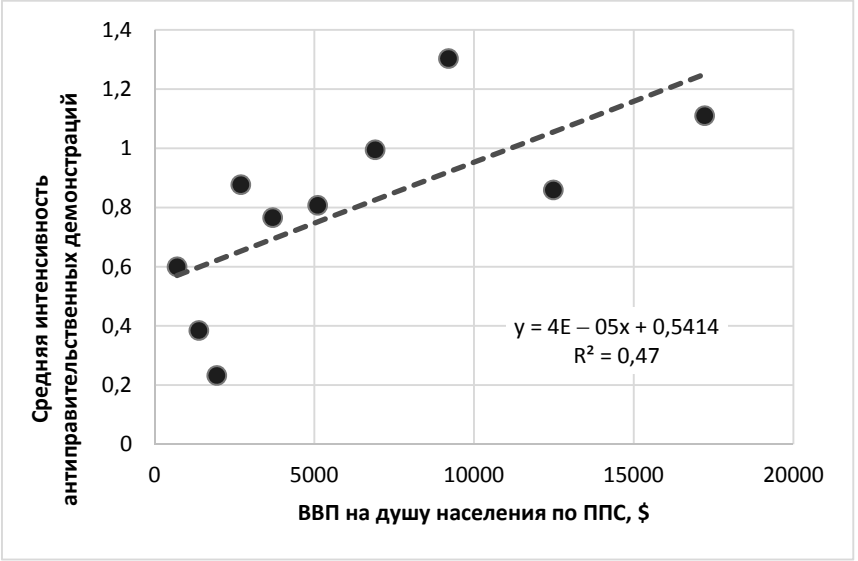

Рис. 3.10. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС в странах с уровнем образования больше 6 лет и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*e*.

Примечание. Децили по ВВП на душу населения включают следующие значения: 1-й дециль – до 1160 долларов; 2-й дециль – от 1160 до 1600 долларов США; 3-й дециль – от 1600 до 2290 долларов США; 4-й дециль – от 2290 до 3110 долларов США; 5-й дециль – от 3110 до 4280 долларов США; 6-й дециль – от 4280 до 5930 долларов США; 7-й дециль – от 5930 до 7870 долларов США; 8-й дециль – от 7870 до 10 500 долларов США; 9-й дециль – от 10 500 до 14 400 долларов США; 10-й дециль – от 14 400 до 20 000 долларов США.

Конечно же, уже это обстоятельство позволяет утверждать, что положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций не может объясняться только лишь фактором образования. Однако продемонстрируем это более формальным способом. Используем для этого модель порядковый логит, где в качестве зависимой переменной будет выступать интенсивность антиправительственных демонстраций (разбитая на 5 категорий: 1 – отсутствие значений; 2 – равен 1; 3 – от 2 до 3; 4 – от 4 до 9; 5 – больше 9), а в качестве независимых уровень подушевого ВВП (разбитый на 4 категории: 1 – до 1160 долларов; 2 – от 1160 долларов до 4280 долларов; 3 – от 4280 долларов до 14 400 долларов; 4 – от 14 400 долларов до 20 000 долларов США) и дихотомизированная средняя продолжительность обучения (≤ 5 лет vs 5 <).

Табл. 3.4. Результаты модели порядковый логит для интенсивности антиправительственных демонстраций, уровень подушевого ВВП и средней продолжительности обучения

	Зависимая переменная	
	Интенсивность антиправительственных демонстраций	
	B	t-value
Количество лет обучения (больше 5)	$0{,}23^{**}$	2,396
Группа доходов 1 (низкий уровень среднего дохода)	$0{,}65^{***}$	3,896
Группа доходов 2 (средний уровень среднего дохода)	$0{,}71^{***}$	4,004
Группа доходов 3 (высокий уровень среднего дохода)	$0{,}92^{***}$	4,458

Источники данных: CNTS 2016; UNDP 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. $^{*}p < 0{,}1$; $^{**}p < 0{,}05$; $^{***}p < 0{,}01$.

Как мы видим, для диапазона до 20 000 долларов введение в одну модель с подушевым ВВП средней продолжительности обучения в качестве еще одной независимой переменной не приводит к нейтрализации фактора подушевого ВВП. Значимыми оказываются оба фактора, но при этом фактор подушевого ВВП даже заметно более сильный, чем фактор образованности. Итак, положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов может быть объяснена и тем обстоятельством, что рост подушевого ВВП в данном диапазоне сопровождается увеличением средней продолжительности обучения взрослого населения, лишь в высшей степени частично.

Вместе с тем частично данный механизм положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов все-таки объясняет: рост ВВП является фактором роста образованности населения перехода, рост же образованности является фактором роста интенсивности антиправительственных демонстраций. В результате в силу действия этой цепочки факторов следовало бы ждать положительной корреляции между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций, но, как мы могли видеть выше, не столь сильной, что наблюдается в реальности.

Совместное действие факторов политического режима и образованности

Проверим теперь, сможет ли полностью объяснить положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций одновременное действие факторов политического режима и образованности. Используем для этого модель порядковый логит, где в качестве зависимой переменной будет выступать интенсивность антиправительственных демонстраций (разбитая на 5 категорий: 1 – отсутствие значений; 2 – равен 1; 3 – от 2 до 3; 4 – от 4 до 9; 5 – больше 9), а в качестве независимых уровень подушевого ВВП (разбитый на 4 категории: 1 – до 1160 долларов; 2 – от 1160 до 4280 долларов США; 3 – от 4280 до 14 400 долларов США; 4 – от 14 400 до 20 000 долларов США), дихотомизированная средняя продолжительность обучения (≤ 5 лет vs 5 <) и дихотомизированный тип режима (авторитарный vs неавторитарный) (см. Табл. 3.5).

Табл. 3.5. Результаты модели порядковый логит для интенсивности антиправительственных демонстраций, уровень подушевого ВВП, средней продолжительности обучения и типа режима

	Зависимая переменная	
	Интенсивность антиправительственных демонстраций	
	B	t-value
Тип политии (автократия)	$-0{,}55^{***}$	–4,264
Количество лет обучения (больше 5)	$0{,}32^{***}$	3,136
Группа доходов 1 (низкий уровень среднего дохода)	$0{,}82^{***}$	4,213
Группа доходов 2 (средний уровень среднего дохода)	$0{,}9^{***}$	4,41
Группа доходов 3 (высокий уровень среднего дохода)	$1{,}1^{***}$	4,747

Источники данных: CNTS 2016; UNDP 2016; World Bank 2016*d*.
Примечание. $^{*}p < 0{,}1$; $^{**}p < 0{,}05$; $^{***}p < 0{,}01$.

Как мы видим, для диапазона до 20 000 долларов введение в одну модель с подушевым ВВП одновременно и типа режима, и средней продолжительности обучения в качестве еще двух независимых переменных не приводит к нейтрализации фактора подушевого ВВП. Значимыми оказываются все три фактора, но при этом фактор подушевого ВВП оказывается даже заметно более сильным, чем и фактор типа режима, и фактор образованности. Итак, положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в диапазоне до 20 000 долларов может быть объяснена тем обстоятельством, что рост подушевого ВВП в данном диапазоне сопровождается увеличением как средней продолжительности обучения взрослого населения, так и снижением доли авторитарных режимов и ростом их нестабильности, лишь в высшей степени частично. Тем не менее в какой-то степени действие этих факторов наличие положительной

корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций все-таки объясняет.

* * *

Итак, проведенное нами исследование показало, что между подушевым ВВП и социально-политической дестабилизацией наблюдается не отрицательная корреляция, а криволинейная U-образная зависимость: наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны не с самыми низкими, не с самыми высокими, а со средними значениями ВВП на душу населения. Таким образом, вплоть до определенного значения последнего показателя экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, лишь при его высоких значениях дальнейший его рост ведет к уменьшению данного показателя. Для более высоких значений подушевого ВВП характерна отрицательная корреляция между ВВП на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная. Особо выражена данная положительная корреляция применительно к такому индикатору социально-политической дестабилизации, как интенсивность антиправительственных демонстраций. Здесь откровенно сильная ($r = 0{,}935$, $R^2 = 0{,}875$) статистически значимая положительная корреляция между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций прослеживается в очень широком интервале (вплоть до 20 000 долларов 2014 г. по паритетам покупательной способности [ППС]). Данная корреляция частично объясняется следующими обстоятельствами:

1) Рост ВВП в авторитарных режимах ведет к усилению движения за демократию, а значит, и к интенсификации антиправительственных демонстраций. А так как в нашей базе данных (как, впрочем, и в реальности) авторитарные государства составляют очень высокий процент от числа всех государств с низкими значениями подушевого дохода, эффект роста внутреннего давления на авторитарные режимы в сторону демократизации по мере экономического роста в определенной степени (но никак не полностью) объясняет обнаруженную нами сильную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для слабо- и среднеразвитых стран.

2) В интервале подушевого ВВП до 20 000 долларов увеличение данного показателя достаточно сильно коррелирует со снижением доли авторитарных режимов и увеличением доли режимов неавторитарных (демократических и промежуточных). Наличие же неавторитарных режимов в данном диапазоне значимо положи-

тельно коррелирует с более высокой интенсивностью антиправительственных демонстраций. Это и есть еще один механизм, обусловливающий наличие сильной положительной корреляции между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций в интересующем нас диапазоне.

3) Положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций в интервале до 20 000 долларов частично объясняется и тем, что рост ВВП ведет к росту образованности населения, а рост образованности населения, в свою очередь, ведет к росту интенсивности антиправительственных демонстраций.

Вместе с тем проделанный нами дополнительный анализ показал, что и все три вышеописанных механизма, вместе взятые, не объясняют выявленную нами корреляцию в полной мере, что означает необходимость поиска дополнительных механизмов и факторов.

И еще одно заключительное замечание. По всей видимости, обнаруженная нами в диапазоне до 20 000 долларов положительная корреляция между, с одной стороны, подушевым ВВП, и, с другой стороны, социально-политической дестабилизацией вообще, интенсивностью антиправительственных демонстраций в особенности является одним из факторов, обусловливающих существование так называемой «ловушки средних доходов» (middle income trap). Согласно точке зрения С. Аййара и его коллег, «ловушка средних доходов» представляет собой «такой феномен, когда до какого-то времени росшие быстро экономики стагнируют на средних уровнях подушевого дохода и не могут осуществить переход в ряду стран с высокими подушевыми доходами» [Aiyar *et al.* 2013: 3][2]. Замедление темпов роста или тем более экономическая стагнация вполне естественно вызывает экономические трудности, недовольство, а вместе с неудовлетворенными ожиданиями и рост протестов. Действительно, как мы видим, как раз при приближении к границам этой ловушки интенсивность антиправительственных демонстраций имеет тенденцию достигать особо высоких значений, что может спровоцировать очень сильную социально-политическую дестабилизацию, способную отбросить ту или иную страну на много лет назад. Собственно говоря, наша страна уже минимум дважды сталкивалась с такого рода ситуацией.

[2] Описание факторов и механизмов этой ловушки см. в следующих работах: Grinin, Korotayev 2010*a*; Kharas, Kohli 2011; Kohli, Mukherjee 2011; The World Bank 2016*c*; Cai 2012; Гринин, Коротаев, Цирель 2014.

Глава 4. Экономическое развитие, социально-политическая дестабилизация и неравенство

Проблема неравенства, его влияния на социальные недовольство, трений, конфликтов является исключительно актуальной. И не в последнюю очередь потому, что может приводить к острым противоречиям и в некоторых смыслах обратному результату, поскольку, с одной стороны, сами по себе отсталость и бедность могут быть причиной острого неравенства и соответствующего социального напряжения, а с другой – именно в процессе попыток ликвидации бедности и отсталости в результате модернизации неравенство может возрастать. «Модернизированность порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность» [Хантингтон 2004: 59]. Очевидно, что проблема, поставленная еще в работах А. де Токвиля [1997], в новых условиях приобретает новые грани и аспекты.

Как мы уже показывали в ряде работ [Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Гринин и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2010*а*; 2010*б*; 2011*а*; 2011*б*; 2011*в*; 2011*г*; Гринин 2011*б*; 2012*б*; 2013*б*; 2017*а*; 2017*б*; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Korotayev, Zinkina *et al.* 2011; Grinin 2012*a*; 2013; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014], сам процесс модернизации способен заводить общества в ловушку (см. в *Главе 1*). Таким образом, модернизация, осуществленная без серьезных потрясений, – скорее исключение, чем правило (напомним, что к сходным выводам еще в 1960-е гг. пришел и С. Хантингтон [2004; Huntington 1968]). Это послужило для нас основанием ввести понятие модернизационной ловушки, то есть закономерного социально-политического кризиса, возникающего в процессе модернизации, в которую попадает общество в попытке преодолеть отсталость. Подробно эта ловушка описывалась в *Главе 1*. Но напомним, что в общих чертах это происходит в результате того, что многие традиционные институты, структуры и отношения, а также идеология не успевают за изменениями в технологиях, коммуникациях, образовании, медицине и демографической структуре. В условиях таких диспропорций в обществах

нарастают протестные настроения и возникают те или иные формы социально-политического кризиса, ведущего к различного рода дестабилизационным явлениям.

Эти общие выводы, естественно, нуждаются в конкретизации и детализации. Поэтому выяснение различных корреляций в отношении экономического развития и неравенства представляет большой теоретический и исключительно большой практический смыслы.

Прежде всего еще раз напомним, что, как было показано еще в классических работах М. Олсона [Olson 1963] и С. Хантингтона [Huntington 1968; Хантингтон 2004], между средним уровнем доходов на душу населения и социально-политической дестабилизацией существует не отрицательная корреляция, а криволинейная обратная U-образная зависимость: наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны не с самыми низкими, не с самыми высокими, а со средними значениями доходов на душу населения (то есть находящиеся в самом разгаре модернизационных процессов). Таким образом, вплоть до определенного значения последнего показателя экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях (то есть при завершении модернизационных процессов) дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению социально-политической нестабильности. Таким образом, отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации характерна для более высоких значений подушевого дохода, а для более низких – положительная [Olson 1963; Huntington 1968: 39–50; Хантингтон 2004: 57–67]. Проведенные нами ранее эмпирические тесты с использованием данных по ВВП на душу населения подтвердили наличие данной перевернутой U-образной зависимости [Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; см. также *Главу 2*]. При этом для нижнего диапазона значений подушевого ВВП особо сильная ($r = 0{,}935$, $R^2 = 0{,}875$) положительная корреляция была обнаружена нами для зависимости между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций (в интервале вплоть до 20 000 долларов 2011 г. по паритетам покупательной способности [ППС]) [Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; см. также *Главы 2* и *3*].

Как уже отмечалось, М. Олсон, впервые выявивший для слабо- и среднеразвитых стран наличие положительной корреляции меж-

ду средним уровнем подушевых доходов и уровнем политической дестабилизации, в качестве одного из объяснений этой корреляции выдвинул следующее: на ранних стадиях модернизации рост подушевых доходов закономерно сопровождается ростом экономического неравенства[1], рост же экономического неравенства ведет к социально-политической дестабилизации [Olson 1963: 536–538]. Это представляется одним из наиболее очевидных механизмов, обусловливающих рост социально-политической нестабильности с ростом уровня экономического развития. Действительно, если уровень экономического развития в данном обществе повысился (а значит, вырос и подушевой ВВП), но при этом значительно выросло и экономическое неравенство, то реальные доходы значительной части населения могут заметно сократиться. При этом резкий рост богатства другой части общества будет только критически усиливать недовольство оказавшихся на обочине экономического роста, провоцируя социально-политическую дестабилизацию.

Вместе с тем сам тезис о том, что рост экономического неравенства ведет к росту политической нестабильности, не получил в мировой науке однозначной поддержки.

Многочисленные эмпирические исследования связи между уровнем имущественного неравенства и социально-политической дестабилизацией, выполненные за последние 45 лет, дали крайне противоречивые результаты. Действительно, часть исследователей пришла к выводу о том, что рост неравенства ведет к росту социально-политической нестабильности[2], однако некоторые другие исследователи пришли к прямо противоположному выводу, что связь между этими переменными отрицательная (то есть общество тем политически стабильнее, чем выше в нем уровень экономического неравенства)[3]. Но и это еще не все – часть исследователей пришла к выводу о том, что между неравенством и нестабильностью существует криволинейная зависимость[4]. И наконец, очень большое количество исследователей с опорой на колоссальные массивы фак-

[1] Здесь М. Олсон, с одной стороны, прямо ссылается на классическую работу С. Кузнеца [Kuznets 1966], а с другой – дает свою собственную аргументацию в поддержку этого тезиса [Olson 1963: 536–538].

[2] См., например: Kling 1956; Russett 1964; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1966; Russo 1968; Paranzino 1972; Sigelman, Simpson 1977; Muller 1985; Muller, Seligson 1987; Midlarsky 1988; Moaddel 1994; Alesina, Perotti 1996; Perotti 1996; Schock 1996; Temple 1998; MacCulloch 2005.

[3] См., например: Mitchell 1968; Nisbet 1968; Parvin 1973; Moore 1978; Nel 2003.

[4] См., например: Davis 1959; Davies 1962; Galtung 1964; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1966; Nagel 1974; Hey, Lambert 1980; Berrebi, Silber 1985; Gurr 2015; Boudon 2016 и др.

тических данных пришло к выводу о том, что экономическое неравенство вообще никакого статистически значимого влияния на уровень социально-политической нестабильности не оказывает[5]. При этом стоит отметить, что во всех тех случаях, когда какая-либо статистически значимая связь между переменными все-таки была выявлена, связь эта обычно оказывалась довольно слабой.

Проанализируем эти результаты более подробно.

Начнем с исследователей, пришедших к выводу о том, что рост экономического неравенства ведет к социально-политической дестабилизации, то есть обнаруживших положительную зависимость между экономическим неравенством и политической нестабильностью.

По их мнению, для стран с высоким уровнем неравенства характерно следующее:

1) бедные могут пойти на применение силы для достижения требований справедливого перераспределения доходов и имущества;

2) богатые обладают ресурсами, необходимыми для применения силы, чтобы избежать реализации этих требований;

3) численность среднего класса крайне мала[6].

Из этого действительно вытекает, что с ростом экономического неравенства социально-политическая нестабильность должна расти. Ряду исследователей удалось найти эмпирические данные в поддержку этой гипотезы[7].

Так, проанализировав статистические данные по 41 стране за период с 1945 по 1961 г., Б. М. Рассетт показал, что в бедных, преимущественно сельскохозяйственных странах высокая степень неравенства распределения земли в тенденции ведет к политической нестабильности [Russett 1964]. К сходным выводам пришли Р. Тантер и М. А. Мидларски на основе анализа данных по 52 странам за период с 1955 по 1960 г. [Tanter, Midlarsky 1967].

Здесь следует отметить, что, разумеется, неравенство в отношении владения собственностью и/или средствами производства

[5] См., например: Russo 1968; Parvin 1973; Duff *et al.* 1976; Hardy 1979; Weede 1981; 1987; Bingham 1982; Collier, Hoeffler 1998; 2004; Collier 2000; Nel 2003; McAdam 2010; Østby, Urdal 2010; Buhaug *et al.* 2011 и др.

[6] См., например: Russett 1964; Tanter, Midlarsky 1967; Prosterman 1976; Sigelman, Simpson 1977 и др.

[7] См., например: Russett 1964; Tanter, Midlarsky 1967; Gurr 1968; Mitchell 1969; Paranzino 1972; Gurr, Duvall 1973; Morgan, Clark 1973; Prosterman 1976; Sigelman, Simpson 1977; Gurr, Lichbach 1979; Singer, Wallace 1979; Muller, Seligson 1987; Dutt, Mitra 2008; Nepal *et al.* 2011 и др.

(особенно землей) и неравенство в доходах хотя и коррелируют между собой, но все же это существенно разные типы неравенства, что может в некоторой мере объяснять различия в выводах исследователей. Также важно, что неравенство в первом случае труднее уменьшить, особенно с учетом намного большей ограниченности объема ресурсов земли в стране (который нередко является константой) по сравнению с объемом доходов (который имеет тенденцию расти). Проблема неравенства во владении землей в бедных странах также может быть связана с идеологическими и институциональными особенностями общества. Пример дореволюционной России, в которой большинство крестьян считало частную собственность на землю несправедливой («земля – божья»), где общинные формы регулярного передела земли преобладали, здесь вполне релевантен. Добавим также, что в ряде обществ социальный статус весьма сильно коррелирует с фактом владения собственностью (особенно землей). Например, в Индии владельцы земли были в основном представителями высших каст или подкаст, да и в настоящее время эта ситуация все еще в значительной мере сохраняется [см., например: Алаев 2000].

Очень значительное количество исследователей обнаружило наличие статистически значимой (хотя и, как правило, довольно слабой) корреляции между неравенством доходов и социально-политической нестабильностью. Так, Л. Сигельман и М. Симпсон, используя доступные кросс-национальные данные по 49 странам с 1958 по 1966 г. по неравенству доходов населения, обнаружили умеренную линейную зависимость между неравенством и насилием (коэффициент детерминации равен 0,311 при статистической значимости натурального логарифма от населения и гетерогенности) [Sigelman, Simpson 1977].

П. Датт и Д. Митра установили, что неравенство статистически значимо и слабо положительно коррелирует с показателями политической нестабильности (коэффициент детерминации равен 0,11) на данных по 99 странам за период с 1960 по 2000 г.; однако другие факторы как политического, так и экономического плана могут усиливать действие фактора экономического неравенства [Dutt, Mitra 2008].

Несколько особняком стоит исследование М. Непала, А. К. Боары и К. Гаванде, в котором в качестве единицы сопоставления выступали не государства мира, а непальские деревни. Эти исследователи протестировали гипотезу, что неравенство порождает поли-

тическое насилие, используя данные о политическом насилии со стороны непальских маоистов в их затяжной войне против своего правительства. Неравенство измеряется индексом Джини, а также индексами поляризации. В качестве зависимой переменной было использовано количество людей, убитых повстанцами-маоистами за период 1996–2003 гг. в каждой описанной непальской деревне (общее количество деревень – 3857 ед.). Авторы показали, что чем выше уровень неравенства, тем больше смертоносного насилия. По их мнению, наличие социальных сетей и государственных программ социального обеспечения может привести к снижению насилия, а также что средний уровень дохода может уменьшить влияние неравенства на конфликт [Nepal *et al.* 2011].

Статистически значимая положительная (хотя, как правило, и достаточно слабая) корреляция между экономическим неравенством и социально-политической нестабильностью была обнаружена целым рядом других исследователей [см., например: Gurr 1968; Mitchell 1969; Paranzino 1972; Gurr, Duvall 1973; Morgan, Clark 1973; Prosterman 1976; Gurr, Lichbach 1979; Singer, Wallace 1979; Muller, Seligson 1987 и т. д.].

В то же самое время некоторые исследователи пришли к прямо противоположному выводу о наличии отрицательной зависимости между экономическим неравенством и политической нестабильностью. Теоретические ожидания при этом формулируются следующим образом: высокий уровень экономического неравенства означает наличие сильной элиты, которая имеет в своем распоряжении достаточно ресурсов для того, чтобы подавить политическое инакомыслие, удержать или укрепить свои позиции и таким образом обеспечить высокий уровень политической стабильности [Moore 1978]. При этом ряд исследований подтвердил наличие такой отрицательной зависимости между уровнем экономического неравенства и политической нестабильностью на фактических данных [см., например: Mitchell 1968; Nisbet 1968; Parvin 1973; Moore 1978; Nel 2003].

Отсюда вполне логичным оказывается третий тип выводов, полученных исследователями; в нижнем диапазоне значений экономического неравенства (в соответствии с теоретическими ожиданиями первой из вышеописанных групп исследователей) рост экономического неравенства сопровождается ростом политической нестабильности, а в более высоком диапазоне дальнейший рост неравенства уже ведет к росту политической стабильности. В ре-

зультате общий вид зависимости между степенью экономического неравенства и политической нестабильностью оказывается перевернутым U-образным, когда особо высокие значения социально-политической дестабилизации в тенденции наблюдаются при средних значениях экономического неравенства.

Так, по рассуждениям Дж. Нагеля, политическое насилие будет происходить наиболее часто на промежуточном уровне экономического неравенства и менее часто – при очень низком или очень высоком уровнях. В то время как «обиды в результате сравнений» накапливаются, «тенденция сравнивать» уменьшается с уровнем экономического неравенства. Учитывая определенные предположения, автор показал, что полученные кумулятивные эффекты являются перевернутыми U-образными [Nagel 1974]. Сходные результаты были получены и целым рядом других исследователей [Davis 1959; Davies 1962; Galtung 1964; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1966; Nagel 1974; Hey, Lambert 1980; Berrebi, Silber 1985; Gurr 2015; Boudon 2016].

Наконец, многочисленные исследования показывают, что экономическое неравенство вообще никакого статистически значимого влияния на политическую нестабильность не оказывает. Так, П. Кольер и А. Хеффлер [Collier, Hoeffler 1998; 2004; Collier 2000] проанализировали особенности конфликта с использованием большого набора данных по гражданским войнам с 1965 по 1999 г. Они обнаружили, что неравенство и отсутствие демократии не имели никакого систематического влияния на риск возникновения гражданской войны, которая была классифицирована в их анализе как внутренний конфликт по меньшей мере с 1000 смертями в столкновениях и сражениях. С другой стороны, страны, которые имели значительную долю своего дохода (ВВП) от экспорта сырьевых товаров, характеризовались географической разобщенностью и доминирующими этническими или религиозными группами, оказались более склонны к конфликтам.

В исследовании П. Нела [Nel 2003] используются данные расходов домохозяйств для оценки влияния неравенства на политическую нестабильность в африканских странах к югу от Сахары за период 1986–1997 гг. Данные анализа свидетельствуют о том, что высокий уровень неравенства не влияет на политическую нестабильность статистически значимым образом для стран, включенных в выборку. Сходные результаты были получены и многими

другими исследователями [см., например: Russo 1968; Parvin 1973; Duff *et al.* 1976; Hardy 1979; Weede 1981; 1987; Bingham 1982; McAdam 2010; Østby, Urdal 2010; Buhaug *et al.* 2011].

В данной работе мы проведем собственное эмпирическое тестирование гипотезы М. Олсона и постараемся выяснить, насколько наблюдаемая для слабо- и среднеразвитых стран положительная корреляция между средним уровнем доходов на душу населения и социально-политической нестабильностью может объясняться ростом экономического неравенства, сопровождающего экономический рост в модернизирующихся обществах.

Табл. 4.1. Категоризация направлений и исследователей по тематике «неравенство и нестабильность»

Исследователь, год публикации	Тип анализа (качественный/количественный)	Метод	Исследованный период	Размер выборки	Категоризация результатов
1	2	3	4	5	6
Russett 1964	Количественный	ОЛС-регрессия	1945–1961	41 страна	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Tanter, Midlarsky 1967	Количественный	ОЛС-регрессия	1955–1960	52 страны	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Morgan, Clark 1973	Количественный	ОЛС-регрессия	1961–1968	30 стран	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Barrows 1976	Количественный	ОЛС-регрессия	1963–1968	32 страны Африки	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Sigelman, Simpson 1977	Количественный	ОЛС-регрессия	1958–1966	49 стран	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность

Продолжение Табл. 4.1

1	2	3	4	5	6
Dutt, Mitra 2008	Количественный	ОЛС-регрессия	1960–2000	99 стран	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Nepal, Bohara, Gawande 2011	Количественный	Двухуровневая иерархическая модель с отрицательным биномиальным распределением	1996–2003	Непальские деревни	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Muller, Seligson 1987	Количественный	Множественная регрессия	1973–1977	62 страны	1. Экономическое неравенство увеличивает политическую нестабильность
Muller 1980	Количественный	ОЛС-регрессия	1965–1975	55 стран	2. Криволинейная зависимость между экономическим неравенством и политической нестабильностью
Parvin 1973	Количественный	ОЛС-регрессия		26 стран	3. Экономическое неравенство уменьшает политическую нестабильность
Elkanj *et al.* 2014	Количественный	ОЛС-регрессия	1963–1999	10 стран Ближнего Востока	3. Экономическое неравенство уменьшает политическую нестабильность
Davies 1962	Качественный				4. U-образная зависимость между экономическим неравенством или политической нестабильностью

Продолжение Табл. 4.1

1	2	3	4	5	6
Gurr 1968	Количественный	ОЛС-регрессия	1961–1965	114 стран	4. U-образная зависимость между экономическим неравенством или политической нестабильностью
Yitzhaki 1979	Количественный	Базовые интегральные уравнения			4. U-образная зависимость между экономическим неравенством или политической нестабильностью
Giskemo 2008	Количественный	ОЛС-регрессия	1950–2004	188 стран	4. U-образная зависимость между экономическим неравенством или политической нестабильностью
Østby 2008	Количественный	ОЛС-регрессия	1986–2004	36 развивающихся стран	4. U-образная зависимость между экономическим неравенством или политической нестабильностью
Nagel 1974	Количественный	ОЛС-регрессия	1961–1965	51 страна	5. Обратная U-образная зависимость между экономическим неравенством и политической нестабильностью
Collier, Hoeffler 1998	Количественный	Пробит-анализ (?)	1960–1962	100 стран	6. Неравенство не имеет никакого отношения к политической нестабильности
Fearon, Laitin 2003	Количественный	Пуассоновская регрессия, логит-анализ	1945–1949	156 стран	6. Неравенство не имеет никакого отношения к политической нестабильности
Nel 2003	Количественный	ОЛС-регрессия	1986–1997	Африканские страны к югу от Сахары	6. Неравенство не имеет никакого отношения к политической нестабильности
Collier, Hoeffler 2004	Количественный	ОЛС-регрессия	1960–1999	161 страна	6. Неравенство не имеет никакого отношения к политической нестабильности

Для этого мы сначала проверим, действительно ли в данных обществах наблюдается положительная корреляция между подушевым ВВП и экономическим неравенством, а если наблюдается, то в каком диапазоне. Мы также проверим эмпирически, наблюдается ли в этом диапазоне корреляция между экономическим неравенством и нестабильностью. Кроме того, мы постараемся выяснить, какой вклад фактор роста экономического неравенства вместе с экономическим ростом в модернизирующихся системах может вносить в формирование перевернутой U-образной зависимости между ВВП на душу населения и социально-политической дестабилизацией. В заключение мы рассмотрим, как экономическое неравенство коррелирует с социально-политической дестабилизацией в обществах с разными политическими режимами и разными уровнями подушевых доходов.

Начнем с ретестирования гипотезы С. Кузнеца о том, что на ранних стадиях модернизации экономический рост в тенденции сопровождается ростом экономического неравенства, а на более поздних фазах модернизации наблюдается обратная корреляция. С учетом специфики использованной нами источниковой базы [World Bank 2016*d*; 2016*f*] данная гипотеза была операционализирована следующим образом: для стран с более низкими значениями подушевого ВВП следует ждать положительной корреляции между ВВП на душу населения и индексом Джини, а для более богатых стран – отрицательной. Проведенный нами тест в целом подтвердил обоснованность гипотезы С. Кузнеца (см. Рис. 4.1–4.2 и Табл. 4.2).

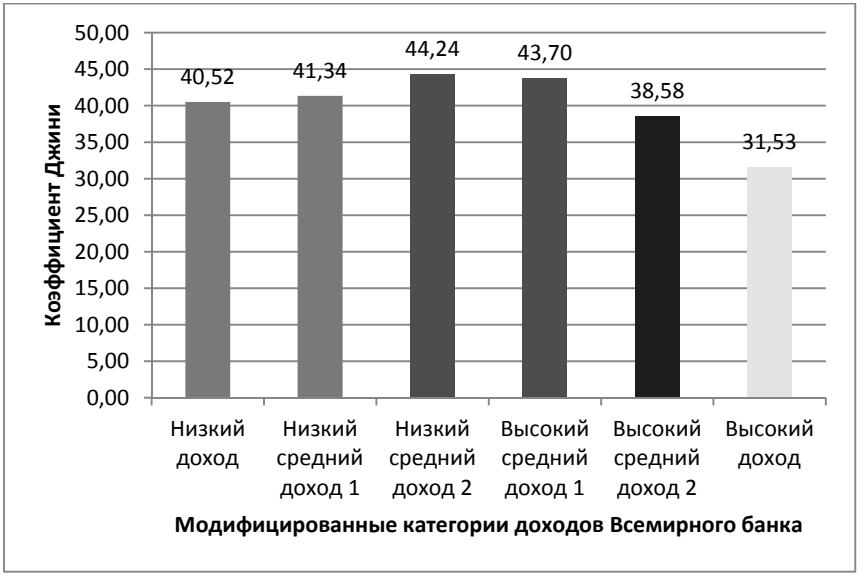

Рис. 4.1. Среднее значение коэффициента Джини по модифицированным группам дохода за период 1960–2014 гг.

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. Статистическая значимость различий между категориями (указана на рисунках разным цветом) здесь и далее определялась с помощью критерия Даннета ($p < 0,05$) и процедуры однофакторного дисперсионного анализа – ANOVA. $F= 61,45$, $p << 0,0001$.

Табл. 4.2. Таблица результатов однофакторного дисперсионного анализа для среднего значения коэффициента Джини по группам дохода за период 1960–2014 гг.

		Различие средних	Стандартное отклонение	Статистическая значимость (p)
1	2	3	4	5
Низкий доход	Низкий средний доход 1	0,82	1,21	0,90
	Низкий средний доход 2	3,71	1,13	< 0,01

Окончание Табл. 4.2

1	2	3	4	5
	Высокий средний доход 1	3,17	1,05	0,01
	Высокий средний доход 2	–1,94	1,08	0,21
	Высокий доход	–8,99	1,09	< 0,01
Низкий средний доход 1	Низкий средний доход 2	2,90	1,03	0,02
	Высокий средний доход 1	2,36	0,94	0,04
	Высокий средний доход 2	–2,76	0,98	0,02
	Высокий доход	–9,81	0,99	< 0,01
Низкий средний доход 2	Высокий средний доход 1	–0,54	0,83	0,84
	Высокий средний доход 2	–5,66	0,87	< 0,01
	Высокий доход	–12,70	0,89	< 0,01
Высокий средний доход 1	Высокий средний доход 2	–5,12	0,73	< 0,01
	Высокий доход	–12,17	0,75	< 0,01
Высокий средний доход 2	Высокий доход	–7,05	0,64	< 0,01

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. $F = 61{,}45$, $p << 0{,}0001$.

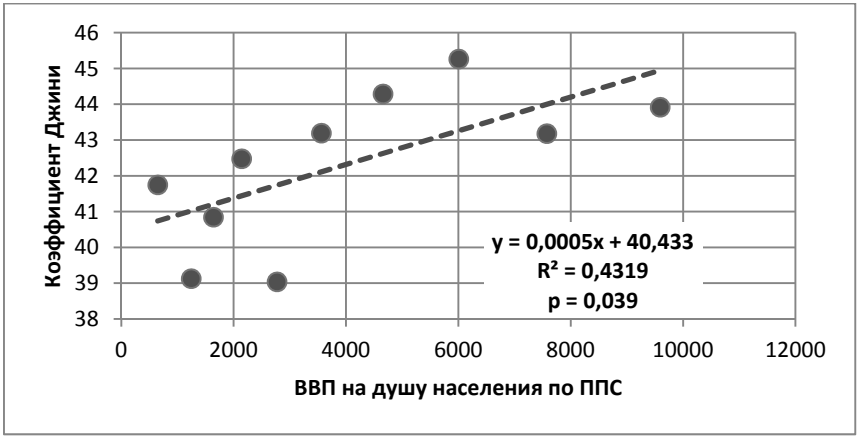

Рис. 4.2. Корреляция подушевого ВВП со средним значением уровня неравенства для стран с доходом до 10 750 долларов США на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*d*.

Примечание. В целом границы децилей для данного графика выглядят следующим образом. 1-й дециль: < 1052 доллара; 2-й дециль: 1052–1436 долларов; 3-й дециль: 1436–1848 долларов; 4-й дециль: 1848–2435 долларов; 5-й дециль: 2435–3112 долларов; 6-й дециль: 3112–4011 долларов; 7-й дециль: 4011–5305 долларов; 8-й дециль: 5305–6711 долларов; 9-й дециль: 6711–8437 долларов; 10-й дециль: 8437–10 745 долларов. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

Несложно видеть, что Рис. 4.1–4.2 и Табл. 4.2 показывают, что в использованной нами базе данных, охватывающей страны мира за 1960–2015 гг., статистически значимая корреляция между уровнем подушевого ВВП и уровнем экономического неравенства (измеренного при помощи коэффициента Джини) наблюдается, но на достаточно ограниченном интервале – до уровня порядка 5500–6500 долларов, а вот начиная с уровня порядка 6500–12 000 долларов начинает прослеживаться очень даже выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем экономического неравенства; при этом отрицательная корреляция между ВВП на душу населения и экономическим неравенством в правой части спектра значений подушевого ВВП оказывается значительно более выраженной, чем положительная корреляция в правой части спектра.

Все это позволяет нам сделать несколько важных предварительных выводов. Как мы видим, полученные нами результаты позволяют предположить, что даже если экономическое неравенство является важным дестабилизирующим фактором, объяснить отмеченную выше положительную корреляцию между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации для экономически слабо- и среднеразвитых стран данный фактор может лишь частично. Действительно, как мы видим, для этих стран наблюдается хоть и статистически значимая, но не слишком сильная (r = +0,657) положительная корреляция между ВВП на душу населения и уровнем экономического неравенства. Между тем выше (см. *Главу 2*) для этих же стран нами были выявлены заметно более сильные положительные корреляции для некоторых важнейших компонентов социально-политической дестабилизации. Так, коэффициент корреляции Пирсона (r) для интенсивности политических убийств составил +0,881, для политических забастовок – +0,930, а для антиправительственных демонстраций – даже +0,941. Вполне очевидно, что сильно выраженную среди слабо- и среднеразвитых стран тенденцию к росту интенсивности политических убийств, забастовок и антиправительственных демонстраций при помощи заметно более слабо выраженной тенденции к росту экономического неравенства объяснить можно в любом случае лишь в высшей степени частично.

Важно здесь и другое обстоятельство. Положительная корреляция между подушевым ВВП и экономическим неравенством прослеживается лишь на достаточно ограниченном интервале (вплоть до ~ 5500–6500 долларов), а для ряда важнейших составляющих социально-политической дестабилизации эта корреляция прослеживается на значительно более обширных участках спектра значений ВВП на душу населения: для политических забастовок – вплоть до ~ 10 300–14 500 долларов, а для массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций – даже до ~ 14 500–20 000 долларов. Вместе с тем вполне очевидно, что рост экономического неравенства уже совсем никак не может объяснить выраженную тенденцию к росту интенсивности антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков на участке 6500–20 000 долларов по той простой причине, что абсолютно никакой тенденции к росту экономического неравенства по мере роста подушевого ВВП на этом интервале не наблюдается. Вместе с тем для участка от минимума до 6500 рост экономического неравенства может вроде бы использоваться для объяснения положительной корреляции

между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации уже достаточно определенно. Но при одной крайне существенной оговорке: если только экономическое неравенство вообще можно рассматривать в качестве значимого фактора социально-политической дестабилизации (а по этому поводу целый ряд исследователей, как мы могли видеть выше, высказывали очень серьезные сомнения).

Наши собственные тесты на наличие положительной корреляции между уровнем экономического неравенства, измеренного при помощи коэффициента Джини, и различными индексами социально-политической дестабилизации дали следующие результаты (см. Табл. 4.3).

Табл. 4.3. Корреляции между уровнем неравенства и показателями социально-политической дестабилизации CNTS за 1960–2014 гг.

Подкатегория	Статистическая значимость (p)	Коэффициент корреляции Пирсона (r)
Политические убийства (*Assassinations*)	< 0,001	0,146
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,033	0,061
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	< 0,001	0,129
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	0,014	0,070
Политические репрессии (*Purges*)	0,159	–0,040
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,749	–0,009
Перевороты и попытки переворотов (*Revolutions*)	< 0,001	0,111
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	0,012	0,072
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	< 0,001	0,170

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*a*.

Примечание. Таблица имеет следующий вид: в строках – название переменных, в столбцах – уровень статистической значимости и коэффициент корреляции Пирсона.

Как мы видим, в семи из девяти тестов, результаты которых приведены в таблице, мы имеем дело со статистически значимыми корреляциями в предсказанном направлении. Таким образом, эти результаты в целом подтверждают гипотезу о том, что рост экономического неравенства в тенденции может вести к росту политической нестабильности. С другой стороны, речь идет хотя о статистически значимых, но крайне слабых корреляциях. Действительно, наиболее сильная корреляция в нашем случае наблюдается между индексом экономического неравенства Джини и суммарным индексом социально-политической дестабилизации CNTS. Сила этой корреляции, определяемой через коэффициент Пирсона (r), равняется 0,170. Данному значению коэффициента Пирсона соответствует коэффициент детерминации (R^2), равный 0,0289. Таким образом, получается, что в данном тесте экономическое неравенство детерминирует уровень социально-политической нестабильности менее чем на 3 %. Следовательно, экономическое неравенство является хоть и статистически значимым, но крайне слабым фактором социально-политической дестабилизации, на что, как мы помним, уже указывал целый ряд авторов.

Тем не менее корреляции между индексом экономического неравенства и некоторыми индексами социально-политической дестабилизации оказываются достаточно сильными при анализе не отдельных страно-лет[8], а децилей.

Рассмотрим более частные случаи высокого уровня связи между уровнем неравенства и несколькими типами социально-политической дестабилизации. В нижеследующей серии тестов фигурируют средние значения индексов социально-политической дестабилизации для децилей страно-лет, выделенных по индексу экономического неравенства Джини. Например, крайний левый маркер на Рис. 4.3, обозначенный черным квадратом, будет соответствовать 10 % страно-лет с самым низким уровнем социально-экономического неравенства, соседний маркер – следующим 10 %, а правый верхний маркер – 10 % страно-лет с самым высоким уровнем экономического неравенства. Таким образом, на Рис. 4.3 для 10 % страно-лет с самым низким уровнем экономического неравенства среднее значение интенсивности политических убийств со-

[8] Отметим, что единицами описания в используемых нами базах данных являются, строго говоря, не отдельные страны, а страно-годы, то есть речь идет о характеристиках некоей страны по ситуации на некий год, например, о числе антиправительственных демонстраций в Индонезии в 1997 г. или об индексе экономического неравенства в США в 2007 г.

ставляет 0,009, то есть на 1000 страно-лет приходится 9 политических убийств, а для 10 % страно-лет с самым высоким уровнем экономического неравенства среднее значение интенсивности политических убийств составляет 0,669, то есть на 1000 страно-лет приходится 669 политических убийств. В целом при подецильном анализе наиболее высокая корреляция с экономическим неравенством обнаруживается именно для интенсивности политических убийств (см. Рис. 4.3).

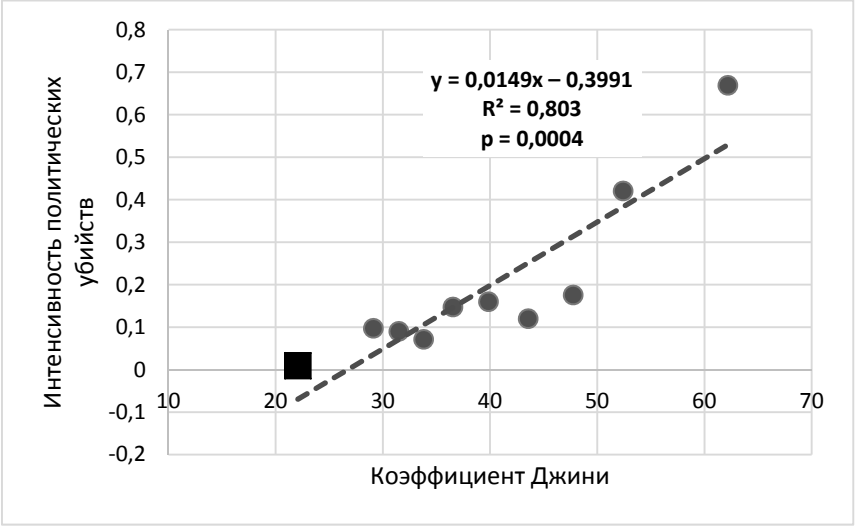

Рис. 4.3. Подецильная корреляция между экономическим неравенством и интенсивностью политических убийств на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*a*.

Примечание. В этом и следующих четырех случаях использовались следующие границы децилей: 1-й дециль: < 27; 2-й дециль: 27–30; 3-й дециль: 30–32; 4-й дециль: 32–34; 5-й дециль: 34–38; 6-й дециль: 38–41; 7-й дециль: 41–45; 8-й дециль: 45–49; 9-й дециль: 49–54; 10-й дециль: 54–69. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

Как мы видим, при подецильном анализе корреляция между экономическим неравенством и интенсивностью политических убийств

оказывается в высшей степени сильной (r = 0,896, R^2 = 0,803) и безусловно статистически значимой (p = 0,0004). При этом стоит обратить внимание на то, что особо существенный скачок интенсивности политических убийств наблюдается при превышении порогового значения индекса Джини в районе 50 пунктов.

Достаточно сильная корреляция при подецильном анализе обнаруживается между индексом экономического неравенства и интенсивностью «партизанских действий»/террористических актов (см. Рис. 4.4).

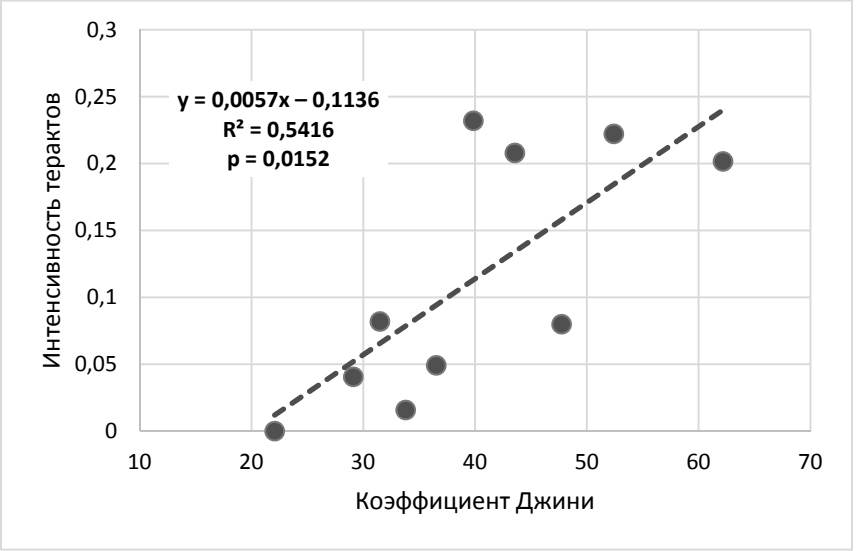

Рис. 4.4. Подецильная корреляция между экономическим неравенством и интенсивностью «партизанских действий»/террористических актов, на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. r = 0,736, p = 0,015.

Как видим, и в этом случае мы имеем дело с вполне сильной (r = 0,736) статистически значимой (p = 0,015) корреляцией. Отметим, что пороговое значение индекса Джини, при котором наблюдается скачок интенсивности «партизанских действий»/террористических актов, здесь фиксируется в районе 40 пунктов.

Маргинально значимая, но довольно сильная положительная корреляция при подецильном анализе выявляется между индексом Джини и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 4.5).

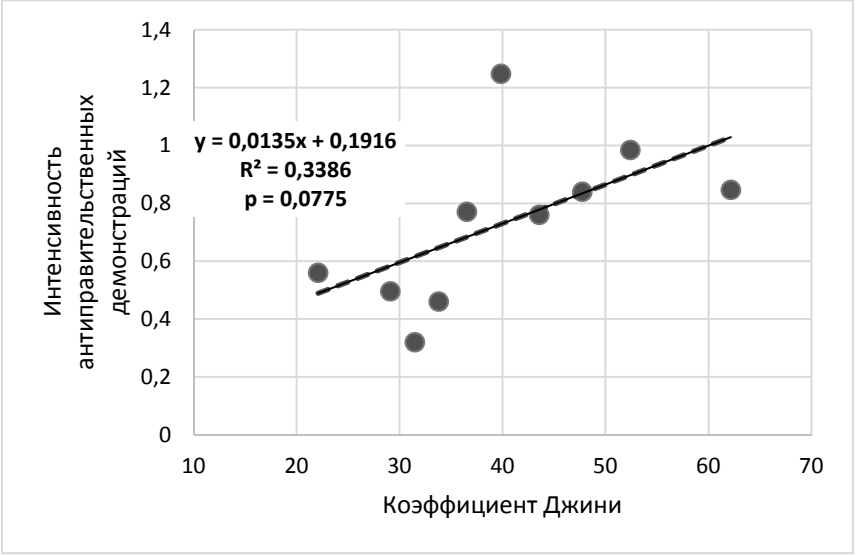

Рис. 4.5. Подецильная корреляция между экономическим неравенством и интенсивностью антиправительственных демонстраций, на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. r = 0,582, p = 0,039 (1-сторонний тест значимости).

Достаточно сильная статистическая значимая корреляция при подецильном анализе обнаруживается применительно к интегральному индексу социально-политической дестабилизации CNTS (см. Рис. 4.6).

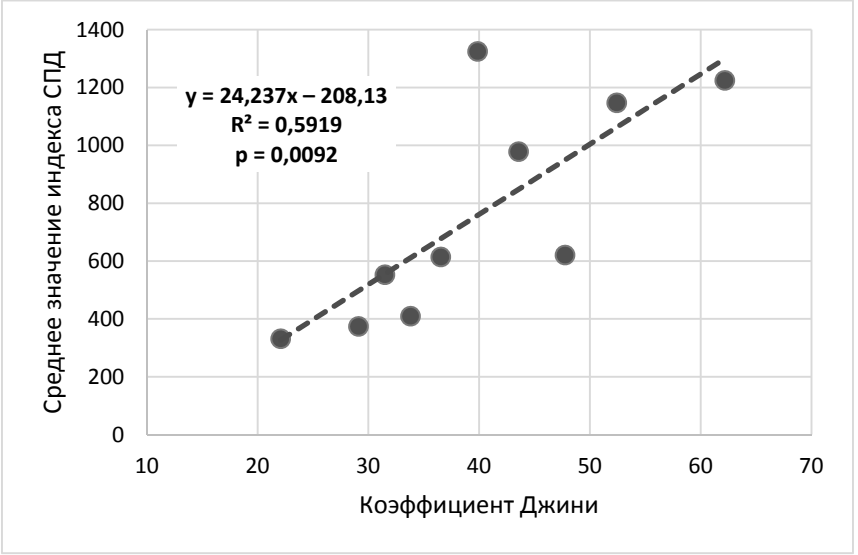

Рис. 4.6. Подецильная корреляция между экономическим неравенством и средним значением индекса социально-политической дестабилизации, на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание: r = 0,769, p = 0,009.

Особо стоит отметить то обстоятельство, что для периода после конца холодной войны прослеживается особо сильная корреляция между коэффициентом экономического неравенства Джини и общим уровнем социально-политической дестабилизации (см. Рис. 4.7).

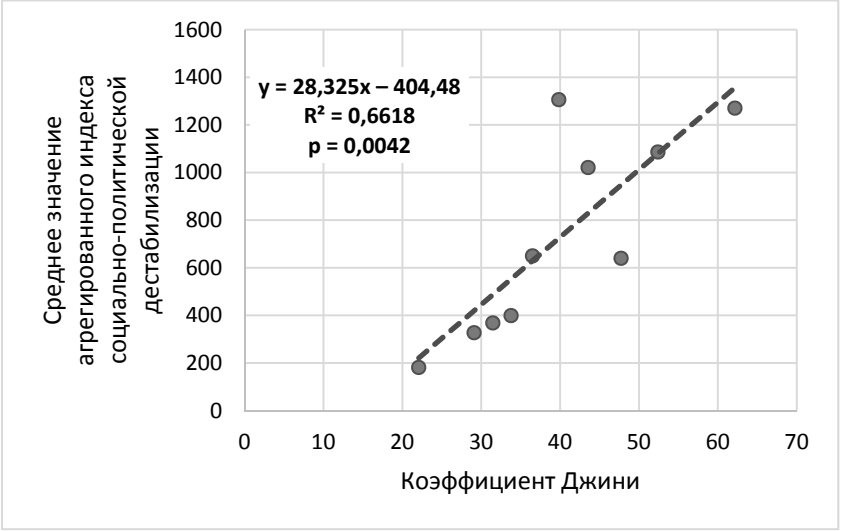

Рис. 4.7. Подецильная корреляция между экономическим неравенством и средним значением индекса социально-политической дестабилизации, на соответствующий год, 1992–2014 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; World Bank 2016*f*.

Примечание. r = 0,813, p = 0,004.

Таким образом, именно для современного периода экономическое неравенство можно рассматривать в качестве достаточно мощного фактора социально-политической дестабилизации. Стоит также отметить наличие порогового значения в районе 40 пунктов, по достижении которого наблюдается выраженный скачок уровня социально-политической нестабильности[9].

Таким образом, имеются определенные основания утверждать, что экономическое неравенство может служить достаточно серьезным фактором социально-политической дестабилизации как в целом, так и в особенности применительно к таким индикаторам, как

[9] Из этого, кстати, по всей видимости, вытекает вполне практическая рекомендация. Для поддержания в стране высокого уровня социально-политической стабильности желательно избегать превышения экономического неравенства уровня в 40 пунктов по шкале Джини. Отметим, что, по данным Всемирного банка, этот уровень в России несколько выше – около 42 пунктов [World Bank 2017: SI.POV.GINI].

антиправительственные демонстрации, «партизанские действия»/террористические акты и политические убийства.

* * *

Итак, полученные нами результаты позволяют предположить, что даже если экономическое неравенство является важным дестабилизирующим фактором, объяснить отмеченную в самом начале нашего исследования положительную корреляцию между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации для экономически слабо- и среднеразвитых стран данный фактор может лишь частично. Действительно, как мы видим, для этих стран наблюдается хоть и статистически значимая, но не слишком сильная ($r = +0{,}657$) положительная корреляция между ВВП на душу населения и уровнем экономического неравенства. Между тем выше (см. *Главу 2*) для этих же стран нами были выявлены заметно более сильные положительные корреляции для некоторых важнейших компонентов социально-политической дестабилизации. Так, коэффициент корреляции Пирсона (r) для интенсивности политических убийств составил +0,881, для политических забастовок – +0,930, а для антиправительственных демонстраций – даже +0,941. Вполне очевидно, что сильно выраженную среди слабо- и среднеразвитых стран тенденцию к росту интенсивности политических убийств, забастовок и антиправительственных демонстраций при помощи заметно более слабо выраженной тенденции к росту экономического неравенства объяснить можно в любом случае лишь в высшей степени частично.

Важно здесь и другое обстоятельство. Положительная корреляция между подушевым ВВП и экономическим неравенством прослеживается лишь на достаточно ограниченном интервале (вплоть до ~ 5500–6500 долларов), а для ряда важнейших составляющих социально-политической дестабилизации эта корреляция прослеживается на значительно более обширных участках спектра значений ВВП на душу населения: для политических забастовок – вплоть до ~ 10 300–14 500 долларов, а для массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций – даже до ~ 14 500–20 000 долларов. Вместе с тем вполне очевидно, что рост экономического неравенства уже совсем никак не может объяснить выраженную тенденцию к росту интенсивности антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков на участке 6500–20 000 дол-

ларов по той простой причине, что абсолютно никакой тенденции к росту экономического неравенства по мере роста подушевого ВВП на этом интервале не наблюдается. Вместе с тем для участка от минимума до 6500 долларов рост экономического неравенства вроде бы может использоваться для объяснения положительной корреляции между подушевым ВВП и уровнем социально-политической дестабилизации уже достаточно определенно.

Часть третья
ТИП РЕЖИМА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Глава 5. Промежуточный тип режима как фактор социально-политической нестабильности

Связь между уровнем политической нестабильности и типом режима была замечена еще в 70-х гг. прошлого века, когда началось накопление систематических данных по конфликтам в мире. Так, Т. Р. Гарр [Gurr 1974] отмечал, что так называемые «полудемократии» являются наиболее подверженным дестабилизации типом режима. Это наблюдение получило развитие в работах, опирающихся на использование математического аппарата и баз данных, содержащих данные о многих странах мира. Результатом подобных исследований стала теория об обратной U-образной зависимости типа режима и рисков политической дестабилизации.

В соответствии с этой теорией более стабильными являются последовательные демократии и автократии, в то время как наиболее нестабильными являются промежуточные режимы (неконсолидированные демократии, непоследовательные автократии и гибридные режимы).

Политическая нестабильность – достаточно общее понятие, под которым могут пониматься несколько различных феноменов: гражданские войны, войны этнические, реже – войны между государствами, резкие смены режима в сторону демократии или автократии[1], а также массовые демонстрации, политические забастовки, насильственные и ненасильственные протесты и т. д. [Regan, Norton 2005].

Первые количественные исследования зависимости между типом режима и гражданскими войнами [Muller, Weede 1990; Francisco 1995; Ellingsen, Gleditsch 1997] были проведены на основе

[1] Причем смена режима может выступать в качестве как зависимой (синоним политической нестабильности), так и независимой переменной при исследовании факторов, связанных с возникновением других типов нестабильности, например гражданских войн.

данных, включающих ограниченное количество стран и довольно короткие периоды. Они эмпирически подтвердили наличие статистически значимой связи: гибридные режимы оказались наиболее уязвимы перед риском возникновения гражданских войн. Последующие более обширные исследования [Ellingsen 2000; Hegre *et al.* 2001] не только подтвердили этот результат, но и установили наличие связи между сменой режима в недавнем прошлом страны и политической нестабильностью. Один из выводов исследования [Hegre *et al.* 2001] состоит в том, что молодые демократии или молодые автократии (то есть страны, недавно пережившие демократизацию или автократизацию) являются значительно более уязвимыми для гражданской войны, чем стабильные режимы. Однако наличие связи между началом гражданской войны и типом режима оказалось статистически значимо, даже если контролировать влияние фактора недавней смены режима [Fearon, Laitin 2003].

Исследование влияния демократизации и автократизации на участие стран в войне[2] [Mansfield, Snyder 1995] также выявило, что страны, находящиеся в процессе демократизации, более чем на 60 % чаще оказываются вовлеченными в войны, чем страны, где смены режима не произошло. Более того, страны в период демократизации подвергались бóльшему риску быть вовлеченными в войну, чем все остальные (включая автократизирующиеся) страны.

В работах некоторых авторов [Cedermann *et al.* 2010] влияние именно демократизации на этот крайний тип политической нестабильности было подтверждено[3]. Однако в других работах [Gleditsch 2002] отмечается, что направление изменения режима не влияет на риск возникновения гражданской войны.

В случае, когда демократизация и автократизация рассматриваются как независимые переменные, одним из ключевых дополнительных факторов, оказывающих влияние на уровень социально-политической дестабилизации, был назван фактор политического фракционализма[4] [Goldstone *et al.* 2010; Marshall, Cole 2012], который фиксирует база данных *Polity* [Marshall, Jaggers 2015].

---

[2] Рассматривались войны как между государствами, так и между правительством и негосударственными структурами, как в случае колониальных войн.

[3] Хотя некоторое влияние автократизации не исключается.

[4] «Фракционализм» (*factionalism*) представляет собой такой тип политической культуры, при котором основные политические силы в обществе структурируются не по идеологическому принципу (консерваторы – либералы, правые – левые и т. п.), а по этноконфессиональным признакам или региональной принадлежности. Таким образом, в подобного рода государ-

Связь не только гражданских войн, но и этнических гражданских войн с типом режима была исследована и подтверждена в ряде работ [Sambanis 2001; Buhaug 2006].

Трактование причин слабости промежуточных режимов исходит из двух теорий, объясняющих возникновение политического насилия в целом: теории депривации, о которой мы говорили в *Главе 1* (она ставит акцент на экономической составляющей), и теории рациональных агентов или возможностей (акцент на политических причинах). Согласно первой теории, восходящей к Дж. Дэйвису [Davies 1962; 1969] и Т. Р. Гарру [Gurr 1970], восстание и гражданская война могут быть вызваны тем, что ожидания, которые провоцирует модернизация, оказываются неудовлетворенными, что заставляет людей выходить на улицы[5]. Такое положение дел чаще всего наблюдается как раз в промежуточных режимах, находящихся в процессе интенсивной модернизации. Согласно второй теории, в основе нестабильности промежуточных режимов лежит характерная для них слабость центральной власти, которая дает мятежникам надежду на получение большей выгоды от восстания, чем от бездействия или легальной политической борьбы [Muller, Weede 1990]. Некоторые авторы [Gates *et al.* 2000; Regan, Norton 2005] объединяют обе теории, объясняя более высокий риск дестабилизации промежуточных режимов тем, что они слишком слабы, чтобы подавить любую возможность восстания, и недостаточно демократичны, чтобы предотвратить разочарование. Если говорить о более конкретных факторах, обусловливающих нестабильность политического режима, то среди них называют следующие: недавняя смена режима, резкое изменение типа режима на большое число пунктов в сторону автократизации или демократизации, собственно автократизация по сравнению с демократизацией [Regan, Bell 2010].

Одним из важных вопросов при определении наличия связи между типами режимов и нестабильностью является собственно то, как определяется тип режима. В целом существуют две точки зрения на эту проблему.

ствах политические партии будут представлять не лиц, скажем, с левыми, правыми или центристскими убеждениями, а, к примеру, шиитов, алавитов, маронитов и т. д., либо «западенцев» или «дончан».

[5] Анализ психологических аспектов в обществе, в том числе социальной фрустрации и депривации, можно увидеть в работах Дж. Дэйвиса [см., например: Урнов 2008: 184–188].

Первая точка зрения состоит в том, что существуют строго определенные параметры, которые позволяют отделить демократию от автократии; если мы не можем определить, какой тип перед нами, то это происходит скорее в силу ограниченности нашего знания [Przeworski *et al.* 2000: 30–36]. Такой подход сужает представление о типах режима до дихотомии, понятие переходного или гибридного режима здесь отсутствует. Второй подход противоположен первому: согласно ему демократия и автократия встречаются в чистом виде редко, большинство режимов находятся между этими крайними точками [Dahl 1971]. Далее теории могут отличаться по количеству критериев, которые используются для выделения «чистых» и «гибридных» режимов.

Нередко за основу выделения разных типов берется всего один критерий, чаще всего – «индекс демократии»[6] или «индекс Polity» в базе данных *Polity* [Hegre *et al.* 2001; Jaggers, Gurr 1995]. Использование индекса демократии позволяет выделить промежуточные типы режимов (анократии), однако не позволяет понять механику того, какие конкретно параметры влияют на стабильность режима [Hegre 2014]. Промежуточные режимы являются крайне неоднородными и могут сильно отличаться друг от друга, эти различия ускользают при ранжировании режимов по одному показателю. Ряд авторов предпочитает использовать несколько составляющих показателей индекса демократии, а иногда и другие присутствующие в *Polity* индикаторы для операционализации понятия демократии. Так, в некоторых работах [Marshall, Jaggers 2015; Gates *et al.* 2000] используются только два или три показателя из пяти, или вообще применяется другой показатель, такой, например, как открытость рекрутирования органов исполнительной власти (*Openness of Executive Recruitment – ExRec*) [Goldstone *et al.* 2010; Ulfelder, Lustik 2007].

Использование индекса демократии *Polity* как индикатора уровня демократии вызывает достаточно резкую критику. Так,

[6] Индекс демократии *Polity* следует отличать от более широко известного в настоящее время Индекса демократии журнала *The Economist*. Индекс демократии *Polity*, варьирующийся от –10 до +10, составлен на основании 5 индикаторов, кодируемых экспертами [Gurr 1974; Jaggers, Gurr 1995]: 1) способ рекрутирования органов исполнительной власти (Competitiveness of Executive Recruitment – *Xrcomp*); 2) открытость рекрутирования органов исполнительной власти (Openness of Executive Recruitment – *Xropen*); 3) ограничение на органы исполнительной власти/правила принятия решений (Executive Constraints/Decision Rules – *Xconst*); 4) регулирование участия в выборах (Regulation of Participation – *Parreg*); 5) конкурентность выборов (Competitiveness of Participation – *Parcomp*).

Дж. Р. Вриланд [Vreeland 2008] считает, что наличие U-образной зависимости является скорее результатом особенностей кодирования промежуточных режимов (анократий) в *Polity*, когда страны, находящиеся в состоянии войны, кодируются как переходные. Чтобы доказать свою точку зрения, Вриланд исключает из агрегации индикаторы, которые, как он считает, изначально связаны с гражданской войной (а именно – *Parcomp* и *Parreg*), и, используя данные [Hegre *et al.* 2001; Fearon, Laitin 2003], показывает, что параметр «тип режима» оказывается в этом случае не значим. В других работах [Treier, Jackman 2008] критике подверглись способ кодирования индикаторов демократии в базе *Polity*, зависимость пяти показателей друг от друга, неравномерность порядковой шкалы и другие погрешности кодирования, которые, как показывают авторы, ставят под сомнение возможность использования индикаторов *Polity* без существенных модификаций. Некоторые исследования, не отрицая возможности использования индекса демократии *Polity* как индикатора уровня демократии, указывают на необходимость учитывать его категориальную, а не порядковую шкалу, а также на слишком высокую важность, которую имеет один компонент (а именно – ограничения на высшее исполнительное лицо) [Ellingsen, Gleditsch 1997].

Выводы Дж. Р. Вриланда были протестированы в моделях. Так, например, добавление в модель Дж. Голдстоуна параметров, напрямую связанных с нестабильностью, не повлекло за собой увеличения значимости переменной «тип режима» или точности модели [Goldstone *et al.* 2010]. Это говорит о том, что переменная «тип режима» не является индикатором политического насилия. В случае промежуточных режимов переменная указывает на особый тип отношения между элитами, характеризующийся крайней поляризацией.

Вриланд [Vreeland 2008] подверг критике и индекс *Freedom House*, так как вопросник, на основании которого определяется один из компонентов индекса – индекс гражданских свобод, содержит прямое упоминание наличия или отсутствия гражданской войны или восстания (*Is there freedom from war and insurgencies?*).

Несмотря на то что в большинстве исследований использовались данные *Polity*, в некоторых работах [Muller, Weede 1990] в качестве меры демократии применялся параметр «тип режима» согласно определению *Freedom House*, а индикатор нестабильности,

а именно – гражданской войны, был взят из 3-го издания *World Handbook of Political and Social Indicators* [Taylor, Jodice 1983]. Однако это исследование включает данные всего по четырем годам – 1973–1977 гг. Тем не менее и на этом материале было подтверждено наличие U-образной зависимости между типом режима и социально-политической дестабилизацией. Наличие данной зависимости нашло свое подтверждение и в работах отечественных исследователей [Гринин, Коротаев 2012; 2013; 2014; Цирель 2012*а*; 2012*б*; Grinin, Korotayev 2012; 2014*a*; Малков и др. 2013; Korotayev *et al.* 2013; 2014; Коротаев и др. 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015).

Уровень дестабилизации разных государств по типологии Freedom House

Freedom House делит политические режимы на три большие группы: «свободные» (*Free*), «частично свободные» (*Partly Free*) и «несвободные» (*Not Free*). Логично в качестве промежуточного режима рассматривать вторую категорию – «частично свободные» *(Partly Free)*.

Прямой тест гипотезы (по данным *Freedom House* и *CNTS*) подтверждает наличие U-образной зависимости. За период 1973–2012 гг. среднее значение индекса социально-политической нестабильности для промежуточных режимов составило 1086, а для двух остальных типов режимов почти в два раза меньше – 638. Проведенный нами t-тест показал (Рис. 5.1), что данное различие является безусловно статистически значимым ($t = 10{,}26$; $\alpha << 0{,}0001$).

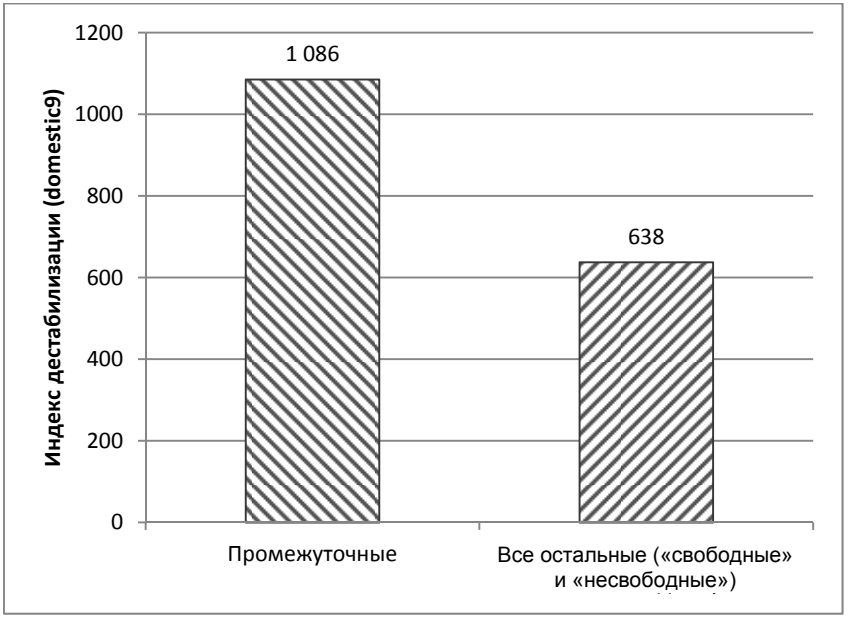

Рис. 5.1. Среднее значение индекса политической нестабильности по странам с промежуточными режимами в сопоставлении со странами с другими типами режимов, 1973–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $t = 10{,}26$; $a << 0{,}0001$; $N = 6831$.

Однако более детальный анализ переменной позволил выявить целый ряд примечательных закономерностей.

Если рассматривать отдельно три типа режимов, то окажется, что уровень дестабилизации между типами режимов значимо отличается: вполне в соответствии с гипотезой U-образной зависимости, наиболее нестабильными оказываются промежуточные режимы; однако, с другой стороны, авторитарные («несвободные») режимы оказываются значимо менее стабильными, чем режимы демократические («свободные»)[7] (Рис. 5.2).

[7] Статистическая значимость различий между категориями (указана на рисунках) определена с помощью критерия Тамхена ($\alpha < 0{,}05$) и процедуры однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Рис. 5.2. Среднее значение индекса политической нестабильности по странам с промежуточными режимами в сопоставлении со странами, характеризующимися демократическим и автократическим типами режимов, 1973–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 106{,}833$, $\alpha << 0{,}0001$.

Однако наибольший интерес представляет рассмотрение корреляции между типами режимов и уровнем их стабильности/нестабильности по трем периодам: до окончания холодной войны (1973–1991 гг.), после окончания холодной войны (1992–2010 гг.) и в 2011–2012 гг. Если выделение первых двух периодов вопросов не вызывает – окончание холодной войны и распад Советского Союза, несомненно, оказали влияние на систему международной безопасности и уровень стабильности, то выделение последнего периода требует пояснений. Необходимость выделения данного этапа можно лучше всего продемонстрировать следующим графиком, где показано среднее количество антиправительственных демонстраций в год на одну страну (Рис. 5.3).

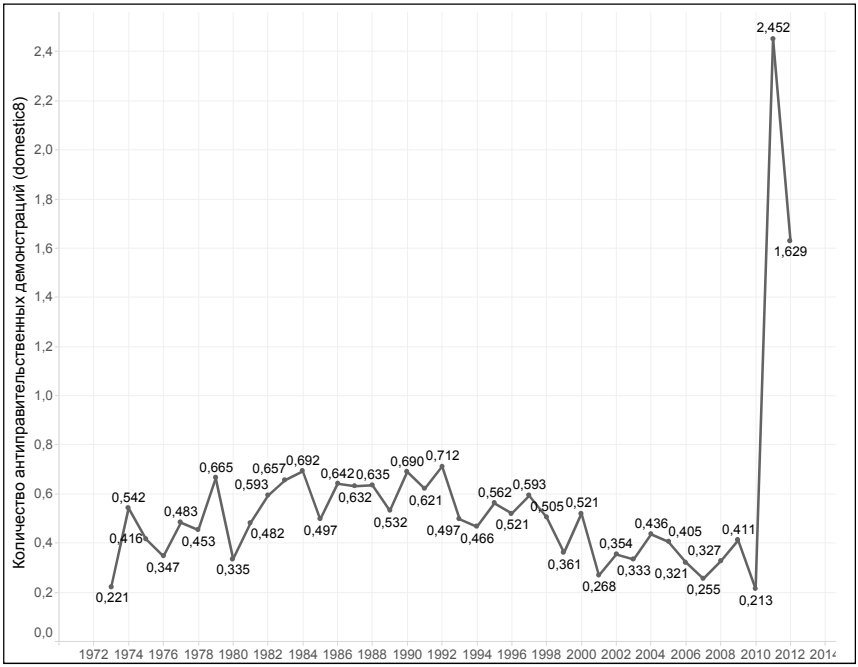

Рис. 5.3. Количество антиправительственных демонстраций (domestic8) в год на одну страну, 1973–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

Легко заметить, что период, начинающийся в 2011 г., резко отличается от остальных, то есть по крайней мере одна из составляющих индекса нестабильности в этот период резко меняется. Подробнее этот вопрос мы рассмотрим далее в *Главе 10.*

В период до холодной войны U-образная зависимость прослеживается очень четко (Рис. 5.4). Большие отличия от промежуточных режимов в уровне нестабильности показывают как автократические, так и демократические режимы, причем между демократическими и автократическими режимами статистически значимых отличий не прослеживается.

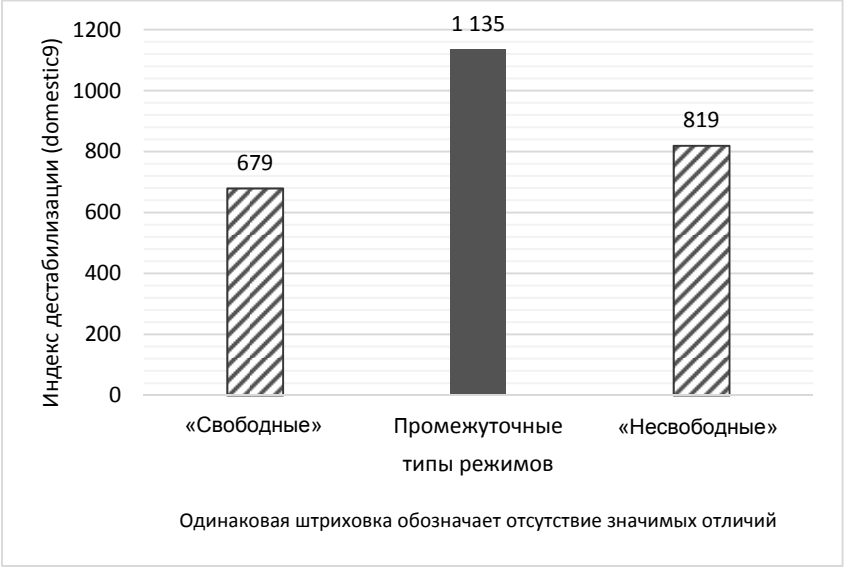

Рис. 5.4. Среднее значение индекса политической нестабильности по типам режимов, 1973–1991 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 17{,}64$, $\alpha << 0{,}0001$.

Второй период – после окончания холодной войны и до 2010 г. – характеризуется общим снижением уровня дестабилизации, промежуточные режимы продолжают оставаться самыми нестабильными, однако растет и разница между демократическими и автократическими режимами: автократические режимы в этот период становятся значимо менее стабильными, чем демократии.

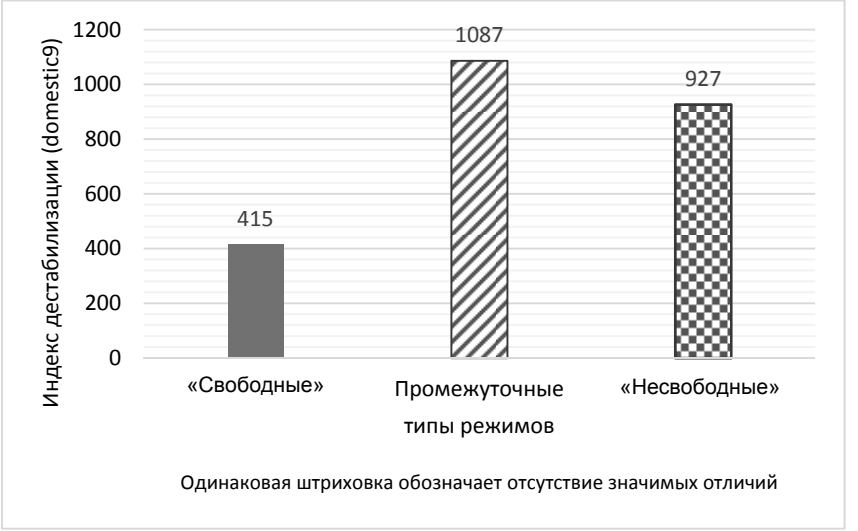

Рис. 5.5. Среднее значение индекса политической нестабильности по типам режимов, 1992–2010 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 106{,}833$, $\alpha << 0{,}0001$.

Тренд продолжается в третьем периоде (2010–2012 гг.): автократии далеко превосходят по уровню дестабилизации демократии (Рис. 5.6). Что касается промежуточных режимов, то уровень их дестабилизации в этот период был ниже, чем в автократиях, но выше, чем в демократиях. Таким образом, U-образная кривая для этого короткого периода не наблюдается.

Рис. 5.6. Среднее значение индекса политической нестабильности по типам режимов, 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 9{,}054$, $\alpha < 0{,}001$.

Однако самое интересное – это понять, как в динамике меняется соотношение уровней дестабилизации между различными типами режимов. Рост относительного уровня нестабильности автократий может происходить или благодаря росту нестабильности в самих автократиях, или благодаря снижению нестабильности в других типах режимов.

Если рассмотреть динамику нестабильности в режимах трех типов, то окажется, что демократические режимы стали значительно более стабильными во второй период после окончания холодной войны, а в 2010–2012 гг. вернулись к уровню нестабильности, характерному для периода до конца холодной войны (Рис. 5.7).

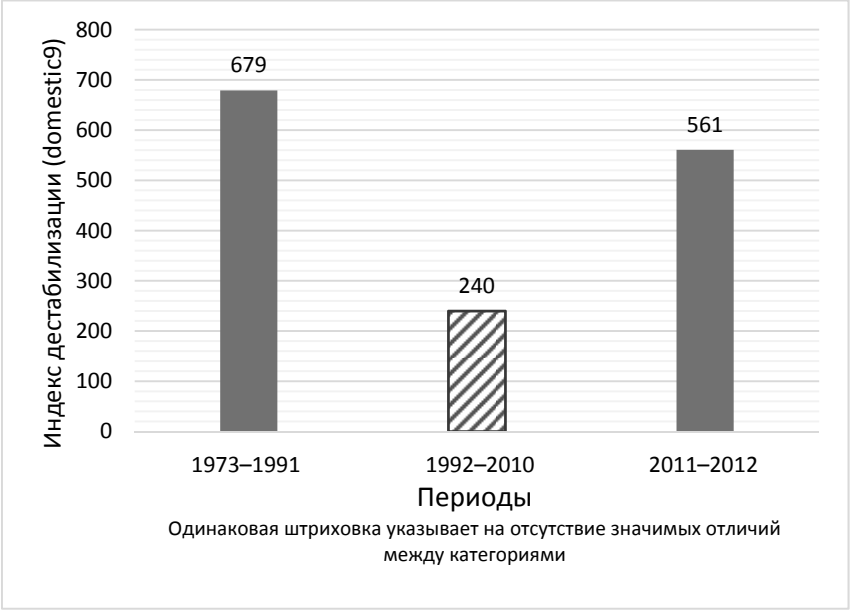

Рис. 5.7. Среднее значение индекса политической нестабильности демократических режимов по трем периодам: 1973–1991, 1992–2010 и 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 42{,}580$, $\alpha << 0{,}0001$.

Рассматривая динамику изменения уровня нестабильности в промежуточных режимах, можно сказать, что, несмотря на рост индекса нестабильности в третьем периоде (2011–2012 гг.), отличия между тремя периодами статистически не значимы.

Рис. 5.8. Среднее значение индекса политической нестабильности промежуточных режимов по трем периодам: 1973–1991, 1992–2010 и 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 1{,}219$, $\alpha = 0{,}296$.

Рассмотрение динамики уровня дестабилизации автократий позволяет утверждать, что именно рост нестабильности в автократиях (а не снижение нестабильности в других типах режимов) стал причиной значимого роста индекса нестабильности автократий относительно демократий и промежуточных режимов.

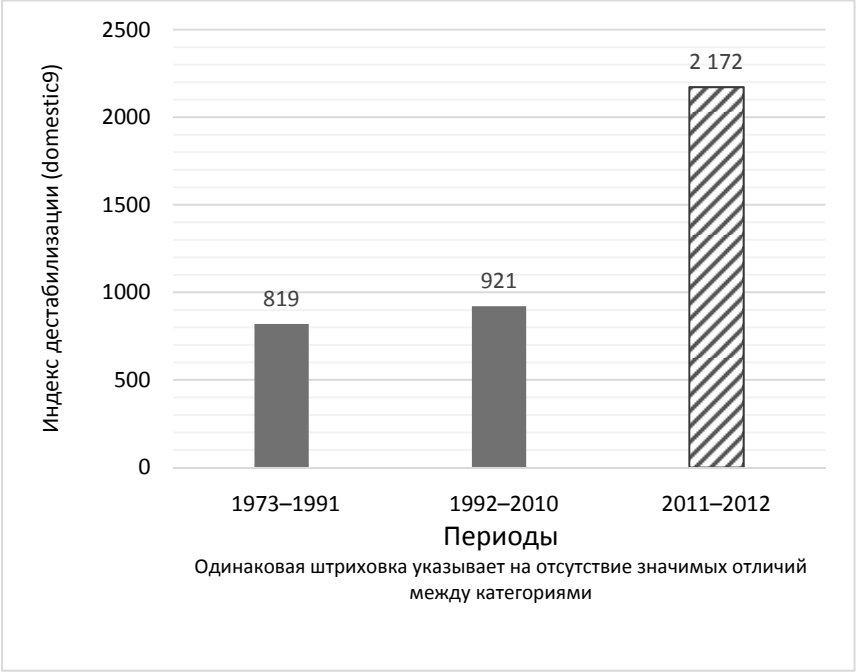

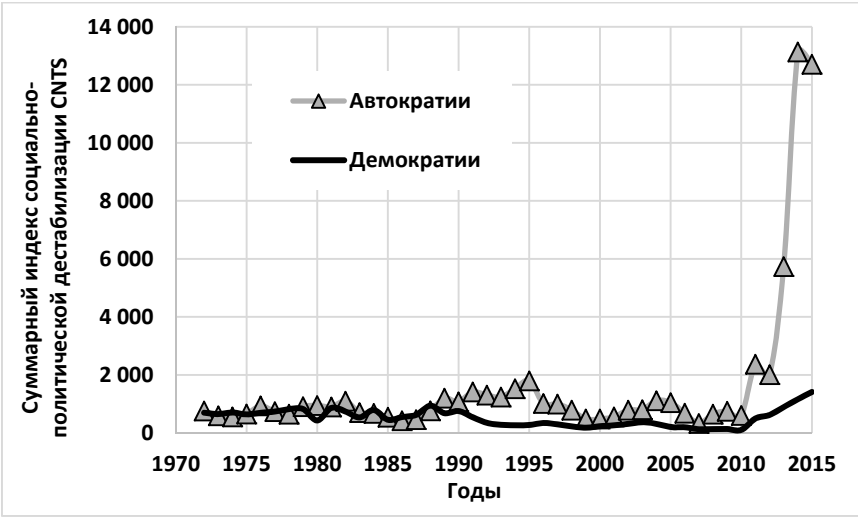
Рис. 5.9. Среднее значение индекса политической нестабильности автократических режимов по трем периодам: 1973–1991, 1992–2010 и 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

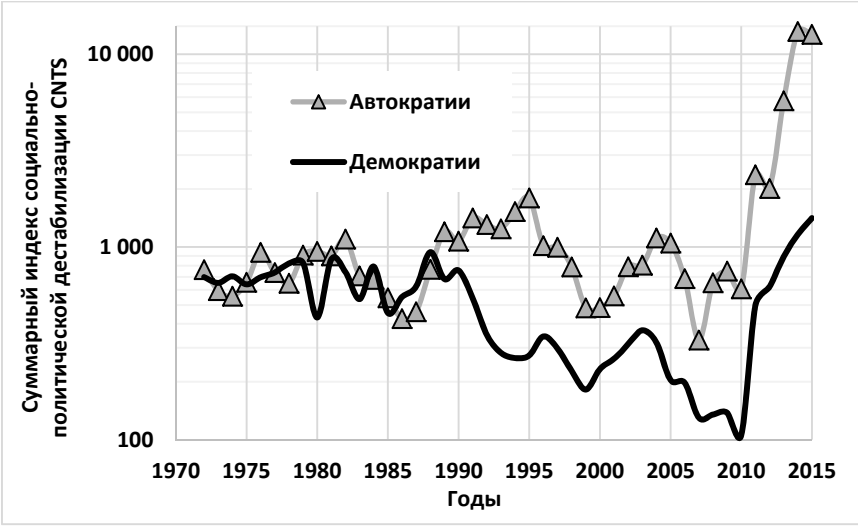
Примечание. $F = 24{,}895$, $\alpha << 0{,}0001$.

Итак, снижение уровня нестабильности в период после холодной войны происходило в основном за счет консолидированных демократий. А автократические режимы оказались во многом «ответственны» за рост нестабильности в период 2011–2012 гг. Таким образом, обе крайние точки U-образной кривой пришли в движение, превращая U-образную кривую в прямую линию.

На Рис. 5.10 средние индексы дестабилизации демократических и автократических режимов представлены в динамике.

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 5.10. Динамика средних значений индекса социально-политической дестабилизации на одну страну демократического типа и одну страну автократического типа за один год, 1973–2015 гг.

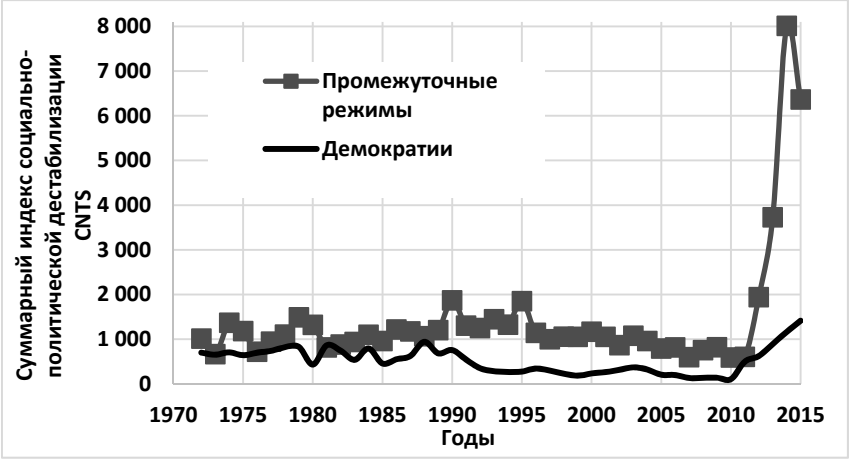
Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Снижение уровня социально-политической дестабилизации демократических режимов в период после холодной войны здесь представлено в высшей степени наглядно. Его можно объяснить несколькими причинами.

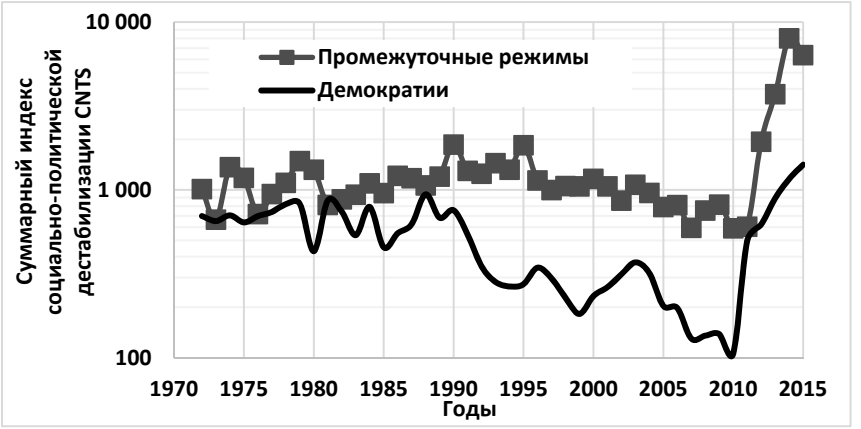
Прежде всего после развала СССР имело место снижение активности левого движения в странах мир-системного ядра. В период до 1991 г. в консолидированных демократиях прежде всего как раз левые организации выводили на улицы недовольных граждан, чтобы добиться улучшения условий труда от работодателей и правительств, именно они организовывали политические забастовки. Кроме того, в 1990-х гг. западные страны (являющиеся в основном консолидированными демократиями) стали все более активно выводить на мир-системную полупериферию и периферию промышленные производства. Результатом было снижение протестной активности вследствие элементарного уменьшения числа промышленных рабочих, особо активно принимавших участие в организовываемых левыми протестных акциях (знаменитые забастовки английских шахтеров не могли не прекратиться уже ввиду почти полного исчезновения шахтеров в этой стране). Свою лепту в понижение уровня социально-политической нестабильности в консолидированных демократиях Запада внесло и стремительно набиравшее в 1990–2000-е гг. темпы старение населения мир-системного ядра [см., например: Goldstone *et al.* 2012]: известно, что к радикальным действиям наиболее склонна молодежь, а значительное увеличение численности доли молодого населения служит одним из факторов, повышающих нестабильность в обществе [см., например: Moller 1968; Goldstone 1991; 2002; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2010*а*; 2011*а*; 2011*б*; 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev, Zinkina 2011; Коротаев 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Малков 2014; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; см. *Главы 1* и *2*].

Рост нестабильности авторитарных режимов после конца холодной войны объясняется, естественно, другими причинами. Отметим, например, что в странах третьего мира диктаторам нередко удавалось держать ситуацию под контролем благодаря биполярности мира и поддержке (финансовой, технической и даже силовой) со стороны одной из сверхдержав. С момента окончания холодной войны ситуация меняется на прямо противоположную – интенсивность дестабилизации возросла наполовину в автократических режимах (что, собственно говоря, и доказывает преобладание дестабилизаций в автократиях), в демократиях, напротив, как мы могли

видеть выше, она пошла на спад. В 2011–2015 гг. происходит новый переход, связанный с Арабской весной и ее глобальным эхом (подробнее см. *Главу 10*), см. Рис. 5.11 и 5.12.

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

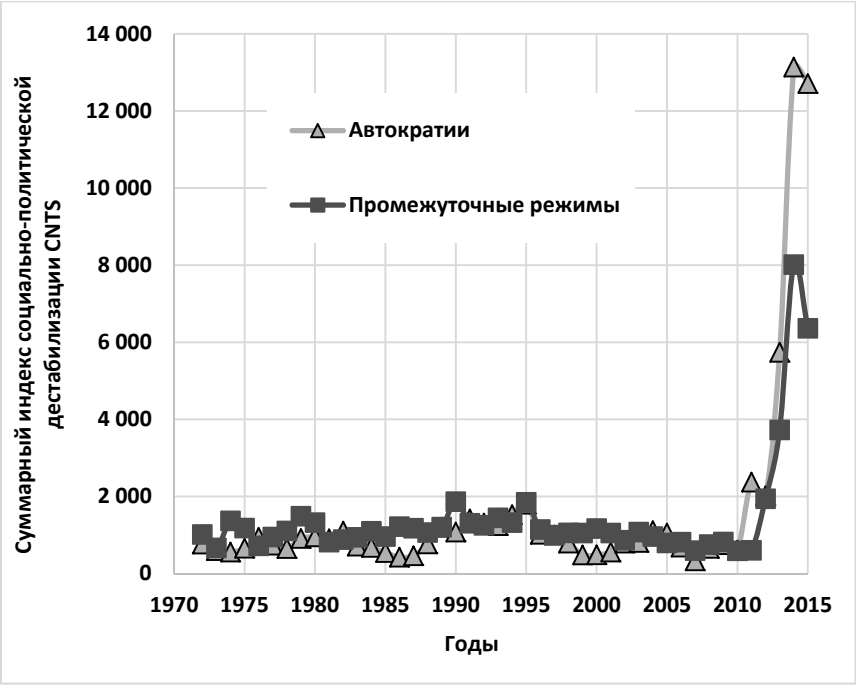
Рис. 5.11. Динамика среднего значения суммарного индекса социально-политической дестабилизации CNTS на одно государство демократического типа и одно государство с промежуточным режимом за один год, 1972–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

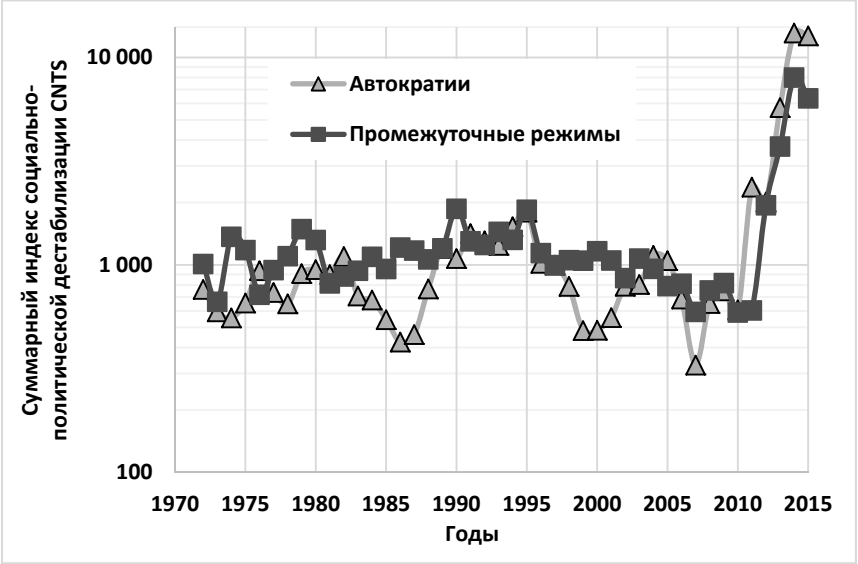
Как мы видим, в 1970–1980-е гг. средний уровень дестабилизации в промежуточных режимах был лишь относительно немного (хотя и статистически значимо) выше, чем в демократиях. В демократиях никакого явно выраженного тренда в этот период не наблюдалось, а в промежуточных режимах прослеживался слабый восходящий тренд к росту социально-политической дестабилизации. В дальнейшем, с конца 1980-х гг. и вплоть до конца 2000-х гг., наблюдалось очень заметное, на порядок, снижение среднего уровня социально-политической нестабильности в демократических государствах. При этом в промежуточных режимах в 1990–1995 гг. социально-политическая нестабильность продолжала оставаться на довольно высоком уровне. В результате за 1988–1995 гг. между демократиями и промежуточными режимами по уровню социально-политической нестабильности сформировался многократный разрыв. В 1995 г. средний уровень социально-политической дестабилизации в промежуточных режимах был выше такового в демократиях почти в семь раз. С середины 1990-х вполне определенный тренд к снижению уровня социально-политической нестабильности начинает прослеживаться и для промежуточных режимов – между 1995 и 2010 гг. средний уровень социально-политической дестабилизации снизился здесь более чем в три раза. Однако между 1995 и 2010 г. очень заметно (почти в три раза) снизился и средний уровень социально-политической дестабилизации в демократиях. В результате между 1995 и 2010 гг. разрыв между промежуточными и демократическими режимами по среднему уровню социально-политической дестабилизации сократился незначительно, с семи- до шестикратного. Таким образом, данный многократный разрыв продолжал наблюдаться и накануне Арабской весны.

В первый год Арабской весны скачкообразный рост социально-политической дестабилизации наблюдался прежде всего в авторитарных государствах Ближнего Востока, но эхо Арабской весны привело к очень заметному росту протестной активности (а значит, и уровня социально-политической дестабилизации) и во многих демократических государствах по всему миру. Парадоксальным образом, в промежуточных режимах в 2011 г. социально-политическая нестабильность увеличилась незначительно, и в этом году средний уровень социально-политической дестабилизации оказался немногим выше, чем в демократиях; однако в 2012 г. вызванная Арабской весной глобальная волна дестабилизации накрыла

и эти режимы, и в 2012–2014 гг. в странах с промежуточными политическими режимами социально-политическая нестабильность выросла столь же сильно, как и в демократиях. В результате даже несмотря на некоторый спад нестабильности в промежуточных режимах в 2015 г. (на фоне некоторого ее роста в демократиях), среднее значение суммарного индекса социально-политической дестабилизации для промежуточных режимов в 2015 г. оказалось в четыре с половиной раза выше, чем в демократиях, то есть разрыв между двумя этими типами режимов по данному показателю был в 2015 г. лишь немногим меньше, чем в 2010 г.

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 5.12. Динамика среднего значения суммарного индекса социально-политической дестабилизации CNTS на одно государство автократического типа и одно государство с промежуточным режимом за один год, 1972–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Несмотря на то что тренд обеих линий практически совпадает, в промежуточных наблюдается более яркое проявление интенсивности (по экстремумам без каких-либо понижательных циклов) по сравнению с автократическими режимами.

Почему в этот период наиболее подверженными политической дестабилизации оказались политии промежуточного типа, можно проиллюстрировать на примере стран Центральной и Латинской Америки, в которых процветали персоналистские режимы и военные хунты, но намечались сдвиги в сфере либерализации общественной жизни. Поэтому большинство стран Южной Америки рассматривались как гибридные режимы. Для Аргентины, Гайаны и Суринама рост политической дестабилизации был связан с повышением активности повстанческих движений, которые провоцировали репрессии со стороны властей, тем самым замыкая круг

насилия. В Аргентине с 1976 по 1983 г. хунта Х. Видела проводила массовые аресты и казни, исчисляющиеся десятками тысяч. В Гайане диктатор Ф. Бернем часто прибегал к политическим убийствам, чтобы устранять оппонентов, чем настроил против себя левую оппозицию. В Суринаме с 1986 по 1992 г. шла партизанская война против диктатора Д. Баутерсе, пришедшего к власти в ходе военного переворота.

После эпохи диктатур в ряде стран континента удалось наладить регулярные и конкурентные выборы. Но это породило другую крайность – популизм. После того как новоизбранный лидер оказывался в ситуации, когда не мог выполнить свои предвыборные обещания, социальное недовольство стремительно нарастало. Избранный в 1983 г. президентом Венесуэлы Х. Лусинчи столкнулся с падением мировых цен на нефть и массовыми забастовками по всей стране. В Бразилии при правлении Ж. Фигейреду население активно выступало за расширение и защиту гражданских прав, поскольку хотело дальнейшей либерализации, начатой при прежних лидерах. В Сальвадоре генерал К. Ромеро, в 1977 г. избранный в ходе демократической процедуры президентом, был свергнут ввиду фальсификации результатов голосования.

Подобных примеров множество. Окончательное становление демократии в странах второго и третьего мира редко происходит с первого раза [см.: Хантингтон 2004; Гринин, Коротаев 2013; 2014*a*]. В странах Латинской Америки многое зависит от политической воли конкретного главы государства, поскольку институциональное устройство способствует становлению суперпрезидентских режимов, граничащих с персоналистскими автократиями. Если один лидер по личной воле может пойти на уступки оппозиции и обществу, то его преемник на посту лидера страны может повернуть эти изменения вспять. По причине того, что неконсолидированные демократии: 1) подвержены быстрым откатам к авторитаризму и 2) постоянно пребывают в состоянии замкнутого круга насилия, уровень политической нестабильности, как мы могли видеть выше, высок именно в гибридных режимах.

Для десятков режимов по всему миру конец холодной войны и прекращение поддержки со стороны СССР был своего рода второй деколонизацией. Для стран ЦВЕ этот процесс прошел достаточно легко, поскольку они были приняты европейским сообществом, создание нового институционального дизайна шло в рамках про-

грамм европейского партнерства. Устоявшиеся социалистические автократии Куба и Вьетнам продолжили следовать своим моделям развития. Остальные режимы – сторонники советского лагеря оказались предоставлены сами себе. Попытки выстроить демократические процедуры с первого раза не удаются практически ни в одной стране, в связи с чем такие режимы находятся в состоянии маятника. Например, из 15 бывших советских республик сразу выйти на демократический трек развития удалось только трем государствам Прибалтики, имевшим короткий демократический опыт до присоединения к СССР, и небольшой Молдове. При этом Молдова является крайне нестабильным государством ввиду политического раскола между сторонниками европейского вектора развития и пророссийскими силами. Кроме того, в Молдове сегодня есть два замороженных территориальных конфликта – в Приднестровье и Гагаузии. В остальных 11 постсоветских государствах, несмотря на изначально демократические предлоги роспуска СССР, установились автократии. Только крупные социальные протесты смогли дать новый импульс постсоветским странам. Во всех случаях одной попытки запустить демократический транзит оказывалось недостаточно. Далее требовалось либо повторение революций, либо прохождение нескольких сложных избирательных циклов.

Дальнейшие серьезные трансформации на постсоветском пространстве связаны с «цветными революциями». В ходе «революции роз» к власти в Грузии пришел М. Саакашвили. Изначально его имя связывалось со значительными преобразованиями в стране, но затем президента не раз обвиняли в злоупотреблении властными полномочиями. В результате демократических выборов в парламент 2012 г. партия Саакашвили уступила блоку «Грузинская мечта», что позволило Грузии сохранить демократический трек развития. Этого не случилось в Киргизии. После свержения А. Акаева в ходе другой «цветной революции», названной «тюльпановой», к власти пришел К. Бакиев, при котором упал уровень жизни населения, обострились этнические конфликты, вырос уровень клановости и коррупции во власти. Бакиев был свергнут в результате массовых демонстраций 2010 г. Сегодня Киргизия является единственной страной бывшего СССР из Центральной Азии, где осуществляется демократический транзит.

Самым ярким примером неустойчивости и перманентной дестабилизации на постсоветском пространстве является Украина.

После «оранжевой революции» 2004 г. и принятия поправок в Конституцию каждый последующий лидер страны стремился выстраивать патронажный режим, где решающая доля полномочий сконцентрирована в руках главы государства. На сегодняшний день даже после второй революции – «Евромайдана» – процесс государственного строительства и консолидация демократии идут с большими сложностями.

Таким образом, для государств, предпринявших попытку демократического транзита в период 1992–2010 гг., характерна длительная неустойчивость, неоднократные попытки перезапуска транзита и высокий уровень социально-политической дестабилизации в течение этого периода времени.

Период 2011–2012 гг. включает в себя крупномасштабные волны протестов как в странах развитой демократии в Европе и Северной Америке (движение *Occupy*), так и Арабскую весну преимущественно среди автократий Ближнего Востока и Северной Африки. При этом проявились они по-разному. *Occupy* состоял из мирных демонстраций, пикетов, шествий и возведения палаточных лагерей-коммун в крупных финансовых центрах. Арабская весна привела к свержению нескольких режимов, ряду гражданских войн и десяткам тысяч жертв (см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Таким образом, исходя из данных *Freedom House* и *CNTS*, казалось бы, можно говорить об исчезновении U-образной зависимости в период после конца холодной войны. Между тем такое суждение представляется нам излишне упрощенным, так как ниже мы увидим, что здесь, возможно, правильнее говорить не об исчезновении U-образной зависимости, а об изменении ее конфигурации.

Для того чтобы получить более детальное ви́дение изучаемой закономерности, имеет смысл перейти от упрощенной классификации современных политических режимов на три типа к анализу всего континуума современных политий от консолидированных демократий до последовательных автократий. Отметим, что база данных *Freedom House* такую возможность предоставляет. Напомним, что классифицирование политий по трем типам осуществляется, по сути дела, на основе сводного рейтинга, получаемого через суммирование «рейтинга политических прав» (со значениями от 1 до 7[8]) и «рейтинга гражданских свобод» (также со значениями от

[8] Где 1 – наиболее свободные, а 7 – наименее свободные [Puddington 2015: 2].

1 до 7), принимающего значения от 2 до 14[9], где 2 соответствует консолидированным демократиям, а 14 – последовательным автократиям (при этом политии в интервале 2–5 классифицируются как «свободные», в интервале 11–14 – как «несвободные», а в интервале 6–10 – как «частично свободные»). Таким образом, данный суммарный индекс можно рассматривать как «индекс авторитарности» (ИА).

Рассмотрим теперь корреляцию между «индексом авторитарности» и уровнем социально-политической нестабильности для периода до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) (Рис. 5.13–5.14).

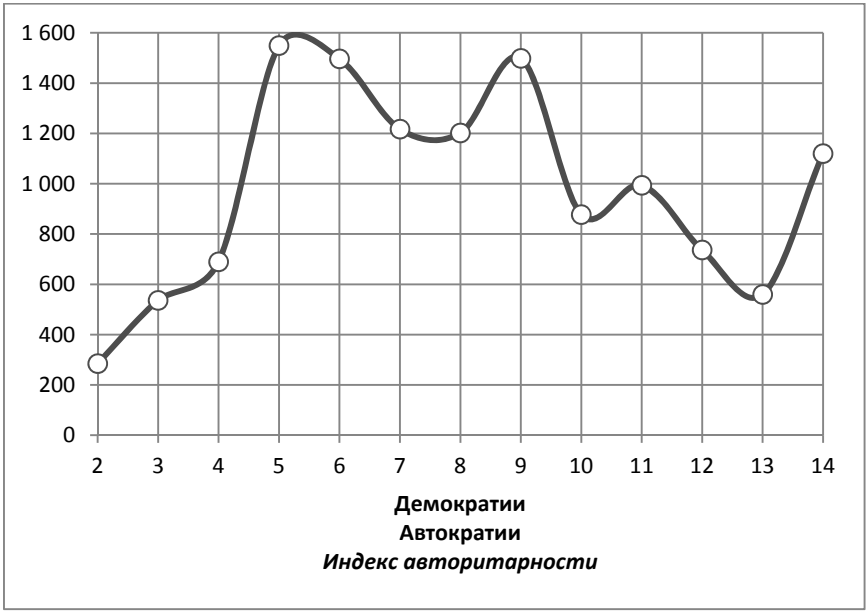

Рис. 5.13. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности за период до конца холодной войны, 1973–1991 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

[9] Впрочем, сотрудники *Freedom House* затем еще делят полученную сумму на два, но нам этот шаг представляется избыточным.

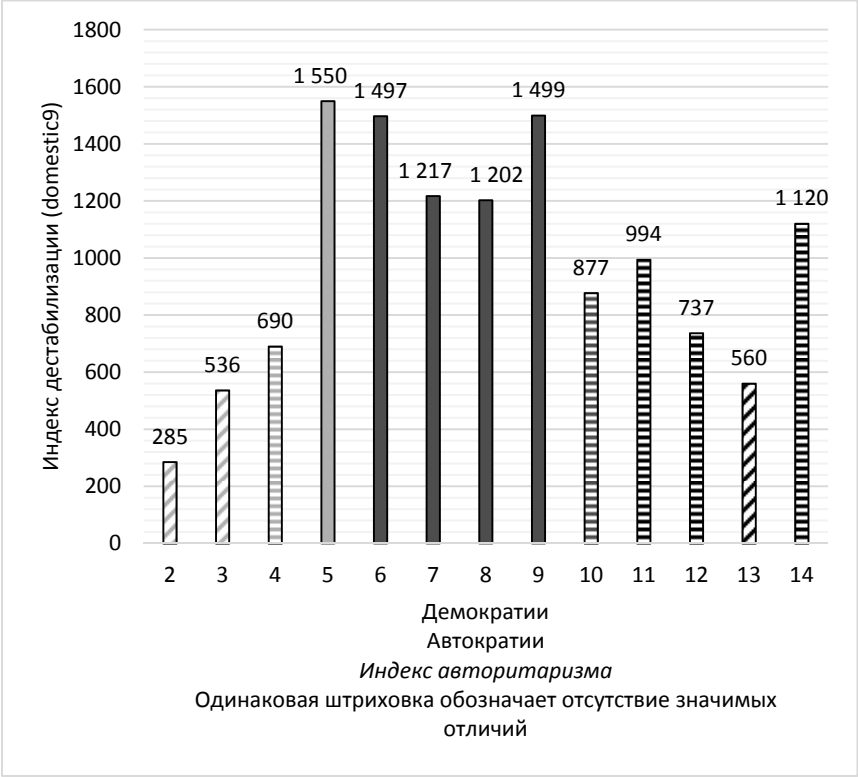

Рис. 5.14. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности за период до конца холодной войны, 1973–1991 гг., ANOVA-анализ

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 12{,}94$, $\alpha << 0{,}0001$.

Как мы видим, данный более детализированный анализ позволяет выявить некоторые интересные детали по сравнению с анализом, основанным на упрощенной троичной классификации. Асимметрия U-образной зависимости оказывается значительно более сложной, чем об этом можно было судить по результатам тестов, представленных ранее. Во-первых, как мы видим, и для периода, предшествовавшего окончанию холодной войны, последовательно авторитарные режимы оказываются значимо более нестабильными, чем консолидированные демократии. С другой стороны, явно наблюда-

ется определенный сдвиг пиковых значений нестабильности в демократическую сторону спектра – наиболее подверженными дестабилизации для этого периода оказываются неконсолидированные демократии (значение АИ = 5), а также промежуточные режимы, склоняющиеся скорее к демократии, чем к авторитаризму, в то время как промежуточные режимы, откровенно склонявшиеся в сторону авторитаризма (значение АИ = 10), оказывались значимо более стабильными, чем неконсолидированные демократии. Непоследовательные же авторитарные режимы в общем и целом демонстрировали значимо более высокую степень стабильности, чем неконсолидированные демократии и промежуточные режимы (и в особенности те, что склонялись скорее к демократии, чем к авторитаризму).

После окончания холодной войны ситуация изменилась самым существенным образом (см. Рис. 5.15).

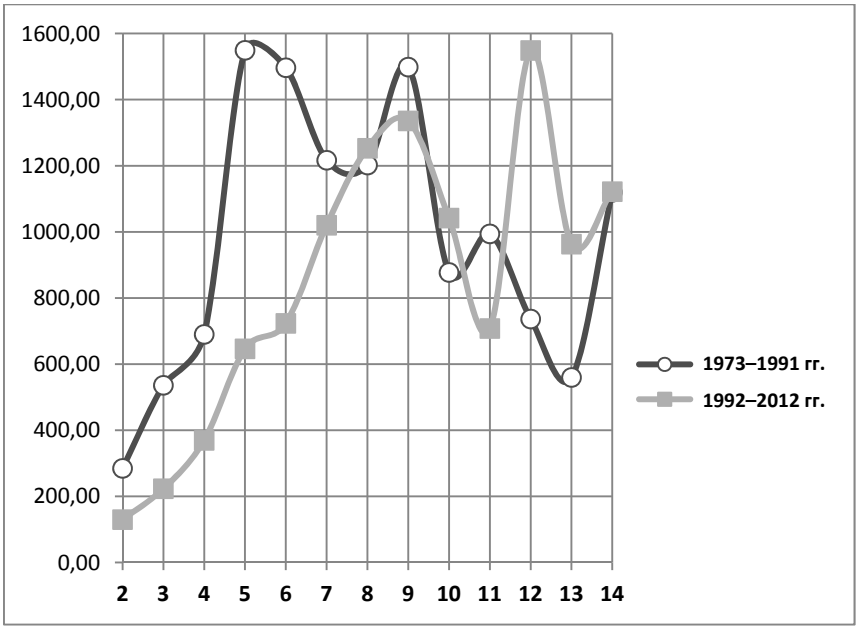

Рис. 5.15. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности в периоды до (1973–1991 гг.) и после (1992–2012 гг.) конца холодной войны

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, значительных изменений в среднем уровне социально-политических режимов здесь не наблюдалось только для последовательно авторитарных режимов (ИА = 14), с одной стороны, и для промежуточных режимов в интервале от 7 до 11 – с другой. Вместе с тем наблюдалось значительное снижение уровня нестабильности для демократических политий, а также для промежуточных режимов, наиболее близких к демократическому диапазону (ИА = 6). С другой стороны, очень заметно вырос уровень средних значений социально-политической дестабилизации применительно к непоследовательно авторитарным режимам (со значениями ИА между 12 и 13). В результате, если в период до конца холодной войны наиболее высокие уровни социально-политической дестабилизации были характерны для неконсолидированных демократий, то в последующий период пиковые значения данного показателя приходятся скорее уже на непоследовательные авторитарные режимы.

При этом после конца холодной войны интересующая нас U-линейная зависимость очень ослабела, и ANOVA-анализ ее даже не улавливает (см. Рис. 5.16).

Рис. 5.16. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности за период после конца холодной войны (1992–2012 гг.), ANOVA-анализ

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. $F = 24{,}50$, $\alpha << 0{,}0001$.

Однако эта зависимость все-таки фиксируется при использовании методики расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена. Действительно, для периода 1992–2012 гг. мы имеем не только безусловно статистическую значимую ($\alpha << 0{,}0001$) положительную ранговую корреляцию между индексом авторитарности и степенью социально-политической дестабилизации в диапазоне ИА от 2 до 12, но и крайне слабую, но все-таки статистически безусловно значимую ($\alpha = 0{,}001$) отрицательную корреляцию в диапазоне от 12 до 14.

* * *

Итак, проведенные нами эмпирические тесты с использованием баз данных *CNTS* и *Freedom House* в общем и целом подтвердили наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказываются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе с тем проведенные исследования позволили выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел очень существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была более сильно выражена, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражена заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

Глава 6. Тип режима и интенсивность антиправительственных демонстраций

В предыдущем разделе мы рассмотрели корреляции между типом режима и общим индексом социально-политической дестабилизации CNTS. В настоящем разделе мы проанализируем корреляции между типом режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Это имеет большой смысл, поскольку, как мы увидим далее, этот показатель хотя и входит в качестве составляющей в расчет общего индекса дестабилизации CNTS, но демонстрирует существенно разные корреляции с типами политических режимов.

Свой анализ мы начнем с тестирования общей зависимости между типами политий и интенсивностью антиправительственных демонстраций (domestic8) (Рис. 6.1 и Табл. 6.1).

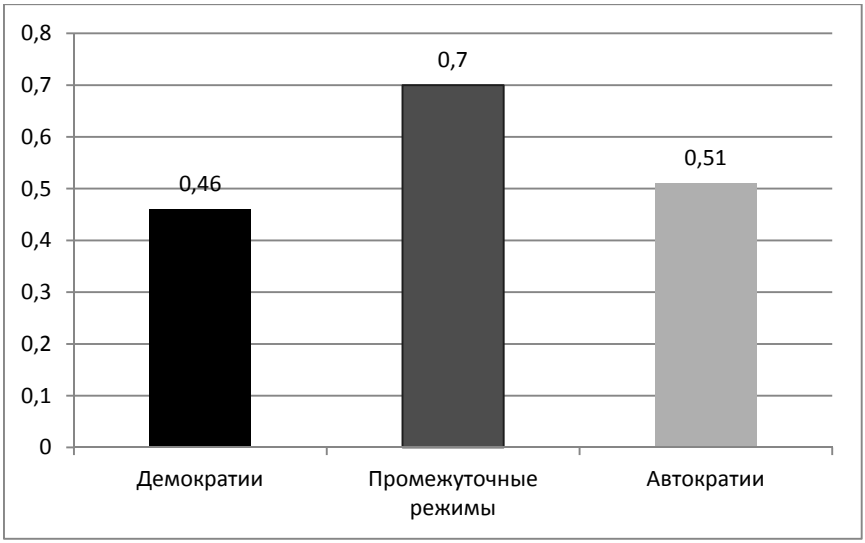

Рис. 6.1. Средние индексы интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 2012 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Табл. 6.1. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

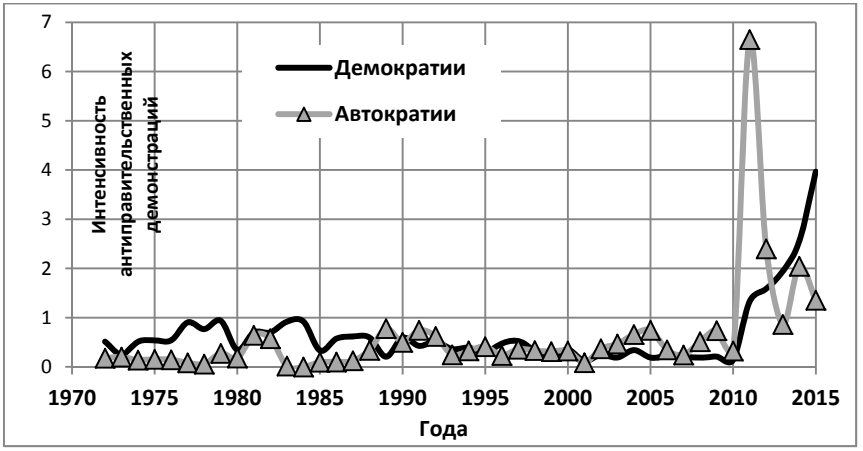
		1 Демократии	2 Промежуточные режимы	3 Автократии
1 Демократии	*t*		–4,424	–0,682
	α^*		<< 0,0001	0,495
2 Промежуточные режимы	*t*	–4,424		2,554
	α^*	<< 0,0001		0,011
3 Автократии	*t*	–0,682	2,554	
	α^*	0,495	0,011	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

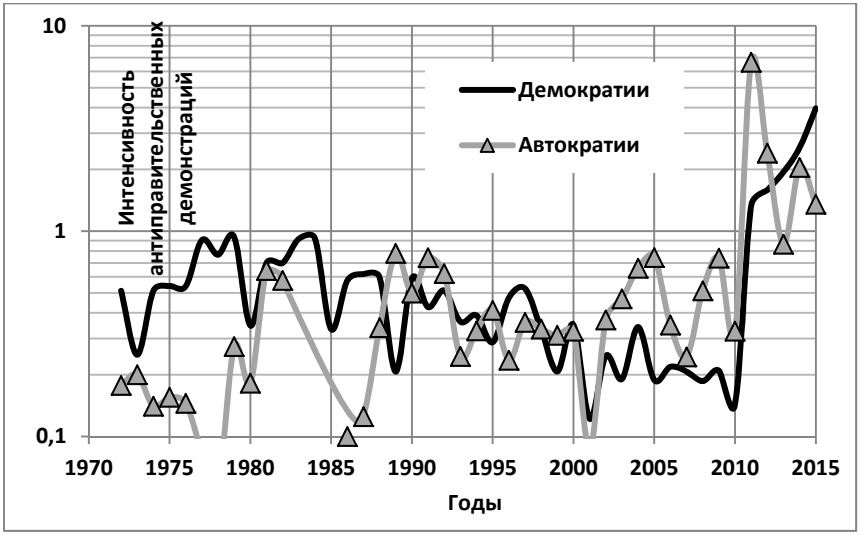
Примечание. 2-сторонний тест значимости.

Как мы видим из Рис. 6.1, в период с 1973 по 2012 г. среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций в консолидированных демократиях (0,46) была почти такой же, как и в автократических режимах (0,51). Различие между ними по этому показателю было не значимо (t = –0,682, α = 0,495). С другой стороны, в автократических государствах среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций была почти наполовину меньше (0,7), чем в промежуточных режимах. Это различие является статистически значимым (t = –4,424, α = << 0,001). Различие промежуточного типа режима с демократией (порядка двух раз) является также значимым (t = –4,424, α = << 0,001). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается в высшей степени четко.

Рассмотрим теперь *динамику* интенсивности антиправительственных демонстраций в демократических и авторитарных режимах (Рис. 6.2).

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 6.2. Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одну страну демократического типа и одну страну автократического типа за один год, 1972–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, в интересующем нас плане рассматриваемый нами промежуток времени распадается на четыре периода:

1) 1970-е и 1980-е гг. Период до конца холодной войны. В этот период интенсивность антиправительственных демонстраций в демократических странах значимо превышает таковую в авторитарных государствах[1] (см. Рис. 6.3 и Табл. 6.2).

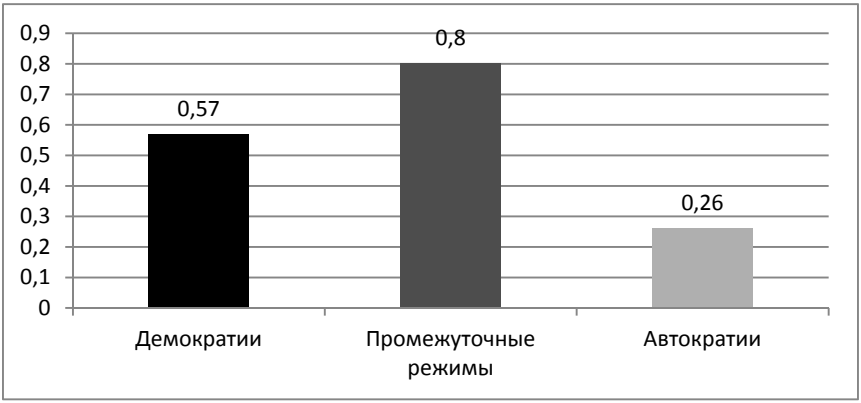

Рис. 6.3. Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1991 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Табл. 6.2. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий для периода с 1973 по 1991 г.

		Демократии	Промежуточные режимы	Автократии
Демократии	t		–2,579	5,077
	α^*		0,01	<< 0,0001
Промежуточные режимы	t	–2,579		6,76
	α^*	0,01		<< 0,0001
Автократии	t	5,077	6,76	
	α^*	<< 0,0001	<< 0,0001	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. 2-сторонний тест значимости.

[1] Притом предсказуемым образом и в этот период наиболее высокая интенсивность антиправительственных демонстраций наблюдалась в промежуточных режимах.

Эта картина выглядит, впрочем, достаточно закономерной. Действительно, в авторитарных странах практически по определению организовать антиправительственную демонстрацию несравнимо сложнее, чем в демократических. В объяснении скорее нуждается существенное изменение этой картины в 1990–2000-х гг.

2) 1990-е гг. Период между концом холодной войны и началом 2000-х гг. Уже в конце 1980-х гг. в тесной связи с «перестроечными» процессами в советском блоке интенсивность антиправительственных демонстраций в авторитарных государствах резко растет и догоняет таковую в демократических странах. В 1990-е гг. эта интенсивность имеет тенденцию к снижению и в демократиях, и в автократиях. В результате в 1990-е гг. в автократиях и демократиях прослеживается в целом практически идентичный уровень интенсивности антиправительственных демонстраций (см. Рис. 6.4).

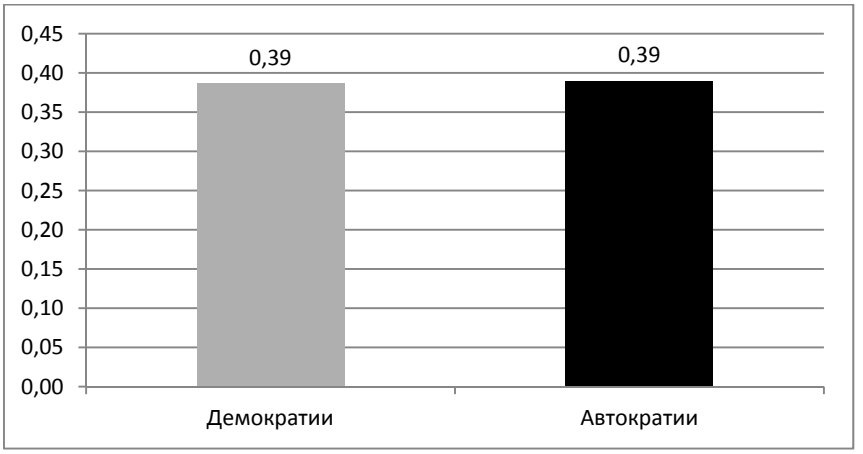

Рис. 6.4. Средние индексы интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических и авторитарных режимов с 1991 по 2000 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

3) 2000-е гг. Вплоть до 2010 г. в демократических государствах продолжалась прослеживаемая еще с конца 1970-х гг. тенденция к снижению интенсивности антиправительственных демонстраций. С другой стороны, в автократиях в это десятилетие прослеживалась прямо противоположная тенденция – к росту интенсивности этого показателя. В результате в среднем в 2000-е гг. средний уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в авторитар-

ных государствах оказался более чем в два раза выше, чем в демократиях (см. Рис. 6.5).

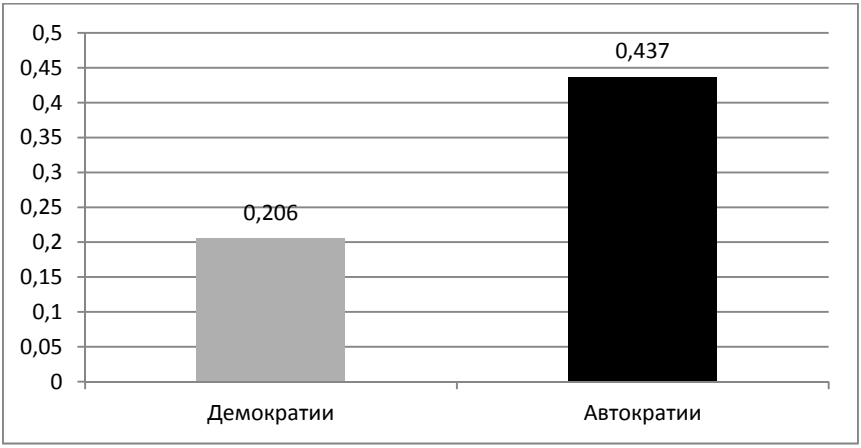

Рис. 6.5. Средние индексы интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических и авторитарных режимов с 2001 по 2010 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

В целом же в период между концом холодной войны и началом Арабской весны U-образная зависимость продолжала прослеживаться и по показателю интенсивности антиправительственных демонстраций. Наиболее высокая их интенсивность и в этот период продолжала наблюдаться в государствах с промежуточными режимами. Главным отличием оказалось направление асимметрии – если до конца холодной войны в демократических государствах наблюдался статистически значимо более высокий уровень интенсивности антиправительственных демонстраций, то в период между концом холодной войны и началом Арабской весны значимо более высокий уровень их интенсивности уже отмечался скорее в автократиях, чем в демократиях (см. Рис. 6.6 и Табл. 6.3).

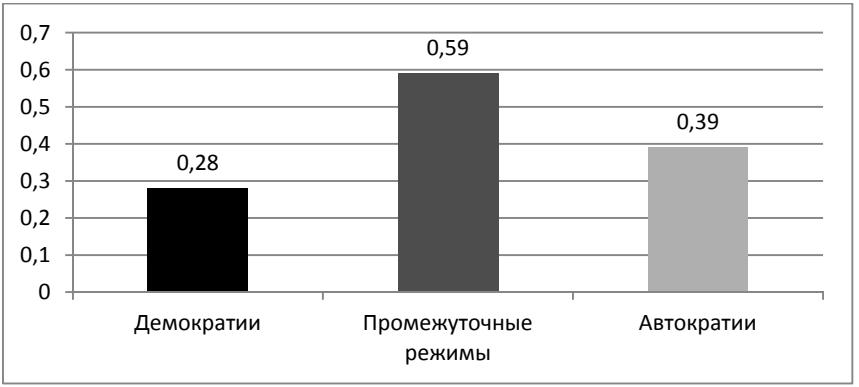

Рис. 6.6. Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1992 по 2010 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

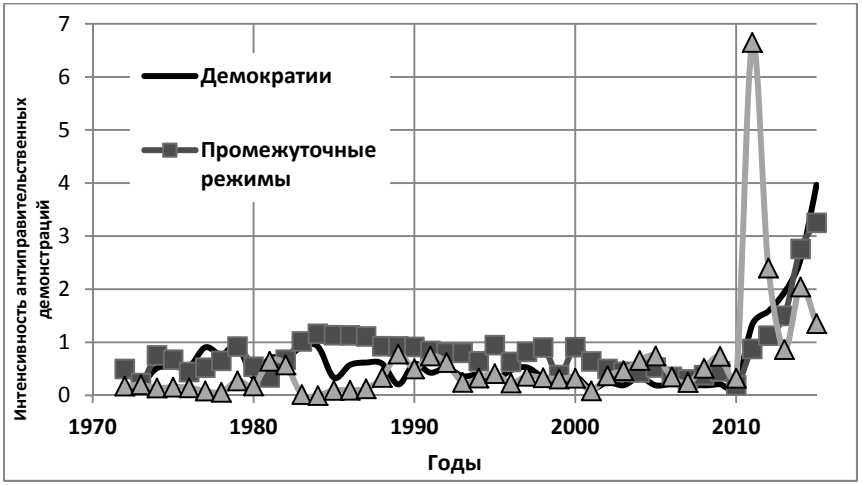
Табл. 6.3. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий для периода с 1992 по 2010 г.

		Демократии	Промежуточные режимы	Автократии
Демократии	t		–6,922	–2,553
	α^*		<< 0,0001	0,011
Промежуточные режимы	t	–6,922		3,217
	α^*	<< 0,0001		0,001
Автократии	t	–2,553	3,217	
	α^*	0,011	0,001	

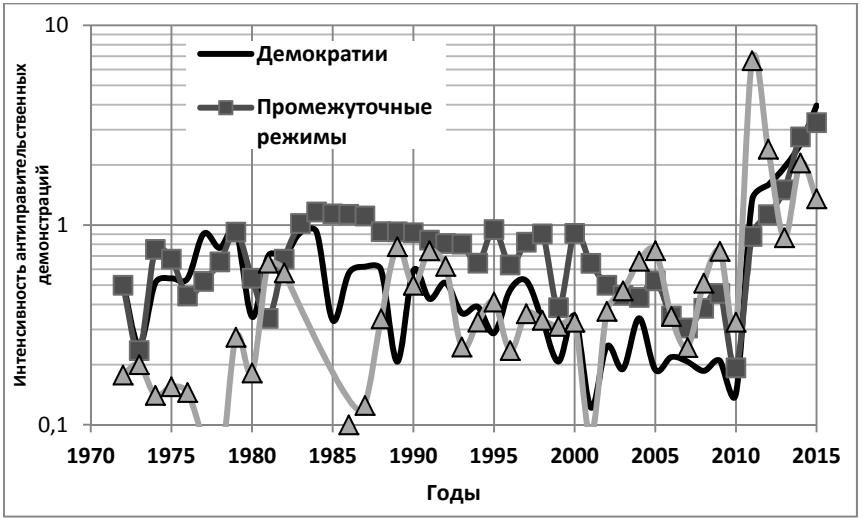
Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. 2-сторонний тест значимости.

По-настоящему же радикальная трансформация происходит с началом Арабской весны и запущенного ею процесса глобального фазового перехода (подробнее об этом фазовом переходе см. *Часть пятую*). Однако на данном этапе имеет смысл уже перейти от динамического сопоставления автократий и демократий по интересующему нас показателю к более широкому сопоставлению, которое включило бы в себя и промежуточные режимы (см. Рис. 6.7).

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 6.7. Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одно государство демократического, автократического и переходного типа за 1 год, 1973–2012 гг., логарифмический масштаб

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, в 1970-е гг. интенсивность антиправительственных демонстраций в промежуточных режимах была практически столь же высокой, как и в демократиях, значительно превышая при этом таковую в автократиях. В 1980-е гг. в промежуточных режимах наблюдается ощутимый рост среднего уровня интенсивности антиправительственных демонстраций, и в 1983–1987 гг. этот показатель достигает здесь своих максимальных значений, заметно превышая таковой как в демократиях, так и (тем более) в автократиях. После этого (вплоть до 2011 г. исключительно) в промежуточных режимах наблюдается тенденция к снижению уровня интенсивности антиправительственных демонстраций. Однако в 1990-е гг. эта тенденция оказалась в промежуточных режимах выраженной значительно слабее, чем в демократиях и автократиях, в результате чего в течение всего периода 1983–2002 гг. интенсивность антиправительственных демонстраций в промежуточных режимах устойчиво превышала таковую как в демократиях, так и в автократиях (это обстоятельство, кстати, во многом и объясняет общую U-образную зависимость между типом режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций, прослеживаемую на протяжении всего исследуемого периода в целом). В 2000-е гг. (вплоть до 2010 г. включительно) общие темпы снижения интенсивности антиправительственных демонстраций в промежуточных режимах заметно ускоряются, в демократиях эти темпы остаются на прежнем уровне, а вот в автократиях тенденция 1990-х гг. к снижению уровня интенсивности антиправительственных демонстраций сменяется на прямо противоположную. В результате в 2000-е гг. разрыв между промежуточными режимами и демократиями остался в общем и целом на прежнем уровне. А вот средний уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в автократиях в общем и целом сравнялся с таковым в промежуточных режимах.

На этом фоне метаморфозы 2011–2012 гг. выглядят в какой-то степени продолжением тенденций последних десятилетий, хотя резкий рост интенсивности антиправительственных демонстраций наблюдался во всех типах режимов. В 2000-е гг. тенденция к росту интенсивности антиправительственных демонстраций отмечалась только в автократиях. Именно там и произошел особо впечатляющий рост этого показателя. В промежуточных режимах в 2000-е гг. усиливалась тенденция к снижению значения данного показателя –

и именно там был наименее выражен рост интенсивности антиправительственных демонстраций. Наконец, в демократиях в 2000-е гг. наблюдалась промежуточная ситуация – интенсивность антиправительственных демонстраций там в эту декаду продолжала снижаться примерно теми же темпами, что в 1990-е и 1980-е гг. Промежуточная ситуация там наблюдалась и в 2011–2012 гг. Интенсивность антиправительственных демонстраций там выросла сильнее, чем в промежуточных режимах, но слабее, чем в авторитарных.

В любом случае в результате общий паттерн корреляции претерпел радикальные изменения. U-образная зависимость при этом до некоторой степени сохранилась, но при этом поменялся ее знак. Как во время холодной войны, так и в период между концом холодной войны и Арабской весной наиболее высокий уровень интенсивности антиправительственных демонстраций наблюдался в промежуточных режимах. В прямую противоположность этому в 2011–2012 гг. в промежуточных режимах наблюдался наименьший уровень данного показателя. Есть основания полагать, это связано с тем, что речь идет о не вполне обычных годах – годах фазового перехода (см. следующий раздел) и что после его завершения U-образная зависимость примет свою привычную перевернутую форму. С другой стороны, U-образная зависимость приняла еще более асимметричный вид в сторону авторитарных режимов, чем это наблюдалось в период между концом холодной войны и началом Арабской весны. Если в 1992–2010 гг. средняя интенсивность антиправительственных демонстраций в автократиях превышала таковую в демократиях лишь на 40 %, то в 2011–2012 гг. это превышение уже составило 210 %. Отметим, что хотя в этот период интенсивность антиправительственных демонстраций в демократиях превысила таковую в промежуточных режимах на 45 %, это различие не оказалось статистически значимым (см. Рис. 6.7 и Табл. 6.4).

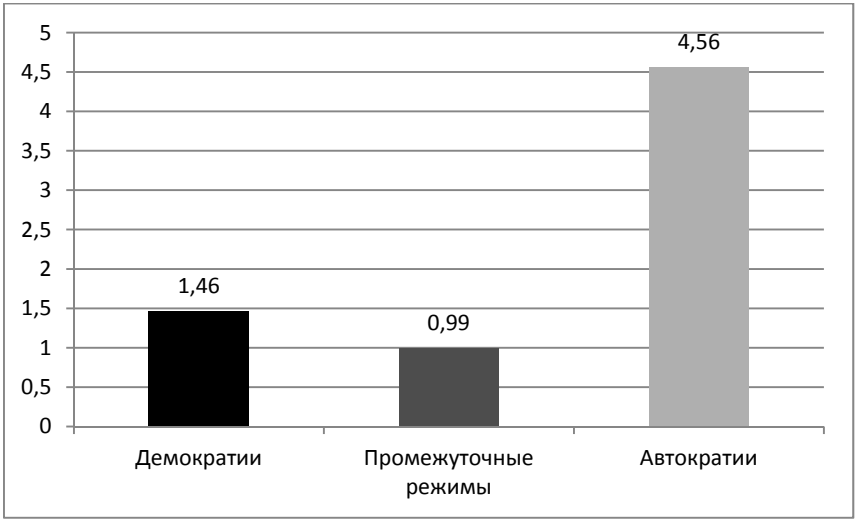

Рис. 6.8. Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 2011 по 2012 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание. 2-сторонний тест значимости.

Табл. 6.4. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		Демократии	Промежуточные режимы	Автократии
Демократии	t		0,829	–2,892
	α^*		0,408	0,004
Промежуточные режимы	t	0,829		–3,076
	α^*	0,408		0,002
Автократии	t	–2,892	–3,076	
	α^*	0,004	0,002	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

* * *

Итак, проведенные нами эмпирические тесты с использованием баз данных *CNTS* и *Freedom House* в общем и целом подтвердили

наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказываются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе с тем проведенные исследования позволили выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел очень существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была выражена сильнее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражена заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

Часть четвертая
ДРУГИЕ ФАКТОРЫ, КОРРЕЛИРУЮЩИЕ С РОСТОМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

Глава 7. Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире

Главным предметом исследования в данной главе является проблема политической стабильности государств в современном мире, а также возможность использования количественных методов для выявления факторов социально-политической дестабилизации. Особого внимания заслуживает роль нефтяного фактора в динамике социально-политической дестабилизации/стабилизации государств – экспортеров нефти.

Существуют различные подходы и попытки количественного анализа социально-политической дестабилизации и связанных с ней процессов, на основании которых создаются модели и системы мониторинга и прогнозирования рисков социально-политической дестабилизации [см., например: Gurr 1968; 1970; 1988; Moller 1968; Mansfield, Snyder 1995; Esty *et al.* 1998; Mesquida, Weiner 1999; Gates *et al.* 2000; Goldstone 2001; 2002; 2011*a*; 2011b; 2014*a*; 2014*b*; Gleditsch 2002; Goldstone *et al.* 2003; 2010; Turchin, Korotayev 2006; Vreeland 2008; Гринин 2013*б*; Гринин, Коротаев 2009; Коротаев, Зинькина 2010*б*; 2011*a*; 2011*б*; Коротаев и др. 2010; Korotayev *et al.* 2011; 2013; 2014; Садовничий и др. 2012; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Цирель 2012*a*; 2012*б*; Grinin, Korotayev 2012; Зинькина, Коротаев 2013; Малков и др. 2013; Marshall, Cole 2012; State… 2013; Коротаев 2014; Коротаев, Малков 2014; Koro-tayev, Malkov, Grinin 2014; PRS 2014; Korotayev, Zinkina 2014;2015; Zinkina, Korotayev 2014*a*; 2014*b*; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев, Исаев, Руденко 2015; Global… 2016; Peace… 2016].

В области количественного изучения факторов политической дестабилизации современных государств особый интерес, на наш взгляд, представляет деятельность Специальной комиссии по политической стабильности (Political Instability Task Force) – научно-

исследовательский проект, созданный в 1994 г. при поддержке правительства США. Главной целью работы проекта было создание базы данных основных внутриполитических конфликтов, способных привести государства к состоянию политической несостоятельности, а также анализ индикаторов политической нестабильности с 1955 по 2005 г. Со временем рабочая группа стала заниматься изучением не только случаев «провала государств», но и этническими конфликтами, фактами геноцида, а также радикальной сменой режимов и вопросами моделирования демократического транзита. В ряду объясняющих переменных в рамках проекта использовались следующие экономические показатели: ВВП, уровень инфляции, объем внешней торговли и т. д., а также показатели, связанные с состоянием окружающей среды; социальные, демографические (прирост населения, смертность и др.) и политические (этническая дискриминация, уровень демократии и др.). Формулируя выводы исследования, эксперты утверждали, что демократизирующиеся государства с низкой степенью вовлеченности в международную торговлю и высокой детской смертностью являются наиболее склонными к революциям. В рамках работы Специальной комиссии по политической стабильности были сделаны некоторые открытия и построены модели прогнозирования, в частности модель глобального прогнозирования политической нестабильности, разработанная Дж. Голдстоуном с группой коллег. По утверждению авторов, данная модель дает возможность предсказать дестабилизацию за два года с 80%-ной точностью. Модель Голдстоуна включает в себя всего четыре независимые переменные: тип режима, определяемый моделями исполнительного набора кадров и конкурентоспособности участия в политической жизни страны; детская смертность, регистрируемая и нормированная по среднемировой в год наблюдения; конфликтные соседства – индикатор, указывающий на случаи, когда имеются четыре или более пограничных государства с крупными вооруженными гражданскими или этническими конфликтами, а также дискриминация меньшинств со стороны государства. Модель разрабатывалась путем сравнения случаев возникновения нестабильности с контрольными образцами соответствующей выборки, а также тестирования способности переменных различать в двоичной системе стабильные годы и годы неизбежного наступления нестабильности [Esty *et al.* 1998; Goldstone *et al.* 2003; 2010].

Однако в данной главе речь пойдет не обо всех государствах современного мира, а лишь о достаточно небольшой группе – государствах – экспортерах нефти. Это ограничение, на наш взгляд, в значительной степени оправдывает то обстоятельство, что наша страна относится именно к этой группе.

Роль нефтяного фактора в динамике социально-политической дестабилизации/стабилизации государств – экспортеров нефти уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Вопрос этот имеет несколько разных аспектов. Так, к настоящему времени опубликовано значительное число работ, показывающих, что государства-нефтеэкспортеры имеют заметно больший риск вовлеченности в различные виды вооруженных конфликтов, чем иные государства [обстоятельный обзор подобных работ см., например, в: Nillesen, Bulte 2014]. Следует отметить, что в разных научных работах этой тематики рассматриваются различные типы конфликтов – как межгосударственные, так и внутренние (гражданские войны, попытки переворотов и др.). Исследования подтверждают связь между нефтяными запасами страны и вероятностью вовлечения ее в международные вооруженные конфликты вплоть до межгосударственных войн [см., например: Colgan 2010].

Что касается внутренней нестабильности, разработаны две основные гипотезы, объясняющие связь между нефтяным богатством государства и повышенным риском его вовлеченности в гражданскую войну. Одна из гипотез, авторами которой являются П. Кольер и Д. Хоффлер, состоит в том, что запасы нефти (и других ценных ресурсов) предоставляют повстанцам финансирование и мотивацию для попыток захвата власти (так называемая «greed and grievance model») [Collier, Hoeffler 2004]. Другая распространенная гипотеза, исходно сформулированная Дж. Фироном и Д. Лейтином, заключается в том, что зависимость от ресурсов ведет к ослаблению государства (согласно терминологии авторов гипотезы, «политическая голландская болезнь») [Fearon 2005; Fearon, Laitin 2003; см. также о ситуации в Алжире в конце 1980–1990-х гг. в *Главе 1*].

Имеется целый ряд исследований, показавших повышенную вероятность внутренних кровопролитных конфликтов вплоть до гражданских войн в странах-нефтеэкспортерах по сравнению с другими странами [Collier, Hoeffler 2004; Ross 2004*a*; 2004*b*; 2012; Fearon 2005; Humphreys 2005 и др.]. Так, было показано, что при наличии в стране внутреннего конфликта доступ повстанцев к таким ресурсам,

как драгоценные камни или углеводороды, повышает продолжительность конфликта вдвое [Lujala 2010]; что в бедных государствах само по себе открытие новых месторождений нефти еще до начала их разработки значительно повышает вероятность внутреннего конфликта [Bell, Wolford 2015]; что вероятность гражданских войн в странах, добывающих нефть, газ и алмазы, выросла в период с начала 1970-х до конца 1990-х гг. [Ross 2006] и т. д.

Стоит добавить, что при высоких ценах на нефть и появлении значительных запасов валюты происходит активизация закупок оружия и появляются стимулы для вмешательства в дела других стран, что доказали события периода Арабской весны[1].

Следует отметить, однако, что научные результаты в этой области не вполне однозначны. Имеется также ряд работ, указывающих на отсутствие значимой связи, например между открытием новых месторождений и возникновением внутренних конфликтов, попытками переворотов, гражданскими войнами [Cotet, Tsui 2013], или нефтяным богатством государства и началом гражданских войн [Soysa, Neumayer 2007]; отмечается также, что в богатых нефтью странах коррупция может приводить не к усилению нестабильности, но, напротив, к укреплению правящего режима за счет подкупа оппозиционных группировок [Fjelde 2009].

Большинство перечисленных выше работ объединяет рассмотрение в качестве независимой переменной нефтяного богатства государства либо же объема нефтяного экспорта в процентах от ВВП. В этом свете особое внимание стоит уделить работе Б. Смита, указавшего, что такой подход приводит к прямо противоположным результатам – подтверждают роль нефти либо в возникновении нестабильности, либо, напротив, в укреплении режима. Смит предложил дополнить этот подход, рассматривая не только объем нефтяного богатства стран, но и влияние такого фактора, как цена на нефть. Для этого в исследование было включено влияние периодов нефтяного бума 1970-х и последовавшего падения цен на нефть в 1980-х гг. на стабильность в государствах-нефтеэкспортерах. Результаты продемонстрировали, что, хотя нефтяное богатство в целом повышало стабильность режима, период падения цен на нефть оказался сопря-

[1] Рост конфликтности может происходить также в силу того, что нефть является стратегическим товаром, вовлеченность государств, владеющих нефтью, в орбиту зоны интересов крупных стран и корпораций существенно возрастает. С другой стороны, крупные источники доходов нефтеэкспортирующих стран создают впечатление о независимости таких государств от ведущих стран мира, позволяют им противопоставлять себя ведущим странам.

жен с повышенной нестабильностью в таких государствах [Smith 2004]. На страновом уровне П. В. Турчину удалось выявить аналогичную закономерность применительно к Саудовской Аравии ([Turchin 2006]; см. также в *Главе 1* об Алжире).

Отметим также, что Н. А. Филину удалось выявить корреляцию между ценами на нефть и уровнем политической нестабильности (на основе собственного индекса внутриэлитного конфликта) применительно к Ирану, при этом им был обнаружен трехлетний лаг: «Средняя цена на нефть в текущей трехлетке является очень сильным предиктором уровня интенсивности межэлитного конфликта в следующей трехлетке» [Филин 2012: 330; 2013*а*: 114; 2013*б*: 38].

В целом нам представляется достаточно очевидным: гипотеза о том, что снижение цен на нефть должно в тенденции вести в странах, финансово зависимых от экспорта нефти, к социально-политической дестабилизации, а рост этих цен – снижать уровень социально-политической нестабильности, заслуживает самого внимательного рассмотрения.

Тестированию данной гипотезы посвящена эта глава. Кроме того, конечно же, особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о том, с каким именно временны́м лагом действует данный фактор, а также какие именно пороговые уровни цен на нефть коррелируют с особыми рисками социально-политической дестабилизации нефтеэкспортирующих стран.

Материалы и методы

Для тестирования гипотезы о ценах на нефть[2] как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами была выбрана цена на нефть марки *Brent* с 1960 по 2016 г., обезразмеренная относительно индекса потребительских цен в значениях 2014 г.; в качестве зависимой переменной была взята система показателей социально-политической дестабилизации базы данных *CNTS*[3], агрегированная по странам – экспортерам нефти, чья доля на мировом рынке составляет больше 1 %.

[2] В этом исследовании мы опирались на данные о мировых ценах на нефть марки *Brent*, так как цены на нефть именно этой марки наиболее важны для России. Вместе с тем из-за высокой степени связанности цен на нефть разных марок сходные результаты получаются и при использовании цен на две другие эталонные марки нефти – *WTI* и *Dubai Crude*.

[3] Напоминаем, что подробное описание этой базы данных приводится в *Приложении* к данной монографии.

Описание и методология расчета цен на нефть марки *Brent*

Погодовые средние значения цены на нефть марки *Brent* были использованы согласно данным, предоставляемым *Energy Information Administration (EIA)*, подразделением Министерства энергетики США, независимым агентством в составе Федеральной статистической системы США, ответственным за сбор, анализ и распространение информации об энергии и энергетике [EIA 2012].

Для перевода номинальных цен на нефть в реальные с учетом инфляции авторами был использован индекс потребительских цен, нормированный по значению 2014 г. [World Bank 2016*g*].

Методология тестирования

В качестве основного метода тестирования использовался классический корреляционный анализ, однако при этом наряду с годовыми данными использовались также 5-летние скользящие средние, что крайне необходимо для исключения сильно выраженной стохастической компоненты, представленной как в рядах по ценам на нефть, так и в рядах по социально-политической дестабилизации. Наряду с этим большое внимание было уделено учету влияния эффектов временно́го запаздывания (то есть временны́х лагов).

Кроме того, мы использовали не непосредственные показатели *CNTS*, агрегированные по всем странам, а осуществили фильтрацию по тем странам, каждая из которых имела не менее 1 % в мировом объеме экспорта нефти по ситуации на 2012 г. (по методологии *U.S. Energy Information Administration*). В итоге количество таких стран получилось равным 19, а именно (в порядке убывания доли в мировом объеме экспорта нефти): Саудовская Аравия, Россия, ОАЭ, Кувейт, Нигерия, Ирак, Венесуэла, Катар, Норвегия, Ангола, Иран, Алжир, Канада, Казахстан, Ливия, Мексика, Азербайджан, Оман и Колумбия.

При этом использовались агрегированные значения соответствующих показателей за соответствующие годы по всем вышеупомянутым странам – экспортерам нефти, например, общее число крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных во всех вышеупомянутых странах – экспортерах нефти за год X, или среднее по всем подобным странам значение интегрального индекса социально-политической дестабилизации за год X.

При анализе данных мы ограничились периодом 1977–2010 гг. в силу следующих причин. Имеются достаточные основания предполагать, что цены на нефть стали довольно мощным фактором социально-политической стабильности/нестабильности нефтеэкспортирующих стран только после резкого роста цен на нефть в 1973–1974 гг. (при этом должно было потребоваться хотя бы несколько лет, чтобы данные страны успели «подсесть на нефтяную иглу»).

Период после 2010 г. был «оставлен за скобками» в силу несколько иных причин. Дело в том, что имеются основания утверждать: в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала своего рода фазовый переход в уровне протестной активности (см. Рис. 7.1), в результате чего данные до 2011 и после 2011 г. оказываются не вполне сопоставимыми.

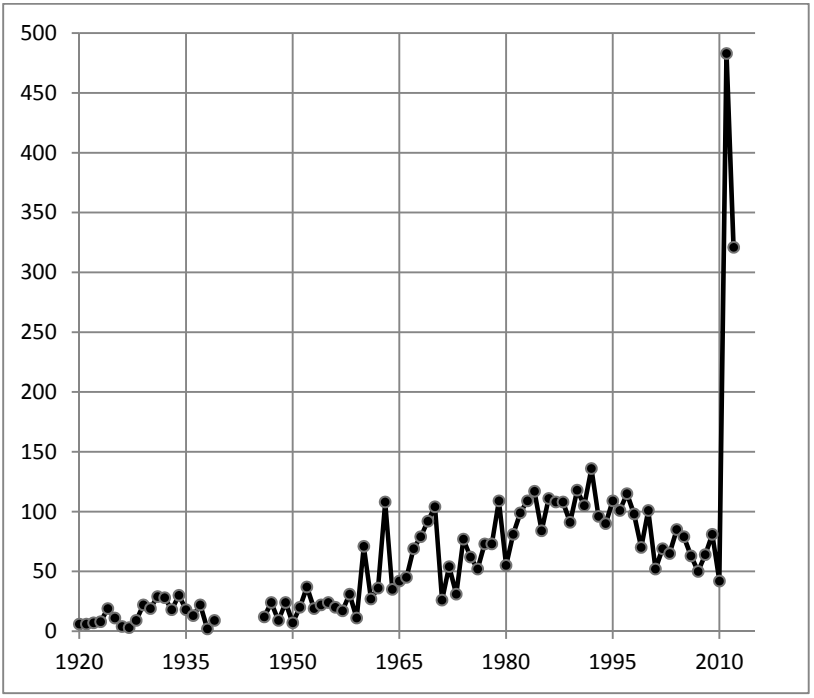

Рис. 7.1. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных *CNTS*, 1920–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

Тесты

Прямое тестирование интересующей нас гипотезы с использованием вышеописанных материалов, но без использования скользящих пятилетних средних и без учета временны́х лагов дает следующие результаты (см. Табл. 7.1).

Табл. 7.1. Корреляции между ценами на нефть марки *Brent* и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1977–2010 гг.

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (*Assassinations*)	0,118	–0,273
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,011	–0,431*
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	0,380	–0,155
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	0,177	–0,237
Политические репрессии (*Purges*)	0,875	0,028
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,247	–0,204
Перевороты и попытки переворотов (*Revolutions*)	0,009	–0,441*
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	0,048	–0,342*
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,002	–0,514*

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. * Корреляция значима на уровне < 0,05.

Таблица имеет следующий вид: в строках – название переменных, в столбцах – уровень статистической значимости и коэффициент корреляции Пирсона.

Из таблицы видно, что 8 из 9 протестированных корреляций имеют связь в предсказанном направлении (то есть корреляция отрицательна – чем ниже уровень цен на нефть марки *Brent*, тем выше уровень социально-политической дестабилизации). Кроме того, 4 из 9 рассмотренных корреляций являются статистически значимыми на уровне < 0,05.

В случае отсутствия статистически значимого влияния цен на нефть на социально-политическую дестабилизацию при серии из 9 тестов трудно было бы ждать более одной корреляции подобного рода. Таким образом, проведенный нами тест можно рассматривать в качестве предварительного аргумента в подтверждение гипотезы о наличии статистически значимой связи между уровнем цен на нефть и уровнем социально-политической дестабилизации.

Что касается корреляций, то хотя почти половина из них и значима статистически, но речь при этом идет об относительно слабых корреляциях для абсолютных значений – например, вариация цены на нефть объясняет порядка 19 % вариации агрегированного показателя числа политических забастовок в странах – экспортерах нефти (см. Рис. 7.2) или 26 % вариации агрегированного показателя социально-политической дестабилизации (см. Рис. 7.3).

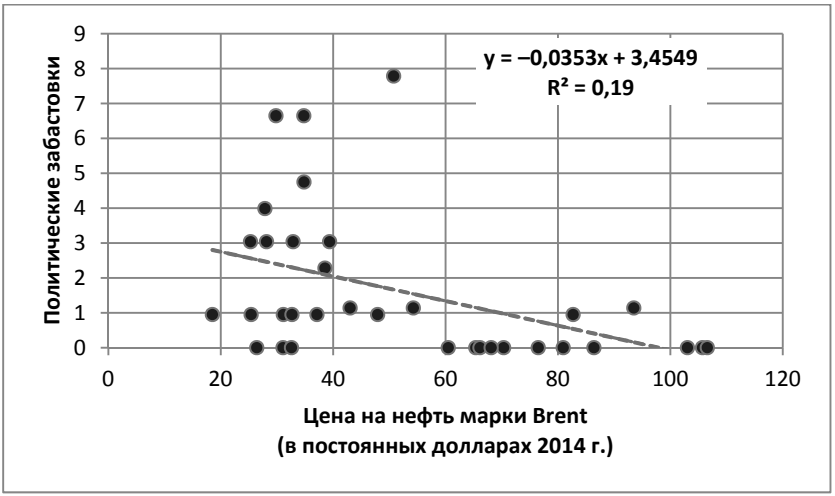

Рис. 7.2. Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки *Brent* и общим числом крупномасштабных политических забастовок в нефтеэкспортирующих странах на соответствующий год, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. $r = -0{,}431$, $\alpha = 0{,}011$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0{,}19$.

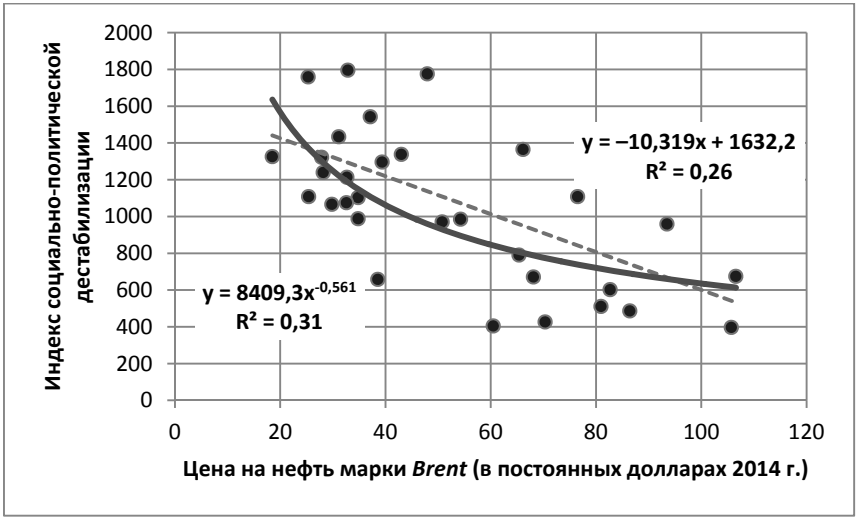

Рис. 7.3. Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и средним значением индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для нефтеэкспортирующих стран на соответствующий год, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. r = –0,514, α = 0,002 (2-сторонний тест), R^2 = 0,26 (для линейной регрессии), R^2 = 0,31 (для степенной регрессии).

Как мы помним, в рассмотренном выше исследовании процессов социально-политической дестабилизации в Исламской Республике Иран было показано, что низкие цены на нефть в этой стране коррелировали с социально-политической дестабилизацией не мгновенно, а с трехлетним лагом [Филин 2012: 330; 2013*а*: 114; 2013*б*: 38]. Примечательно, что та же закономерность прослеживается и на глобальном уровне.

Действительно, корреляция между низкими ценами на нефть и высокими уровнями социально-политической дестабилизации заметно возрастает, если мы начинаем учитывать эффект временно́го запаздывания. Низкая цена на нефть в год X является лучшим предиктором социально-политической дестабилизации в нефтеэкспортирующих странах не в тот же (X), а в последующий (X + 1) год. Еще лучшим предиктором она является для второго (X + 2) года,

но лучше всего особо низкая цена на нефть в данном году коррелирует с особо высоким уровнем социально-политической дестабилизации через три года (при условии, конечно, что за это время цены не «отскочат»). По мере увеличения количества лет с нуля коэффициент детерминации увеличивается (с 0,264 до 0,439), достигая своего пика именно для трехлетнего лага (см. Табл. 7.2 и Рис. 7.5). В то же самое время тестирование для более длительного временно́го запаздывания (4- и 5-летние лаги) показало убывающую тенденцию влияния продолжительности лага (с уменьшением коэффициента детерминации с 0,439 до 0,216). Таким образом, очень низкие цены на нефть являются наиболее точным предиктором высокого уровня социально-политической дестабилизации в нефтеэкспортирующих странах именно через три года.

Табл. 7.2. Корреляции между ценами на нефть марки *Brent* и показателями социально-политической дестабилизации с лагом в 3 года *CNTS* за 1977–2010 гг.

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (*Assassinations*)	0,007	–0,456**
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,098	–0,288*
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	0,078	–0,306*
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	0,024	–0,387**
Политические репрессии (*Purges*)	0,308	–0,180
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,228	–0,212
Перевороты и попытки переворотов (*Revolutions*)	0,002	–0,523**
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	0,006	–0,458**
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	<0,001	–0,663**

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. * Корреляция значима на уровне $0,05 < \alpha < 0,1$ (двусторонний тест) ~ на уровне $0,025 < \alpha < 0,05$ (односторонний тест). ** Корреляция значима на уровне < 0,05 (двусторонний тест).

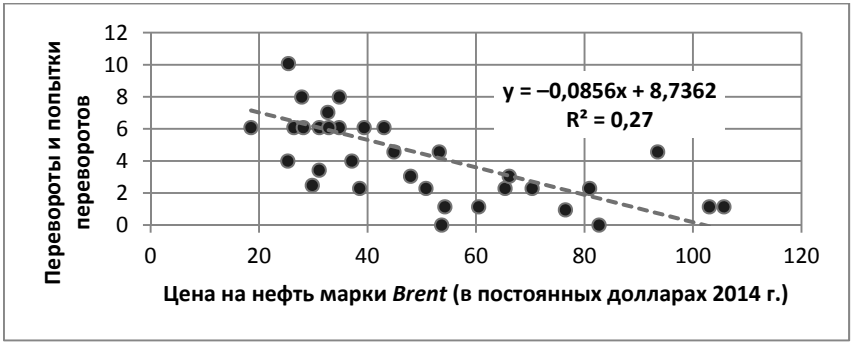

Рис. 7.4. Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки *Brent* и общим числом переворотов и попыток переворотов в нефтеэкспортирующих странах через три года, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. r = –0,523, α = 0,002 (2-сторонний тест), R^2 = 0,27 (для линейной регрессии).

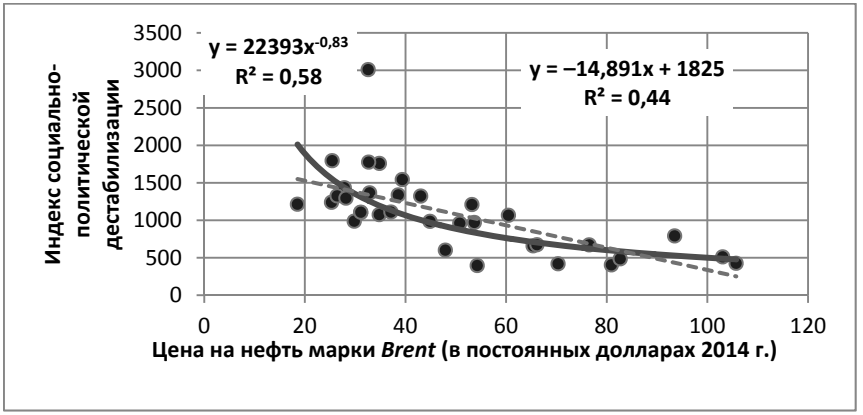

Рис. 7.5. Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки *Brent* и средним значением индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для нефтеэкспортирующих стран через три года, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными линиями степенной и линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. r = –0,663, α = 0,000 (2-сторонний тест), R^2 = 0,44 (для линейной регрессии), R^2 = 0,58 (для степенной регрессии).

Как мы видим, учет фактора временно́го запаздывания достаточно серьезно меняет общую картину – и сила корреляций, и их статистическая значимость растут в существенной степени. Если, как мы помним, без учета временно́го запаздывания статистически значимыми оказались корреляции между низкими ценами на нефть и показателями социально-политической дестабилизации для четырех индикаторов из девяти, то с учетом трехлетнего временно́го лага статистически значимыми уже оказались семь корреляций из девяти. При этом и сила корреляций возросла в очень заметной степени – с учетом трехлетнего временно́го лага корреляция низких цен на нефть с политическими убийствами для нефтеэкспортирующих стран вырастает с –0,273 (R^2 = 0,07) до –0,456 (R^2 = 0,21), с антиправительственными демонстрациями – с –0,342 (R^2 = 0,12) до –0,458 (R^2 = 0,21), а с переворотами и попытками переворотов – с –0,441 (R^2 = 0,19) до –0,523 (R^2 = 0,27). Корреляция же с агрегированным индексом социально-политической дестабилизации вырастает с –0,514 (R^2 = 0,26) до –0,663 (R^2 = 0,44). Таким образом, при учете трехлетнего временно́го лага речь уже начинает идти о достаточно сильных корреляциях. Отметим также, что особо сильная корреляция (R^2 = 0,58) здесь наблюдается при использовании не линейной, а степенной регрессии.

Тем не менее для адекватного выявления силы фактора нефтяных цен в социально-политической дестабилизации нефтеэкспортирующих стран оказалось необходимым проанализировать переменные с использованием пятилетних скользящих средних – для исключения сильно выраженной стохастической компоненты, представленной как в рядах по ценам на нефть, так и в рядах по социально-политической дестабилизации.

Использование пятилетних скользящих средних (с трехлетним временны́м лагом) ведет к дальнейшему росту силы корреляций (см. Табл. 7.3 и Рис. 7.6). При этом коэффициент детерминации для трех корреляций (с политическими убийствами, переворотами/попытками переворотов и антиправительственными демонстрациями) уже начинает заметно превышать 0,5. Речь, таким образом, уже начинает идти об однозначно сильных корреляциях (отметим при этом, что данный набор дестабилизирующих переменных, сильно коррелирующих с низкими ценами на нефть, позволяет говорить о том, что в нефтеэкспортирующих странах понижение цен

на нефть может вести как к росту интенсивности внутриэлитного конфликта, так и к увеличению интенсивности массового протестного движения).

Табл. 7.3. Корреляции между сглаженными по 5-летнему периоду ценами на нефть марки *Brent* и сглаженными по 5-летнему периоду показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* с трехлетним лагом за 1977–2008 гг.

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (*Assassinations*)	< 0,001	−0,737*
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,017	−0,418*
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	0,001	−0,567*
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	< 0,001	−0,646*
Политические репрессии (*Purges*)	0,289	−0,193
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,181	−0,243
Перевороты и попытки переворотов (*Revolutions*)	< 0,001	−0,746*
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	< 0,001	−0,741*
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	< 0,001*	−0,884*

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. * Корреляция значима на уровне < 0,05 (двусторонний тест).

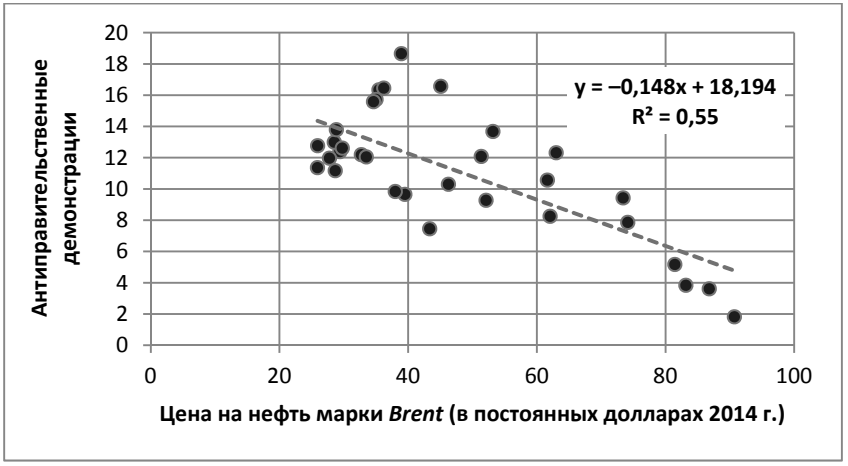

Рис. 7.6. Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки *Brent* и общим числом крупных антиправительственных демонстраций в нефтеэкспортирующих странах через три года (с использованием пятилетних сглаженных средних), 1977–2008 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. r = –0,741, α = 0,001 (2-сторонний тест), R^2 = 0,55 (для линейной регрессии) и R^2 = 0,51 (для степенной регрессии).

При этом при учете трехлетнего временно́го запаздывания с использованием пятилетних сглаженных средних значение корреляции между низкими ценами на нефть и общим индексом социально-политической дестабилизации для нефтеэкспортирующих стран вырастает до –0,884 (R^2 = 0,78). Но особо высокое значение коэффициента детерминации (R^2 = 0,88) здесь получается для степенной регрессии (см. Рис. 7.7).

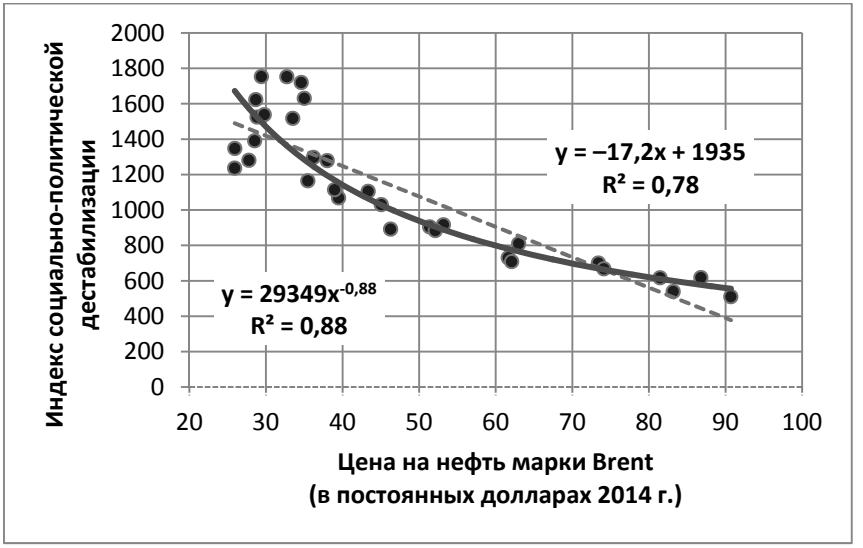

Рис. 7.7. Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки *Brent* и средним значением индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для нефтеэкспортирующих стран через три года (с использованием пятилетних сглаженных средних), 1977–2008 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными линиями линейной и степенной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. $r = -0{,}884$, $\alpha < 0{,}001$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0{,}78$ (для линейной регрессии) и $R^2 = 0{,}88$ (для степенной регрессии).

Таким образом, можно говорить о действительно сильной степенной зависимости агрегированного уровня социально-политической нестабильности в нефтеэкспортирующих странах от низких цен на нефть. При этом, как будет показано ниже, то обстоятельство, что мы имеем здесь дело скорее со степенной, а не с линейной зависимостью, обладает большим прикладным значением.

Отметим, что при использовании пятилетних сглаженных средних для большинства индикаторов социально-политической нестабильности прослеживаются статистически значимые и достаточно сильные корреляции между снижением цен на нефть в данном году и ростом политической нестабильности через три года (см. Табл. 7.4). Эти корреляции, правда, не столь высоки, как в слу-

чае корреляций между уровнем цен на нефть и уровнем нестабильности через три года, что, на наш взгляд, в значительной степени связано как раз с тем, что в последнем случае мы имеем дело со степенной, а не с линейной зависимостью.

Табл. 7.4. Корреляции между изменениями цен на нефть марки *Brent* и изменениями показателя социально-политической дестабилизации с лагом в 3 года *CNTS* за 1978–2008 гг. (с использованием пятилетних сглаженных средних)

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (*Assassinations*)	0,070	−0,330*
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,001	−0,571**
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	0,133	−0,276
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	0,059	−0,343*
Политические репрессии (*Purges*)	0,001	−0,586**
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,007	−0,477**
Перевороты и попытки переворотов (*Revolutions*)	0,170	−0,253
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	0,001	−0,561**
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,001	−0,563**

Источники данных: CNTS 2016; EIA 2016.

Примечание. * Корреляция значима на уровне $0{,}05 < \alpha < 0{,}1$ (двусторонний тест) ~ на уровне $0{,}025 < \alpha < 0{,}05$ (односторонний тест). ** Корреляция значима на уровне < 0,05 (двусторонний тест).

* * *

Итак, проведенное нами исследование позволяет предполагать, что затяжное падение цен на нефть ведет к практически неизбежному росту социально-политической нестабильности в нефтеэкспортирующих странах, а систематическое их повышение служит мощным фактором социально-политической стабилизации. При этом зависимость, по всей видимости, имеет степенной характер,

поэтому изменения цен в диапазоне выше 60 долларов за баррель оказывают не очень сильное влияние на уровень социально-политической нестабильности в странах – экспортерах нефти, а вот при падении ниже этого уровня снижение на каждые последующие 10 долларов приводит ко все более и более значительному росту рисков социально-политической дестабилизации. Эти риски особенно возрастают при затяжном падении цен ниже уровня в 40 долларов за баррель, а при затяжном падении этих цен ниже уровня в 35 долларов очень заметный рост социально-политической нестабильности в странах – экспортерах нефти становится практически неизбежным. При этом обнаруживается эффект трехлетнего временно́го лага. Хотя значительное устойчивое падение цен на нефть немедленно ведет к заметному росту рисков социально-политической дестабилизации, этот риск становится по-настоящему высоким через три года после этого. Это связано с тем, что за период высоких цен нефтеэкспортирующие государства обычно накапливают определенный запас устойчивости, который имеет тенденцию утрачиваться за три года устойчиво низких цен (отметим, что и устойчивый рост цен имеет тенденцию оказывать свой стабилизирующий эффект с трехлетним лагом).

Вместе с тем здесь важно иметь в виду следующее обстоятельство. Практическая неизбежность роста суммарной социально-политической нестабильности в нефтеэкспортирующих странах при падении цен на нефть ниже 35 долларов (по курсу 2014 г.) не означает, что значительный рост социально-политической нестабильности при этом совершенно неизбежен в любой из нефтеэкспортирующих стран. Например, в 1980-х – начале 1990-х гг. затяжное падение цен на нефть послужило мощным фактором развала Советского Союза или генезиса гражданской войны в Алжире [см., например: Гринин 2010*а*; Гринин, Коротаев, Малков 2010; см. *Главу 1*], а вот Саудовской Аравии (хотя и совсем не без труда) удалось избежать в те же годы сколько-нибудь серьезной социально-политической дестабилизации [см., например: Turchin 2006]. Таким образом, для нефтеэкспортирующих стран затяжное падение цен ниже уровня в 40 (и особенно 35) долларов за баррель очень заметно повышает риск социально-политической дестабилизации, но не делает ее неизбежной. Многое еще зависит от себестоимости нефти и цены конкретного сорта, поскольку при более высокой себестоимости, естественно, с падением цен на нефть реальный до-

ход государства падает намного быстрее, чем при низкой себестоимости. Пример Венесуэлы с более низкой маржой (разницей между ценой добычи и продажи) показывает, к каким проблемам это приводит. В результате проблемы в Венесуэле начались гораздо раньше указанного трехлетнего срока.

Если в ближайшие годы цена на нефть не вернется на уровень выше 60 долларов за баррель, можно ожидать заметного роста социально-политической нестабильности в некоторых нефтеэкспортирующих странах; если эта цена устойчиво будет держаться ниже 40 (и особенно 35) долларов, можно ждать значительно более сильной дестабилизации в большем количестве нефтеэкспортирующих стран. Соответственно, и в России нефтеобусловленный риск социально-политической дестабилизации уже возрос и практически неизбежно (если цены на нефть не вернутся на уровень выше 60 долларов) вырастет еще в ближайшие годы (не будем забывать про трехлетний лаг). При устойчивом же падении цен на уровень ниже 40 (и особенно 35) долларов этот риск возрастет особенно сильно. Но даже и в случае последнего речь не будет идти о неизбежной радикальной дестабилизации – в случае адекватных действий государственной администрации и гражданского общества она вполне может быть предотвращена.

И, наконец, методологический вывод: использование количественных методов для выявления факторов социально-политической дестабилизации государств в современном мире является эффективным исследовательским инструментом, так как позволяет не только выявлять эти факторы, но и исследовать характер их влияния (например, выяснять, идет ли речь о линейном, экспоненциальном или, скажем, степенном воздействии), выявлять пороговые уровни воздействия и т. п., что без использования количественных методов представляется в принципе невозможным.

* * *

В завершение главы стоит сказать еще о некоторых имеющих место изменениях в мировой карбонной энергетике, которые могут существенно влиять как на цены, так и на объемы потребления нефти. Прежде всего это влияние так называемой сланцевой добычи. Появление сланцевой нефти сокращает периоды высокой и низкой конъюнктуры на нефть, это, возможно, приведет к тому, что последняя не будет подниматься в цене слишком высоко, а нефтеэкспортирующие страны не смогут накапливать слишком крупные

запасы валюты. Первые месяцы 2017 г. показали, что при «отскоке» цен нефти даже на 10 долларов сразу изменяется тренд добычи сланцевой нефти – она начинает расти, давя на цены.

Второй момент: нарастание тренда частичной замены нефти газом, поскольку появилась технологическая возможность транспортировать сжиженный газ. Это может ослабить позиции традиционных нефтеэкспортеров ОПЕК, где нет крупной добычи и обширных запасов газа, в том числе и Саудовской Аравии. Появление новых экспортеров сжиженного газа, среди которых Австралия и США (и могут добавиться другие, такие как Израиль), также существенно меняет ландшафт энергетических держав-экспортеров. Стоит также учитывать, что газового ОПЕК, в отличие от нефтяного, нет, соответственно, цена на газ, будучи ранее привязанной к цене нефти, теперь становится самостоятельной величиной. Таким образом, рост объемов сжиженного газа (который идет довольно быстро) может в перспективе снизить потребность в нефти и, соответственно, повлиять на ее цену, а значит, и на благополучие нефтеэкспортирующих стран.

Наконец, доля объема производства неуглеродной электроэнергии в общем производстве электроэнергии будет расти в ближайшие десятилетия, хотя, конечно, темпы этого роста значительно снизятся. Мы имеем в виду даже не зеленую энергетику, а атомную, поскольку в странах третьего мира наблюдается быстрый рост ее производства. Это также может влиять на объемы потребления нефти в мире.

Разумеется, есть и противоположные факторы, способствующие росту этих объемов. Среди них – рост числа автомобилей, особенно в третьем мире. Но в целом негативные факторы, на наш взгляд, в перспективе ближайших 20–30 лет окажутся сильнее, хотя это не исключает возможного взлета спроса на нефть и роста ее цен в краткосрочной перспективе.

Глава 8. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации

То обстоятельство, что некоторые природные факторы могут выступать в качестве факторов социально-политической дестабилизации, установлено достаточно давно и к настоящему времени неплохо изучено.

Анализ литературы по тематике влияния природных факторов на социально-политическую дестабилизацию позволяет выделить два основных направления исследований в этой области. Первое из них ориентируется на выявление воздействия изменения природно-климатических условий (выпадение осадков, колебания температуры и т. д.) на уровень нестабильности в различных социально-политических системах[1]*. С другой стороны, в особую группу можно выделить исследования, посвященные влиянию солнечной активности на процессы социально-политической дестабилизации. На этом направлении мы остановимся подробнее.*

Направление это во многом восходит к работам отечественных ученых начала XX в. [см., например: Чижевский 1915; 1924; 1930*б*; Бехтерев 1921; Вернадский 1965; Циолковский 1962 и др.], которые позволили комплексно взглянуть на проблему взаимодействия Космоса и человека и выявить механизмы, в значительной степени влияющие на состояние окружающей человека среды, воздействующие на него как непосредственно, так и косвенно.

В качестве даты рождения направления вполне можно рассматривать 1915 г., когда А. Л. Чижевский сделал свой знаменитый доклад [Чижевский 1915], в котором был приведен заметный массив данных, позволивших предположить высокую степень связи между циклами солнечной активности и массовыми явлениями в биосфере.

В 1917 г. историк и краевед Д. О. Святский, поместив рядом хронологическую таблицу революций в Европе XIX в. и таблицу чисел Вольфа (числового показателя количества солнечных пятен) за то же время, обнаружил близкое совпадение дат революций с годами максимумов солнечной активности [Святский 1917].

---

[1] См., например: Stetson 1947; Lipa, Sturrock, Rogot 1976; Vladimirskii, Kislovskii, 1995; Korotayev, Klimenko, Proussakov 1999; Клименко 2003; 2009; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Khalberg *et al.* 2009; Butler, Gates 2012; Devitt, Tol 2012; Feitelson, Tamimi, Rosenthal 2012; Gleditsch 2012; Hendrix, Salehyan 2012; Kvaløy, Finseraas, Listhaug 2012; Vladimirskii 2012 и др.

Табл. 8.1. Корреляция между солнечной активностью и революционными событиями по Д. О. Святскому

Годы минимума	Годы максимума	Революции
солнечной активности		
1784.7	1788.1	1789 – Великая французская революция
1708.1	1804.2	
1810.6	1816.4	
1828.4	1829.9	1830 – революция во Франции 1-е Польское восстание
1843.9	1837.2	
1843.5	1848.1	1848 – революции во Франции, Германии, Австрии и др.
1856.0	1860.1	1861 – освобождение крестьян 1863 – 2-е Польское восстание
1867.2	1870.6	1871 – Парижская коммуна
1878.9	1882	
1889	1893	
1901	1905	1905 – 1-я Российская революция
1913	1917	1917 – 2-я Российская революция

Источник: Святский 1917.

Обнаружил ритмику с периодом в 11 лет и сибирский этнограф В. И. Анучин. Он составил хронологическую таблицу «революций, бунтов, мятежей, смут и междоусобиц» и сделал вывод о совпадении этих событий с максимумами солнечной активности [Анучин 1918].

Однако именно А. Л. Чижевский исследовал интересующую нас связь наиболее систематическим образом. Текст его брошюры «Физические факторы исторического процесса» был закончен в 1922 г., хотя защита диссертации состоялась в 1918 г. Исходный базовый материал составляли «синхронистические таблицы», данные из которых он сопоставлял с данными о периодах солнечной активности, собранными швейцарским астрономом Р. Вольфом с 1749 г., обработанными и продолженными А. Вольфером «в таблицах и графиках» до времени проведения исследования. Использованные А. Чижевским для сравнения числовые показатели количества солнечных пятен (числа Вольфа[2]) являются самыми распро-

[2] Число Вольфа вычисляется по формуле: W (число Вольфа) = k(f + 10g), где f – количество наблюдаемых солнечных пятен, g – количество наблюдаемых групп солнечных пятен, k – нормировочный коэффициент. Эти коэффициенты могут быть выведены для каждого наблюдателя и телескопа. Но в международной системе приняты числа Вольфа, которые

страненными и сейчас показателями солнечной активности, и именно ими мы будем пользоваться для проведения собственных тестов.

Результаты Чижевского проверялись неоднократно. Остановимся на некоторых релевантных работах последних 25 лет.

На основе хронологических таблиц «Советской исторической энциклопедии» и «Всемирной истории» А. А. Путиловым с использованием метода наложения эпох (подсчитывалось число дат в годовой интервал, приходящийся на год максимума чисел Вольфа, предшествующий ему и т. д., а затем последующие +1, +2 и т. д. годы) было установлено, что напряженность исторического процесса гораздо выше в годы близ максимальной активности Солнца. А в годы минимума активности такая напряженность явно снижается [Путилов 1992].

Немецкий психолог С. Эртель использовал понятие «революция» для обозначения социальных процессов, определяемых как «нарушение социальной стабильности снизу» [Ertel 1996]. Был составлен перечень таких процессов на основе специальной литературы. Затем вычислялось среднее значение временно́го интервала каждого события от ближайшего максимума чисел Вольфа. Таких максимумов начиная с XVII в. набралось 26. В результате подтвердилось, что периоды (процессы) «нарушения социальной стабильности снизу» приходятся в самом деле чаще всего на год максимума солнечной активности.

По мнению Б. М. Владимирского и Л. Д. Кисловского, события новейшей истории России свидетельствуют о том же: вооруженные силы СССР вводились в соседние страны каждый очередной максимум активности Солнца: 1957[3] (Венгрия), 1968 (Чехословакия), 1980 гг. (Афганистан). В 1991 г. распался сам СССР [Владимирский, Кисловский 1998].

Не менее интересный научный результат в рамках поиска зависимости между солнечной активностью и социально-политическими явлениями был получен М. А. Персинджером. В своей статье [Persinger 1999] он сделал попытку выявить зависимость между солнечной активностью (числом Вульфа) и количеством войн. В результате анализа им было получено, что войны, происходив-

публикует Цюрихская обсерватория, с принятым коэффициентом 1. Зависимость между среднегодовым значением числа Вольфа и суммарной площадью пятен получена Вальдмайером: F = 16,7W, где F – площадь солнечных пятен в миллионных долях полусферы, которая может меняться со временем [см.: Витинский, Копецкий, Куклин 1986].

[3] На самом деле советское вторжение в Венгрию началось 23 октября 1956 г.

шие с 1901 по 1951 г., достаточно хорошо коррелируют с показателем солнечной активности (коэффициент корреляции равен 0,6). Также им было статистически показано, что солнечная активность, по всей видимости, оказывает существенное влияние на вероятность возникновения войны с лагом в 1 и 2 года.

М. Микулецкий также провел свой статистический анализ для проверки гипотезы А. Чижевского. В результате анализа [Mikulecký 2007] на основе исторических данных, которые состояли из двух временны́х рядов относительно революций в Европе и Китае, и восьми временны́х рядов о деятельности в области науки и искусства, зарегистрированных в пяти географических районах, а также на временны́х рядах чисел солнечных пятен (Вольфа), доступных начиная с II в. до н. э., используя периодические функции регрессии, им было установлено, что революции завершились вблизи максимумов солнечной активности во время культурного расцвета. Этот вывод получен на обычно считающемся вполне приемлемым уровне статистической значимости в 0,05.

Эксперт-аналитик Института энергетической стратегии Н. В. Сокотущенко в своей статье [Сокотущенко 2013] пришел к сходному статистически значимому выводу, что некоторые циклы солнечной активности совпадают с количеством массовых движений, в особенности 22-летний солнечный цикл (коэффициент корреляции при этом оказался неожиданно высоким – 0,85).

М. В. Родкин и Е. П. Харин в своей недавней статье [Rodkin, Kharin 2014] приходят к выводу, что время начала массовых спонтанных социальных движений из базы данных глобальных вооруженных конфликтов значимо зависит от уровня солнечной активности (чисел Вольфа) и от индекса геомагнитной активности. Авторами было показано, что взаимосвязь между социальной и геомагнитной активностью выражается несколько более явно, чем с солнечной активностью. Однако, по их мнению, гелиогеомагнитная активность сама по себе не является причиной социальных конфликтов, о чем свидетельствует довольно слабая сила корреляции и тот факт, что временны́е интервалы чрезвычайно большого количества социальных конфликтов (десятилетия 1800-х, 1910-х и 1990-х гг.) происходят в периоды снижения среднего уровня солнечной и геомагнитной активности. Главным результатом работы стало подтверждение значимой статистической взаимосвязи между компонентами следующей логической цепочки: солнечная активность >>

геомагнитная активность >> социально-политическая активность. Эта связь, по их мнению, является довольно слабой; это подразумевает подтверждение распространенного мнения, что гелиогеомагнитные нарушения способствуют развитию (являются триггерами) уже зрелых социальных конфликтов, но не создают эти конфликты сами.

Тем не менее идея о том, что динамика уровня солнечной активности может быть статистически значимым фактором социально-политической дестабилизации, не нашла всеобщего признания. Так, П. Е. Григорьев и Б. М. Владимирский отмечают, что «идея о влиянии экологических факторов, связанных с космической погодой, на социальные процессы представляется странной или вовсе неприемлемой» [Григорьев, Владимирский 2007: 29], а М. В. Родкин и Е. П. Харин подчеркивают, что «проблема заметных гелиогеофизических воздействий на биологические и социальные процессы остается спорной в научном сообществе» [Rodkin, Kharin 2014: 50]. Кроме того, как мы могли видеть, среди исследователей существуют достаточно значительные разногласия относительно силы фактора солнечной активности как возможного генератора социально-политической дестабилизации.

В связи с этим представлялось целесообразным произвести дополнительное тестирование интересующей нас гипотезы.

Материалы и методы

Для тестирования гипотезы о динамике уровня солнечной активности как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами было выбрано число Вольфа, наиболее часто применявшееся ранее для подобного рода тестов; в качестве зависимой переменной была взята система показателей социально-политической дестабилизации базы данных *CNTS*[4].

Описание и методология подсчета чисел Вольфа

Погодовые числа Вольфа были использованы согласно данным, предоставляемым Королевской обсерваторией Бельгии – мировым центром по производству, сохранению и распространению данных по динамике солнечной активности [SILSO 2016].

[4] Напоминаем, что подробное описание этой базы данных приводится в *Приложении*.

Для корреляционного анализа было использовано годовое общее число Вольфа, получаемое путем вычисления простого арифметического значения ежедневных общих чисел солнечных пятен за все дни каждого года.

Ошибка значения:

Ежегодное стандартное отклонение индивидуальных данных является производным от суточных значений по той же формуле, что и ежемесячные средние:

$$sigma(m) = sqrt(SUM(N(d) * sigma(d)^2) / SUM(N(d))),$$

где sigma(m) – стандартное отклонение за один день и N(d) является числом наблюдений для этого дня.

Стандартная ошибка на ежегодные средние значения может быть вычислена путем: sigma/sqrt(N), где sigma – стандартное отклонение и N – общее число наблюдений в год.

Примечание: стандартная ошибка такого типа дает меру точности, то есть чувствительность годового выражения к разным числам суточных значений со случайными ошибками. Неопределенность среднего или абсолютная точность определяется только на больших временны́х масштабах и, таким образом, не дается здесь для индивидуальных ежегодных значений.

В качестве основного метода тестирования использовался классический корреляционный анализ, однако при этом был проведен контроль на такую значимую переменную, как численность населения Земли, что действительно крайне необходимо, ведь при более многочисленном населении должно наблюдаться большее число социально-политических катаклизмов, чем при менее многочисленном. Между тем за рассматриваемый период (1946–2012 гг.) население Земли выросло с 2,5 млрд до 7 млрд. В связи с этим мы использовали не непосредственные показатели *CNTS*, а показатели, нормированные на население, например, если речь идет о демонстрациях, мы рассматривали не просто число крупных демонстраций, зафиксированных в *CNTS*, а число демонстраций на миллиард человек.

Тесты

Прямое тестирование интересующей нас гипотезы с использованием вышеописанных материалов и применением вышеописанных методов дало следующие результаты (см. Табл. 8.2).

Табл. 8.2. Корреляции между средним количеством солнечных пятен и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1946–2012 гг.

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (*Assassinations*)	0,299	0,129
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,042	0,249
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	0,248	0,143
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	0,038	0,254
Политические репрессии (*Purges*)	0,199	0,159
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,044	0,246
Революции (*Revolutions*)	0,008	0,322
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	0,694	–0,049
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,010	0,312

Источники данных: CNTS 2016; SILSO 2016.

Примечание. Таблица имеет следующий вид: в строках – название переменных, в столбцах – уровень статистической значимости и коэффициент корреляции Пирсона.

Как мы видим, для 8 из 9 протестированных корреляций мы имеем связь в предсказанном направлении (то есть корреляция положительна – чем выше уровень солнечной активности, тем выше уровень социально-политической дестабилизации). Кроме того, 5 из 9 рассмотренных корреляций являются статистически значимыми на уровне $< 0,05$.

В случае отсутствия статистически значимого влияния солнечной активности на социально-политическую дестабилизацию при серии из 9 тестов трудно было бы ожидать более одной корреляции такого рода. Таким образом, проведенный нами тест можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в подтверждение гипотезы о наличии статистически значимой связи между уровнем солнечной активности и уровнем социально-политической дестабилизации.

Крайне примечательным представляется то обстоятельство, что корреляция наблюдается между солнечной активностью и массовыми беспорядками (см. Рис. 8.1), а не числом мирных демонстраций (см. Табл. 8.2). Это вполне согласуется с рассмотренными ниже вероятными каналами воздействия солнечной активности на глобальную политическую динамику. Как мы увидим, наиболее четко установленный эмпирически факт влияния Солнца на человека наблюдается применительно к корреляции между числами Вольфа и количеством приемов в психиатрические учреждения, что на уровне почвы может быть интерпретировано как индикатор потери определенной частью популяции психически равновесного состояния. Это обстоятельство может стать существенным при перерастании демонстраций в беспорядки, но не будет влиять на организацию мирных демонстраций, планирование которых осуществляется обычно вполне рационально, не являясь результатом импульсивно принятых решений.

Что касается самих корреляций, большинство из них значимы статистически, но речь при этом идет о достаточно слабых корреляциях. Например, вариация солнечной активности объясняет порядка 10 % вариации агрегированного показателя социально-политической дестабилизации (см. Рис. 8.2).

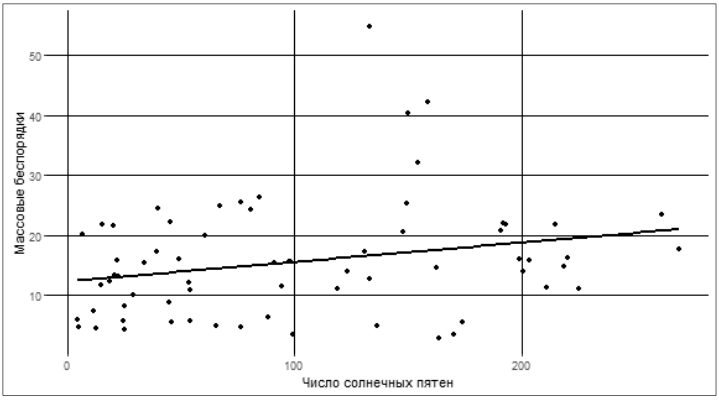

Рис. 8.1. Корреляция между среднегодовыми числами Вольфа и числом крупных массовых беспорядков (на 1 млрд чел.), зафиксированных в базе данных *CNTS*, 1946–2012 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; SILSO 2016.

Примечание. $r = 0{,}246$, $\alpha = 0{,}022$ (1-сторонний тест).

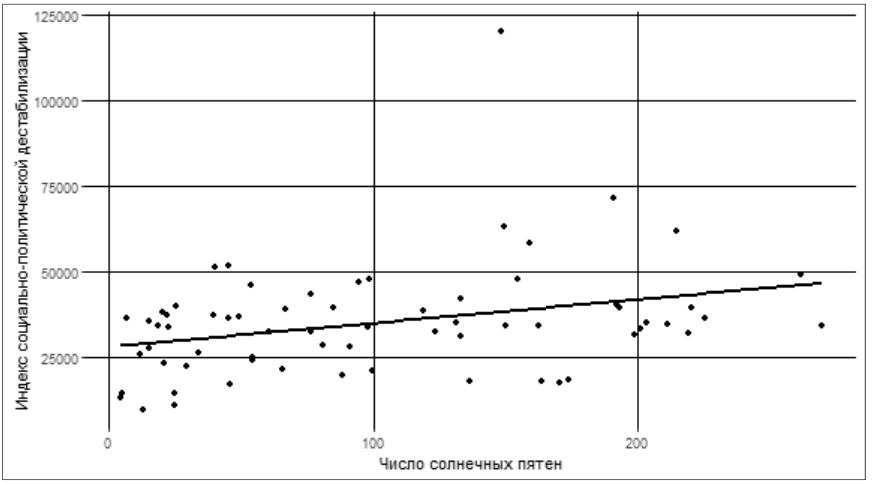

Рис. 8.2. Корреляция между среднегодовыми числами Вольфа и калиброванным индексом глобальной социально-политической дестабилизации *CNTS*, 1946–2012 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; SILSO 2016.

Примечание. $r = 0{,}312$, $\alpha = 0{,}005$ (1-сторонний тест), $R^2 = 0{,}097$.

Примечательно, что на обоих рисунках (Рис. 8.1, 8.2) представлен некий аутлайер, значение которого по оси абсцисс относительно невелико, но в то же время по оси ординат превышает все остальные почти на порядок. На Рис. 8.3 видно, что аутлайер этот приходится на 1970 г.

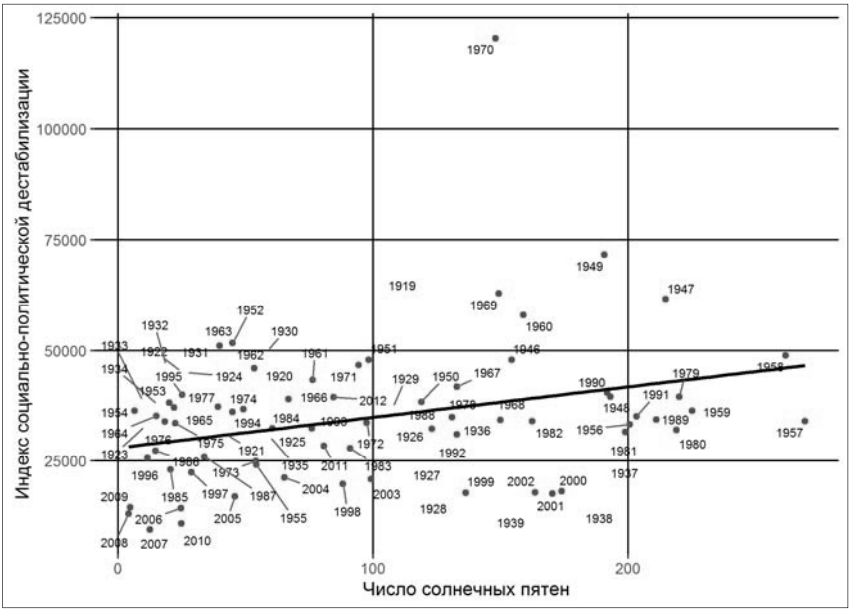

Рис. 8.3. Корреляция между среднегодовыми числами Вольфа и калиброванным индексом социально-политической дестабилизации базы данных *CNTS*, 1946–2012 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии и с выделенными годами)

Источники данных: CNTS 2016; SILSO 2016.

Примечание. $r = 0{,}312$, $\alpha = 0{,}005$ (1-сторонний тест), $R^2 = 0{,}097$.

Согласно историческим сводкам, в 1970 г. не было настолько катастрофичных социально-политических пертурбаций, которые оправдывали бы присвоение этому году столь высокого глобального индекса социально-политической дестабилизации. Можно предположить, что составителями базы данных *CNTS* была допущена некоторая методическая ошибка, связанная с тем, что переворот 1970 г. в Камбодже и последующая интервенция со стороны США и Южного Вьетнама получили чрезвычайно широкое освещение в американской прессе, в результате чего Камбодже за 1970 г. оказалось присвоено неоправданно высокое значение общего индекса социально-политической дестабилизации – 51 625 (например, оно почти

в 10 раз превышает значение индекса, присвоенного коммунистической революции 1949 г. в Китае).

Таким образом, более точное значение корреляции представляется возможным получить при удалении из анализа этого аутлайера (см. Табл. 8.3 и Рис. 8.4).

Табл. 8.3. Корреляции между средним количеством солнечных пятен и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1946–2012 гг. (с исключением аутлайера)

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции
Политические убийства (*Assassinations*)	0,335	0,120
Политические забастовки (*General Strikes*)	0,053	0,239
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	0,230	0,150
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	0,019	0,289
Политические репрессии (*Purges*)	0,191	0,163
Массовые беспорядки (*Riots*)	0,050	0,243
Революции (*Revolutions*)	0,010	0,314
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	0,624	–0,062
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,005	0,344

Источники данных: CNTS 2016; SILSO 2016.

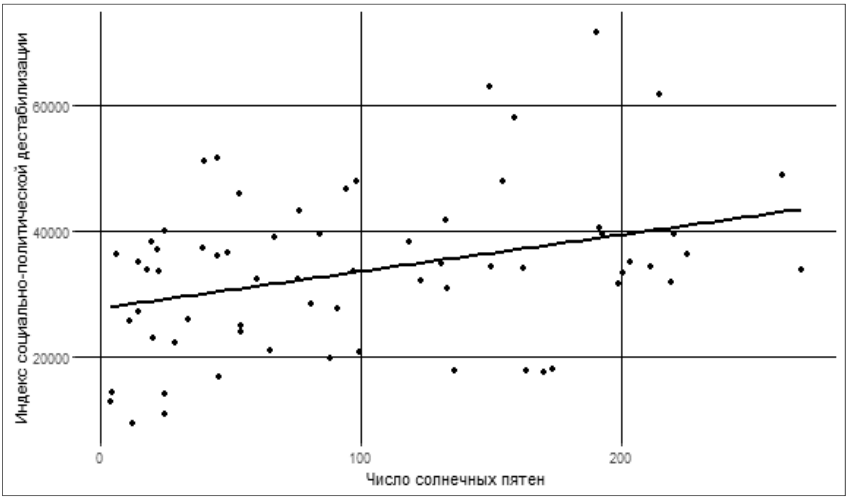

Рис. 8.4. Корреляция (после удаления аутлайера) между среднегодовыми числами Вольфа и значениями калиброванного глобального индекса социально-политической дестабилизации, зафиксированными в базе данных *CNTS*, 1946–2012 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией линейной регрессии)

Источники данных: CNTS 2016; SILSO 2016.

Примечание. $r = 0{,}344$, $\alpha = 0{,}0025$ (1-сторонний тест), $R^2 = 0{,}118$.

Таким образом, R^2 (коэффициент детерминации) после удаления аутлайера оказывается равным 0,12, что позволяет предположить: уровень солнечной активности может детерминировать уровень социально-политической дестабилизации примерно на 12 %. Итак, мы имеем дело со статистически значимым, но отнюдь не самым значимым фактором.

Обсуждение. Возможные механизмы влияния солнечной активности на уровень социально-политической дестабилизации

Обсуждение вопроса о возможных механизмах влияния солнечной активности на уровень социально-политической дестабилизации имеет смысл начать с рассмотрения общей схемы влияния различных связанных с Солнцем производных факторов, которые оказы-

вают влияние на биологическую среду Земли. Схема была разработана В. С. Мартынюком и Н. А. Темурьянцем (Рис. 8.5).

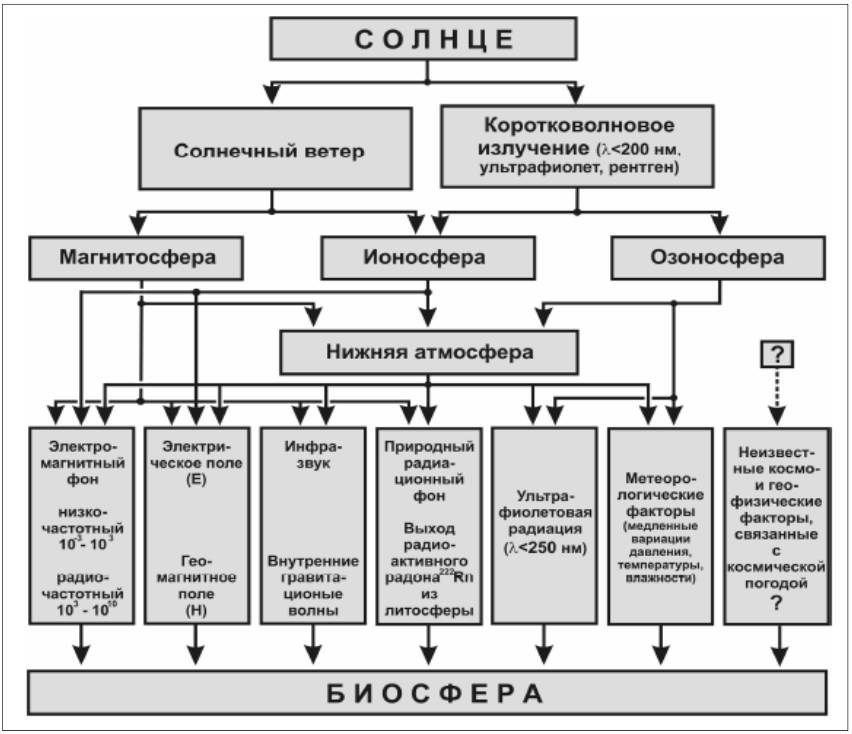

Рис. 8.5. Общая схема влияния солнечной активности на биосферу

Источник: Мартынюк, Темурьянц 2007.

На Рис. 8.5 показаны два основных канала воздействия: через солнечный ветер – магнитосферу и через коротковолновое излучение – ионосферу и озоносферу. Отсутствие стрелки в правой крайней части схемы означает, что на нынешнем этапе исследований не все пути воздействия космофизических факторов раскрыты.

Существующий канал прямого воздействия на человека, функционирующий постоянно и глобально, физическая природа основных действующих факторов которого установлена (излучение магнитосферы крайне низких частот, инфразвук), реализует свое влияние и на здоровую, и на девиантную психику. Он влияет и на раннее развитие человеческого организма в утробе матери, и на

предрасположенность к заболеваниям в зрелом возрасте, а также проявляется в возможности особого сочетания личностных особенностей для достижения успеха в профессиональной деятельности. Поскольку на каждого отдельного человека влияют обусловленные гелиогеофизическими связями возмущения внешней среды, вероятно, они должны влиять и на механизм взаимодействия его с окружающими членами социума. Те же возмущения действуют и на них, и в итоге общая человеческая масса становится более реактивной и подверженной выведению ее из состояния равновесия.

В качестве следующего шага имеет смысл рассмотреть более детально механизм количественного влияния слабых (сверхслабых) электромагнитных полей на биологический мир.

Табл. 8.4. Общая таблица влияния солнечной активности на некоторые биологические системы

Биологические системы	Механизм	Эффект
1	2	3
Влияние на центральную нервную систему (нейроэндокринную регуляцию)	Развитие торможения на уровне интегративной деятельности центральной нервной системы из-за повышения в активности серотонинергических систем [Zecca *et al.* 1995], контролируемых уровнем мелатонина в крови, который, в свою очередь, определяется функциональной активностью особой нейроэндокринной железой головного мозга – эпифиза [Burch *et al.* 1999; Pfluger, Minder 1996]	Гомеостатические отношения с раком, сердечными, репродуктивными и неврологическими заболеваниями и смертностью, в том числе в результате тревог, депрессий и самоубийств
Влияние на сердечно-сосудистую систему	Оказание аритмогенного действия на функции сердца [Кузнецов и др. 1990] или снижение показателя вариабельности сердечного ритма [Sastre *et al.* 1998]	Нарушение транспорта кислорода в тканях

Окончание Табл. 8.4

1	2	3
Влияние на систему крови и иммунитет	Снижение количества лейкоцитов в крови [Мартынюк 1995]; активизация противосвертывающей системы крови [Русяев 1984]; изменяются факторы гуморального естественного иммунитета [Думанский, Ногачевская 1992]	Снижение защиты организма от перерождающихся клеток
Влияние на обмен веществ	Развитие гипоксии в разных тканях организма и активации анаэробных путей энергетического обмена в клетках тканей [Сташков, Горохов 1998]; уменьшение содержания липидов в крови и в печени [Чернышева 1987]; влияние на свободнорадикальное окисление липидов [Мартынюк 1992]; химические реакции с участием тиоловых соединений [Павлова, Музалевская, Соколовский 1978]	Изменение активности углеводного обмена
Влияние на эмбриогенез	Сложная система электрических токов в эндогенном электрическом поле эмбриона, которая играет важную роль в реализации программы развития организма [McCaig, Rajnicek 1991]	Повышение вероятности гибели эмбрионов
Влияние на биологические ритмы	Сдвиг фаз инфрадианных (многосуточных) периодов разнообразных физиологических процессов	Синхронизация биологических ритмов внешними датчиками времени [Wever 1973]

В. М. Бехтерев – известнейший врач и ученый – предположил, что установление связи урожайности на Земле с периодичностью пятен на Солнце может позволить установить связь с ними и появления кризисов, экономических и финансовых [Бехтерев 1928]. Данная гипотеза представляется вполне правдоподобной, в особенности для традиционных обществ, однако заметной разработки она до сих пор не получила.

В своих трудах А. Л. Чижевский высказывался определенно, что ввиду распространения с молниеносной быстротой влияния Солнца на огромные территории быстрые эпизодические увеличения солнечной активности при помощи физико-химических посредников могут вызвать резкие изменения в состоянии нервно-психической сферы как человека, так и больших человеческих масс. Это состояние предрасположения к поведению человеческих масс, обусловленное энергетическим влиянием Солнца, Чижевский назвал гелиотараксией. Иными словами, если человек подвержен физическому влиянию извне, то это не может не отражаться на его поведении. При этом он считал, что прямая зависимость встречается редко, а в основном имеет место корреляционная зависимость, которая усложняет картину взаимодействия [Чижевский 1930*а*].

А. Л. Чижевский верно предполагал, что фактор, ответственный за гелиобиологические связи, имеет электромагнитную природу. Причинно-следственная цепочка этих связей, по всей видимости, такова: солнечная активность – возмущение магнитосферы и ионосферы (так называемый резонанс Шумана) – возрастание напряженности естественного электромагнитного поля Земли – реакция организма.

Резонанс Шумана производится солнечной активностью, влияет на человеческий мозг, что приводит к сбою в работе гормона мелатонина, который отвечает за регуляцию суточных ритмов (в связи с резкими изменениями солнечной активности отсутствие гормона вызывает серьезные депрессии и самоубийства). Резонанс Шумана обеспечивает гомеостатический контроль активности мозга. Поэтому при увеличении и уменьшении интенсивности резонанса Шумана, производимых изменениями солнечной активности, может наблюдаться увеличение или уменьшение интенсивности сердечных, репродуктивных и неврологических заболеваний, а также увеличение или уменьшение смертности, в том числе в результате тревог, депрессий и самоубийств. Например, одно из исследо-

ваний показало, что корреляция между среднемесячным числом солнечных пятен и числом самоубийств в городе Крайстчерч в Новой Зеландии с 1988 по 1998 г. является статистически значимой [Cherry 2003].

Как отмечает В. Г. Сидякин, первоначально влияние солнечной активности на психику человека было обнаружено в связи с увеличением дорожно-транспортных происшествий в крупных городах. Выяснилось, что это связано с влиянием магнитных бурь. Обнаружилось также, что при переходе от максимума 11-летнего цикла солнечной активности к годам минимума у летчиков ошибки пилотирования снижаются в полтора раза. Наблюдения над животными в условиях лаборатории подтверждают эффект влияния. Так, у голубей магнитные бури нарушают работу их навигационной системы [Сидякин 1986].

Нейрофизиолог М. Персинджер выявил влияние геомагнитной активности на психические переживания, связанные с ощущением, что с близким человеком что-то случилось [Persinger, Schaut 1988]. Зафиксированы случаи трех типов: переживание происходящего с близким человеком, «предчувствие» и ощущение тяжелой утраты. Случаи первого типа фиксировались в период «геомагнитного штиля», второго и третьего – в период геомагнитных возмущений.

Еще одно исследование [Цыганков К. В., Павленко, Цыганков А. В. 2007] позволило выяснить на основе многолетней статистики патологоанатомических вскрытий, что ежегодное число случаев инсультов в левом и правом полушариях синхронизировано относительно экстремальных точек 11-летнего цикла солнечной активности и изменяется зеркально (инсульты случаются в функционально нагруженном полушарии). Приводятся также данные о специфике такого влияния на умственную работоспособность школьников [Кайгородова, Яценко 2001], их соматические и психофизиологические особенности [Шабашева 2013], риск возникновения синдрома Дауна [Григорьев, Афанасьева, Вайсерман 2009], психометрические и клинико-лабораторные показатели беременных женщин, на организм спортсмена [Гуляев и др. 2011], работу сердечно-сосудистой системы и мозгового кровообращения [Паршина, Токаева 2008], заболеваемость туберкулезом [Бугаев, Данилов, Соркомов 2010], самоорганизацию толпы [Белокопытов 2014], повышение психических расстройств [Аптикаева, Гамбурцев 2012], состояние преступности [Киселев 1997]. Например, в ФРГ зареги-

стрированные три спада всей совокупности преступлений (1955, 1965, 1977 гг.) пришлись также на годы спада солнечной активности. Аналогичная зависимость от гелиогеофизических явлений прослеживается в данных о количестве насильственных преступлений в США [Киселев 1997].

Ряд исследований [Белишева, Попов, Петухова 1995; Мерзлый 2012; Новик, Смирнов 2012] подтверждает данные о том, что для устойчивого функционирования мозга необходим оптимальный уровень геомагнитной активности. Возникновение внезапных возмущений, а также значительное снижение уровня геомагнитной активности могут приводить к неустойчивому состоянию мозга. В отношении людей с психическими нарушениями выявлена тенденция к обострению нервно-психических заболеваний после магнитных бурь, а также обнаружен 27-дневный период в частоте суицидов, что установили по статистике террористических актов самоубийц.

Исследования по нахождению зависимостей между различными направлениями солнечной и геомагнитной активности и психиатрическими расстройствами начинают свой отсчет с 1935 г. [см., например: Dull T., Dull B. 1935; Friedman *et al.* 1963; Raps *et al.* 1991; Kay 1994; Cohen, Wohlers 1998; Ivanovic-Zuvic *et al.* 2010]. Так или иначе, при изучении различных выборок в различные промежутки времени исследователями было доказано наличие статистически значимой связи между солнечной активностью и психиатрическими госпитализациями.

Например, М. Коэн и А. Волерс [Cohen, Wohlers 1998] исследовали корреляцию между солнечной активностью (измеряемой при помощи чисел Вольфа) и случаями госпитализации в психиатрические клиники в период с июля 1984 г. по декабрь 1993 г. в штате Виктория (Австралия) на основе базы данных, включавшей в себя 96 050 случаев. В результате была обнаружена статистически значимая (α = 0,006) корреляция в предсказанном направлении, сила корреляции при этом оказалось равной 0,399, что, отметим, достаточно близко к результатам нашего исследования.

Таким образом, можно считать установленным, что рост солнечной активности может вести к обострению психических расстройств у значительного числа людей. Это обстоятельство, по всей видимости, в какой-то степени объясняет, почему уровень солнечной активности статистически значимо коррелирует с чис-

лом массовых беспорядков, а не мирных демонстраций. Здесь важно обратить внимание на то, что при перерастании мирных демонстраций в массовые беспорядки очень важную роль могут играть психические срывы участников мирных демонстраций как с той, так и с другой стороны, когда, например, выведенные из психического равновесия демонстранты начинают бросать камни в витрины магазинов или полицейские, неадекватно отреагировав на оскорбления демонстрантов, применяют неоправданно жесткие меры силового воздействия, что нередко запускает цепную реакцию, ведущую к перерастанию мирной демонстрации в массовые беспорядки[5].

* * *

Итак, проведенный нами эмпирический анализ дает дополнительные подтверждения гипотезы о том, что динамика солнечной активности может быть статистически значимым фактором социально-политической дестабилизации. В проведенном нами исследовании базы данных *CNTS* за 1946–2012 гг. корреляция между уровнем солнечной активности, измеряемым при помощи чисел Вольфа, и интегральным индексом глобальной социально-политической дестабилизации оказалась статистически значимой на уровне 0,0025[6]. Сила корреляции при этом составила 0,344 ($R^2 = 0{,}118$).

Необходимо отметить, что сохраняющееся до сих пор настороженное отношение к солнечной активности как к фактору социально-политической дестабилизации объясняется в высокой степени тем обстоятельством, что первое поколение исследователей этого фактора было склонно преувеличивать его значимость, рассматривая всплески солнечной активности как едва ли не главную причину, генерирующую революции (см. приведенный выше литературный обзор). Правда, как обычно, оказывается посередине: прове-

[5] См., например: Назаретян 2001; DW 2007; НТВ 2008. Интересный пример того, как изменение солнечной активности через свое воздействие на человеческую психику может вести к значимому влиянию на политическое поведение, приводят П. Григорьев, В. Розанов, А. Вайсерман, Б. Владимирский [Grigoryev *et al.* 2009]. Они используют данные о терактах самоубийц в Израиле, Ираке и Афганистане (1062 случая, 1994–2008 гг.). Исследователям при этом удалось обнаружить, что определенные типы гелиогеофизических факторов были одинаковыми во всех странах и, как правило, сопровождались такими актами. Геомагнитная активность значимо увеличилась ($\alpha < 0{,}0001$) в день атаки и на следующей день после нападения. Межпланетное магнитное поле полярности изменялось на день раньше атаки ($\alpha < 0{,}03$) и на следующий день после нападения ($\alpha < 0{,}007$). В 1994–2008 гг. число террористических актов самоубийц концентрируется близ границ секторов межпланетного магнитного поля, и этот результат оказался тем же самым для Израиля, Ирака и Афганистана.

[6] 1-сторонний тест значимости.

денное нами исследование подтверждает, что солнечная активность – это статистически значимый фактор, но при этом сила его действия достаточно слаба. В нашем тесте, например, он объясняет около 12 % всей вариации интегрального индекса глобальной социально-политической дестабилизации.

При этом крайне примечательным оказалось то, что уровень солнечной активности продемонстрировал статистически значимую корреляцию с массовыми беспорядками, а не с мирными демонстрациями. Действительно, наиболее хорошо установленным каналом влияния солнечной активности на человеческое поведение является рост вероятности обострения психических расстройств с ростом солнечной активности. Этот фактор и не должен влиять на число мирных демонстраций, которые обычно планируются заранее достаточно рациональным образом, а не являются результатом какого-то психического срыва. А вот при перерастании мирных демонстраций в массовые беспорядки психические срывы у участников процесса как с той, так и с другой стороны могут сыграть решающую роль.

Таким образом, объяснять начало революций ростом солнечной активности, конечно, нельзя. Но учитывать этот фактор при планировании практической политической деятельности, по всей видимости, нужно. Если, предположим, проведение демонстрации протеста планируется в период крайне высокого уровня солнечной активности, организаторам демонстрации следует приложить дополнительные усилия по предотвращению ее перерастания в массовые беспорядки. С другой стороны, и руководству правоохранительных органов в этом случае следовало бы проводить дополнительную работу со своим личным составом для обеспечения с его стороны повышенной сдержанности и спокойствия.

Часть пятая
АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК ТРИГГЕР ГЛОБАЛЬНОГО ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА

Глава 9. Кондратьевские волны в протестной активности и события 2011 г.

В этой главе мы касаемся ранее выдвинутого нами тезиса о том, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности подобно тому, что мы наблюдали в начале 1960-х гг., и это во многом было связано с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. При этом, несмотря на то, что глобальная информационная связанность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. она была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в CNTS до 1960 г. Второй фазовый переход был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, «Твиттер», мобильная телефония, социальные сети и т. п.).

События Арабской весны и протестных волн за пределами Арабского мира получили значительное внимание исследователей. В целом в литературе, посвященной этим событиям и их влиянию на последующую динамику нестабильности в различных регионах мира, можно выделить несколько важных направлений. Среди них выступают попытки создания прогностических моделей и переосмысления существующей революционной теории с учетом новых реалий.

Дж. Ланг и Х. де Стерк предлагают простую модель динамики революций в диктаторских режимах, использующих цензуру и полицейские репрессии. В контексте Арабской весны модель применяется для объяснения причин волнений в арабских странах, а также роли Интернета и новых медиа и, как следствие, снижения эффективности цензуры. Однако релевантность модели определяется также ее применимостью к анализу политической ситуации в других регионах с режимами, использующими цензуру и полицейские репрессии, – к примеру, в Иране, Китае или Сомали [Lang, Sterck 2014].

Известный американский социолог и исследователь революций Дж. Голдстоун для описания состояния обществ и революционных процессов обращается к понятию равновесия – устойчивого и неустойчивого. При этом он выделяет пять необходимых и достаточных условий для формирования состояния неустойчивого равновесия:

- проблемы в экономической и фискальной сферах;
- растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит;
- революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью;
- идеология, убедительный повод и нарратив сопротивления;
- благоприятная международная обстановка.

Через призму указанных выше условий Дж. Голдстоун рассматривает революции начиная с эпохи Ренессанса и Реформации и заканчивая арабскими революциями 2011 г. в Тунисе, Египте, Сирии и Ливии [Goldstone 2014*b*]. В отношении последних он отмечает, что восстания на Ближнем Востоке никем не были предсказаны, подчеркивая, что степень слабости верховного правителя зачастую можно наблюдать только в ретроспективе. Успешность революции в концепции Голдстоуна определяется наличием следующих условий: правительство рассматривается как угроза будущему страны, элиты (в том числе военные) не стремятся защищать государство, мобилизуется высокорепрезентативный сегмент общества, а международные силы либо отказываются защищать правительство, либо вмешиваются в конфликт на стороне революционеров [Goldstone 2011*b*].

К. Бек утверждает, что Арабская весна стала неожиданным событием не только потому, что предсказание революций – непро-

стая задача, но также и потому, что современные теории революции не располагают достаточным инструментарием для объяснения волн революции в тех случаях, когда причинные механизмы варьируются в зависимости от уровня анализа. Для решения этой проблемы Бек предлагает метаоснову революционной теории, сочетающей в себе несколько уровней и измерений анализа, а также учет их взаимодействий. Структурированный пример дизайна исследования с использованием методики качественного сравнительного анализа охватывает 16 стран Ближнего Востока и Северной Африки и позволяет выделить субнациональные условия мобилизации в контексте событий Арабской весны, внутригосударственные причины революций, транснациональные факторы, в том числе связи той или иной страны с мировым сообществом [Beck 2014]. Таким образом, автор предлагает теорию, в которой подчеркивается рост значимости мировых культурных сценариев, моделей и практик, их влияние на государства, а также субнациональные условия для мобилизации.

Р. В. Грин и К. Д. Кусва выдвигают идею создания риторической картографии «региональных акцентов», чтобы продемонстрировать, как те или иные регионы включаются в карту власти или исключаются из нее. Они утверждают, что риторическое перемещение протестов из одного места в другое, выраженное Арабской весной и движением *Occupy Wall Street*, формирует горизонтальный региональный акцент, который, образно говоря, «складывает» протестные регионы друг в друга, как в папку, подпитывая таким образом возникновение новых локусов протеста [Greene, Kuswa 2012]. Возникновение политически субъективного протестующего происходит в местах регионального сгиба, так как именно они создают и отменяют карты власти. Наш анализ причин быстрого распространения революций см. в: Гринин 2012*а*; Гринин, Исаев, Коротаев 2016.

Ф. Волпи отмечает, что при анализе Арабской весны достаточно сложно уйти от структурных объяснительных моделей, которые продолжают доминировать в науке до сегодняшнего дня [Volpi 2014]. Так, большинство исследований, как правило, изобилуют описанием социальных, экономических и политических структур, так или иначе ставших причиной восстаний. К примеру, Дж. Гудвин говорит о кризисе авторитаризма как непосредственной причине протестов в арабских странах [Goodwin 2011]. В этой связи

Волпи с некоторым сожалением подчеркивает, что большая часть дискуссий об Арабской весне сводится к обсуждению тех характеристик государств и режимов, которые сформировали предпосылки для революционного восстания, и тех, которые, напротив, ему не способствовали.

Группа российских исследователей во главе с С. Ю. Малковым предприняла попытку количественного анализа «весенних» событий в арабских странах и разработки специализированного индекса для оценки текущего состояния и прогноза уровня социальной нестабильности в этих странах [см.: Малков, Исаев, Коротаев, Кузьминова 2013; Korotayev, Issaev, Malkov, Shishkina 2013; 2014]. Основываясь на разведочном анализе данных, они выявили ряд факторов социально-политической нестабильности, ставших общими для всех этих стран: переходный характер политического режима, наличие внутриэлитного конфликта, неэффективность инструментов передачи власти, наличие внутренней конфликтогенности, наличие «горючего материала» и его выгорание, участие исламистов в политическом процессе, кризис неоправдавшихся ожиданий от модернизации и наличие привлекательной альтернативы[1]. В результате ученым удалось сформировать комплексный индекс, учитывающий наиболее значимые факторы социально-политической нестабильности, вычисляемый на основе статистических данных и экспертных оценок и позволяющий оценивать потенциал социальной нестабильности и ее возможный масштаб.

Обширный блок исследований посвящен влиянию событий Арабской весны на стабильность стран Арабского мира, соседних по отношению к нему регионов и мира в целом. Так, к примеру, Н. Данжибо говорит о том, что протесты в Арабском мире, приведшие к свержению авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Ливии, вылились в конечном счете в период политической не-

[1] Как уже говорилось в *Главе 1* и упоминалось в других главах, завышенные ожидания, которые не оправдываются, тем более в условиях временного ухудшения положения и снижения жизненного уровня населения или его части, весьма часто становятся важной причиной социального недовольства и в некоторых случаях революций [см. также: Гринин 2010*a*; Grinin 2012*c*; 2013; Гринин, Коротаев 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016]. Такой своеобразный социальный парадокс был замечен довольно давно. Напомним, что одним из первых, кто написал об этом, был Алексис де Токвиль. В своем знаменитом произведении «Старый порядок и революция» он, например, пишет, что ни в один послереволюционный период общественное благосостояние не росло так стремительно, как в течение двадцати предреволюционных (до 1789 г.) лет [Токвиль 1997: 139]. Эта ситуация у некоторых политологов даже получила название «закон Токвиля» [см. подробнее: Урнов 2008: 167–174].

определенности в пострадавших странах и создали условия политической нестабильности в регионе Сахеля и в Африке южнее Сахары. Неустойчивость государств Африки с недостаточным уровнем государственного управления, в свою очередь, создала платформу для проникновения негосударственных вооруженных акторов в этот регион [Danjibo 2013].

Т. Маттизен отмечает, что с 2011 г. в Саудовской Аравии наблюдалось наиболее масштабное и длительное протестное движение за всю современную историю этой страны. В статье «Саудовская весна, шиитское протестное движение в Восточной провинции 2011–2012» [Matthiesen 2012] автор размышляет о том, как небольшие протесты, вдохновленные Арабской весной и чувством солидарности с протестующими в соседнем Бахрейне, превратились в устойчивое молодежное протестное движение с конкретными требованиями и характеристиками. Возникновение этого движения на локальном уровне оказало влияние на политическую и социальную динамику шиитского сообщества в Саудовской Аравии. Одним из выводов, к которому приходит Маттизен, стало то, что хотя новые медиа выступают как хорошие организационные инструменты протеста, личные сети – полуавтономная общественная сфера – и истории, повествующие о подрывной деятельности, существенно способствовали развитию движения.

Можно также выделить ряд исследований, посвященных сравнению событий Арабской весны с другими революционными периодами, наблюдавшимися в Ближневосточном и других регионах, с целью лучшего понимания причин, движущих сил и возможных последствий нынешнего кризиса. А. Уилсон, Б. Хестерей предлагают ретроспективное ви́дение проблемы, отталкиваясь от предпосылок, приведших к протестной волне в арабских странах. В первом случае обращается внимание на скрытые факторы, которые определяют проблемное поле «весенних» волнений [Wilson 2013]. К примеру, на спорной территории Западной Сахары, частично аннексированной Марокко в 1975 г., в октябре – ноябре 2010 г. произошло беспрецедентное восстание, которое предшествовало протестам в Тунисе – первым из череды Арабской весны, однако это восстание зачастую упускается из виду. Скрытые факторы, таким образом, помогают выявить подобные малоизвестные сходства и в конечном счете изучить сам протест. Б. Хестерей же в качестве политической аналогии протестов в арабских странах рассматрива-

ет прошлое Индонезии [Hoesterey 2013], отмечая, что здесь на протяжении продолжительного периода перехода от авторитарного к демократическому режиму наблюдались схожие условия, в том числе коррупция, непотизм, а также правление военных, осуществляемое в течение многих лет в атмосфере безнаказанности.

А. Эрдоган проводит аналогии между событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке и падением коммунистических режимов в Восточной Европе. Автор, вслед за концепцией третьей волны демократизации С. Хантингтона, выделяет ряд сходств между этими процессами: снижение легитимности авторитарных режимов, недостаток экономического развития и начало экономического кризиса, демонстрационные эффекты, новая политика внешних акторов и т. п. Арабские режимы, ставшие объектом антиправительственных выступлений, на протяжении десятилетий авторитарного правления демонстрировали фактическую монополию власти, также в обоих случаях наблюдались ухудшение экономических условий и рост социально-экономического недовольства. Однако в отличие от коммунистических режимов катализаторами арабских восстаний стали такие факторы, как высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, а также внутреннее и региональное социальное неравенство [Erdogan 2013].

К. Уэйленд также предлагает провести параллели между Арабской весной 2011 г. и «революциями» 1848 г. [см. об этой и других параллелях также: Гринин 2012*а*; Гринин, Исаев, Коротаев 2016]. Так, обе эти протестные волны охватили целые регионы с рекордной скоростью, однако увенчались весьма ограниченными успехами в направлении политической либерализации и демократизации [Weyland 2012]. Опираясь на анализ событий 1848 г., автор приходит к выводу, что протестующие в арабских странах были значительно воодушевлены падением режима в Тунисе и переоценили его значимость, решив, что могут с такой же легкостью избавиться от диктаторов в своих странах. Арабские общества были слабоорганизованными и находились под давлением со стороны властей, что в условиях отсутствия авторитетных лидеров, на которых могли бы ориентироваться простые люди, вызвало ощутимое ухудшение ситуации.

М. Гунтер обращает внимание на так называемую Курдскую весну – ситуацию в Турции, Ираке и Сирии, характеризующуюся формированием демократических требований, в том числе касаю-

щихся немедленной реализации культурных, социальных и политических прав [Gunter 2013]. Так, в Турции провалы правительства во многом обусловили курдское возрождение, в Ираке обсуждаются возможности провозглашения независимости Регионального правительства Курдистана. Что касается Сирии, то в этом случае основным фактором Курдской весны становится подъем «Демократического союза».

Влияние арабского кризиса на международное распределение политических сил и стратегии взаимодействия между государствами рассматривает и Б. Синкая в своей статье, посвященной иранской внешней политике [Sinkaya 2015], отмечая, что Иран долгое время был не в состоянии выработать последовательную стратегию взаимодействия с ближневосточными странами из-за последствий Арабской весны и постоянно возникающих новых событий. Первоначальный оптимизм иранского руководства относительно потрясений в Арабском мире уступил место осторожности и беспокойству, связанному с новыми вызовами в региональной политике этой страны. Таким образом, новый курс Ирана отличается умеренностью и основан на конструктивном взаимодействии.

В. Ча и Н. Андерсон попытались рассмотреть северокорейскую политическую действительность через призму событий Арабской весны с целью выявления возможности повторения ближневосточного сценария в этой стране. В результате исследователи выделили пять потенциальных переменных, которые могли бы спровоцировать похожие события в Северной Корее: социально-экономическое развитие, темпы экономического роста (растущие ожидания), демографические факторы (количество молодых людей), распространение информации и тип режима [Cha, Anderson 2012]. Применительно к Северной Корее авторы отмечают фактическое отсутствие признаков модернизации по сравнению с 1990 г., заметных темпов экономического роста, новых медиа и т. п., однако подчеркивают, что здесь имеются две важные предпосылки – относительно молодое и грамотное население. Но и в этом случае оно не стало потенциально опасным для правительства фактором, потому что в коммунистической экономике фактически отсутствует безработица. Таким образом, двумя возможными источниками проявления недовольства в Северной Корее может стать селекторат – партийные деятели, офицеры и чиновники, кооптированные

правительством и оказывающие ему поддержку, и городская беднота.

Стоит выделить также исследования, касающиеся международного контекста арабских восстаний и условий синхронизации протестных действий, с особым акцентом на глобализирующийся характер современного мира.

Факторы синхронизации событий Арабской весны в собственно Арабском мире были рассмотрены в целом ряде работ отечественных исследователей, выделивших следующие моменты: 1) высокий уровень синхронности процессов модернизации в большинстве арабских стран, в том числе синхронное резкое падение младенческой и детской смертности в 1970–1980-е гг., что на фоне массированной экспансии высшего образования привело в 2000-е гг. в большинстве арабских стран к синхронному взрывообразному росту численности молодежи вообще и высокообразованной молодежи в особенности[2]; 2) синхронизирующее действие глобального финансово-экономического кризиса, в том числе второй волны агфляции (стремительного роста цен на продовольствие), пик которой пришелся как раз на январь – февраль 2011 г.; 3) синхронизирующую роль общеарабских спутниковых каналов; 4) синхронизирующую роль общеарабского Интернета [Коротаев, Зинькина 2011*а*; 2011*б*; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev *et al.* 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Гринин 2012*а*; 2012*в*; Цирель 2012*а*; Grinin 2013; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Коротаев, Малков 2014; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; 2016].

Е. Беллин утверждает, что события Арабской весны обусловили необходимость переосмысления логики авторитарной устойчивости в Арабском мире. С одной стороны, очевидно, что репрессивные действия государственного аппарата имеют решающее значение при определении долговечности авторитарных режимов, но в то же время Арабская весна продемонстрировала возникновение обширного межклассового протеста, направленного на политиче-

[2] Рост уровня образования наряду с другими достижениями модернизации дополнительно усилил недовольство и фрустрацию, поскольку, согласно «гипотезе разрыва», выдвинутой С. Хантингтоном, рост агрессивности в модернизирующихся сообществах обусловлен ростом притязаний, порождаемым различными аспектами модернизации, прежде всего экономическим развитием и «социальной мобилизацией» (включающей урбанизацию, повышение грамотности, рост уровня образования, распространение СМИ и пр.) [Хантингтон 2004: 71]. Анализ этой гипотезы Хантингтона см.: Урнов 2008: 206–208.

ские изменения, а также появление фактора, способствовавшего материализации этого явления, а именно: распространение социальных медиа. Последнее, по мнению Е. Беллин, очевидным образом изменит правила игры для авторитарных режимов по всему миру [Bellin 2012].

Э. Мур при анализе событий Арабской весны и попытке прогнозирования будущего этого региона в целом обращается к процессам глобализации, отмечая, что ее принципы содействуют распространению демократии западного образца, в то время как ближневосточные представления о демократии не обязательно включают в себя те же системы и структуры. Таким образом, требования большего демократического представительства, высказываемые в ходе этих событий, едва ли можно считать региональным ответом на процессы глобализации [Moore 2012]. По ее мнению, преждевременно говорить о перспективах долгосрочного развития региона, однако очевидно то, что любые демократические преобразования здесь будут инициированы изнутри, а не экспортированы, поскольку налицо несовместимость стран Ближнего Востока с западными демократическими концепциями [Roy 2012].

Глобальный характер протестных настроений в мире, связанный с событиями в арабских странах, нашел свое отражение в статье Ч. Курцмана, где предлагается альтернативное ви́дение причинности протестов в современном мире и подчеркивается, что перцепции участников и протестный потенциал распределяются между протестующими как внутри конкретной политической системы, так и на международном уровне и не могут быть идентифицированы заранее. Арабские восстания в этом случае служат хорошей иллюстрацией гипотезы о том, что люди способны создавать свои собственные политические возможности, а не реагировать на уже существующие структурные предпосылки [Kurzman 2012].

Новаторскую концепцию анализа событий Арабской весны в международном контексте выдвигает С. Н. Литсас. Он отталкивается от философской концепции древнегреческого основателя исторической науки и школы политического реализма Фукидида, который выдвинул понятие стасиса (смуты, раздора), основанного на борьбе различных группировок в полисе [Ковельман, Гершович 2015]. Так, Пелопоннесская война рассматривается им в качестве стасиса или гражданской войны, которая привела к застою и во многом обусловила вырождение эллинской цивилизации [Price

2001; о состоянии статиса см. также: Grinin, Ilyin, Andreev 2016]. Литсас рассматривает восстания Арабской весны как стасис, подчеркивая международный характер этого процесса, который может перерасти в крупномасштабный кризис для соседних политических систем [Litsas 2013]. Стасис является насильственным политическим событием, тщательно спланированным заранее либо возникшим спонтанно под давлением сложившихся обстоятельств, и приводит к ожесточенным столкновениям между сторонниками действующего режима и его противниками. Из-за своей насильственной природы стасис, как правило, происходит в недемократических условиях и создает благоприятную почву для радикального изменения жизненных условий угнетенных слоев общества. Литсас приходит к выводу, что Арабская весна стала переходной фазой для Арабского мира в направлении панисламской парадигмы. Этот переход способен провоцировать значительную политическую нестабильность во всем мире, открывая жизненное пространство для различных оппортунистических и ревизионистских исламских факторов.

Еще в 2011 г. было выдвинуто предположение, согласно которому события конца 2010 и начала 2011 г. в арабских странах можно рассматривать в качестве начала глобальной реконфигурации Мир-Системы [Grinin, Korotayev 2011; Гринин 2012*а*; 2012*в*]. Было показано, что асинхронность развития различных функциональных подсистем мировой системы является причиной синхронности крупных политических изменений. То есть в процессе глобализации политические преобразования, как правило, отстают от экономических. Однако подобное отставание не может нарастать постоянно; в конечном счете оно преодолимо, но это сложный процесс. В числе основных векторов реконфигурации мировой системы находятся ослабление прежнего ядра Мир-Системы (Соединенные Штаты и Запад) и одновременное укрепление позиций ряда периферийных стран (а также общий рост влияния развивающихся стран в мировой экономике и политике) (Grinin, Korotayev 2012; Гринин 2012*а*; 2012*в*; см. также *Заключение*).

Однако, как нам представляется, оценить истинный масштаб необычности событий Арабской весны и ее глобального эха все-таки вряд ли возможно без привлечения количественных эмпирических данных. Лучше понять мировой масштаб этих событий поможет нижеследующий график (Рис. 9.1).

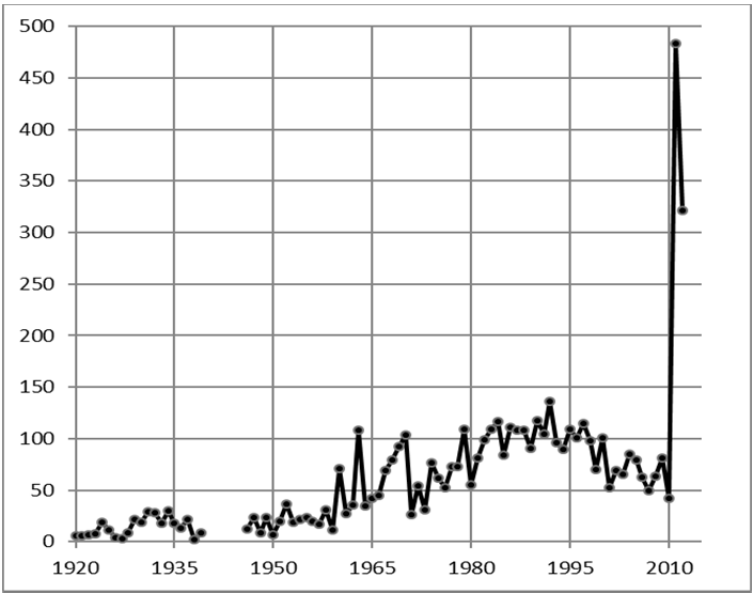

Рис. 9.1. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных *CNTS*, 1920–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

При этом бóльшую часть действительно необычного всплеска протестной активности 2011 г. дал именно Ближний и Средний Восток, в особенности арабские страны, однако в остальном мире (под прямым влиянием Арабской весны) произошел совершенно нетривиальный подъем протестной активности (здесь достаточно вспомнить многочисленные движения *Occupy…* – от *Occupy Wall Street* до *Occupy Abay*) (Рис. 9.2).

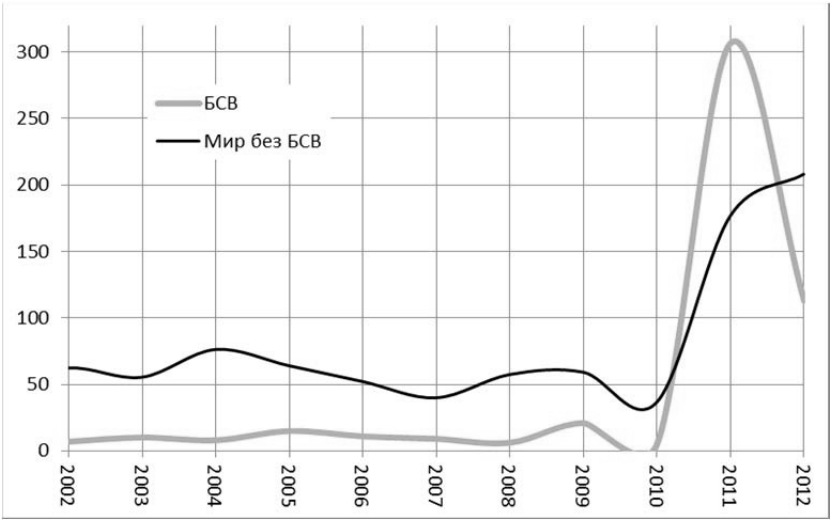

Рис. 9.2. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных на Ближнем и Среднем Востоке и в остальном мире за год в базе данных *CNTS*, 1920–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

Как мы видим, на Ближнем и Среднем Востоке в 2011 г. наблюдался совершенно невероятный (на два порядка[3]!) рост уровня протестной активности, но и в остальном мире этот рост был в 2011–2012 гг. хоть и не столь масштабным, но тоже совершенно нетривиальным – там уровень протестной активности увеличился почти на порядок[4].

Имеются основания предполагать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние (обозначим его как *фазовый переход B*). При этом данный фазовый переход чем-то напоминает фазовый переход начала 1960-х гг. (обозначим его как *фазовый переход A*). На Рис. 9.1 этот фазовый переход А забивается масштабом фазового перехода В. Поэтому, чтобы лучше рассмотреть, имеет смысл представить этот график в логарифмическом масштабе (Рис. 9.3).

[3] Если в 2010 г. *CNTS* зафиксировала на Ближнем и Среднем Востоке только 5 крупных антиправительственных демонстраций, то в 2011 г. их число увеличилось до 307.

[4] Если в 2010 г. *CNTS* зафиксировала в остальных странах мира 37 крупных антиправительственных демонстраций, то в 2012 г. их число выросло до 208.

Рис. 9.3. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных *CNTS*, 1920–2012 гг., логарифмический масштаб

Источник данных: CNTS 2016.

Первый (после 1919 г.) фазовый переход состоялся в начале 1960-х гг. и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла[5]. Так, послевоенный период, и в частности 1950-е гг., ознаменовался рядом существенных трансформаций в сфере производства, распространения и восприятия информации. Так, в этот период обозначилась тенденция к развитию индустрии персональных компьютеров: в 1947 г. был изобретен биполярный транзистор, а к 1955 г. транзисторы заменили вакуумные трубки

[5] О кондратьевских волнах см., например: Гринин 2010*в*; 2012*г*; Гринин, Коротаев 2012; 2014*б*; Korotayev, Tsirel 2010; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011; Korotayev, Grinin 2012; Grinin, Korotayev, Tausch 2016.

в компьютерных конструкциях, что означало появление второго поколения компьютеров. Транзисторы обладали целым рядом преимуществ по сравнению с вакуумными трубками: они были меньше по размеру, требовали меньше энергии, выделяли меньше тепла, были более надежными и служили дольше [см., например: Lavington 1998].

Важные изменения коснулись и радиовещания. В 1954 г. компания *Regency* представила карманный транзисторный радиоприемник TR-1, питание которого осуществлялось от стандартной батарейки, а в 1955 г. новоиспеченная компания *Sony* предложила свой первый транзисторный радиоприемник – прочный и достаточно компактный, чтобы поместиться в кармане [Transistor Radios 1999]. Профессор Школы журналистики и медиаисследований Н. Арсено, размышляя о коммуникативности портативных средств связи, выделяет концепт взаимодействия между людьми и понятие включения, вовлечения. Он полагает, что к транзисторным приемникам может быть применено понятие индивидуальности, что означает возможность персонализации устройства и его модификации в соответствии с пожеланиями пользователя. Что касается связи между мобильным оборудованием и коммуникационной инфраструктурой, то в случае с портативными радиоприемниками это выразилось в их возможности принимать сигналы с удаленных вышек и таким образом объединять пользователей различных местностей, удаленных друг от друга географически [Arceneaux 2014]. Кроме того, радиоприемники предыдущей конфигурации в большинстве своем являлись стационарными объектами, располагавшимися в жилых помещениях или общественных местах, где их использование не могло остаться незамеченным. Портативные же устройства, позволяющие любому пользователю слушать то, что он хочет, в этом случае выглядели как бунт против представителей власти, привыкших контролировать традиционные каналы информации, выход из-под их контроля и отрицание их главенствующей роли в этих процессах[6].

И хотя глобальная информационная связанность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. Если до фазового перехода А *CNTS* фиксирует по 20–30 крупных антиправительственных демонстраций в год, то в начале 1960-х гг. этот уровень «подскакивает» к сотне.

[6] Подробнее об информационных технологиях четвертого кондратьевского уклада, а также о таких направлениях их развития, как минитюаризация и индивидуализация, см.: Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015.

Затем в 1964–1966 гг. (но особенно после пика конца 1960-х – в 1971–1973 гг.) следует ощутимый спад; однако к 1980-м гг. тот уровень глобальной протестной активности, который в начале 1960-х гг. оказался аномальным, становится уже вполне нормальным.

В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. она была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в *CNTS* до 1960 г.

Фазовый переход B был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, «Твиттер», мобильная телефония, социальные сети и т. п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Отметим, что, по наблюдению А. С. Малкова, технологически обусловленная динамика протестной активности в ходе предыдущего фазового перехода в чем-то напоминает динамику экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера[7] (Рис. 9.4).

Рис. 9.4. Стилизированная графическая репрезентация динамики экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера

[7] *Gartner's Hype Cycle*. Отметим, что имеющиеся в настоящее время в русскоязычной литературе обозначения этого цикла («цикл зрелости технологий», «цикл ажиотажа», «цикл шумихи», «цикл общественного интереса к технологиям», «цикл ожиданий от технологии», «цикл признания технологии») представляются не вполне удачными, и мы предпочитаем пользоваться транслитерацией данного понятия.

Итак, если эта гипотеза верна, то сейчас мы находимся на второй фазе этого цикла, в ходе которой наблюдается значительный спад протестной активности; однако за этим с высокой долей вероятности последует новая (не столь драматичная) фаза нарастания данной активности, после чего ее интенсивность стабилизируется, скорее всего, хоть и ниже пиковых значений 2011 г., но заметно выше уровня первой декады этого века.

* * *

Рост глобальной информационной связанности и совершенствование средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, «Твиттер», мобильная телефония, социальные сети и т. п.), объясняет характер и степень событий 2011 г. в арабских странах. В начале нового тысячелетия современные технологии стали «главным помощником» в хорошей организации протестных движений. SMS-сообщения, электронные письма и посты в социальных сетях, передаваемые по беспроводной связи, стали едва ли не ноу-хау арабских митингов, при этом революционная технология молниеносно копировалась в соседних странах.

Таким образом, мы можем констатировать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности подобно тому, что мы наблюдали в начале 1960-х гг. Это во многом было связано с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. В этой связи стоит говорить о принципе структурного подобия циклов эволюционного развития.

Глава 10. Арабская весна как квазисуперкритическое явление?

Основываясь на исследованиях в предыдущей главе, касающихся роли кондратьевских волн в протестной активности и событиях 2011 г., мы выдвигаем предположение о том, что с формальной точки зрения Арабскую весну можно рассматривать как квазисуперкритическое явление.

Общество – это среда, имеющая комплексную структуру связей между людьми. На определенном уровне его можно рассматривать как гигантскую сеть, состоящую из взаимоотношений между друзьями, супругами, деловыми партнерами и т. д., а с физической точки зрения – как пористую среду. Подобные среды широко известны такими свойствами, как самоорганизованная критичность, перколяция, степенное распределение размеров кластеров системы и др. В таких средах могут наблюдаться сверхбольшие суперкритические явления (Д. Сорнет предложил называть такие явления термином *dragon-kings* [см., например: Sornette 2009]). Они могут возникать в двух случаях – когда система находится под возрастающим стрессом (сценарий самоорганизованной критичности) либо когда в системе наблюдается рост проводимости (сценарий перколяции). В социальных системах первый сценарий типичен для негативных явлений – кризисов, войн, революций, финансовых коллапсов, распадов государств и др.

Второй сценарий более типичен для позитивных явлений, таких как возникновение городов, рост фирм, экономические чудеса, диффузия технологий, формирование социальных сетей и т. д. Если соблюдаются оба условия (растущий стресс и увеличение проводимости), это может привести к возникновению совершенно особенных крупных явлений, охватывающих если не все, то бóльшую часть человеческого общества, в различные исторические эпохи – к примеру, возникновение Монгольской империи, мировые религии, мировые войны, взрывообразный рост интернет-сервисов [см., например: Малков, Зинькина, Коротаев 2011; Malkov, Zinkina, Korotayev 2012].

В качестве примера можно привести суперкритические явления, встречающиеся в распределении «ранг – размер» городов целого ряда стран. Распределение «ранг – размер» для городов отдельной

страны обычно имеет степенной вид [подробнее см.: Малков, Зинькина, Коротаев 2011], который выглядит как прямая линия в двойной логарифмической шкале (см. Рис. 10.1. и 10.2).

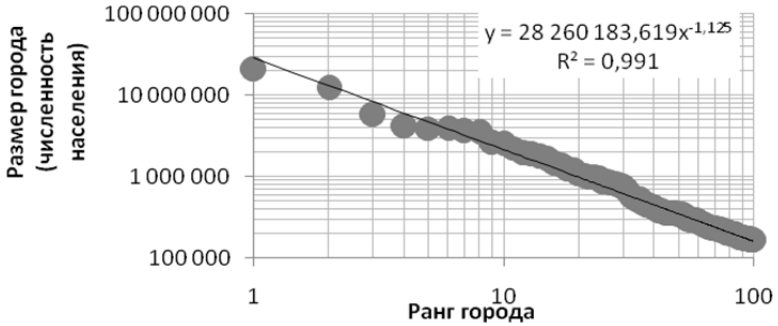

Рис. 10.1. Распределение «ранг – размер» (численность населения) бразильских городов на 2010 г., двойная логарифмическая шкала

Источник данных: World Gazetteer database 2011.

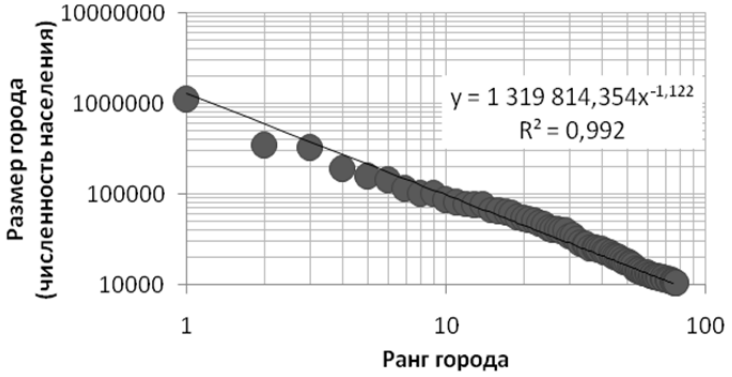

Рис. 10.2. Распределение «ранг – размер» (численность населения) болгарских городов на 2010 г., двойная логарифмическая шкала

Источник данных: World Gazetteer database 2011.

Однако иногда самые крупные города в некоторых странах существенно отклоняются вверх от прямой линии степенного распределения, вдоль которой остальные города оказываются тем не менее достаточно аккуратно выстроенными. Это хорошо видно на примере Египта (см. Рис. 10.3).

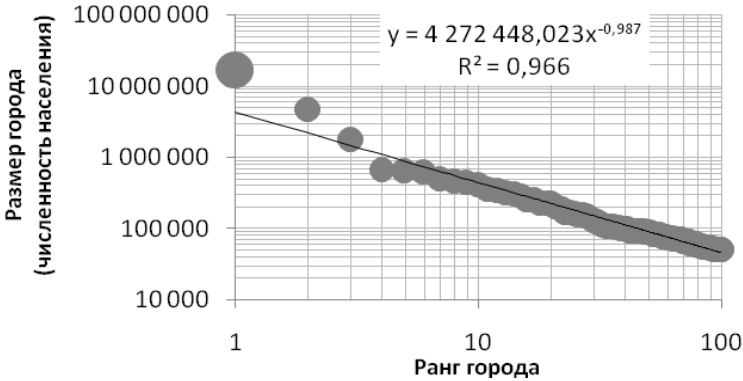

Рис. 10.3. Распределение «ранг – размер» (численность населения) египетских городов на 2010 г., двойная логарифмическая шкала

Источник данных: World Gazetteer database 2011.

Подобные явления, когда первый объект в совокупности имеет значимо больший размер, чем можно было бы ожидать исходя из степенного распределения, которому подчиняются достаточно точным образом остальные объекты совокупности, хорошо известны исследователям степенных распределений. Они и обозначаются как «суперкритические явления», «сверхъявления», «цари-драконы» (*dragon-kings*). Имеются определенные основания утверждать, что степенное распределение городов страны без значимых отклонений соответствует сбалансированной городской системе [см., например: Кирилюк, Малков С. Ю., Малков А. С. 2008: 117], в то время как присутствие в распределении «царей-драконов» указывает на то, что самый большой город страны является диспропорционально большим, что, наряду с прочим, может оказаться важным фактором социально-политической дестабилизации. Например, одним из достаточно важных факторов столь быстрого падения режима Х. Мубарака в 2011 г. было как раз то обстоятельство, что Каир занимает место «царя-дракона» в распределении «ранг – размер» для городов Египта, это подразумевает аномально высокую концентрацию неудовлетворенного взрывоопасного социального элемента (и прежде всего высокообразованной безработной или другим образом не устроенной, например, работающей не по специальности) молодежи в самой непосредственной близости от центров политической власти, что и сделало возможной столь легкую организацию

«демонстраций миллионов» и т. п. (подробнее об этом см., например: Коротаев, Зинькина 2011*а*; 2011*б*; 2012).

Распределение «ранг – размер» за период между 1919 и 2012 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций выглядит следующим образом (см. Рис. 10.4).

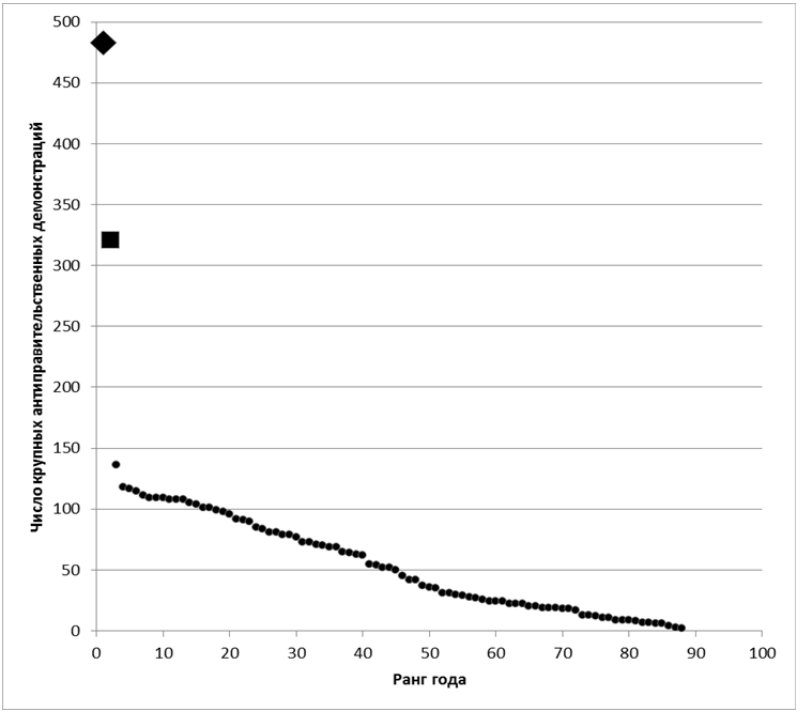

Рис. 10.4. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 2012 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций

Источник данных: CNTS 2016.

На этом графике по оси абсцисс отложены ранги годов, где первый ранг, обозначенный ромбом в левом верхнем углу, соответствует году, в который было зафиксировано наибольшее число крупных антиправительственных демонстраций, второй ранг (обозначен черным квадратом) – году со вторым по величине числом демонстраций. По оси же ординат отложено само число демонстраций,

зарегистрированных в *CNTS* в соответствующем году. При этом черный ромб в левом верхнем углу соответствует 2011 г., а находящийся под ним квадрат – 2012 г. Нетрудно видеть, что распределение на этом графике достаточно сильно напоминает распределение «ранг – размер» на предыдущем графике с присутствующим там суперкритическим явлением *dragon-king* в виде Каира и, кстати, *dragon-queen* в виде Александрии. Все-таки годы последнего фазового перехода здесь в полной степени назвать суперкритическими явлениями нельзя. Дело в том, что, согласно Д. Сорнету, о «царях-драконах» можно говорить только в том случае, когда первое по рангу явление радикально отклоняется от линии степенного распределения, вдоль которой выстраиваются все остальные случаи. Мы же в нашем случае имеем дело с радикальным отклонением первого (и второго) по рангу явления от (как мы увидим ниже) линии линейного распределения.

Поэтому здесь лучше, видимо, говорить не о суперкритических, а о квазисуперкритических явлениях. Однако и сходство для обоих случаев достаточно очевидно – в обоих речь идет о радикальном отклонении первого-второго явления от линии распределения, вдоль которой выстраиваются все остальные случаи; однако в разных случаях имеют место разные законы распределения. Действительно, при отбрасывании первых двух случаев (соответствующих годам второго фазового перехода, 2011 и 2012 гг.) оставшиеся случаи описываются линейным уравнением практически идеально (экспоненциальное же и степенное уравнения описывают его значительно хуже) (см. Рис. 10.5).

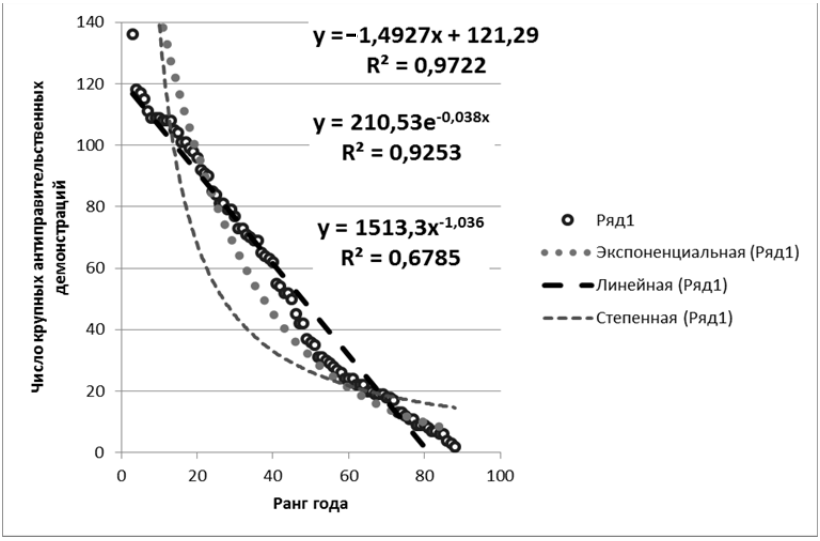

Рис. 10.5. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 2010 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

Примечательно, что при добавлении всего лишь двух лет последнего фазового перехода распределение начинает уже значительно лучше описываться экспоненциальной или степенной (а не линейной) моделью (см. Рис. 10.6).

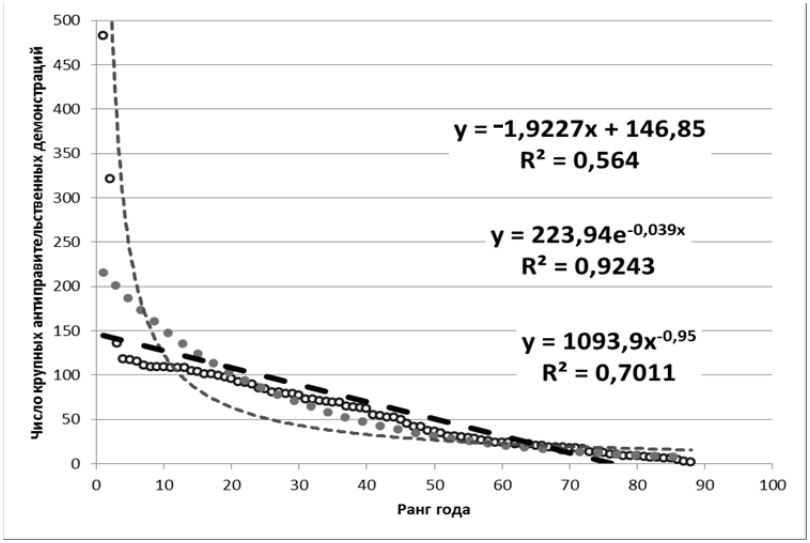

Рис. 10.6. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 2012 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

Интересно, что такое же явление мы наблюдаем и применительно к первому фазовому переходу. Действительно, если мы берем годы, предшествовавшие первому фазовому переходу, то есть 1919–1959 гг., то снова получаем практически идеальное линейное распределение (см. Рис. 10.7).

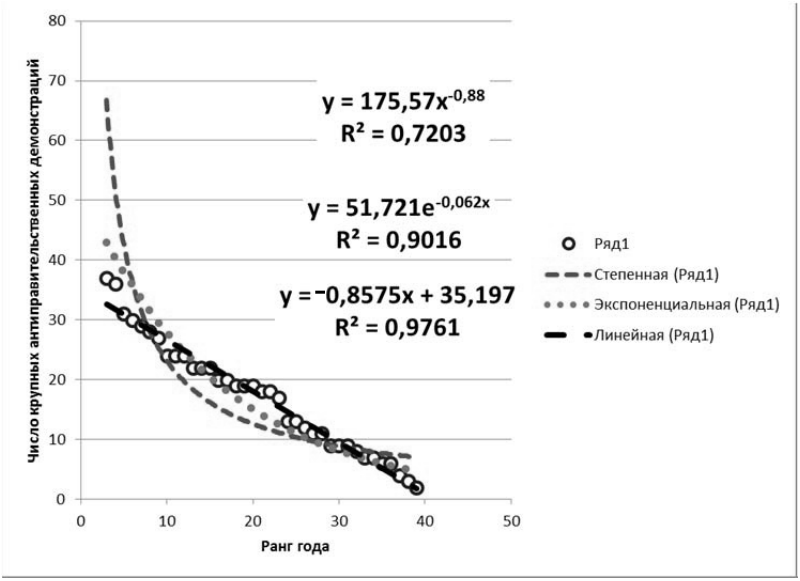

Рис. 10.7. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 1959 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

Однако и здесь, как только мы добавляем годы, соответствующие первому фазовому переходу, распределение начинает значительно лучше описываться степенными и экспоненциальными моделями (см. Рис. 10.8).

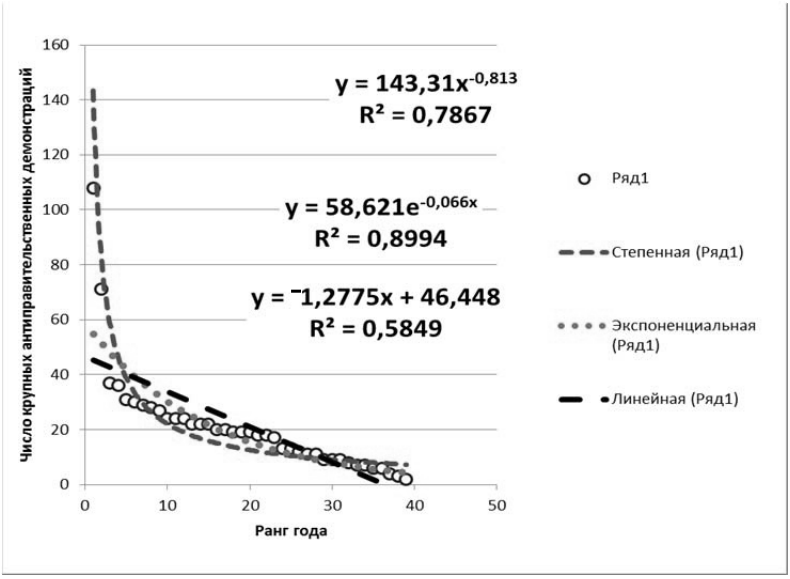

Рис. 10.8. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 1963 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

* * *

Как уже было сказано в предыдущей главе, в последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности. В 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг., однако превосходя любые уровни, зафиксированные в *CNTS* до 1960 г. Второй фазовый переход был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (см. *Главу 9*).

И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реа-

лизовался скачкообразно. Это дает нам основания рассматривать рост социально-политической нестабильности, начавшийся с волнений в арабских странах, в качестве суперкритического явления с той лишь оговоркой, что в нашем случае мы имеем дело с радикальным отклонением первого (и второго) по рангу явления от линии линейного распределения. Ввиду этого Арабскую весну лучше интерпретировать в категориях не суперкритических, а квазисуперкритических явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой порядок, его изменения в истории и наступающий период глобальной турбулентности

Когда вскоре после Первой мировой войны в связи с созданием Лиги Наций американский президент Вудро Вильсон использовал фразу «новый мировой порядок», надеясь, что удастся наконец создать систему международной безопасности и поддержания мира, политический порядок на Западе насчитывал уже не одну сотню лет. В отношении истории, разумеется, более точно говорить о международном порядке, поскольку европейский порядок далеко не сразу стал мировым. А до европейского зачатки международного порядка были в других регионах Мир-Системы (наиболее известным из которых является Pax Romana). Таким образом, как и в отношении глобализации, поиск истоков мирового порядка ведет глубоко в древность. Человечество прошло большой и драматический путь в плане выработки определенных международных правил и принципов сосуществования, который имеет смысл проанализировать с точки зрения того, как полученный опыт можно использовать для объяснения современного состояния и предвидения будущих трансформаций. Очевидно, что развитие глобализации не может не завершиться тем или иным вариантом институционализации отношений во внешнеполитической сфере, хотя путь к этому сложен и противоречив. Данный раздел посвящен анализу мирового порядка в прошлом, настоящем и будущем.

Предыстория формирования мирового порядка

Политика как особая сфера отношений, связанная с распределением власти [Смелзер 1994], возможно, существовала с момента верхнепалеолитической революции. Политическая сфера стала отделяться от остальных на уровне сложных обществ [Grinin 2009; 2012*a*; Гринин 2011*a*]. При этом внешняя политика, то есть отношения между самостоятельными сообществами, едва ли не древнее политики внутренней [о войнах в примитивных обществах см., например: Keeley 1996]. Но очевидно, что отношения между государствами могли возникнуть только после того, как сложилась какая-либо система ранних государств, а произошло это лишь в начале III тыс. до н. э. В конце III тыс. до н. э. появились уже первые крупные и организованные государства. С этого времени можно говорить о циклах политической гегемонии и о перманентной

борьбе за лидерство [Frank, Gills 1993]. Одна за другой сменяют друг друга ранние империи, период реальной гегемонии каждой из которых не превышает 100 лет: Аккадское царство Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н. э.), государство III династии города Ура (XXII–XX вв. до н. э.), Старовавилонское царство (XIX–XVII вв. до н. э.). В те времена данный регион представлял собой наиболее передовую (и наиболее крупную) часть культурной ойкумены. Поэтому столкновения в его пределах вполне можно рассматривать как предтечу борьбы за мировой порядок. Наиболее известными эпизодами этой борьбы в центре Афроевразийской мир-системы были соперничество между Египтом Нового царства, Митанни, Ассирией и Хеттским царством (середина и вторая половина II тыс. до н. э.)[1], возвышение Новоассирийской империи (VIII–VII вв. до н. э.), образование коалиции против Ассирии (в составе Египта, Нововавилонского царства, мидийцев), а также разгром Ассирии и разрушение ее столицы Ниневии в конце VII в. до н. э. После этого на арену вышло сначала Мидийское царство (673–550 гг. до н. э.), а затем и Персидская империя Ахеменидов (550–331 гг. до н. э.). Эта первая мировая держава погибла в результате побед Александра Македонского, разделившаяся империя которого создала мир эллинистических империй, соперничавших между собой вплоть до завоевания их Римом. Борьба за гегемонию во многом способствовала развитию государственности и ее распространению, а также созданию государства нового типа [то есть развитых государств; см.: Гринин 2009*б*; 2010*б*; 2016*а*].

Бурное формирование мировых империй в районе Ближнего и Среднего Востока, Европы и Китая к началу нашей эры на время прекращается, создав на дальних рубежах Афроевразийской мир-системы два наиболее крупных образования: Римскую империю, которая становится образцом Pax Romana, и китайские империи, переживающие периоды подъема и распада. Затем в первом тысячелетии нашей эры мы видим временный период крушения существующего порядка и медленное создание нового (уже скорее на идеологических основах) и в Европе, и на Среднем Востоке.

[1] В итоге сложных политических событий Митанни и Хеттское царство исчезли с политической карты, а Египет Нового царства в конце II тыс. до н. э. ослабел и стал терять территории. Отметим, что эта борьба вела к быстрому распространению инноваций, в частности металлургии железа в конце II и первой половине I тыс. до н. э. К сожалению, с самых древних времен и до сих пор складывается практика, когда ожесточенная борьба на внешних театрах является двигателем технического прогресса.

Появляющиеся крупные державы и цивилизации вступают в борьбу с кочевым миром. Именно кочевники оказываются способными к объединению обширных территорий. Возникают, говоря современным языком, нации-армии. Борьба оседлых и кочевых политий, таким образом, стала одним из важнейших процессов, вокруг которых строились контуры политической карты Мир-Системы [см. об этом: Гринин 2013*в*; Grinin, Korotayev 2013; 2014*b*; Гринин, Коротаев 2016].

К концу Средних веков и началу Великих географических открытий (мощной экспансии глобализации) политическая картина формирующейся Мир-Системы претерпела многократные изменения, объединения и распады. К этому времени уже сформировались некоторые идеи и принципы, а также тренды и паттерны, которые играли в дальнейшем важную роль в формировании мирового политического порядка. Во-первых, нельзя не заметить длительные периоды колебания, связанные то с установлением определенного баланса сил, то с нарушением этого баланса, ведущего к серьезным изменениям. Эти колебания прослеживаются и далее вплоть до современности. Г. Киссинджер, самый известный американский дипломат XX в., считает понятие баланса сил исключительно важным и уделяет ему очень большое внимание [Киссинджер 1997]. Во-вторых, можно выделить некоторые факторы, которые особенно влияли на изменение баланса. Выше мы отмечали технологический фактор. Важную роль начал играть также фактор идеологический. Длительное время борьба за гегемонию практически не имела идеологического характера, являясь лишь показателем успехов и величия того или иного правителя. С периода Греко-персидских войн появляется идея противопоставления Азии и Европы, а также идеологической модели борьбы между культурным центром и варварской периферией (доктрина, нашедшая последовательное идеологическое выражение сначала в средневековом Китае, а затем в идеологии колониализма). Идеологическая борьба становится важной частью внешнеполитической деятельности уже в начале нашей эры[2], но особенно усиливается в результате противостояния ислама и христианства. Идеологический фактор, таким образом, включается в качестве постоянного и важного в процесс влияния на форми-

[2] Так, сасанидские правители в Персии начинают активно покровительствовать зороастризму, преследовать манихеев и затем христиан [Петрушевский 1977; Грантовский 1987]. Христианские правители начинают распространять христианство и преследовать еретиков и т. д.

рование международного порядка (см. ниже). Он и сегодня властно напоминает о себе, хотя и не является первичным источником конфликта в мире после холодной войны, как нередко трактуют идеи С. Хантингтона [1994; 2003]. Среди политических идей нельзя не отметить проблематику легитимности политического порядка в государстве; проблемы легитимации, в свою очередь, тесно связаны с формированием внутренней и внешней политики. Институционализация идеологических противостояний в Новое время становится важной основой политического порядка.

Великие географические открытия обозначили новые векторы в процессе формирования мирового порядка. Во-первых, арена реально расширилась до глобальной. Во-вторых, началось формирование особого типа колониализма как источника производственных накоплений метрополии, что характеризовало мировую политику в течение последующих четырех с половиной веков. В-третьих, начинается формирование центра и периферии Мир-Системы, то есть модели, которая не утратила своего значения во внешней политике до сих пор.

Формирование мирового порядка

Международный порядок как некая система отношений и представлений о том, на каких принципах должны выстраиваться отношения между странами и в целом в мире, стал формироваться в XVI в., когда начали зарождаться дипломатические отношения и просматриваться контуры системы «великих держав» в Европе, а также система колониальных империй[3]. Прообраз правовых принципов системы международных отношений наметился в результате Вестфальского мира 1648 г., завершившего опустошительную Тридцатилетнюю войну в Центральной Европе. Эти принципы развивались затем в течение более двух сотен лет [о Вестфальской системе см.: Rayner 1964; Parker 1997; Spruyt 2000]. Особенно следует отметить принципы суверенитета и легитимности верховной власти, реализованные во внутренней политике, прежде всего в праве

[3] Наполненный страстной идеологической борьбой XVI век важен и в смысле формирования принципов современной дипломатии с прообразами постоянных послов и посольств, определенными правилами и защитой дипломатов [Сказкин 1940: 175–177; Дэвис 2005: 384]. Формирование национальных государств, включившихся в постоянные войны, порою приобретавшие общеевропейский характер, имело своим следствием развитие форм современной дипломатии, в чем особо важную роль сыграли итальянские государства и государи, включая папу Льва X [Косминский 1940: 156–166; Сказкин 1940: 175].

решения вопросов войны и мира [см.: Гринин 2008*а*; 2009*б*; Гринин, Коротаев 2016]. Принцип легитимности позднее выдвинулся на первый план в ходе Великой французской революции.

Тридцатилетняя война в значительной мере продолжала в общеевропейском масштабе традицию религиозных войн XVI в. Но в то же время она ввела во внешнюю политику два новых принципа, впоследствии широко использовавшихся: 1) поддержание международного баланса сил путем помощи более слабой коалиции против сильной; 2) приоритет национальных интересов перед иными (религиозными, идеологическими и т. п.). Оба этих принципа сформулировал и реализовывал кардинал Ришелье [Киссинджер 1997], который, несмотря на то, что Франция была католической державой, в итоге вступил в войну на стороне более слабой коалиции протестантских государств против угрожавшей мировой гегемонией империи Габсбургов [Дэвис 2005: 385–386]. Именно в ослаблении Габсбургов, а также недопущении консолидации слабо интегрированных и разобщенных конфессионально германских государств Ришелье (как позже и Людовик XIV) видел национальный интерес Франции, позволявший ей эффективно влиять на общеевропейские дела. С учетом того, что сам Ришелье являлся католическим кардиналом, это был смелый шаг, который, однако, делал внешнюю политику еще более циничной, чем ранее. С этого времени мы наблюдаем тренд, когда формирование внешней политики европейских государств начинает строиться в русле определенных стратегем и принципов.

Об основных факторах, влияющих на формирование европейского/мирового порядка. Как уже было сказано, вопрос баланса сил в международной системе и его нарушения являются центральными для понимания и внешней политики тех или иных государств, и общей конфигурации европейских и мировых отношений. В частности, осознанная внешняя политика ряда государств (особенно Франции, а позже Англии) позволяла им путем целенаправленных действий формировать разнообразные военно-политические союзы, так или иначе выравнивая этот баланс в свою пользу[4]. Зная это, проще понимать логику формирования данных

[4] В этом выравнивании баланса содержится смысл высказанного лордом Палмерстоном принципа: Англия не имеет вечных союзников и постоянных врагов. Вечны и постоянны только ее интересы (England has no eternal allies and perpetual enemies. Its interests are eternal and perpetual).

порой причудливых союзов в течение XVIII и XIX вв., а также постоянных переходов их участников из одного лагеря в другой.

Конечно, этому способствовала особенность европейской геополитики того периода: множество государств, отсутствие явного гегемона и система великих держав. А, например, в Китае геополитический расклад был связан с тем, что это государство (Срединная империя) неизбежно занимало в регионе центральное место по всем параметрам, что препятствовало развитию современной дипломатии и формированию представлений о внешней политике как о сложной системе более или менее равных держав. Основные идеи китайской политической мысли концентрировались на том, как защитить государство, натравить варваров на варваров, обеспечить успешность походов против кочевников и т. п. Неудивительно, что европейскую систему позднее оказалось возможным частично перенести на общемировой уровень, а китайскую – нет.

Баланс сил между державами мог меняться в связи с самыми разными явлениями, включая внутренние мятежи, пресечение династий и т. п. Среди долгосрочных процессов необходимо отметить неравномерность в росте населения, территории, богатства, промышленности, торговли[5]. Но все это должно было конвертироваться в военную мощь. Пороховые и военные революции [Downing 1992] привели к формированию нового типа армий [Мак-Нил 2008], что также способствовало государственному строительству и формированию нового типа (зрелых) государств [см.: Grinin 2008*a*; Гринин 2016*a*]. Совершенствование мореходства привело к торговой экспансии Голландии, а затем в результате военно-морских побед в XVII в. эту эстафету подхватила Англия, надолго став «владычицей морей». Результат развития военной техники мы видим в успехах шведской армии в XVII в., прусской и российской – в XVIII в. Но в рамках нашего исследования особенно важно отметить технологические инновации, конвертируемые в военное преимущество, поскольку значимость этого фактора со временем нарастала. Так, Крымская война (1853–1856 гг.) была выиграна Францией и Англией у России именно в результате технологического превосходства.

[5] Так, выход на авансцену в XVI в. Португалии и Испании был связан с их колониальными успехами и огромными богатствами, которые потекли в их казну, в то время как эти же открытия обрекли итальянские торговые государства на постепенный упадок.

По мере формирования массовых армий, а также полного перехода к индустриальному принципу производства исключительно важным фактором стала общая экономическая мощь государства и его обеспеченность ресурсами. Именно суммарное экономическое превосходство предопределило впоследствии победу коалиций над Германией в обеих мировых войнах. В современных условиях с появлением более точных экономических инструментов измерения сравнение экономической (и финансовой) силы дает возможность более оперативно фиксировать тенденции изменения баланса сил.

Наконец, хотя и нерегулярно, но довольно резко баланс сил мог нарушаться в результате смены идеологической парадигмы. И поскольку она также существенно меняла представления о легитимности власти и правомерности ее действий, это неизбежно вызывало обострение международных отношений и войны между идеологическими противниками. В XVI–XVII вв. мы видим результат этого нарушения в период Реформации, религиозных войн и затем в упорядочении разделения Европы на протестантскую и католическую. Новым идеологическим кризисом, подготовленным десятилетиями активной научно-общественной деятельности века Просвещения, стала Великая французская революция (в конце XVIII в.), подорвавшая святость монархии и аристократии. Итогом этого стала почти четвертьвековая череда бесконечных войн, коалиций, триумфа и падения Наполеоновской империи, упразднений и восстановлений монархий. Новый идеологический поворот начался уже после Первой мировой войны как результат глубокого кризиса мирового порядка, а после Второй мировой войны идеологический раздел (между социализмом и капитализмом) стал ведущей конструкцией нового мирового порядка.

Хотя этот факторный анализ установления и изменения мирового порядка явно неполон, тем не менее, даже опираясь на выявленные факторы, можно многое объяснить в причинах и результатах эволюции мирового порядка, а также попытаться применить этот анализ для прогнозирования контуров будущего мирового порядка.

От «Концерта великих держав» к однополярному миру. Система «великих держав» действовала с XVII в. до середины XX в. Естественно, что состав этих государств менялся, и каждая такая смена была связана с заметным изменением сложившегося порядка. В XVII в. на место в ряду таких держав периодически претендо-

вала Швеция, но в результате Северной войны с Россией она утратила свое значение, а Россия, напротив, вошла в состав «великих держав». Различные европейские государства, особенно Франция, также активно пытались использовать для сохранения или изменения баланса сил Турцию, но полноценно в систему европейского мира она не вошла. В XVIII в. при Фридрихе II в этот «клуб» вступила Пруссия. После этого пул великих европейских держав почти на столетие стабилизировался (Франция, Англия, Пруссия, Австрия, Россия).

Текущие подвижки в балансе сил в Европе в XVIII в. происходили главным образом в связи: а) с удачными реформами государственного управления и реорганизацией армий (примерами чего являются Россия и Пруссия); б) ростом торговли и богатства; в) техноэкономическим подъемом (его продемонстрировала Англия в результате так называемой аграрной революции и завершающей фазы промышленной революции). В результате именно Англия во второй половине XVIII в. стала управлять балансом сил в Европе, объединяясь то с одним государством, то с другим, создавая и разрушая коалиции. В результате различных изменений исчезла с карты Европы Польша, в полный упадок пришли прежние ведущие державы Испания и Португалия, эта же причина практически свела на нет роль Генуи и Венеции. А технологическое отставание Голландии, которая была лидером в XVII в. [Arrighi 1994], привело к серии ее поражений в войнах и утрате политической роли.

В этом столетии не было крупных идеологических переломов, но идея национального государства и национальных интересов все более укреплялась, хотя ей еще долго пришлось пробивать себе дорогу к всестороннему признанию.

Существенной вехой на пути формирования принципов и форм контроля над международными отношениями стал Венский конгресс 1815 г. и возникший в результате его работы Священный союз монархов. Последние стремились сохранить в Европе статус-кво и сообща бороться с революциями. Этот новый идеологический поворот знаменовал возврат к принципу легитимности монаршей власти. Тогда же возникла концепция и достаточно эффективная система Европейского концерта (главным образом из перечисленных выше пяти великих держав), призванного поддерживать равновесие и баланс сил и не доводить проблемы до войн. Она предусматривала многостороннюю дипломатию и возможность ре-

гулярных международных конференций. Система просуществовала до Крымской войны 1853 г. (но в некоторых аспектах – и до 1914 г.). По мнению Киссинджера, этот Европейский концерт, который черпал свое вдохновение в принципах Вестфальского мира 1648 г. и был основан на идее равновесия сил, в известной мере является образцом для модели мирового порядка и сегодня [Киссинджер 1997; Kissinger 2014]. Действительно, поскольку современный мир отходит от однополюсности, не исключено, что и будущая мировая система сформирует нечто вроде такого «концерта», например, нескольких ведущих союзов государств (см. ниже).

В связи с ростом колониальной активности с первой половины XIX в. в сферу мировой политики вовлекаются азиатские страны (Китай, Япония, Сиам и др.), одновременно образуется множество новых государств в Латинской Америке. Таким образом, начинает формироваться буквально мировой порядок; но главные события по-прежнему происходят в Европе.

Стремление к формированию обновленной легитимации власти являлось значимым фактором в европейской политике в течение 1815–1848 гг., порой идя вразрез с национальными интересами стран. Однако революционная волна 1848–1849 гг., индустриализация Европы и смена власти во Франции в итоге подорвали эту идеологию, заменив ее на более откровенную и циничную. Последняя была связана с политическим лавированием в поисках новых комбинаций союзов, которые позволили бы приобрести те или иные выгоды вне зависимости от идеологической близости режимов или их взаимной антипатии. Позднее такую политику в Германии времен Бисмарка окрестили Realpolitik. Эта деидеологизация в определенной степени объясняет череду различных союзов и коалиций между «великими державами» с 1870-х гг. до начала XX в., которые были, однако, не слишком устойчивыми. Главным инициатором таких союзов выступал немецкий канцлер О. Бисмарк, по общему признанию, непревзойденный мастер комбинаций и компромиссов.

В ходе Венского конгресса был создан Германский союз (вместо упраздненной Наполеоном Священной Римской империи германской нации). Хотя число немецких государств уменьшилось с трех сотен до четырех десятков, в целом Центральная Европа оставалась разобщенной. Но именно это считалось важнейшей составляющей баланса сил, а сохранение такого состояния Германии бы-

ло важнейшей целью национальной политики Франции, Англии, а также всех остальных держав. Соперничество за влияние в этой части Германии определяло политику двух крупнейших немецких государств – Пруссии и Австрии.

Вот почему главным изменением в Европе в начале 1870-х гг. стало объединение Германии под властью Пруссии, произошедшее в результате нескольких победоносных для Пруссии войн (благодаря искусной политике Бисмарка и ошибкам Австрии и Франции). Это сразу же резко изменило баланс сил, так как в центре Европы образовалось государство, превосходившее по силе любую другую державу. Соответственно, для Франции возникла острейшая необходимость найти себе союзника, поскольку после поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Германия продолжала быть угрозой для этой страны, а французы мечтали о реванше. Бисмарк, в свою очередь, опасался войны для Германии на два фронта, поэтому стремился заручиться союзом с Россией. Но после его отставки (1890 г.) противоречия между Россией и Австро-Венгерской империей на Балканах привели к тому, что Россия и Франция заключили союз против Германии (1892 г.), а затем появился договор между Францией и Англией (Антанта, 1904 г.)[6]. Военно-экономическое усиление Германии заставило Англию в соответствии со своей излюбленной стратегией присоединиться к менее мощной группировке, чтобы ослабить ведущую континентальную державу, какой стала объединенная Германия. Быстрое развитие промышленности европейских держав, взрыв технических инноваций, серьезные изменения в средствах войны – все это подталкивало соперников (особенно Германию) к тому, чтобы изменить баланс сил путем военной победы.

От баланса сил к однополюсности. Так сформировались военно-политические союзы, Европа оказалась разделенной на два противостоящих блока. Первая мировая война стала итогом этих процессов, политическая карта мира и расклад сил в нем принципиально изменились. С включением в состав ведущих игроков

[6] В конце XIX – начале XX в. причины для напряженности и конфликтов между державами в значительной степени были связаны с окончательным разделом мира на колониальные владения и сферы влияния. Несколько раз это ставило мир на грань войны. Но в 1903–1907 гг. споры между Францией и Англией, а также между Россией и Англией удалось урегулировать ради военного союза. Однако напряженность по поводу колоний и сфер влияния между Германией и Францией, Россией и Австро-Венгрией стала одной из важных причин Первой мировой войны.

Японии и США политика стала уже подлинно общемировой, даже появился первый всемирный орган, пытавшийся влиять (правда, не всегда результативно) на формирование новых принципов международных отношений, – Лига Наций.

Но мировой порядок после Первой мировой войны установился лишь на очень короткое время. Радикальные изменения, произошедшие в это время, включая появление СССР, развитие новых систем вооружения, грандиозный экономический кризис, нежелание Германии признавать наложенные на нее ограничения и другие причины привели к новому обострению отношений и новой войне.

Мировой порядок, который установился после Второй мировой войны, имел существенные отличия от предыдущих вариантов. Во-первых, теперь имелись только две сильнейшие державы (США и СССР), то есть мир стал двуполюсным, а затем и двублоковым (НАТО и Организация стран Варшавского договора). Во-вторых, он формировался по идеологическим основаниям. Подобные основания никогда прежде не лежали в основе мирового порядка. Также и создание устойчивых идеологических блоков произошло на мировой арене впервые. Не исключено, что именно идеологизация и обеспечила довольно длительное существование послевоенного мирового порядка.

Вообще говоря, в каком-то сложившемся и достаточно устойчивом виде мировой порядок, который так или иначе признавался и поддерживался ведущими силами, обычно держался максимум три-четыре десятилетия, а то и меньше. Система, существовавшая до Великой французской революции (1789 г.), действовала менее 30 лет. Она возникла после Семилетней войны (то есть после 1763 г.) и была уничтожена в 1790–1791 гг. Порядок, установившийся после Наполеоновских войн и Венского конгресса, был разрушен революциями 1848–1849 гг. и Крымской войной, то есть просуществовал менее тридцати пяти лет. Следующая система мирового порядка начала формироваться после образования Германской империи (1871 г.). Но она окончательно сложилась только в начале 1890-х гг. и была разрушена Первой мировой войной, просуществовав менее 20 лет. Версальский мир (1919 г.) был грубо нарушен Германией уже в 1935 г. Таким образом, мировой порядок после Второй мировой войны с 1945 по 1990 г., державшийся 45 лет, стал своего рода рекордом.

Современное состояние мирового порядка и его проблемы

Разворот к Pax Americana в конце XX в. Распад социалистического блока и Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. разрушил прежний мировой двублоковый порядок. Поскольку после краха СССР начал устанавливаться однополярный мир, то и представления о новом мировом порядке часто проецировались на убеждение в безраздельном господстве западных экономик, институтов и идей [см., например: Attali 1991], совершенствующих остальной мир. Более того, характеристики нового мирового порядка в ряде работ стали едва ли не синонимичны идее Pax Americana [см., например: Бжезинский 1998; Collins 2002: 118]. Идеи Г. Киссинджера [1997; 2002] о поиске новой системы равновесия сил были исключением, и это неудивительно. К тому времени США, в отличие от предшествующих мировых лидеров, сосредоточили в своих руках ключевые ресурсы лидерства: от технологических, финансовых и военных до научных и культурных. Это был первый (и, видимо, последний) случай в мировой истории.

Ниже сформулирован ряд характерных черт и методов современной американской внешней политики[7] [подробнее см.: Гринин 2015].

1. Высокомерие сверхдержавы, злоупотребление силой в ущерб дипломатии, в том числе в отношении союзников. С 1945 г. США осуществили много войн и интервенций, но их частота существенно возросла в последние два десятилетия – с 1991 по 2011 г. [см., например: Ларисон 2015; Хэрланд 2015].

2. Использование так называемой «мягкой силы» (эвфемизм вмешательства во внутренние дела с помощью различных методов, действия через всякого рода НГО и НКО в координации с разведкой и спецорганами) для оказания влияния на правительства, законодателей, бизнес и пр. При необходимости – осуществление подрывной деятельности и переворотов, «цветных революций». Все более активное использование разведданных и электронной слежки для контроля над политиками стран-союзниц.

3. «Дипломатия доллара» через займы, помощь, влияние международных финансовых организаций, усилившаяся благодаря на-

[7] Подобные черты, конечно, в той или иной степени имеют место и в политике других стран, но в не столь выраженном виде, как в США.

вязыванию определенных правил работы для национальных центральных банков.

4. Узкий прагматизм внешней политики, доходящий до того, что одни действия начинают противоречить другим, а главное – общим целям внешней политики и интересам страны, намерение добиться капитуляции противника и недостаточное стремление к компромиссам, которые могли бы обеспечить сотрудничество в будущем.

5. Идеология исключительности, навязывание собственных стандартов (в том числе в политическом и юридическом устройстве); чрезмерное влияние внутриполитической борьбы на внешнюю политику.

Бесспорно, все эти практики имели место и ранее, но в последние двадцать лет они стали нагляднее и откровеннее, а их обоснование – намного слабее. События 11 сентября 2001 г. развеяли представление о том, что США недосягаемы для противника и могут наносить удары, не опасаясь возмездия. По мнению некоторых авторов, этот момент стал поворотным пунктом в политике Соединенных Штатов, многие черты и методы их внешней и внутренней политики становятся гипертрофированными. США отказываются от собственных принципов свободы, начинают слежку за собственными гражданами, а также за лидерами и населением других стран. Они окончательно теряют уважение к нормам международного права и принципу государственного суверенитета [Хэрланд 2015].

Глобализация и кризис однополярного мира. Как уже было сказано, международный баланс сил весьма существенно зависит от неравномерности экономического и технологического развития стран мира. За последние три-четыре десятилетия в этом плане именно глобализация постоянно и значительно влияла на изменение мирового порядка. Она способствовала разрушению послевоенного порядка и установлению полной гегемонии США. Но впоследствии вполне закономерно начались изменения баланса экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. Одной из главных причин, послуживших этому, стала так называемая деиндустриализация, то есть переход значительной части промышленности, экономики и технологии из развитых в развивающиеся страны[8]. В результате замедлился экономический рост в западных

[8] Подробнее о том, как и почему глобализация изменила расклад в мире, см.: Гринин 2013*а*; Grinin, Korotayev 2015.

государствах и возросла роль остального мира (развивающихся стран). То есть в целом, хотя это и звучит для многих непривычно, к настоящему моменту глобализация оказалась полезна развивающимся странам даже больше, чем развитым.

В результате к началу глобального экономического кризиса 2008 г. представления о новом мировом порядке с западной гегемонией вошли в явное противоречие с реальными процессами. Ведь за эти менее чем двадцать лет (с 1991 г.) на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстроразвивающихся стран (от Мексики до Малайзии и Эфиопии). Они продолжают расти (хотя и не без трудностей) и займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем.

Таким образом, именно глобализация, которую Америка активно навязывала миру и в которой видят источник трудностей развивающихся государств, сделала данную тенденцию ослабления богатых стран и усиления бедных неизбежной. В этом заключается логика истории, которую, правда, все еще до конца не поняли: развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии [см.: Гринин 2013*a*; 2015; Grinin, Korotayev 2014*a*; 2015; Grinin 2016; Grinin *et al.* 2016].

Закат лидерства США и Запада. Возможен ли возврат? Экономические кризисы начала XXI в. сделали процесс ослабления лидерских возможностей США достаточно явным. Однако о неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970–1980-х гг. [Kennedy 1987]. С 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться [см., например: Arrighi 1994; 2007; Валлерстайн 2001; Франк 2002; Buchanan 2002; Капхен 2004; Тодд 2004; Mandelbaum 2005; Мир… 2009; NIC 2012; см. также: Пантин, Лапкин 2006; 2014; Гринин 2009*a*; Grinin, Korotayev 2010*a*; 2010*b*; 2015]. Сначала такие прогнозы воспринимались скептически. Однако по мере нарастания негативных явлений в Америке и успехов азиатских стран идея о закате США представлялась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. С 2008 г. появляется все больше статей (причем неко-

торые опубликованы еще до начала глобального кризиса), в той или иной мере утверждавших мысль, что американское могущество сокращается, США перестают быть абсолютным гегемоном, однополярный мир трансформируется и т. п. [см., например: Закария 2008; Милн 2008; Haass 2008; Le Monde 2008]. Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например: «Иллюзорность американского могущества» [Гринуэй 2008]; «Конец американской эпохи?» [Кеннеди 2009]; «Падение Америки создает опасные возможности для ее врагов» [Tisdall 2008]; «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» [Грей 2008]; «“Американский век” на закате» [Reid 2008]. Такого рода статьи постоянно появлялись и появляются [см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015]. Похоже, гегемонии США, которая длилась более шестидесяти лет, приходит конец. Рано или поздно Соединенные Штаты Америки не смогут более быть лидером Мир-Системы в привычном для нас смысле, в результате чего геополитический ландшафт мира серьезно изменится (см. ниже). Роль США и Запада сократится, а развивающихся стран (особенно крупных) – возрастет.

В 2008 г. Фарид Закария, известный политолог и редактор *Newsweek International*, писал, что у США есть два варианта. Они могут укрепить формирующийся миропорядок, сотрудничая с новыми «великими державами», поступившись частью своего могущества и привилегий, и согласиться с тем, что завтрашний мир будет отличаться разноголосицей и многообразием точек зрения. Или же они могут пассивно наблюдать за тем, как «взлет других» порождает рост национализма и раздробленности, который постепенно разорвет в клочья тот миропорядок, который США строили последние 60 лет [Закария 2008; 2009]. Но он ошибался. Соединенные Штаты, едва восстановившись после кризиса, избрали третий вариант – подорвать мощь соперников и тем самым остаться на прежних позициях единственной сверхдержавы. Похоже, этот же путь может избрать и президент Д. Трамп (хотя его курс непредсказуем). Эти усилия США в последние несколько лет особенно увеличивают турбулентность в мире. При этом цена, которую мир заплатит за их амбиции, Соединенные Штаты, по всей видимости, не волнует. И хотя все чаще раздаются призывы, что США следует более трезво взглянуть на истинную цену якобы добрых намерений, оторванных от реальности [Хейвел 2015], американцы их не слышат.

Все это значит, что новый мировой порядок установится со значительными трудностями. Однако рано или поздно он установится, и это уже будет не американский мир. Но вопрос о том, не может ли «закат» США в конечном счете обернуться их новым «восходом», конечно, остается открытым и дискуссионным, тем более что очень многие американцы не хотят мириться с таким положением вещей. К тому же некоторая стабилизация американской экономики и активизация в традициях гегемонии внешней политики поддерживает надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь, либо на способность США сдержать соперников. Разного рода возможности поддержать лидерство Соединенных Штатов отмечают многие [см., например: Милн 2008; Кеннеди 2009; Бреммер 2015; Тройо 2015]. Насколько эти суждения обоснованны, мы рассмотрим ниже. «Сделаем Америку снова великой» – этот слоган Трампа одновременно выражает и осознание падения ее мощи, и абсолютное нежелание считаться с этим как с неизбежностью.

Необходимость нового порядка, проблемы переходного периода к нему и баланса сил. Бремя единственной сверхдержавы оказывается непосильным. Ей приходится считаться с тем, что ее воля сталкивается не просто с желаниями других наций, но уже с региональными, а то и мировыми интересами. Невозможно все время уверять, что интересы США – это интересы мира, немыслимо неопределенно долго нести бремя сверхдержавы, вмешиваясь во все [Бьюкенен 2015]. Неудивительно, что даже поддержание претензий на это становится непосильной задачей, а реакция на недостаток сил – все более нервной.

В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США беспочвенны: уменьшение могущества, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные обстоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. Как говорит знаток «великих держав» П. Кеннеди, этот уход будет долгим [Кеннеди 2009; см. также: NIC 2008; Закария 2009]. Кроме того, следует учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства [см., например: Закария 2009; Барбер 2014], но не диктата (см. ниже).

Действительно, ослабление лидерских функций США несет множество проблем. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-нибудь еще (от Индии до России; но чаще всего речь идет о Китае). Тем не менее это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий.

Наши предположения о принципах нового мирового порядка опираются на следующие выводы. Во-первых, на смену США не может прийти новый гегемон, который бы обладал таким же набором лидерских преимуществ, каким сегодня обладают Соединенные Штаты. А следовательно, потеря США статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка. И поэтому (а также и по многим другим причинам) утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом не ясны [подробнее об этом см.: Grinin 2009; 2011*a*; 2012*a*; 2012*b*; Grinin, Korotayev 2010*b*; 2011; 2015].

Во-вторых, ослабление лидерских возможностей Соединенных Штатов неизбежно и будет проявляться все заметнее при сохранении у США целого ряда преимуществ перед другими конкурентами в борьбе за лидерство [Закария 2009; Бреммер 2015; Бирлинг 2015]. В-третьих, мир в определенной мере заинтересован в «мягком» лидерстве США, но никак не в диктаторе, задача которого – любыми методами подорвать мощь соперников. В-четвертых, для перехода к новому состоянию мира придется «на ощупь» искать и формировать принципы и условия, создавать прецеденты и нужные комбинации. Следовательно, это будет трудный и долгий поиск. В-пятых, путь к новому мировому порядку связан с временным усилением турбулентности и конфликтности, нестабильности, борьбы различных версий нового порядка, то есть с наличием определенного мирового «беспорядка».

Таким образом, сегодня все отчетливее прослеживаются тенденции к тому, что новый мировой порядок будет иным, миром без гегемона, хотя он и будет включать в себя те или иные центры силы и влияния, среди которых, возможно, важнейшим будут оставаться США. Но они могут претендовать только на звание «первого среди равных», а не на роль сверхдержавы и гегемона [NIC 2008;

Закария 2009]. Соответственно, вырисовываются два сценария «ухода» США: 1) осмысленный и наиболее выгодный для них в долгосрочной перспективе путь строительства нового мирового порядка с максимальным сохранением своего влияния, но не диктата; 2) ожесточенная борьба США за сохранение статус-кво, включая всевозможные действия по подрыву и ослаблению соперников. Это будет неизбежно создавать постоянную напряженность и конфликтность. Пока создается впечатление, что США избирают второй путь (хотя очередной экономический кризис может заставить их свернуть на первый, правда, много времени и возможностей уже будет утрачено). Но даже при движении по второму пути США вынуждены будут все активнее маневрировать. Так или иначе, именно борьба вокруг гегемонии США и позиция Америки в отношении крупных и быстроразвивающихся стран будет составлять главную интригу современных глобальных противоречий[9].

Почему усиление «беспорядка» в известной мере если не неизбежно, то более вероятно, чем «мягкий» переход? Прежде всего потому, что движение к новому состоянию требует мудрости и компромиссов со стороны всех, особенно США. Однако мудрость всегда являлась дефицитным качеством в среде политических элит. И тем более в период заката могущества. Но есть и более глубокие причины. Радикальное изменение баланса экономических сил в мире, о котором мы говорили выше, создает объективные условия для пересмотра мирового порядка. Однако оно вовсе не влечет за собой автоматического изменения и военно-политического баланса. Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Очевидно, что вторая значительно опередила первую. И дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. Неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией мы назвали в свое время реконфигурацией Мир-Системы [см.: Гринин 2012*б*; 2012*а*; 2012*в*; Grinin, Korotayev 2012; см. также *Главу 9*].

Основные векторы этой реконфигурации − ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом – увеличение роли в мировой экономике и политике развивающихся стран. Проявляться

[9] Основная неопределенность состоит в том, как власти США будут отвечать на сигналы, противоречащие их точке зрения, что справедливо отмечал в 2008 г. Дж. Сорос [2009].

процесс реконфигурации в разных странах и регионах может по-разному, часто непредсказуемо. При этом надо иметь в виду, что такое подтягивание политической составляющей глобализации к экономической происходит рывками и означает более или менее сильные политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах мира. Мы рассматриваем кризисы и потрясения на Ближнем Востоке начиная с 2010 г., а также кризис на Украине именно как такие «реконфигурационные» кризисы, которые одновременно становятся и геополитическими, требующими изменения мирового порядка [Гринин и др. 2016]. При этом становится все более вероятным возникновение серьезных и внезапных кризисов также в других регионах. Внезапность их может быть сродни землетрясениям. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому, как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее пластичных участков земной коры на границах тектонических плит, такого же рода «реконфигурационные» кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». И Ближний Восток, и Украина относятся к таким регионам[10]. Поэтому можно предположить, что особенно сильные изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат именно на таких «стыках». Но неустойчивость проявляется и в ядре Мир-Системы, о чем свидетельствуют политические кризисы в ЕС (в частности, выход из него Великобритании и угроза выхода других стран), а также сложная политическая ситуация в США (связанная с выборами президента в 2016 г.), которая потенциально ведет к расколу общества.

Предшествующий формированию нового мирового порядка период подтягивания политической составляющей неизбежно втянет мир на определенное время (одно-два десятилетия) в турбулентную эпоху кризисов и усиления напряженности. Но экономическое развитие мира в этот период будет относительно слабым [Grinin 2009; Гринин 2012*в*; Grinin, Korotayev 2012; 2014*а*; 2015], становясь амбивалентным фактором, не только дополнительно усиливающим напряженность, но и склоняющим страны к сотрудничеству.

[10] На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Синьцзян), Западной Африки (на стыке «исламской» и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где кризис возможен, некоторые его симптомы уже проявляются (но это не значит, что кризис обязательно разразится).

Почему и как мировой порядок должен измениться

Сначала рассмотрим причины и направление вероятного изменения баланса сил. Необходимо четко различать два аспекта проблемы. Первый – объективные причины и тенденции, которые делают процесс изменения неизбежным. Второй – конкретный ход событий, предугадать который крайне сложно (здесь возможны временные и существенные победы США). И все же изменить ход событий радикально для США возможно только в случае, если они смогут вновь увеличить свою долю в мировом ВВП и других показателях, что пока представляется почти невероятным. Напротив, мы полагаем, что тенденция (пусть с колебаниями) более быстрого экономического роста развивающихся стран по сравнению с развитыми будет доминировать в ближайшие два десятилетия, что может необратимо повлиять на изменение мирового порядка. Чтобы лучше аргументировать данные идеи, рассмотрим в динамике, как трансформируются основные преимущества, позволяющие сегодня поддерживать гегемонию Запада, а именно: финансовое, технологическое и экономическое превосходство[11].

Финансовое преобладание – одно из самых главных преимуществ Запада, используемое в том числе и для обрушения экономики соперников. По объему оборота капиталов, мощи финансовых и банковских корпораций, стоимости активов и т. п. западные страны превосходят остальные государства едва ли не в той же степени, в какой ранее превосходили их в промышленном развитии. Также исключительно важным преимуществом западных стран являются свободно конвертируемые валюты. По мнению П. Кругмана [2013], странам с такими валютами можно не заботиться об объеме эмиссии и долгов. Действительно, в какой-то степени рост экономики Запада с 2008 г. в основном обеспечили именно финансовые технологии.

[11] Военное превосходство исключительно важно, оно позволяет проводить, выражаясь политическим жаргоном прошлого века, «дипломатию канонерок» и «политику большой дубинки», безнаказанно осуществлять карательные акции, наказывать непокорные режимы и т. п. Но все же военная сила в современных условиях – не тот инструмент, с помощью которого можно пытаться решить геополитические задачи в мировом масштабе. Тем более что тем или иным странам достаточно иметь хотя бы потенциальную возможность наносить ущерб армиям США или их союзников (для чего не нужен даже военный паритет), и военное превосходство уже перестает быть «последним доводом». Поэтому мы считаем, что для изменения баланса сил достаточно сокращения финансового и экономического неравенства между первым и третьим миром.

Преимущества западной валютно-финансовой системы являются важной частью современного мирового порядка [см., например: Сорос 2009]. В какой-то мере в последние два-три десятилетия возникло новое разделение труда в мире: финансовая деятельность сосредоточилась в США и западных странах, а промышленное производство (в том числе и в обрабатывающих отраслях) в большей степени перешло в развивающиеся страны. Но разрыв в финансовой сфере будет сокращаться и потому, что рост экономик развивающихся стран требует соответствующей финансовой базы, и потому, что рано или поздно значимость валют и финансовых центров этих государств возрастет. Сегодня западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Это своего рода ловушка, выход из которой неочевиден. Все это, особенно в связи с новыми финансовыми кризисами (которые неизбежны и могут обрушить надувшиеся «пузыри» акций и облигаций), в конечном итоге приведет к тому, что система международных расчетов, основанная на долларе, начнет трансформироваться, и это будет хорошей возможностью для изменения мировой валютной системы в целом. А с этим, естественно, уменьшится и превосходство Запада.

Технологическое превосходство. При сохраняющемся превосходстве Запада уровень его технологического отрыва все же уменьшается и продолжит сокращаться за счет следующих тенденций. Во многих крупных корпорациях и научных лабораториях работает большое число ученых и технических специалистов из развивающихся стран (которые, соответственно, становятся носителями инновационной информации и технологии). Многих специалистов приглашают развивающиеся страны, другие сами охотно ищут такие вакансии, поскольку на Западе вакансий недостаточно. Такие государства, как Китай, стали активно приобретать целые корпорации с их технологиями. КНР и другие продвинутые развивающиеся страны несут технологии в менее развитые общества. ТНК вынуждены переносить все больше технологий в развивающиеся страны и частично поощрять в этих государствах передовые научные исследования. И чем дальше развивающиеся страны продвинутся в культурно-научном отношении, чем больше там будет квалифицированных научно-технических кадров, тем активнее пойдет процесс переноса в них части исследований (где издержки на персонал су-

щественно меньше). Произойдет нечто похожее на перенос промышленных предприятий.

На формирование нового баланса значительно влияет технологическая составляющая, прорыв к инновационной экономике. Мы уже высказывали свои предположения, что новая мощная технологическая волна начнется в 2030–2040-е гг. [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin L., Grinin A. 2016]. И от того, кто возглавит («оседлает») новый технологический уклад, во многом зависят контуры нового мирового порядка, тем более если эти инновации конвертируются и в военное превосходство. Разумеется, США имеют шансы удержать свое лидерство в мире. Но вполне вероятно, что прорыв к новым технологиям произойдет на стыке первого и третьего мира, в каких-либо ТНК, принадлежащих одновременно и метрополии, и периферийным странам (что, кстати, будет вполне логично для глобального мира).

Однако даже в случае нового технологического рывка на Западе этим обществам с ограниченными трудовыми ресурсами и населением, которое все более отвыкает от работы на промышленных предприятиях, будет сложно развернуть какие-либо новые инновационные массовые производства только в собственных государствах. И тогда либо начнется новый виток деиндустриализации, когда оставшаяся индустрия будет сворачиваться и переводиться за рубеж (что опять-таки усилит развивающиеся страны), либо часть инновационных производств начнет разворачиваться в развивающихся странах. То есть даже если технологический отрыв Запада произойдет вновь, он не будет столь значительным и фатальным, как случалось ранее.

Экономическое превосходство Запада в настоящий момент выражается в более высоком уровне организации и производительности труда, доходов на душу населения, общей трудовой и деловой культуры. Однако этот разрыв все же постепенно сокращается, поскольку производительность труда в развивающихся странах растет существенно быстрее, чем в развитых. Мы полагаем, что такая тенденция будет продолжаться еще достаточно долгое время. Дело в том, что огромный рост производительности идет за счет притока сельского населения в промышленность и строительство, постепенной механизации сельского хозяйства. А в западных странах основные рабочие места создаются в сфере услуг, где рост производительности труда не слишком велик. При этом часть сфе-

ры квалифицированных услуг (программирование, менеджмент, бухгалтерия и т. п.) уходит в развивающиеся страны через информационные каналы (особого рода аутсорсинг, когда услуги оказываются людьми на удалении). В результате в западных странах уровень доходов весьма значительной части населения относительно низкий (ведь работа не слишком квалифицированная), он не увеличивается или растет медленно, что приводит к постепенному размыванию среднего класса. Последний ранее был основой стабильности общества в развитых странах. Теперь же разрыв в доходах в обществе увеличивается (что достаточно опасно), а в развивающихся странах постепенно уменьшается, так как средний класс растет.

Резко повысить производительность в сфере услуг (например, за счет ее роботизации) если и возможно, то в отдаленном будущем. Но в целом даже такие прорывы не смогли бы переломить ситуацию с сокращением разрыва между развивающимися и развитыми странами. Уже сам по себе огромный растущий рынок развивающихся стран при неизбежных колебаниях, откатах и кризисах обеспечит тренд на экономический рост, рост производительности и благосостояния их населения, хотя для этого потребуется несколько десятилетий.

Соответственно, экономическая структура Мир-Системы начнет перестраиваться, роль нынешнего ядра – уменьшаться.

Преимущества развивающихся стран. Третий мир начал движение к развитию, и его уже не остановить. С учетом его громадного населения это движение не может не быть грандиозным. Незападный мир составляет 6/7 всего населения нашей планеты и, что особенно важно, еще большую часть молодого населения (там живет примерно 7/8 молодежи мира). Развивающиеся экономики все заметнее настраиваются на рост, а население – на повышение своего образовательного, культурного, экономического уровня. При этом множество стран, в которых проживает примерно четверть населения планеты, пока мало затронуты стремлением к росту и улучшениям. Однако большинство из них рано или поздно осознают его необходимость. А в странах, которые уже начали свой подъем, до половины жителей придерживаются архаичного образа жизни. Иными словами, основная часть населения развивающихся стран фактически еще не включилась в подъем, в активное

стремление к росту, заработку, повышению квалификации. То есть резервы роста здесь огромные.

Такое включение будет более массовым уже на уровне поколения, которое сейчас молодо, при этом разрыв в численности молодежи между первым и третьим миром будет увеличиваться. Волна за волной будут подниматься развивающиеся страны. Многие из них уже сегодня превосходят по населению Германию и приближаются к Японии, а другие, такие как Бангладеш (166,3 млн), Индонезия (253,6 млн), Нигерия (177,3 млн), превосходят Японию, составляя от половины или трех четвертей населения США (324 млн). Не говоря уже об Индии с ее 1,3 млрд человек – больше, чем во всех развитых странах, вместе взятых. И население это будет заметными темпами расти далее.

Также следует иметь в виду, что рождаемость в этих странах сокращается, где-то быстрее, а где-то медленнее. Следовательно, с одной стороны, какое-то время за счет подрастающих детей численность молодежи и трудовых ресурсов будет увеличиваться, но далее количество детей сократится, то есть иждивенцев станет меньше, а работающих больше (тем более что женщины, имеющие меньше детей, смогут также работать). Это создает так называемый демографический дивиденд. Развитые страны (и Китай) его уже истратили, зато во многих развивающихся странах будет наиболее благоприятное соотношение работающих и иждивенцев. А пожилых людей окажется не очень много[12]. Это будет способствовать росту подушевого дохода. Таким образом, демографический аспект делает во многом неизбежным подтягивание развивающихся экономик к развитым, а в валовом отношении – к тому, что доля развивающихся стран станет существенно большей, чем развитых. На этом фоне проблемы обеспечения пожилых и престарелых людей на Западе будут только возрастать [см.: Гринин, Коротаев 2015; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015].

А в долгосрочном плане в условиях глобализации и все более тесного взаимодействия экономик, роста значимости ТНК и финансовых потоков в целом, именно объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь стран будут все заметнее определять баланс сил в мире и их влияние на формиру-

[12] Проблемы безработицы мы не касаемся, но ясно, что данная проблема при всей ее остроте будет в то же время способствовать активному развитию производства и притоку производительного капитала, то есть экономическому росту.

ющийся мировой порядок. Внимание западного бизнеса (прежде всего ТНК) в условиях численно стагнирующего и стареющего населения собственных стран будет неизбежно обращено на растущие рынки и увеличивающееся количество потребителей в развивающихся странах. Будет продолжаться перенос разных форм экономической деятельности в эти страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий развивающихся государств это сделает неизбежным изменение баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и о том, что среди населения развитых стран растет доля выходцев из развивающихся стран или их потомков. К этому времени их будет очень много, а их влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и связь со странами исхода возрастет[13]. И это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран (наряду с культурными, технологическими и валютными вливаниями из развитых государств).

Переходный период и противоречивые тенденции. Такой период всегда содержит в себе множество противоречивых тенденций. Так, например, в условиях глобализации тенденция к сокращению суверенных прерогатив, многие из которых отчуждаются добровольно (например, при вступлении в различные наднациональные объединения, мировые соглашения и т. п.), объективна [Гринин 2005; 2008*б*]. Однако в настоящий момент наблюдается некоторый пересмотр отношения к суверенным полномочиям, поскольку целый ряд стран начал активно отстаивать свой суверенитет в связи с угрозой внутренней нестабильности, исходящей от США (Гринин 2016*б*; Гринин, Коротаев 2016). Но эта борьба за сохранение вроде бы старых институтов на самом деле означает борьбу уже за новый мировой порядок. Рассмотрим противоречия переходного периода на примере ТНК.

Создание новых транснациональных союзов. ТНК и метрополии. Стратегия США в последние годы президентства Б. Обамы, направленная на сохранение гегемонии, была связана с созданием нескольких глобальных объединений, где Соединенные Штаты рассчитывали доминировать и выгодно использовать ресурсы входящих в них государств себе на пользу. Это Трансатлантическое

[13] В целом мы полагаем, что это будет одновременно снижать общий уровень в развитых странах, но способствовать их конвергенции с развивающимися [см. также: Бьюкенен 2015].

торговое и инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом (TTIP), Транстихоокеанское партнерство (TPP), договор по торговле услугами (TISA). Переговоры по последнему велись (и, возможно, все еще ведутся) в обстановке секретности. В октябре 2015 г. было объявлено о подписании Транстихоокеанского партнерства. Но это соглашение требовалось ратифицировать. Однако новый американский президент Д. Трамп денонсировал договор. Несомненно, это еще один шаг в направлении того ослабления влияния США на мир, о котором выше шла речь. Поскольку у членов данного союза есть объективная заинтересованность в нем, они продолжают консультации по развитию этого объединения. Возможно, в данном случае выиграет Китай, который было отстранили от участия в данном объединении.

В отношении двух остальных велось много споров об условиях. Общее мнение было о том, что эти соглашения более выгодны ТНК США, чем Европы. Однако есть и небезосновательное мнение, что Германия (как крупнейший экспортер) была заинтересована в них больше Соединенных Штатов (см., например, мнение Э. Тодда [Германская… 2016]). Если бы удалось создать все три объединения, то они бы объединили страны, производящие от 1/2 до 2/3 мирового ВВП (соответственно по паритету покупательной способности или по номиналу). США в этом случае получили бы определенную, хотя и не слишком большую, выгоду. Однако мы согласны с выводами некоторых обозревателей [см., например: Hedges 2015], что эти соглашения более выгодны ТНК США, чем американской экономике в целом. Американская экономика, напротив, может быть ослаблена расширением импорта и дальнейшим выводом производств из страны. Так что больше всего выиграют от этих партнерств, вероятно, такие быстроразвивающиеся страны, как Вьетнам или Малайзия. Именно из-за подобных опасений Трамп денонсировал договор. Но он, несомненно, нанес ущерб авторитету США, которые все серьезнее рассматриваются как недоговороспособные, готовые разорвать любые договоренности, если считают это выгодным.

Сказанное дает нам возможность продолжить тему роли ТНК в непреднамеренном ослаблении Запада и усилении развивающихся стран (происходящем помимо воли ТНК, просто потому, что они ищут наибольшую эффективность). По сути, в настоящее время ТНК уже нельзя рассматривать как принадлежащие только Западу.

Во многом они являются частью экономики незападных стран. Происходит определенный «отрыв» этих гигантских корпораций от метрополии, в которой им тесно, и вопреки своей воле они все больше «льют воду на мельницу» развивающихся стран. Точно так же английские технологии и капиталы «оплодотворили» в XIX в. подъем США, Индии, Канады, Австралии, а сама Англия перестала быть мировым лидером.

Да, США и европейские страны по-прежнему могут юридически воздействовать на ТНК в определенных отношениях (особенно в плане подключения к санкциям, соблюдения определенных правил, запретов на импорт технологий; подтасовывания статистики, использования рейтингов в политических целях, сотрудничества с разведкой). Но в подавляющем большинстве случаев они действуют свободно под влиянием тех импульсов, которые идут из разных секторов, рынков и движений. В связи с этим представляется, что с некоторого времени (в частности, с начала деиндустриализации и так называемой финансовой революции, то есть с 1980-х гг.) интересы ТНК и стран-метрополий постепенно расходятся. Как известно, корпорации имеют собственные цели [Гэлбрейт 1976], часто отличающиеся от общенациональных. Полагаем, что чем активнее будут расти незападные экономики и создаваться глобальные экономические объединения развитых стран с развивающимися, тем заметнее будет расхождение между интересами ТНК и экономик их стран-метрополий. Другими словами, представляется, что ТНК будут все активнее уходить на рынки развивающихся стран, если экономические возможности последних будут сулить им больше прибыли. Тем более если топ-менеджмент таких корпораций будут во все большей степени составлять неамериканцы и неевропейцы.

Эпоха новых коалиций и контуры нового мирового порядка. Переход к новому порядку – это всегда поиск новых комбинаций. Неудивительно, что процесс подтягивания политической составляющей также вызвал усиление стремления к поиску новых союзов и партнерств, часто непривычных, нелогичных и неустойчивых (что не отменяет, разумеется, стремления сохранить старые объединения). Это движение, как мы видели, захватило даже США, хотя ранее они считали себя самодостаточными. Отход от данного направления при Д. Трампе не свидетельствует, что Америка не вернется на этот путь. Этот процесс активного создания различных

союзов, комбинаций стран и их объединений мы назвали эпохой новых коалиций [см.: Гринин 2009*б*; 2012*в*]; он и станет основанием для формирования нового мирового порядка. Процессы формирования новых комбинаций и поиска новых оснований пойдут более активно после того, как острая фаза борьбы за сохранение гегемонии США в прежнем виде покажет неизбежность и разумность смены курса для этой страны (что уже прослеживается в заявлениях некоторых кандидатов в президенты).

Возможно, наиболее ярким примером процесса создания новых коалиций является БРИКС, которая появилась первоначально как фантазия экономиста, а затем обрела черты реального союза. При этом участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединения к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС. Это показывает, что страны будут участвовать в значительно большем количестве различных блоков, союзов и партнерств, чем сегодня, причем при активизации привлечения в союзы новых членов комбинации могут быть самыми разнообразными. В то же время в результате на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие союзы и коалиции порой могут представляться химерическими или эфемерными, что способно дополнительно усилить общую турбулентность.

По мере осознания начала формирования нового мирового порядка усилится конкурентная борьба за то, кто станет направлять процесс его формирования в мире и отдельных регионах. И тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства, для чего, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы конфликтов постепенно начнут приобретать иной вид. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил» (а при Д. Трампе, кажется, эта «игра» вступила в еще более острую фазу) мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором нужно устанавливать и поддерживать приемлемые и выгодные для всех правила игры. А это значит, что в самой концепции внешней политики постепенно, но очень неравномерно в ее практическом осуществлении откровенное преследование эгоистических интересов

государств станет занимать меньше места, чем сегодня[14]. Сказанное звучит утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты в политике как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового устройства. Вероятно, для этого потребуется пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных решений постепенно некоторые из новых наднациональных союзов и объединений могут превратиться из временных в постоянные, тем самым начнется выработка эффективных институциональных форм нового миропорядка. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права и новые общие принципы мирового порядка. А страны, продолжающие в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют.

Изменения, необходимые для формирования нового порядка

Итак, турбулентная эпоха должна в идеале привести к формированию нового баланса сил, к выработке основных принципов нового мирового порядка. Рассмотрим некоторые из этих принципов, на основе которых, возможно, он будет выстроен.

1. Система глобального влияния

Глобализация как объект регулирования и учета интересов. Мы полагаем, что именно глобализация, как бы к ней ни относились, станет экономической основой для продвижения в формировании нового мирового порядка, а также новые экономические кризисы должны усилить понимание необходимости искать новые принципы сосуществования, кооперации и регулирования. Для более устойчивого порядка необходимы некий консенсус и опора на

[14] Характерный пример – позиция США по парниковым газам, когда они очень долго отказывались брать на себя какие-либо ограничения, а недавно объявили о готовности их принять, что, естественно, вызывает недовольство представителей бизнеса (и сопротивление законодателей). Но важна позиция, выраженная президентом Б. Обамой, – США должны быть лидерами в «зеленых» технологиях и оставить потомкам Землю чистой. Отход от этих идей при Д. Трампе показывает, с одной стороны, отсутствие ясной линии в США, но с другой – усиливает в самих США борьбу сторонников и противников экологического направления.

принципы компромисса, такие как «в одной лодке», «друзья – соперники», «не использовать недопустимых средств» и т. п. То есть в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемого устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны быть оформлены в виде писаных или неписаных правил. Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов). Здесь, разумеется, откроется большой простор для попыток усилить позиции определенных стран и блоков. Поскольку в процессе глобализации роль ТНК очень велика, каким-то формальным образом должны быть определены и позиции этих корпораций. В целом нам представляется, что, с одной стороны, должна усилиться ответственность корпораций за их публичные действия. Так, сегодня заявление крупнейшего рейтингового агентства может обрушить валюту, а то и экономику даже большой страны. Эти возможности должны быть ограничены соответствующей ответственностью (и уже ограничиваются, например правилами ЕС). Но с другой стороны, ТНК могут получить некоторые дополнительные привилегии и права. Какие, пока не ясно, но понятно, что вокруг этого будет вестись довольно длительная и напряженная борьба. Еще одним серьезнейшим пунктом станет вопрос о мировой валюте, от решения которого зависит очень многое. Но, по-видимому, здесь движение будет двусторонним. С одной стороны, сохранятся и усилятся попытки развивающихся стран продвигать свои валюты и пытаться усилить их роль на международном финансовом рынке и пр., а с другой – грядущие мощные финансовые потрясения неизбежно приведут к хотя бы частичному пересмотру роли доллара в мире.

Усиление роли наднациональных союзов. О мировых регулирующих органах. Представляются вероятными следующие тренды: а) рост значения наднациональных организаций, представляющих интересы своих членов на мировой арене; б) некоторое упорядочение процесса трансформации национального суверенитета (в чем-то он сократится, в чем-то – усилится), так что национальное государство останется ведущим субъектом международно-

го процесса, но уже будет вынуждено сосуществовать с другими субъектами – наднациональными и транснациональными; в) возникновение смешанного характера «концерта» мировых игроков в виде государств, их различных союзов, а возможно, и каких-либо отдельных корпораций или организаций (подобно тому как в средневековых парламентах и органах были представлены сразу и территории, и корпорации, и города, и знатные люди и т. п.).

Если такого рода наднациональные союзы получат определенные возможности влиять на ситуацию в мире, а тем более формальное право голоса на международных форумах, то это, с одной стороны, усилит стремление в них вступать, с другой – более тесно сплотит их членов изнутри.

Разумеется, встает вопрос о каких-либо новых мировых институтах, которые позволяли бы претворять новые принципы в жизнь. Хотя старые мировые органы вряд ли смогут играть соответствующую роль, в то же время они едва ли будут демонтированы. Скорее, новые институты будут создаваться параллельно старым.

Новый мировой «концерт»? Итак, с одной стороны, система участников международной арены начнет постепенно трансформироваться, причем в сторону наднациональных акторов, с другой – разумеется, в ближайшие десятилетия трудно рассчитывать, что удастся создать систему, в которой могли бы эффективно участвовать все. Именно поэтому сокращение национального представительства за счет наднациональных объединений могло бы стать эффективным путем. Но в любом случае основную роль стали бы играть наиболее крупные наднациональные объединения и государства (последние могли бы быть представлены и самостоятельно, и от имени объединений).

Если новый порядок не будет ни однополюсным, ни двуполюсным, то соответственно, скорее всего, он будет представлять собой некий коллектив крупнейших игроков (стран и союзов). Нечто вроде G-x, то есть объединения трех – пяти – семи или более крупнейших держав и блоков, которые смогут каким-то образом обеспечивать и гарантировать новый порядок. Это могут быть, например, США вкупе с чем-то аналогичным Тихоокеанскому партнерству или каким-либо другим блоком, ЕС, Китаем, Индией, Россией. Либо последние три страны будут представлены также объединением БРИКС. Итоговый расклад сил может быть самым разным. То есть возникнет некий новый мировой «концерт» государств и надгосударственных союзов. Разумеется, всякого рода конфликты

и коллизии всегда будут иметь место, но все же наиболее крупным игрокам договориться будет проще. А чтобы порядок был устойчивым, тренд должен идти в сторону институционализации этого «концерта» (возможно, с учетом опыта ООН, но более эффективно оформленного, нечто вроде права вето с несколькими уровнями участия и разными правами).

2. О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов, новых принципов, способствующих уменьшению противостояния и стимулирующих сотрудничество. Сформулируем их краткий перечень.

1) Плюрализм политических режимов, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2) Отказ от насильственного навязывания институтов (в том числе и насаждения демократии).

Комментарий. Для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в условиях глобализации может оказаться ущербной и нестабильной. Только соревнование разных режимов позволит найти лучшие модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания ее любой ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необходимо признать, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в многонациональных и многоконфессиональных регионах, где не сложились устойчивые нации и государства и сильно влияние религии). Борьба с бедностью, болезнями, высокой смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведут к значительному прогрессу в области семейных и иных отношений в микросообществах даже в регионах с сильным влиянием ислама. Для этого демократии не требуется, тем более что уже есть общепринятые декларации, которые ведут к улучшению общественного статуса женщин и детей.

3) Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций. Это означает, что: а) социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях авторитаризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях, легитимируемых общепризнанными международными институтами.

4) Жесткое ограничение и регламентация использования санкций. Введение санкций должно быть жестко ограничено и помещено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.).

5) Запрет на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.

6) Гарантии государственных границ, ограничения всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни проводились. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7) Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. Важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как и увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

3. Некоторые предположения о принципах и механизмах формирования и существования нового порядка

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизовываются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Поскольку многие из этих союзов окажутся очень неустойчивыми, неизбежен некий естественный отбор прин-

ципов и форм, а равно идеологии и иных символических ресурсов этих объединений. Выскажем некоторые идеи о возможных формах и принципах объединения в наднациональных союзах (с учетом того, что никакой унификации здесь быть не может).

Кризис демократии и неизбежный поиск новых форм управления. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым[15], но в то же время посредством влияния на этих «более слабых» внешние силы могут воздействовать на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому принцип демократии скорее всего будет лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов. Тем не менее опыт ЕС крайне ценен (важно, в частности, понять, насколько работают принципы убывающей пропорциональности или совмещения интересов его малых и крупных членов).

Повышение роли экспертов. Эксперты и демократия. Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-то новых форм. Одно из наших предположений – рост роли экспертов и международных экспертных органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например в деятельности рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-то вроде экспертократии (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно, могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль. Например, если выдвижение экспертов на основании их профессиональных заслуг станет прерогативой национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний) либо результатом публичного избрания из числа предварительно отобранных профессиональными сообществами специалистов.

[15] При этом ряд новых членов ЕС становится источником миграции для крупных игроков и рынком для сбыта их товаров, в результате чего национальные экономики деградируют. Это весьма вероятно в любом объединении, и потребуется большая работа, чтобы найти формы, которые оптимизировали бы интересы крупных и мелких игроков в одной команде.

Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов и решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы, а также связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, воздействием на общество разного рода информационных технологий и т. п.). Важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, иметь возможность оперативного регулирования этих процессов. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, отвечающими уровню современного общества. Таким образом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать позиции цехов и гильдий позднего Средневековья.

Эксперты, в отличие от политиков, имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество. Кроме того, эксперты транснациональны, в отличие от политиков. Эксперты разных наций (если они объединены единым профессиональным этосом) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования.

* * *

Таким образом, есть много оснований полагать, что баланс сил в мире в целом в течение ближайших трех-четырех десятилетий существенно изменится в пользу стран, считающихся сегодня развивающимися, или их союзов. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия согласованных общих решений). И десятикратное превосходство в населении развивающихся стран над развитыми (каковое появится примерно к 2050 г.) будет сложно игнорировать.

В целом впереди нас ждут сложные и неспокойные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами. В то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу под структуру будущего мирового порядка. Тем не менее на долгий период самой главной останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и общемировых интересов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методы и материалы. Описание и методология Cross National Time Series (*CNTS*)

База данных The Cross National Time Series (CNTS) является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой А. Банксом (Banks, Wilson 2015; Wilson 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных The Statesman's Yearbook, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержатся около 200 переменных для более чем 200 стран, а также годовые значения переменных начиная с 1815 г., за исключением периодов двух мировых войн (1914–1918 и 1939–1945 гг.).

База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по 8 различным подкатегориям:

1. Политические убийства (*Assassinations*, domestic1).
2. Политические забастовки (*General Strikes*, domestic2).
3. Партизанские действия (*Guerrilla Warfare*, domestic3).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises*, domestic4).
5. Политические репрессии (*Purges*, domestic5).
6. Массовые беспорядки (*Riots*, domestic6).
7. Революции[1] (*Revolutions*, domestic7).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*, domestic8).

В этом разделе представлены данные начиная с 1919 г.

К политическим убийствам (*Assassinations*, domestic1) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения

[1] В реальности скорее перевороты и попытки переворотов.

на убийство высших правительственных чиновников или политиков.

К политическим забастовкам (*General Strikes*, domestic2) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К партизанским действиям (*Guerrilla Warfare,* domestic3) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима.

К правительственным кризисам (*Government Crises*, domestic4) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К политическим репрессиям (*Purges*, domestic5) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К массовым беспорядкам (*Riots*, domestic6) относятся любые выступления или столкновения, связанные с применением насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

К революциям (*Revolutions*, domestic7) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или их попытки. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в большинстве случаев речь здесь идет не о революциях в обычном понимании (нашу сводку определений революции см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2015), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную.

К антиправительственным демонстрациям (*Anti-Government Demonstrations*, domestic8) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимают участие 100 человек и более, а в ка-

честве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные 8 подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (domestic9). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (Табл. П.1).

Табл. П.1. Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
Политические убийства (*Assassinations*)	domestic1	25
Политические забастовки (*General Strikes*)	domestic2	20
«Партизанские действия» (*Guerrilla Warfare*)	domestic3	100
Правительственные кризисы (*Government Crises*)	domestic4	20
Политические репрессии (*Purges*)	domestic5	20
Массовые беспорядки (*Riots*)	domestic6	25
Перевороты и попытки переворотов (*Revolutions*)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*)	domestic8	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, domestic9) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу).

$$domestic9 = \frac{25\,domestic1 + 20\,domestic2 + 100\,domestic3 + 20\,domestic4 + 20\,domestic5 + 25\,domestic6 + 150\,domestic7 + 10\,domestic8}{8} * 100$$

Описание и методология расчета независимых факторов. Погодовые значения ВВП на душу населения по паритету покупа-

тельной способности в постоянных долларах 2011 г. были использованы согласно базе данных Всемирного банка (World Bank 2016*a*).

Для восстановления рядов данных с 1960 по 1990 г. был использован показатель роста ВВП на душу населения (World Bank 2016*b*). В итоге для тестирования гипотез были использованы данные с 1960 по 2015 г.

По значениям ВВП на душу населения по ППС были агрегированы группы стран по категориям доходов (на основе оптимизации методологии Всемирного банка [World Bank 2016*c*; 2016*d*] к рассматриваемому показателю).

На 2016-й фискальный год Всемирный банк выделял следующие группы стран по критерию средних уровней доходов на душу населения:

- страны/экономики с низкими доходами (*low-income economies/countries*) – с валовым национальным доходом (ВНД) на душу населения до 1045 долларов[2];
- страны/экономики низкого уровня среднего дохода (*lower middle-income economies/countries*) – с 1046 по 4125 долларов валового национального дохода на душу населения;
- страны/экономики высокого уровня среднего дохода (*upper middle-income economies/countries*) – с 4126 по 12 735 долларов на душу населения;
- страны/экономики с высокими доходами (*high-income economies/countries*) – с валовым национальным доходом на душу населения более 12 735 долларов (World Bank 2016*d*; 2016*e*).

Однако использование этой широко признанной классификации напрямую в нашем исследовании оказалось связано с двумя следующими проблемами:

1) в отличие от данных по ВВП, в базе данных Всемирного банка оказалось слишком большое количество невосстановимых пропусков для ВНД (в особенности для периода до 1980 г.); в силу этого в нашем случае оказалось более целесообразным взять за основу классификации данные не по подушевому ВНД, а по подушевому ВВП (которые нам удалось восстановить для подавляющего большинства стран на весь период 1960–2015 гг.);

2) деление стран мира по вышеупомянутой классификации Всемирного банка оказывается слишком неравномерным. Действи-

[2] Отметим, что при этом расчет ведется по специальной методике, известной как *Atlas method* (описание этой методики см.: World Bank 2016*b*).

тельно, и на страны с высокими доходами, и на страны с низкими доходами приходится примерно по миллиарду человек (что неплохо соответствует, с одной стороны, популярной в России идее «золотого миллиарда», а с другой – «нижнему миллиарду» [*the bottom billion*] П. Коллиера [Collier 2007]). На страны со средними доходами оказывается приходящимся все остальное население мира – около пяти миллиардов человек! Эта проблема была частично решена Всемирным банком путем разбивки стран со средними доходами на две категории – «страны с низкими средними доходами» и «страны с высокими средними доходами». Но и это решило вышеуказанную проблему лишь частично, ведь на каждую из двух последних категорий приходится больше населения, чем на страны с высокими и низкими доходами вместе взятые.

Для решения этой проблемы страны (а точнее, страно-годы) мира в период 1960–2015 гг. были сгруппированы нами в следующие шесть секстилей по ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в постоянных долларах 2011 г.):

Секстиль 1 – до 1660 долларов.

Секстиль 2 – 1660–3280 долларов.

Секстиль 3 – 3280–6470 долларов.

Секстиль 4 – 6470–12 100 долларов.

Секстиль 5 – 12 100–23 600 долларов.

Секстиль 6 – более 23 600 долларов.

При этом на 2014 г. корреляция между выделенными нами секстилями и группами стран по доходам согласно классификации Всемирного банка оказалась следующей (Табл. П.2).

Как мы видим, между выделяемыми Всемирным банком группами стран по подушевому ВНД и выделенными нами шестью секстилями стран по ВВП на душу населения наблюдается очень высокая корреляция (при подсчете ее силы при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена ее уровень достигает 0,924). В целом все страны первого секстиля оказались принадлежащими к группе стран с низкими доходами по классификации Всемирного банка, большинство стран второго и третьего секстиля – к группе стран с низкими средними доходами, большинство стран четвертого и пятого секстилей – к группе стран с высокими средними доходами, а практически все страны шестого секстиля – к группе стран с высокими доходами.

Табл. П.2. Корреляция между двумя классификациями

Секстили стран по подушевому ВВП		Выделяемые Всемирным банком группы стран по подушевому ВНД				Итого
		С низкими доходами	С низкими средними доходами	С высокими средними доходами	С высокими доходами	
	1-й	17	0	0	0	17
	2-й	10	15	0	0	25
	3-й	0	16	5	0	21
	4-й	0	12	17	0	29
	5-й	0	0	26	10	36
	6-й	0	0	3	42	45
Итого		27	43	51	52	173

Это позволило присвоить выделенным нами секстилям следующие обозначения, сохраняющие необходимую преемственность с широко принятыми обозначениями Всемирного банка:

- первый секстиль = страны с низкими доходами;
- второй секстиль = первая группа стран с низкими средними доходами;
- третий секстиль = вторая группа стран с низкими средними доходами;
- четвертый секстиль = первая группа стран с высокими средними доходами;
- пятый секстиль = вторая группа стран с высокими средними доходами;
- шестой секстиль = страны с высокими доходами.

К тому же для проверки различных гипотез был использован показатель, характеризующий тип политического режима в той или иной стране (автократии, промежуточные режимы и демократии), высчитанный по методологии Дж. Голдстоуна и его коллег (Goldstone *et al.* 2010) на основании данных обновленной Polity IV (2016).

Для проверки гипотезы относительно степени влияния образования на возникновение социально-политической дестабилизации был применен такой используемый Программой развития ООН для расчета индекса человеческого развития показатель, как «средняя продолжительность обучения» (*Mean years of schooling*) (Jahan 2015: 208–211). Согласно определению Программы развития ООН,

этот показатель представляет собой «среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности каждого уровня образования» (Джахан 2015: 211).

Для проверки влияния дохода на душу населения, количества лет обучения, типов режима на индексы социально-политической дестабилизации были использованы следующие децили по ВВП на душу населения: 1-й дециль – до 1160 долларов США; 2-й дециль – от 1160 до 1600 долларов; 3-й дециль – от 1600 до 2290 долларов; 4-й дециль – от 2290 до 3110 долларов; 5-й дециль – от 3110 до 4280 долларов; 6-й дециль – от 4280 до 5930 долларов; 7-й дециль – от 5930 до 7870 долларов; 8-й дециль – от 7870 до 10 500 долларов; 9-й дециль – от 10 500 до 14 400 долларов; 10-й дециль – от 14 400 до 20 000 долларов США.

Для проверки корреляции между ВВП на душу населения для стран с доходом с 16 000 до 23 000 долларов США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год были взяты следующие средние значения ВВП на душу населения: 1-я точка – от 16 000 до 17 000 долларов США; 2-я точка – от 17 000 до 18 000 долларов; 3-я точка – от 18 000 до 19 000 долларов; 4-я точка – от 19 000 до 20 000 долларов; 5-я точка – от 20 000 до 21 000 долларов; 6-я точка – от 21 000 до 22 000 долларов; 7-я точка – от 22 000 до 23 000 долларов; 8-я точка – от 23 000 до 24 000 долларов США.

Для проверки корреляции между ВВП на душу населения для стран с доходом выше 17 000 долларов США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год были взяты следующие децили ВВП на душу населения: 1-й дециль – от 17 000 до 18 700 долларов США; 2-й дециль – от 18 700 до 20 780 долларов; 3-й дециль – от 20 780 до 23 008 долларов; 4-й дециль – от 23 008 до 25 434 долларов; 5-й дециль – от 25 434 до 28 407 долларов; 6-й дециль – от 28 407 до 32 347 долларов; 7-й дециль – от 32 347 до 36 538 долларов; 8-й дециль – от 36 538 до 42 004 долларов; 9-й дециль – от 42 004 до 55 020 долларов; 10 дециль – более 55 020 долларов США.

Для проверки корреляции между ВВП на душу населения для стран с доходом до 6000 долларов и долей промежуточных режимов были взяты следующие средние значения ВВП на душу населения: 1-я точка – от 0 до 1000 долларов США; 2-я точка – от 1000

до 2000 долларов; 3-я точка – от 2000 до 3000 долларов; 4-я точка – от 3000 до 4000 долларов; 5-я точка – от 4000 до 5000 долларов; 6-я точка – от 5000 до 6000 долларов США.

Для проверки корреляции между уровнем образованности населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС на соответствующий год были взяты следующие средние значения количества лет обучения: 1-й дециль – до 1,92 года; 2-й дециль – от 1,92 до 2,88 года; 3-й дециль – от 2,88 до 3,7 года; 4-й дециль – от 3,7 до 4,6 года; 5-й дециль – от 4,6 до 5,5 года; 6-й дециль – от 5,5 до 6,5 года; 7-й дециль – от 6,5 до 7,54 года; 8-й дециль – от 7,54 до 8,53 года; 9-й дециль – от 8,53 до 9,72 года; 10-й дециль – более 9,72 года.

Для проверки корреляции между ВВП на душу населения для стран с доходом до 20 000 долларов США по ППС в странах с уровнем образования больше 6 лет и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. были взяты следующие децили по ВВП на душу населения: 1-й дециль – до 1160 долларов США; 2-й дециль – от 1160 до 1600 долларов; 3-й дециль – от 1600 до 2290 долларов; 4-й дециль – от 2290 до 3110 долларов; 5-й дециль – от 3110 до 4280 долларов; 6-й дециль – от 4280 до 5930 долларов; 7-й дециль – от 5930 до 7870 долларов; 8-й дециль – от 7870 до 10 500 долларов; 9-й дециль – от 10 500 до 14 400 долларов; 10-й дециль – от 14 400 до 20 000 долларов США.

Для тестирования гипотезы о ценах на нефть[3] как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами была выбрана цена на нефть марки *Brent* с 1960 по 2016 г., обезразмеренная относительно индекса потребительских цен в значениях 2014 г.; в качестве зависимой переменной была взята система показателей социально-политической дестабилизации базы данных *CNTS*[4], агрегированная по странам – экспортерам нефти, чья доля на мировом рынке составляет больше 1 %.

[3] В этом исследовании мы опирались на данные о мировых ценах на нефть марки *Brent*, так как цены на нефть именно этой марки наиболее важны для России. Вместе с тем из-за высокой степени связанности цен на нефть разных марок сходные результаты получаются и при использовании цен на две другие эталонные марки нефти – *WTI* и *Dubai Crude*.

[4] Напоминаем, что подробное описание этой базы данных приводится выше, в самом начале *Приложения.*

Описание и методология расчета цен на нефть марки *Brent.* Погодовые средние значения цены на нефть марки *Brent* были использованы согласно данным, предоставляемым *Energy Information Administration (EIA)*, подразделением Министерства энергетики США, независимым агентством в составе федеральной статистической системы США, ответственным за сбор, анализ и распространение информации об энергии и энергетике (EIA 2016).

Для перевода номинальных цен на нефть в реальные с учетом инфляции авторами был использован индекс потребительских цен, отнормированный на значение 2014 г. (World Bank 2016*f*).

Описание и методология подсчета чисел Вольфа. Погодовые числа Вольфа были использованы согласно данным, предоставляемым Королевской обсерваторией Бельгии – мировым центром по производству, сохранению и распространению данных по динамике солнечной активности (SILSO 2016).

Для корреляционного анализа было использовано годовое общее число Вольфа, получаемое путем вычисления простого арифметического значения ежедневных общих чисел солнечных пятен за все дни каждого года.

Ошибка значения:

Ежегодное стандартное отклонение индивидуальных данных является производным от суточных значений по той же формуле, что и ежемесячные средние:

sigma(m) = sqrt(SUM(N(d)*sigma(d)^2)/SUM(N(d))),

где sigma(m) – стандартное отклонение за один день и N(d) является числом наблюдений для этого дня.

Стандартная ошибка на ежегодные средние значения может быть вычислена путем:

sigma/sqrt(N), где sigma – стандартное отклонение и N – общее число наблюдений в год.

Примечание: стандартная ошибка такого типа дает меру точности, то есть чувствительность годового выражения к разным числам суточных значений со случайными ошибками. Неопределенность среднего или абсолютная точность вычисляется только на больших временных масштабах и, таким образом, не дается здесь для индивидуальных ежегодных значений.

В качестве основного метода тестирования использовался классический корреляционный анализ, однако при этом был проведен контроль на такую значимую переменную, как численность насе-

ления Земли, что действительно крайне необходимо, ведь в более многочисленном населении должно наблюдаться большее число социально-политических катаклизмов, чем в менее многочисленном. Между тем за рассматриваемый период (1946–2012 гг.) население Земли выросло с 2,5 млрд до 7 млрд. В связи с этим мы использовали не непосредственные показатели *CNTS*, а показатели, нормированные на население, например, если речь идет о демонстрациях, мы рассматривали не просто число крупных демонстраций, зафиксированных в *CNTS*, а число демонстраций на миллиард человек.

Библиография

Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. 2010. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Алаев Л. Б. 2000. *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Вост. лит-ра.

Анучин В. 1918. *«Социальный закон» (Закон периодичности в народных движениях)*. Томск: Тип. Губернского ведомства.

Аптикаева О. И., Гамбурцев А. Г. и др. 2012. Здоровье человека и гелиофизические факторы: сравнительный анализ динамики числа экстренных госпитализаций в психиатрические стационары Москвы и Казани. *Электронное научное издание Альманах «Пространство и время»* 1(2).

Арон Р. 1993. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст.

Барбер Л. 2014. Генри Киссинджер: «США должны сохранить лидерство, чтобы сохранить мировой порядок» (“The Financial Times”, Великобритания). *ИноСМИ* 9 сентября. URL: http://inosmi.ru/world/20140909/222867679.html.

Белишева Н. К., Попов А. Н., Петухова Н. В. 1995. Качественная и количественная оценка воздействия вариаций геомагнитного поля на функциональное состояние мозга человека. *Биофизика* 40(5): 1005–1012.

Белокопытов Ю. Н. 2014. Бессознательные параметры самоорганизации толпы. *Мир науки, культуры, образования* 4(47): 9–13.

Бехтерев В. М. 1921. *Коллективная рефлексология*. Петроград: Колос.

Бехтерев В. М. 1928. *Общие основы рефлексологии человека*. М.; Л.: Госиздат.

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска.* М.: Международные отношения.

Бирлинг Ш. 2015. Что нужно делать. *ИноСМИ* 19 ноября. URL: http://inosmi.ru/politic/20151119/234481311.html.

Брагинский О. Б. 2008. Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику. *Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д. И. Менделеева)* 52(6): 25–36.

Бреммер И. 2015. Чего мы ждем от США? *ИноСМИ* 16 июня. URL: http://inosmi.ru/world/20150616/228614822.html.

Бугаев Т. Д., Данилов А. С., Соркомов М. Н. 2010. Влияние солнечной активности на заболеваемость туберкулезом в Республике Саха (Якутия). *Здоровье и образование в XXI веке* 2: 140–141.

Бьюкенен П. 2015. Грядущее банкротство Америки. *ИноСМИ* 5 ноября. URL: http://inosmi.ru/world/20151105/231200867.html.

Валлерстайн И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.

Вернадский В. И. 1965. *Химическое строение биосферы Земли*. М.: Наука.

Витинский Ю. И., Копецкий М., Куклин Г. В. 1986. *Статистика пятнообразовательной деятельности Солнца*. М.: Наука.

Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д. 1998. Биофизика и история. *Биофизика* 43(5).

Германская Империя разрушит мир – Эммануэль Тодд. **2016.** URL: https://aftershock.news/?q=node/510307.

Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение.* М.: Изд-во Инта Гайдара.

Грантовский Э. А. 1987. Возникновение и развитие феодальных отношений в Иране. Держава Сасанидов и ее социальная структура. *История стран Азии и Африки в Средние века*: в 2 ч. / Ред. Ф. М. Ацамба, З. Г. Лапина, М. С. Мейер, с. 94–105. М.: Изд-во МГУ.

Грей Дж. 2008. Величие Америки рухнуло и раскололось на куски. *ИноСМИ* 1 октября. URL: http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html.

Григорьев П. Е., Афанасьева Н. А., Вайсерман А. М. 2009. Солнечная активность как фактор возникновения синдрома Дауна. *Экология человека* 11: 8–11.

Григорьев П. Е., Владимирский Б. М. 2007. Эффекты космической погоды в террористической активности. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Биология, химия»* 20(59/1): 28–46.

Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций). *Философия и общество* 1: 17–47.

Гринин Л. Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

Гринин Л. Е. 2006. Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 337–386. Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е. 2007*а*. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/ URSS.

Гринин Л. Е. 2007*б*. Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы

общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 219–246. М.: КомКнига/URSS.

Гринин Л. Е. 2008*а*. Национальный суверенитет в век глобализации. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* / Ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова, с. 104–128. М.: МГИМО-Университет.

Гринин Л. Е. 2008*б*. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания). *Полис* 1: 123–133.

Гринин Л. Е. 2009*а*. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.

Гринин Л. Е. 2009*б*. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гринин Л. Е. 2010*а*. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.

Гринин Л. Е. 2010*б*. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гринин Л. Е. 2010*в*. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюгляровских циклов. *История и Математика: Анализ и моделирование глобальной динамики* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 44–111. М.: ЛИБРОКОМ.

Гринин Л. Е. 2011*а*. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.

Гринин Л. Е. 2011*б*. Модернизационные ловушки в мировой динамике: история и современность. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин* 2: 206–226.

Гринин Л. Е. 2011*в*. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–356. М.: ЛИБРОКОМ.

Гринин Л. Е. 2012*а*. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гринин Л. Е. 2012*б*. Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.

Гринин Л. Е. 2012*в*. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

Гринин Л. Е. 2012*г*. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 222–262. Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е. 2013*а*. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира). *Век глобализации* 2: 63–78.

Гринин Л. Е. 2013*б*. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.

Гринин 2013*в*. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс). *Век глобализации* 2: 63–78.

Гринин Л. Е. 2015. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 3–17.

Гринин Л. Е. 2016*а*. *Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому. Государство и исторический процесс.* М.: URSS.

Гринин Л. Е. 2016*б*. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

Гринин Л. Е. 2017*а*. Русская революция и ловушки модернизации. *Полис* 4: 138–155.

Гринин Л. Е. 2017*б*. Российская революция и ловушки модернизации. *История и современность* 2 (в печати).

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013. Демократия и революция. *История и современность* 2(18): 15–35.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014*а*. Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014*б*. Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов). *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 15–73. Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система. *Кондратьевские волны: наследие и современность. Ежегодник* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 107–132. Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 78–117. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: ЛКИ/URSS.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2014. Остановится ли китайский взлет? *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС. Предварительные результаты* / Ред. А. А. Акаев и др., с. 277–336. М.: Красанд/URSS.

Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». *История и Математика: процессы и модели* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 134–210. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гринуэй Х. Д. С. 2008. Иллюзорность американского могущества. *ИноСМИ* 22 октября. URL: http://inosmi.ru/world/20081022/244810.html.

Гуляев М. Д., Готовцев И. И., Таймазов А. В., Цветков Д. С. 2011. Механизмы воздействия солнечного излучения и геомагнитного поля на организм спортсмена. *Ученые записки* 6(76): 32–36.

Гэлбрейт Дж. К. 1976. *Экономическая теория и цели общества.* М.: Прогресс.

Джахан С. (Ред.) 2015. *Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития*. Нью-Йорк; М.: Программа развития ООН, Весь Мир.

Дикарев А. Д. 1991. Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин. *Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время* / Ред. Г. Д. Сухарчук, с. 61–78. М.: Наука.

Думанский Ю. Д., Ногачевская С. И. 1992. Гигиеническая оценка влияний ЭМП высокой частоты на состояние иммунной реактивности организма. *Гигиена и санитария* 5: 34–37.

Дэвис Н. 2005. *История Европы.* М.: АСТ, Транзиткнига.

Закария Ф. 2008. Будущее американского великодержавия. Ч. 1. *ИноСМИ* 1 мая. URL: http://inosmi.ru/world/20080501/241108.html; ч. 2. *ИноСМИ* 5 мая. URL: http://inosmi.ru/world/20080505/241159.html.

Закария Ф. 2009. *Постамериканский мир будущего.* М.: Европа.

Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2013. Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 1: 105–118.

Илюшечкин В. П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука.

Кайгородова Н. З., Яценко М. В. 2001. Исходный уровень активации и эффективность умственной работоспособности в зависимости от индивидуально-типологических особенностей. *Валеология* 4: 20–23.

Капхен Ч. 2004. *Закат Америки. Уже скоро.* М.: АСТ, Люкс.

Кеннеди П. 2009. Конец американской эпохи? (“The Times”, Великобритания). *Новости Украины. События в мире.* URL: http://noviny.su/smi-00000249.html.

Кепель Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир.

Кирилюк И. Л., Малков С. Ю., Малков А. С. 2008. Экономическая динамика Мир-Системы. Взаимодействие стран с разными уровнями развития. *История и Математика. Модели и теории* / Ред. Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 102–119. М.: ЛКИ/URSS.

Киселев С. Л. 1997. *Гелиогеофизическое прогнозирование преступности и чрезвычайных ситуаций*. М.: ВНИИ МВД РФ.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия.* М.: Ладомир.

Киссинджер Г. 2002. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века.* М.: Ладомир.

Кларк Г. 2012. *Прощай, нищета. Краткая экономическая история мира*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Клименко В. В. 2003. История и климат в Средние века. *Восток* 1: 5–41.

Клименко В. В. 2009. *Климат*: *Непрочитанная глава истории*. М.: МЭИ.

Клэр М. 2015. Галлюцинации в Вашингтоне. Отчаянное положение угасающей сверхдержавы. *ПолиСМИ* 8 июня. URL: http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1149-gallyutsinatsii-v-vashingtone.html.

Ковельман А. Б., Гершович У. 2015. Война и мир в Талмуде: событие и его смысл. Ч. 2. *Вопросы философии* 8: 144–158.

Коротаев А. В. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко, с. 1483–1489. М.: РСО.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4: 72–94.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017*а*. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования: кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 1 (в печати).

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017*б*. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис* 2: 155–169.

Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–165. М.: Красанд/URSS.

Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 1 (в печати).

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010. Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. 3-е изд., с. 159–226. М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010*а*. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Динамика африканских обществ: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский, с. 65–80. М.: РГГУ.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010*б*. Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011*а*. Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп Weekly* 459–460: 3–35.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011*б*. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Ч. 1. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011*в*. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Ч. 2. *Азия и Африка сегодня* 7: 15–21.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011*г*. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–29.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012. Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев, с. 28–40. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2013. Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня* 4: 28–35.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2014. О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 243–263. М.: Красанд/URSS.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: УРСС.

Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014. Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев, с. 206–227. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Гринин Л. Е. (Ред.) 2014. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 5. Волгоград: Учитель.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(376): 119–127.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014. Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 5: 180–207.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.

Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007. *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.

Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014. Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 43–98. Волгоград: Учитель.

Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 210–276. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.

Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016. Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–51.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2010. Инвестиции в базовое образование как мера по предотвращению социально-демографических катастроф в развивающихся странах. *Системный мониторинг. Глобальные и региональные риски* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 301–314. М.: Ин-т Африки.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. Проекты

и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 45–88. М.: Красанд/URSS.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012. К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток versus Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–386. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 28–76. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Косминский Е. А. 1940. Дипломатия периода укрепления феодальной монархии. *История дипломатии.* Т. 1 / Ред. В. П. Потемкин и др., с. 134–166. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз.

Кругман П. 2013. Развитые страны не могут обанкротиться. *Личный счет. Журнал о ваших деньгах* 31 октября. URL: http://lcmedia.com.ua/news/pol-krugman-razvityie-stranyi-ne-mogut-obank rotitsya-6278.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. 1987. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени*. М.: Наука.

Кузнецов А. И., Кшуташвили Т. Ш., Колоколов А. С., Лазарев А. В. 1990. Квазирезонансные зависимости аритмогенного действия низкочастотного магнитного поля на сократительную активность миокарда. *Известия АН СССР. Серия Биология* 2: 178–183.

Ларисон Д. 2015. Четверть века интервенций (“The American Conservative”, США). *ИноСМИ* 28 мая. URL: http://inosmi.ru/world/20150528/228266813.html.

Мак-Нил У. 2008. *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.: Территория будущего.

Малков А. С., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2011. К математическому моделированию степенных и сверхстепенных распределений в социальных системах. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 277–304. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис* 4: 137–162.

Мартынюк В. С. 1992. К вопросу о синхронизирующем действии магнитных полей инфранизких частот на биологические системы. *Биофизика* 37(4): 669–673.

Мартынюк В. С. 1995. Временная организация живых организмов и проблема воспроизводимости результатов магнитобиологических исследований. *Биофизика* 40(5): 925–927.

Мартынюк В. С., Темурьянц Н. А. 2007. Экспериментальная верификация электромагнитной гипотезы солнечно-биосферных связей. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Биология, химия»* 20(59/1): 8–27.

Мерзлый А. М. 2012. Результаты эксперимента по оценке влияния геофизических факторов на показатели биоэлектрической активности мозга. *VI Международный конгресс «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине»*. СПб.

Милн С. 2008. Грузия – могила однополярного мира Америки. Вызывающее поведение России на Кавказе покончило с миропорядком Буша-старшего – вполне своевременно (“The Guardian”, Великобритания). *ИноСМИ* 28 августа. URL: http://inosmi.ru/world/20080828/243620.html.

Мир после кризиса. 2009. *Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США*. М.: Европа.

Назаретян А. П. 2001. *Психология стихийного массового поведения*. М.: Пер Сэ.

Назаретян А. П. 2005. Универсальная история и синдром Предкризисного человека. *История и синергетика: методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 139–163. М.: КомКнига/URSS.

Нефедов С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.

Новик О. Б., Смирнов Ф. А. 2012. Влияние магнитных бурь на электрические потенциалы коры головного мозга человека. *Тезисы Международной конференции «Влияние космической погоды на человека: в Космосе и на Земле»*. М.: Ин-т космических исследований РАН.

НТВ. 2008. Мирный митинг закончился побоищем. *НТВ* 7 марта. URL: http://www.ntv.ru/novosti/142267/video/.

Павлова Р. Н., Музалевская Н. И., Соколовский В. В. 1978. Некоторые биохимические аспекты действия слабых низкочастотных МП. *Реакция биологических систем на МП*, с. 49–58. М.: Наука.

Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в.* Дубна: Феникс+.

Пантин В. И., Лапкин В. В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+.

Паршина С. С., Токаева Л. К. и др. 2008. Солнечная активность и особенности гемореологических нарушений у больных стенокардией. *Саратовский научно-медицинский журнал* 1(4): 69–72. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/solnechnaya-aktivnost-i-osobennosti-gemoreologicheskih-narushe niy-u-bolnyh-stenokardiey.

Петрушевский И. П. 1977. Иран при Сасанидах. Образование раннефеодального общества. *История Ирана* / Ред. М. С. Иванов, с. 107–120. М.: Изд-во МГУ.

Побережников И. В. 2006. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН.

Путилов А. А. 1992. Неравномерность распределения исторических событий в пределах 11-летнего солнечного цикла. *Биофизика* 57(4): 629–635.

Русяев В. Ф. 1984. Действие электромагнитных полей на систему свертывания крови. *Электромагнитные поля в биосфере* / Ред. Н. В. Красногорская, с. 97–108. М.: Наука.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2012. *Моделирование и прогнозирование мировой динамики*. М.: ИСПИ РАН.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2016. *Качество образования, эффективность НИОКР и экономический рост. Количественный анализ и математическое моделирование*. М.: Ленанд/URSS.

Святский Д. О. 1917. О некотором состоянии солнечной деятельности и народных восстаний. *Известия Русского общества любителей мироведения* 6(6).

Сидякин В. Г. 1986. *Влияние глобальных экологических факторов на нервную систему*. Киев: Наукова думка.

Сказкин С. Д. 1940. Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI–XVIII веках. *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин и др. Т. 1, с. 171–185. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз.

Смелзер Н. 1994. *Социология*. М.: Феникс.

Сокотущенко Н. В. 2013. Влияние солнечной активности на социально-политические явления. *Энергетическая политика* 1: 60–66.

Сорокин П. А. 1992 (1925). Социология революции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество*, с. 266–294. М.: Политиздат.

Сорокин П. А. 2000. *Социальная и культурная динамика*. СПб.

Сорос Дж. 2009. *Первая волна мирового финансового кризиса. Промежуточные итоги. Новая парадигма финансовых рынков.* М.: Манн, Иванов и Фербер.

Стародубровская И., Мау В. 2004. *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.

Сташков А. М., Горохов И. Е. 1998. Гипоксическое и антиокислительное биологическое действие многодневного применения слабого и переменного магнитного поля сверхнизкой частоты. *Биофизика* 43(5): 807–810.

Тодд Э. 2004. *После империи. Pax Americana – начало конца.* М.: Международные отношения.

Токвиль А. 1997. *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд.

Травин Д., Маргания О. 2004. *Европейская модернизация*. М.: АСТ.

Тройо М. 2015. США – вновь развивающаяся держава. *ИноСМИ* 29 октября URL: http://inosmi.ru/world/20151029/231078067.html.

Уитни М. 2015. Еще один идиотский план навредить России. Америка формирует стартовую площадку. *ПолиСМИ* 23 апреля. URL: http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1110-eshchjo-odin-idiotskij-plan-navredit-rossii.html.

Урнов М. Ю. 2008. *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект-Пресс.

Филин Н. А 2012. Динамика межэлитного конфликта в Исламской Республике Иран (1989–2010 гг.). Арабская весна 2011 года. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 28–76. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Филин Н. А. 2013*а*. Исследование конфликта элит в современном Иране. *Власть* 2: 112–115.

Филин Н. А. 2013*б*. Политологическое исследование межэлитного конфликта в Иране (использование метода event-анализа). *Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А. З. Арабаджяна* / Отв. ред. Н. И. Мамедова, с. 27–39. М.: ИВ РАН.

Франк А. Г. 2002. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации.* Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Отв. ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.

Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций. *Полис* 1: 33–48.

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций.* М.: АСТ.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.

Хейвел К. В. Д. 2015. Пора подумать о цене западного вмешательства в кризис на Украине (“The Washington Post”, США). *ИноСМИ* 27 ноября. URL: http://inosmi.ru/world/20141127/224524451.html.

Хобсбаум Э. 1999. *Век революции. Европа 1778–1848.* Ростов н/Д.: Феникс.

Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 463–507. М.: ЛКИ/URSS.

Хохлов А. Н. 1972. Феодальная Цинская империя в XVII–XVIII вв. *Новая история Китая* / Ред. С. Л. Тихвинский, с. 13–100. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры.

Хэрланд Х. Н. 2015. США злоупотребляют силой на Ближнем Востоке. *ИноСМИ* 3 октября. URL: http://inosmi.ru/world/20141003/223404889.html.

Циолковский К. Э. 1962. *Собр. соч.*: в 4 т. Т. IV. М.

Цирель С. В. 2012*а*. Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 128–161. М.: ЛКИ/URSS.

Цирель С. В. 2012*б*. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах: Арабская весна 2011 года. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 162–173. М.: ЛКИ/URSS.

Цыганков К. В., Павленко В. Н., Цыганков А. В. 2007. Объяснение гелиобиологических закономерностей с позиций учения о функциональной ассиметрии головного мозга. *7-я Международная Крымская конференция «Космос и биосфера»*. Судак.

Чернышева О. Н. 1987. Влияние переменного магнитного поля промышленной частоты на состав липидов в печени крыс. *Украинский биохимический журнал* 59(3): 91–94.

Чижевский А. Л. 1915. *Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли.* Докл. в Моск. археологическом институте. М.

Чижевский А. Л. 1924. *Физические факторы исторического процесса*. Калуга: 1-я Гостиполитография.

Чижевский А. Л. 1930*а.* *Теория гелиотараксии*. М.

Чижевский А. Л. 1930*б.* *Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца*. М.

Шабашева С. В. 2013. *Влияние солнечной активности в пренатальном ортогенезе на соматические и психофизиологические особенности детей семилетнего возраста*. Кемерово.

Яковлев А. И. 2010. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках*. М.: URSS.

Aisen A., Veiga F. J. 2013. How Does Political Instability Affect Economic Growth? *European Journal of Political Economy* 29: 151–167.

Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L. 2013. *Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap. IMF Working Paper* No. WP/13/71. Washington, DC: International Monetary Fund.

Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel P. 1996. Political Instability and Economic Growth. *Journal of Economic Growth* 1(2): 189–211.

Alesina A., Perotti R. 1996. Income Distribution, Political Instability, and Investment. *European Economic Review* 40(6): 1203–1228.

Arceneaux N. 2014. *Small, Cheap, and out of Control. Reflections on the Transistor Radio*. New York, NY: Routledge.

Arrighi G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times.* London: Verso.

Arrighi G. 2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.

Artzrouni M., Komlos J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.

Attali J. 1991. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order.* New York, NY: Times Books.

Banks A. S., Wilson K. A. 2015. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: http://www.databanksinternational.com.

Barro R. J. 1991. Economic Growth in a Cross Section of Countries. *Quarterly Journal of Economics* 106(2): 407–443.

Barro R. J., Sala-i-Martin X. 1995. *Economic Growth*. New York, NY: McGraw Hill.

Barrows W. L. 1976. Ethnic Diversity and Political Instability in Black Africa. *Comparative Political Studies* 9(2): 139–170.

Beck C. 2014. Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory & Society* 43(2): 197−223.

Belkin A., Schofer E. 2003. Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution* 47(5): 594–620.

Bell C., Wolford S. 2015. Oil Discoveries, Shifting Power, and Civil Conflict. *International Studies Quarterly* 59(3): 517–530.

Bellin E. 2012. Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. *Comparative Politics* 44(2): 127–149.

Benos N., Zotou S. 2014. Education and Economic Growth: A Meta-Regression Analysis. *World Development* 64(C): 669–689.

Bernal-Verdugo L. E., Furceri D., Guillaume D. 2013. The Dynamic Effect of Social and Political Instability on Output: The Role of Reforms. IMF Working Paper WP/13/91. Washington, DC: Internatinal Monetary Fund.

Berrebi Z. M., Silber J. 1985. Income Inequality Indices and Deprivation: a Generalization. *The Quarterly Journal of Economics* 100(3): 807–810.

Bingham P. G. 1982. *Contemporary Democracies. Participation, Stability, and Violence*. Harvard: Harvard University Press.

Boix C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(04): 809–828.

Boudon R. 2016. *The Unintended Consequences of Social Action*. New York, NY: Springer.

Bouzid B. 2011. Using a Semi-Parametric Analysis to Understand the Occurrence of Coups d'état in Developing Countries. *International Journal of Peace Studies* 16(1): 53–79.

Bray F. 1984. *Agriculture.* In Needham J., *Science and Civilization in China.* Vol. 6. P. 2. *Biology and Biological Technology.* Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S. 1987. Capitalism, Socialism, and Democracy: an Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.

Buchanan P. J. 2002. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization.* New York, NY: St. Martin's Press.

Buhaug H. 2006. Relative Capability and Rebel Objective in Civil War. *Journal of Peace Research* 43(6): 691–708.

Buhaug H., Gleditsch K. S., Holtermann H., Ostby G., Tollefsen A. F. 2011. It's the Local Economy, Stupid! Geographic Wealth Dispersion and Conflict Outbreak Location. *Journal of Conflict Resolution* 55(5): 814–840.

Burch J. B., Reif J. S., Yost M. G. 1999. Geomagnetic Disturbances Are Associated with Redused Nocturnal Excretion of a Melatonin Metabolite in Human. *Neuroscience Letters* 266(3): 209–212.

Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S. 1994. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 903–910.

Burnham J. 1941. *The Managerial Revolution*. *What is Happening in the World*. New York, NY: John Day Co.

Butkiewicz J. L., Yanikkaya H. 2005. The Impact of Sociopolitical Instability on Economic Growth: Analysis and Implications. *Journal of Policy Modeling* 27: 629–645.

Butler C. K., Gates S. 2012. African Range Wars: Climate, Conflict, and Property Rights. *Journal of Peace Research* 49: 23–34.

Cai F. 2012. Is There a "Middle-Income Trap"? Theories, Experiences and Relevance to China. *China & World Economy* 20(1): 49–61.

Cederman L.-E., Hug S., Krebs L. 2010. Democratization and Civil War. *Journal of Peace Research* 47(4): 377–394.

Center for Systemic Peace. 2016. *Coup D'état Events, 1946–2015*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsAnnualv2015.xls.

Cha V., Anderson D. 2012. A North Korean Spring? *The Washington Quarterly* 35(1): 7–25.

Cherry N. J. 2003. *Suicide and Solar Activity Linked through the Schumann Resonance Signal.* Canterbury, NZ: Lincoln University.

Cipolla C. M. 1976. Introduction. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 7–21. London; New York, NY: Harvester Press – Barnes & Noble.

Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., van de Velde P. 2008. The Early State Today. *Social Evolution & History* 7(1): 245–265.

Claessen H. J. M., Skalník P. (Eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.

Claessen H. J. M., Skalník P. (Eds.) 1981. *The Study of the State.* The Hague: Mouton.

Clark G. 2007. *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Cliodynamics. 2012. Failes States and Nation-building. The Special Issue of Cliodynamics: *The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1). URL: http://escholarship.org/uc/item/3rt56959.

CNTS. 2016. *Cross-National Time Series Data Archive Coverage,* Databank International. URL: http://www.databanksinternational.com.

Cohen M., Wohlers A. 1998. Is There a Relationship between Sunspot Numbers and Psychiatric Admissions? In *Bioelectromagnetism. Proceedings of*

the 2nd International Conference, pp. 149–150. Piscataway, NJ: Institute of Electrical and Electronics Engineers.

Colgan J. D. 2010. Oil and Revolutionary Governments: Fuel for International Conflict. *International Organization* 64(4): 661–694.

Collier P. 2000. *Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy*. Washington, DC: World Bank.

Collier P. 2007. *The Bottom Billion*. Oxford: Oxford University Press.

Collier P., Hoeffler A. 1998. On Economic Causes of Civil War. *Oxford Economic Papers* 50(4): 563–573.

Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers* 56(4): 563–595.

Collins R. 2002. Geopolitics in an Era of Internationalism. *Social Evolution & History* 1(1): 118–139.

Cotet A. M., Tsui K. K. 2013. Oil and Conflict: What does the Cross Country Evidence Really Show? *American economic journal: Macroeconomics* 5(1): 49–80.

Cutright P. 1963. National Political Development: Social and Economic Correlates. *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by N. W. Polsby, R. A. Dentler, P. A. Smith, pp. 569–582. Boston: Houghton Mifflin.

Dahl R. A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press.

Danjibo N. 2013. The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa* 35(2): 16−34.

Davis J. A. 1959. A Formal Interpretation of the Theory of Relative Deprivation. *Sociometry* 22(4): 280–296.

Davies J. C. 1962. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.

Davies J. C. 1969. Toward a Theory of Revolution. Studies in Social Movements. *A Social Psychological Perspective* / Ed. by B. McLaughlin, pp. 85–108. New York, NY: Free Press.

Devitt C., Tol R. S. J. 2012. Civil War, Climate Change, and Development: a Scenario Study for Sub-Saharan Africa. *Journal of Peace Research* 49: 129–145.

Dobbins J., Jones S. G., Crane K., DeGrasse B. C. 2007. *The Beginner's Guide to Nation-Building*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Downing B. M. 1992. *The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Duff E. A., McCamant J. F., Morales W. Q. 1976. *Violence and Repression in Latin America: a Quantitative and Historical Analysis*. New York, NY: Free Press.

Dull T., Dull B. 1935. Zusammenhange zwishen Storungen des Erdmagnetimus und Haufungen von Todesfallen. *Deutsche Medizinische Wochenschrift* 61: 61–95.

Dutt P., Mitra D. 2008. Inequality and the Instability of Polity and Policy. *The Economic Journal* 118(531): 1285–1314.

DW. 2007. *Almost 1,000 Hurt After Anti-G8 Protests in Germany 7.03.* URL: http://www.dw.com/en/almost-1000-hurt-after-anti-g8-protests-in-germany/a-2573837.

Earth Policy Institute. 2010. *Oil Prices in 1970–2006*. URL: www.earth-policy.org/datacenter/xls/update67_5.xls.

Elkanj N. *et al.* 2014. Why is the Middle East Burning? An Historical Analysis of the Economic Causes of Conflicts from 1963 to 1999. *International Journal of Development and Conflict* 4(1): 35–48.

Ellingsen T. 2000. Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War. *Journal of Conflict Resolution* 44: 228–249.

Ellingsen T., Gleditsch N. 1997. Democracy and Armed Conflict in the Third World. *Causes of Conflict in the Third World* / Ed. by K. Volden, D. Smith, pp. 69–81. Oslo: North/South Coalition and International Peace Research Institute.

EIA – Energy Information Administration. **2016.** *Europe Brent Spot Price FOB (Dollars per Barrel).* URL: http://tonto.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRTE&f=A.

Epstein D. L., Bates, R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006. Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.

Erdogan A. 2013. From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations* 12(3): 17–31.

Ertel S. 1996. Space Weather and Revolutions. Chizevsky's Heliobiological Claim Scrutinized. *Studia Psychologica* 38(1/2): 3–22.

Esty D., Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. 1998. *State Failure Task Force Report: Phase II Findings.* McLean, VA: Sci. Appl. Int. Corp.

Fearon J. D. 2005. Primary Commodity Exports and Civil War. *Journal of Conflict Resolution* 49(4): 483–507.

Fearon J., Laitin D. 2003. Ethnicity, Insurgency and Civil War. *American Political Science Review* 97(1): 75–90.

Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1966. Aggressive Behaviors Within Polities, 1948–1962: a Cross-National Study. *Journal of Conflict Resolution* 10: 249–271.

Feitelson E., Tamimi A., Rosenthal G. 2012. Climate Change and Security in the Israeli – Palestinian Context. *Journal of Peace Research* 49: 241–257.

Fjelde H. 2009. Buying Peace? Oil Wealth, Corruption and Civil War, 1985–99. *Journal of Peace Research* 46(2): 199–218.

Foreign Policy. 2012. URL: http://www.foreignpolicy.com/failedstates.

Fragile States Index. 2015. The Fund for Peace. *Report* / Ed. by J. J. Messner. URL: http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf.

Francisco R. 1995. The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States. *Journal of Conflict Resolution* 39(2): 263–282.

Frank A. G., Gills B. K. (Eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.

Freedom House. 2016. Freedom in the World. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/methodology#.VeVBePntmko.

Friedman H., Becker R. O., Bachman C. K. 1963. Geomagnetic Parameters and Psychiatric Hospital Admissions. *Nature* 200: 62–128.

Fukuyama F. 2006. *Nation-Building: Beyond Afghanistan and Iraq*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Fuller G. E. 2004. *The Youth Crisis in Middle Eastern Society*. Clinton Township, MI: Institute for Social Policy and Understanding.

Galtung J. 1964. A Structural Theory of Aggression. *Journal of Peace Research* 1(2): 95–119.

Gates S., Hegre H., Jones M., Strand H. 2000. *Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800–1998*. Presented at the annual meeting of American Political Science Association, Washington, DC.

Giskemo G. G. 2008. *Exploring the Relationship between Socio-economic Inequality, Political Instability and Economic Growth: Why do We Know so Little?* Master Thesis. Department of Comparative Politics University of Bergen.

Gleditsch K. 2002. *All International Politics is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Gleditsch N. P. 2012. Whither the Weather? Climate Change and Conflict. *Journal of Peace Research* 49: 3–9.

Global Peace Index. **2016.** URL: http://visionofhumanity.org/indexes/global-peace-index/.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.

Goldstone J. 2001. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.

Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 11–12.

Goldstone J. 2011*a*. Cross-class Coalitions and the Making of the Arab Revolts of 2011. *Swiss Political Science Review* 17(4): 457–462.

Goldstone J. 2011*b*. Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90(3): 8–16.

Goldstone J. 2014*a*. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites Them? *Russia Direct.* URL: http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them.

Goldstone J. 2014*b*. *Revolutions. A Very Short Introduction.* Oxford: Oxford University Press.

Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Marshall M. G., Lustik M. B., Woodward M., Ulfelder J. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.

Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr., Unger A. N. 2000. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: http://www.cidcm.umd.edu/inscr/stfail/.

Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr. A. 2003. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).

Goldstone J., Kaufmann E., Toft M. 2012. *Political Demography.* Oxford: Oxford University Press.

Goodwin J. 2011. Why We Were Surprised (Again) by the Arab Spring. *Swiss Political Science Review* 17(4): 452–456.

Greene R., Kuswa K. 2012. From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly* 42(3): 271–288.

Grigoryev P., Rozanov V., Vaiserman A., Vladimirskiy B. 2009. Heliogeophysical Factors as Possible Triggers of Suicide Terroristic Acts. *Health* 1(4): 294–297.

Grinin L. E. 2004. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.

Grinin L. E. 2008*a*. Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.

Grinin L. 2008*b*. Early State in the Classical World: Statehood and Ancient Democracy. Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Ancient and Medieval Cultures / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, A. V. Korotayev, pp. 31–84. Moscow: URSS, KomKniga.

Grinin L. E. 2009. The State in the Past and in the Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 79(5): 480–486.

Grinin L. E. 2011*a*. Chinese Joker in the World Pack. *Journal of Globalization Studies* 2(2): 7–24.

Grinin L. 2011*b*. *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

Grinin L. E. 2012*a*. *Macrohistory and Globalization.* Volgograd: Uchitel.

Grinin L. E. 2012*b*. New Foundations of International System, or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? *Journal of Globalization Studies* 3(1): 3–38.

Grinin L. E. 2012*c*. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 24–157.

Grinin L. E. 2013. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.

Grinin L. E. 2016. Evolution of World Order. In *Evolution and Big History: Dimensions, Trends, Forecasts* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 75–95. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.

Grinin L. 2017. Complex Chiefdoms: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 195–232. Clinton Corners, NY: Eliot Werner Publications, Inc.

Grinin L., Grinin A. 2016. *The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems*. Moscow: Moscow branch of 'Uchitel' Publishing House.

Grinin L., Ilyin I., Andreev A. 2016. World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution & History* 15(1): 58–84.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010*a*. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010*b*. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2012. Does "Arab Spring" Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures. The Journal of Global Education* 68(7): 471–505.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013. The Origins of Globalization. *Globalization: Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin, pp. 2–32. Litchfield Park: Emergent Publications.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014*a*. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014*b*. Origins of Globalization in the Framework of the Afroeurasian World-System History. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 32–64.

Grinin L., Korotayev A. 2014*c*. Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, pp. 119–140. Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisherhouse Arostotelész).

Grinin L. E., Korotayev A. V. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer International Publishing.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. N. p.: Springer International Publishing Switzerland.

Grinin L., Tsirel S., Korotayev A. 2015. Will the Explosive Growth of China Continue? *Technological Forecasting and Social Change* 95: 294–308. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162514002236. Accessed May 20.

Gunter M. 2013. The Kurdish Spring. *Third World Quarterly* 34(3): 441–457.

Gurr T. 1968. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices. *American Political Science Review* 62(04): 1104–1124.

Gurr T. R. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Gurr T. R. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science* 68: 1482–1504.

Gurr T. R. 1988. War, Revolution and the Growth of the Coercive State. *Comparative Political Studies* 20: 45–65.

Gurr T. R. 2015. *Why Men Rebel*. Abingdon-on-Thames: Routledge.

Gurr T. R., Duvall R. 1973. Civil Conflict in the 1960s: A Reciprocal Theoretical System with Parameter Estimates. *Comparative Political Studies* 6(2): 135–169.

Gurr T. R., Lichbach M. I. 1979. Forecasting Domestic Political Conflict. *To Augur Well: Early Warning Indicators in World Politics* / Ed. by J. Singer, M. Wallace, pp. 153–194. New York, NY: SAGE Publications.

Haass R. N. 2008. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs* 5–6: 44–56.

Hall R. L., Rodeghier M., Useem B. 1986. Effects of Education on Attitude to Protest. *American Sociological Review* 51(4): 564–573.

Hardy M. A. 1979. Economic-Growth, Distributional Inequality, and Political-Conflict in Industrial-Societies. *Journal of Political & Military Sociology* 7(2): 209–227.

Hedges C. 2015. The Most Brazen Corporate Power Grab in American History. *Truthdig* November 06. URL: http://www.truthdig.com/report/item/the_most_brazen_corporate_power_grab_in_american_his.

Hegre H. 2014. Democracy and Armed Conflict. *Journal of Peace Research* 51(2): 159–172.

Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gledish N. 2001. Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992. *American Political Science* 95: 33–48.

Hegre H., Sambanis N. 2006. Sensitivity Analysis of Empirical Results on Civil War Onset. *Journal of Conflict Resolution* 50(4): 508–535.

Heinsohn G. 2003. *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag.

Hendrix C. S., Salehyan I. 2012. Climate Change, Rainfall, and Social Conflict in Africa. *Journal of Peace Research* 49: 35–50.

Hey J. D., Lambert P. J. 1980. Relative Deprivation and the Gini Coefficient: Comment. *The Quarterly Journal of Economics* 95(3): 567–573.

Ho Ping-ti 1956. Early-Ripening Rice in Chinese History. Economic History Review 9: 200–218.

Hoesterey J. 2013. Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. *Review of Middle East Studies* 47(1): 56–62.

Humphreys M. 2005. Natural Resources, Conflict, and Conflict Resolution: Uncovering the Mechanisms. *Journal of Conflict Resolution* 49(4): 508–537.

Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.

Ivanovic-Zuvic F., De la Vega R., Ivanovic-Zuvic N., Correa E. 2010. Association between Hospital Admissions due to Affective Disorders and Solar Activity. Analysis of 16 Years. *Revista medica de Chile* 138(6): 694–700.

Jaggers K., Gurr T. 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data. *Journal of Peace Research* 32(4): 469–482.

Jahan S. (Ed.) 2015. *Human Development Report 2015. Work for Human Development*. New York, NY; Washington, DC: UN Development Program – Communications Development.

Jenkins J. C., Wallace M. 1996. The Generalized Action Potential of Protest Movements: the New Class, Social Trends, and Political Exclusion Explanations. *Sociological Forum* 11(2): 183–207.

Jong-A-Pin R. 2009. On the Measurement of Political Instability and its Impact on Economic Growth. *European Journal of Political Economy* 25: 15–29.

Kay R. W. 1994. Geomagnetic Storms: Association with Incidence of Depression as Measured by Hospital Admission. *The British Journal of Psychiatry* 164(3): 403–409.

Keeley L. 1996. *War before Civilization.* New York, NY: Oxford University Press.

Kennedy P. 1987. *The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000.* New York, NY: Random House.

Khalberg F., Kornelissen G., Sotern R. B., Chaplitski E., Shvartskopff O. 2009. The 35-year Climatic Cycle in Heliogeophysics, Psychophysiology, Military Policy, and Economics. *Geofizicheskiye Protsessy i Biosfera* 8(2): 43–74.

Kharas H., Kohli H. 2011. What is the Middle Income Trap, Why do Countries Fall into it, and How can it be Avoided. *Global Journal of Emerging Market Economies* 3(3): 281–289.

Kissinger H. 2014. *World Order.* New York, NY: Penguin Press.

Kling M. 1956. Towards a Theory of Power and Political Instability in Latin America. *The Western Political Quarterly* 9(1): 21–35.

Kögel T., Prskawetz A. 2001. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.

Kohli H.A., Mukherjee N. 2011. Potential Costs to Asia of the Middle Income Trap. *Global Journal of Emerging Market Economies* 3(3): 291–311.

Komlos J., Artzrouni M. 1990. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.

Korotayev A. 2009. Compact Mathematical Models of the World System Development and Their Applicability to the Development of Local Solutions in Third World Countries. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 103–116.

Korotayev A. 2014. Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina, pp. 113–134. New Delhi: Narosa Publishing House.

Korotayev A., Grinin L. 2012. Kondratieff Waves in the World System Perspective. *Kondratieff Waves* 1: 23–64.

Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.

Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2014. The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 1999. Origins of Islam: Political-Anthropological and Environmental Context. *Acta Orientalia Hung* 53(3–4): 243–276.

Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006. *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS.

Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014. A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Trends and Cycles* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 201–267. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.

Korotayev A., Tsirel S. 2010. A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis. *Structure and Dynamics* 4(1): 3–57.

Korotayev A., Zinkina J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia*. *Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.

Korotayev A., Zinkina J. 2014. How to Optimize Fertility and Prevent Humanitarian Catastrophes in Tropical Africa. *African Studies in Russia* 6: 94–107.

Korotayev A., Zinkina J. 2015. East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31(3): 1–36.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011. Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.

Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.

Kurzman C. 2012. The Arab Uprising Uncoiled. *Mobilization. An International Journal* 17(4): 377–390.

Kuznets S. S. 1966. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven, CT: Yale University Press.

Kvaløy B., Finseraas H., Listhaug O. 2012. The Publics' Concern for Global Warming: a Cross-National Study of 47 Countries. *Journal of Peace Research* 49: 11–22.

Lang J., De Sterck H. 2014. The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. *Mathematical Social Sciences,* 69: 12–21.

Lavington S. 1998. *A History of Manchester Computers*. Swindon: The British Computer Society.

Le Monde. 2008. *Un monde multipolaire.* 24.09. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2008/09/24/un-monde-multipolaire_1098924_3232.html.

Lipa B. J., Sturrock P. A., Rogot E. 1976. Search for Correlation between Geomagnetic Disturbances and Mortality. *Nature* 259: 302–304.

Lipset S. M. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review* 53(1): 69–105.

Litsas S. 2013. Stranger in a Strange Land: Thucydides' Stasis and the Arab Spring. *Digest of the Middle East Studies* 22(2): 361–376.

Londregan J. B., Poole K. T. 1996. Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.

Lujala P. 2010. The Spoils of Nature: Armed Civil Conflict and Rebel Access to Natural Resources. *Journal of Peace Research* 47(1): 15–28.

MacCulloch R. 2004. The Impact of Income on the Taste for Revolt. *American Journal of Political Science* 48(4): 830–848.

MacCulloch R. 2005. Income Inequality and the Taste for Revolution. *Journal of Law and Economics* 48(1): 93–123.

Malkov A., Zinkina J., Korotayev A. 2012. The Origins of Dragon-Kings and their Occurrence in Society. *Physica A* 391(21): 5215–5229.

Malthus T. 1798. *An Essay on the Principle of Population, as it Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr Godwin, M. Condorcet and Other Writers*. London: J. Johnson.

Malthus T. 1978 [1798]. Population: The First Essay. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Mandelbaum M. 2005. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century.* New York, NY: Public Affairs.

Mansfield E., Snyder J. 1995. Democratization and the Danger of War. *International Security* 20(1): 5–38.

Marshall M. G., Cole B. R. 2008. *A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies.* Paper Presented at the 2008 Annual Meeting of the American Political Science Association. APSA.

Marshall M. G., Cole B. R. 2012. *Societal Systems Analysis and the Problem of Factionalism in Emerging Democracies.* Paper Presented at the 2012 Meeting of the International Studies and British International Studies Associations. Edinburgh.

Marshall M., Jaggers K. 2015. *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions 1800–2008.* URL: http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm.

Matthiesen T. 2012. A «Saudi Spring?»: The Shi'a Protest Movement in the Eastern Province 2011–2012. *Middle East Journal* 66(4): 628–659.

McAdam D. 2010. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. Chicago: University of Chicago Press.

McCaig C. D., Rajnicek A. M. 1991. Electrical Fields, Nerve Growth and Nerve Regeneration. *Experimental Physiology* 76: 473–494.

Mesquida C., Weiner N. 1999. Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences* 18: 113–117.

Midlarsky M. I. 1988. Rulers and the Ruled: Patterned Inequality and the Onset of Mass Political Violence. *American Political Science Review* 82(02): 491–509.

Miljkovic D., Rimal A. 2008. The Impact of Socio-Economic Factors on Political Instability: a Cross-Country Analysis. *The Journal of Socio-Economics* 37(6): 2454–2463.

Mitchell E. J. 1968. Inequality and Insurgency: A Statistical Study of South Vietnam. *World Politics* 20(03): 421–438.

Mitchell E. J. 1969. Some Econometrics of the Huk Rebellion. *American Political Science Review* 63(04): 1159–1171.

Moaddel M. 1994. Political Conflict in the World Economy: a Cross-National Analysis of Modernization and World-System Theories. *American Sociological Review* 276–303.

Moller H. 1968. Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.

Moore B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Moore B. 1978. *Injustice: the Social Bases of Obedience and Revolt*. White Plains, NY: ME Sharpe.

Moore E. 2012. Was the Arab Spring a Regional Response to Globalization? *E-International Relations*. URL: http://www.e-ir.info/2012/07/02/was-the-arab-spring-a-regional-response-to-globalisation.

Morgan W. R., Clark T. N. 1973. The Causes of Racial Disorders: a Grievance-Level Explanation. *American Sociological Review* 38(5): 611–624.

Muller E. N. 1980. The Psychology of Political Protest and Violence. *Handbook of Political Conflict and Research* / Ed. by T. R. Gurr, pp. 69–100. New York, NY: Free Press.

Muller E. N. 1985. Income Inequality, Regime Repressiveness, and Political Violence. *American Sociological Review* 47–61.

Muller E. N., Seligson M. A. 1987. Inequality and Insurgency. *American Political Science Review* 81(02): 425–451.

Muller E. N., Weede E. 1990. Cross-National Variation in Political Violence a Rational Action Approach. *Journal of Conflict Resolution* 34(4): 624–651.

Nafziger E. W., Auvinen J. 2002. Economic Development, Inequality, War, and State Violence. *World Development* 30(2): 153–163.

Nafziger E. W., Auvinen J. 2003. *Economic Development, Inequality and War: Humanitarian Emergencies in Developing Countries*. New York, NY: Springer.

Nagel J. 1974. Inequality and Discontent: a Nonlinear Hypothesis. *World Politics* 26(04): 453–472.

Nel P. 2003. Income Inequality, Economic Growth, and Political Instability in Sub-Saharan Africa. *The Journal of Modern African Studies* 41(4): 611–639.

Nepal M., Bohara A. K., Gawande K. 2011. More Inequality, More Killings: the Maoist Insurgency in Nepal. *American Journal of Political Science* 55(4): 886–906.

NIC – National Intelligence Council. 2008. *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: http://www.aicpa.org/Research/CPAHorizons2025/GlobalForces/Downloadable Documents/GlobalTrends.pdf.

NIC – National Intelligence Council. 2012. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: http://www.dni.gov/index.php/about/organization/global-trends-2030.

Nillesen E., Bulte E. 2014. Natural Resources and Violent Conflict. *Annual review of Resource Economics* 6(1): 69–83.

Nisbet R. A. 1968. *Tradition and Revolt: Historical and Sociological Essays.* New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Olson M. 1963. Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.

Østby G. 2008. Polarization, Horizontal Inequalities and Violent Civil Conflict. *Journal of Peace Research* 45(2): 143–162.

Østby G., Urdal H. 2010. *Education and Civil Conflict: a Review of the Quantitative, Empirical Literature. Background Paper to UNESCO's Education For All Global Monitoring Report 2011*. Oxford: Oxford University Press.

Paranzino D. 1972. Inequality and Insurgency in Vietnam: a Further Re-Analysis. *World Politics* 24(04): 565–578.

Parker G. 1997. *The Thirty Years' War.* New York, NY: Routledge.

Parvin M. 1973. Economic Determinants of Political Unrest. An Econometric Approach. *Journal of Conflict Resolution* 17(2): 271–296.

Peace and Conflict Instability Ledger: Ranking States on Future Risks. **2016.** Peace and Conflict. URL: http://www.cidcm.umd.edu/pc/.

Perkins D. H. 1969. *Agricultural Development in China, 1368–1968.* Chicago, IL: Aldine.

Perotti R. 1996. Growth, Income Distribution, and Democracy: What the Data Say. *Journal of Economic Growth* 1(2): 149–187.

Persinger M. A. 1999. Wars and Increased Solar-Geomagnetic Activity: Aggression or Change in Intraspecies Dominance? *Perceptual and Motor Skills* 88(3c): 1351–1355.

Persinger M., Schaut G. 1988. Geomagnetic Factors in Subjectie, Telepathic, Precognitive and Postmortem Experience. *American Society for Psychical Research* 82(3): 217–235.

Pfluger D. H., Minder C. E. 1996. Effects of Exposure to 16.7 Hz Magnetic Fields on Urinary 6-Hydroxymelatonin Sulfate Excretion of Swiss Railway Workers. *Journal Pineal Research* 21: 91–100.

Polachek S. W., Sevastianova D. 2010. Does Conflict Disrupt Growth? Evidence of the Relationship between Political Instability and National Economic Performance. *The Journal of International Trade & Economic Development* 21(3): 361–388.

Polity IV. 2016. *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2014.* URL: http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm.

Price J. 2001. *Thucydides and Internal War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Prosterman R. L. 1976. 'IRI': A Simplified Predictive Index of Rural Instability. *Comparative Politics* 8(3): 339–353.

PRS Methodology. **2016.** The PRS group. URL: https://www. prsgroup.com/wpcontent/uploads/2014/08/prsmethodology.pdf.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. 2000. *Democracy and Development*. Cambridge: Cambridge University Press.

Puddington A. 2015. A Return to the Iron Fist. *Journal of Democracy* 26(2): 122–138.

Raps A., Stoupel E., Shimshoni M. 1991. Solar Activity and Admissions of Psychiatric Inpatients, Relations and Possible Implications on Seasonality. *The Israel Journal of Psychiatry and Related Sciences* 28: 50–59.

Rayner R. M. 1964. *European History 1648–1789*. New York, NY: David McKay Company, Inc.

Regan P., Bell S. R. 2010. Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why are Anocracies More Prone to Civil Wars? *Political Research Quarterly* 63(4): 747–759.

Regan P., Norton D. 2005. Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars. *Journal of Conflict Resolution* 49(3): 319–336.

Reid T. 2008. National Intelligence Council Report: Sun Setting on The American Century. *Common Dreams* 21 November. URL: http://www.commondreams.org/news/2008/11/21/national-intelligence-council-report-sun-setting-american-century.

Rodkin M. V., Kharin E. P. 2014. On the Statistical Relationship Between Solar Activity and Spontaneous Social Processes. *Izvestiya. Atmospheric and Oceanic Physics* 50(7): 669–677.

Ross M. L. 2004*a*. How do Natural Resources Influence Civil War? Evidence from Thirteen Cases. *International organization* 58(1): 35–67.

Ross M. L. 2004*b*. What do we Know about Natural Resources and Civil War? *Journal of Peace Research* 41(3): 337–356.

Ross M. L. 2006. A Closer Look at Oil, Diamonds, and Civil War. *Annual Review of Political Science* 9: 265–300.

Ross M. L. 2012. *The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Roy O. 2012. The Islamic Counter Revolt. *New Statesman* 23(141): 27–28.

Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.

Russett B. M. 1964. Inequality and Instability: the Relation of Land Tenure to Politics. *World Politics* 16(03): 442–454.

Russo A. J. 1968. *Economic and Social Correlates of Government Control in South Vietnam*. Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Sala-i-Martin X. 1997. I Just Ran Four Million Regressions. *National Bureau of Economic Research Working Paper* 6252.

Sambanis N. 2001. Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? A Theoretical and Empirical Enquiry (part 1). *Journal of Conflict Resolution* 45: 259–282.

Sastre A., Cook M. R., Graham C. 1998. Nocturnal Exposure to Intermittent 60-Hz Magnetic Fields Alters Human Cardiac Rhythm. *Bioelectromagnetics* 19: 98–106.

Schock K. 1996. A Conjunctural Model of Political Conflict the Impact of Political Opportunities on the Relationship between Economic Inequality and Violent Political Conflict. *Journal of Conflict Resolution* 40(1): 98–133.

Shiba Y. 1970. *Commerce and Society in Sung China.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Center for Chinese Studies.

Sigelman L., Simpson M. 1977. A Cross-National Test of the Linkage between Economic Inequality and Political Violence. *Journal of Conflict Resolution* 105–128.

SILSO. 2016. World Data Center – Sunspot Number and Long-term Solar Observations. Royal Observatory of Belgium. *Monthly Report on the International Sunspot Number.* On-line Sunspot Number catalogue 28 January. URL: http://www.sidc.be/SILSO/.

Singer J. D., Wallace M. D. 1979. *To Augur Well: Early Warning Indicators in World Politics*. New York, NY: SAGE Publications, Inc.

Sinkaya B. 2015. Implications of the Arab Spring for Iran's Policy towards the Middle East. *Middle Eastern Studies* 6(2): 54−78.

Sornette D. 2009. Dragon-Kings, Black Swans and the Prediction of Crises. *International Journal of Terraspace Science and Engineering* 2(1): 1–18.

Soysa I. D., Neumayer E. 2007. Resource Wealth and the Risk of Civil War Onset: Results from a New Dataset of Natural Resource Rents, 1970–1999. *Conflict Management and Peace Science* 24(3): 201–218.

Spruyt H. 2000. The End of Empire and the Extension of the Westphalian System: The Normative Basis of the Modern State Order. *International Studies Review* 2(2): 65–92.

State Fragility Index. **2013.** URL: http://fundforpeace.org/fsi//

Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998. A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.

Stetson H. T. 1947. *Sunspots in Action*. New York, NY: Ronald.

Tanter R., Midlarsky M. 1967. A Theory of Revolution. *Journal of Conflict Resolution* 11(3): 264–280.

Taylor C., Jodice D. 1983. *World Handbook of Political and Social Indicators*. 3rd ed. New Haven, CT: Yale University Press.

Temple J. 1998. Initial Conditions, Social Capital and Growth in Africa. *Journal of African Economies* 7(3): 309–347.

The Failed States Index. **2011.** URL: http://www.fundforpeace.org/global/?q=fsi-grid2011.

The World Bank and the Development Research Center of the State Council of the People's Republic of China. **2012.** *China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society.* Washington: International Bank for Reconstruction and Development.

Tisdall S. 2008. America's Fall is a Dangerous Opportunity for its Enemies. *The Guardian* October 6. URL: http://www.theguardian.com/commentisfree/2008/oct/06/tisdallbriefing.usa.

Transistor Radios. *PBS Online* **1999.** URL: http://www.pbs.org/transistor/background1/events/tradio.html.

Treier S., Jackman S. 2008. Democracy as a Latent Variable. *American Journal of Political Science* 52(1): 201–217.

Turchin P. 2006. Scientific Prediction in Historical Sociology: Ibn Khaldun Meets Al Saud. *History & Mathematics*. *Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 9–38. Moscow: KomKniga.

Turchin P., Korotayev A. 2006. Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.

Ulfelder J., Lustik M. 2007. Modeling Transitions to and from Democracy. *Democratization* 14 (April): 351–387.

UNDP. 2016. *Mean Years of Schooling 1980–2014.* URL: http://hdr.undp.org/en/data.

Vladimirskii B. M. 2012. Kondrat'ev Long Waves and Cosmic Weather. *Geofizicheskiye Protsessy i Biosfera* 11(2): 71–84.

Vladimirskii B. M., Kislovskii L. D. 1995. Cosmic Rhythms in the History of Europe. *Biofizika* 40: 756–860.

Volpi F. 2014. Framing Political Revolutions in the Aftermath of the Arab Uprisings. *Mediterranean Politics* 19(1): 153–156.

Vreeland J. R. 2008. The Effect of Political Regime on Civil War. *The Journal of Conflict Resolution* 52(3): 401–425.

Weede E. 1981. Income Inequality, Average Income, and Domestic Violence. *The Journal of Conflict Resolution* 25(4): 639–654.

Weede E. 1987. Some New Evidence on Correlates of Political Violence: Income Inequality, Regime Repressiveness, and Economic Development. *European Sociological Review* 3(2): 97–108.

Wever R. A. 1973. Human Circadian Rhythms under the Influence of Weak Electric Fields and the Different Aspects of These Studies. *International Journal of Biometeorology* 3: 227–232.

Weyland K. 2012. The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? *Perspectives on Politics* 10(4): 917–934.

Wilson A. 2013. On the Margins of the Arab Spring. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice* 57(2): 81–98.

Wilson K. 2017. *User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International.

World Bank. 2010. *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

World Bank. 2016*a*. *Historical Classification by Income in XLS Format.* URL: http://databank.worldbank.org/data/download/site-content/OGHIST.xls.

World Bank. 2016*b*. *World Bank Atlas Method.* URL: https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/378832-the-world-bank-atlas-method-detailed-methodology.

World Bank. 2016*c*. *World Bank Country and Lending Groups.* URL: https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups.

World Bank. 2016*d*. *World Development Indicators Online,* Washington, DC: World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG.

World Bank. 2016*e*. *World Development Indicators Online,* Washington, DC: World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD.

World Bank. 2016*f*. *World Development Indicators Online.* Washington, DC: World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI.

World Bank. 2016*g*. *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.

World Gazetteer. 2011. *World Gazetteer Database.* URL: http://world-gazetteer.com/.

Yitzhaki S. 1979. Relative Deprivation and the Gini Coefficient. *The Quarterly Journal of Economics* 93(1): 321–324.

Zecca L., Mantegazza C., Piva F., Hagino N. 1995. Neutrasmitters in Brain Cortex of Rats Exposed to 50 Hz EMF. *Bioelectromagnetics* 19(1): 57–66.

Zinkina J., Korotayev A. 2014*a*. Explosive Population Growth in Tropical Africa: Crucial Omission in Development Forecasts (Emerging Risks and Way out). *World Futures* 70(4): 271–305.

Zinkina J., Korotayev A. 2014*b*. Projecting Mozambique's Demographic Futures. *Journal of Futures Studies* 19(2): 21–40.

Сведения об авторах

Билюга Станислав Эдуардович, аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования при ФГП МГУ. Область научных интересов: моделирование и прогнозирование социально-политического и экономического развития стран мира. E-mail: sbilyuga@gmail.com.

Васькин Илья Андреевич, стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: ilja-vaskin@yandex.ru.

Гринин Леонид Ефимович, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместитель директора Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, соредактор международных журналов *Social Evolution & History* и *Journal of Globalization Studies*, шеф-редактор журналов *Век глобализации* и *Историческая психология и социология истории*. Автор более 480 научных работ по философии, социологии, истории, антропологии, политологии, эволюционистике, экономике, включая 30 монографий, в том числе таких как *Государство и исторический процесс* (2-е изд. М.: URSS, 2009–2011), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2009; совместно с А. В. Коротаевым), *Глобальный кризис в ретроспективе* (М.: URSS, 2009; совместно с А. В. Коротаевым), *Macrohistory and Globalization* (Volgograd: Uchitel, 2011), *От Конфуция до Конта: становление теории, методологии и философии истории* (М.: ЛИБРОКОМ, 2012), *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке* (2-е изд., испр. и доп., М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2016; совместно с Л. М. Исаевым и А. В. Коротаевым); Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах (М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2016; совместно с А. В. Коротаевым), *Macrohistory and Globalization* (Volgograd: Uchitel, 2012); *Great Divergence and Great Convergence* (New York: Springer, 2015: совместно с А. В. Коротаевым), *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery* (Springer International Publishing, 2016; совместно с А. В. Коротаевым и А. Таушем), *The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems*

(Moscow: Moscow branch of Uchitel Publishing House, 2016; совместно с А. Л. Грининым).

Исаев Леонид Маркович, кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместитель заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Автор и редактор более 80 научных трудов, включая монографии *Египетская смута XXI века* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012; совместно с А. Р. Шишкиной), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012; совместно с А. Р. Шишкиной), *Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности* (М.: ЛИБРОКОМ/УРСС, 2014; совместно с А. Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с А. В. Коротаевым и А. Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с Б. А. Акаевой, А. В. Коротаевым и А. Р. Шишкиной). Область научных интересов: политические системы, политический процесс и политическая культура в арабских странах, Лига арабских государств, исламская политическая философия. E-mail: isleonid@yandex.ru. Интернет-сайт: www.hse.ru/user/staff/issaev.

Коротаев Андрей Витальевич, доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС. Автор более 450 научных трудов, включая такие монографии, как *Ancient Yemen* (Oxford: Oxford University Press, 1995); *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография. Экономика. Культура* (М.: КомКнига, 2007; совместно с А. С. Малковым и Д. А. Халтуриной), *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны* (М.: КомКнига, 2007; совместно с Н. Л. Комаровой и Д. А. Халтуриной), *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: ЛКИ, 2008; совместно с Л. Е. Грининым и А. В. Марковым), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: ЛИБРОКОМ, 2009; совместно с Л. Е. Грининым), *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-*

Системы (М.: URSS, 2012; совместно с Л. Е. Гринины), *Моделирование и прогнозирование мировой динамики* (М.: ЛКИ/URSS, 2012; совместно с А. А. Акаевым, В. А. Садовничим и С. Ю. Малковым), *Great Divergence and Great Convergence* (N. p.: Springer International Publishing, 2015; совместно с Л. Е. Гринины), *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery* (N. p.: Springer International Publishing, 2016; совместно с Л. Е. Гринины и А. Таушем). E-mail: akorotayev@gmail.com.

Мещерина Кира Владимировна, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник Института Африки РАН. Автор более 20 научных трудов, статей в СМИ по новейшей социально-политической истории и культуре арабских стран. E-mail: k.meshcherina@hotmail.com.

Слинько Елена Викторовна, кандидат философских наук, руководитель Центра исследований международного информационного агентства «Россия сегодня». Область научных интересов: сравнительное изучение ценностных ориентаций стран и регионов, факторы и типы политической нестабильности, влияние ценностей на политическую нестабильность. E-mail: eslinko@gmail.com.

Шишкина Алиса Романовна, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 30 научных трудов, в том числе монографий *Египетская смута XXI века* (М.: ЛИБРОКОМ, 2012; в соавторстве с Л. М. Исаевым), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: ЛИБРОКОМ, 2012; в соавторстве с Л. М. Исаевым), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* (М.: ЛЕНАНД, 2013; ред., совместно с А. В. Коротаевым и Л. М. Исаевым), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2013; ред., совместно с Б. А. Акаевой, А. В. Коротаевым и Л. М. Исаевым). Область научных интересов: права человека, демократический транзит, политические процессы в современном мире, социокультурное развитие. E-mail: alisa.shishkina@gmail.com.